

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Под редакцией проф. Н. А. Мещерского

*Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия для студентов
филологических факультетов университетов*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»
МОСКВА — 1972

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

арх. — архангельское	новоселк. — новоселковское
белг. — белгородское	олон. — олонечское
белоз. — белозерское	онеж. — онежское
борович. — боровичское	ончук. — ончуковское
брянск. — брянское	орл. — орловское
великолук. — великолукское	пенз. — пензенское
влад. — владимирское	перм. — пермское
вл. пов. — владими́ро-поволжское	петрозав. — петрозаводское
волог. — вологодское	печ. — печорское
ворон. — воронежское	пин. — пинежское
вятск. — вятское	повен. — повенецкое
гдов. — гдовское	помор. — поморское
горьк. — горьковское	пск. — псковское
дон. — донское	пудож. — пудожское
елец. — елецкое	путивл. — путивльское
жиздр. — жиздринское	ржев. — ржевское
заонеж. — заонежское	рост. — ростовское
иван. — ивановское	рыльск. — рыльское
ирк. — иркутское	ряз. — рязанское
казан. — казанское	сарат. — саратовское
калин. — калининское	свр. — северновеликорусское
калуж. — калужское	сев.-уральск. — североуральское
киров. — Кировское	смол. — смоленское
колом. — коломенское	срвр. — средневеликорусское
костр. — костромское	ставр. — ставропольское
куйб. — куйбышевское	тамб. — тамбовское
култук. — култукское	тихв. — тихвинское
курс. — курское	томск. — томское
лачск. — лачские	тотем. — тотемское
лен. — ленинградское	тул. — тульское
липец. — липецкое	ульяновск. — ульяновское
мез. — мезенское	урал. — уральское
мещ. — мещерское	устож. — устюжское
мосальск. — мосальское	череповецк. — череповецкое
моск. — московское	шенк. — шенкурское
мурм. — Мурманское	ювр. — южновеликорусское
новг. — новгородское	яросл. — Ярославское

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебное пособие «Русская диалектология» составлено в соответствии с программой курса русской диалектологии, разработанной на кафедре русского языка Ленинградского университета. Пособие предназначено для студентов филологических факультетов университетов и педагогических институтов. При создании пособия учитывались данные новой диалектологической литературы, списки которой прилагаются в конце каждой главы или раздела, а также материалы, добытые в полевых экспедиционных исследованиях, проводившихся коллективом ЛГУ в 1940—1960 годах. Авторы признают необходимым следовать теории фонем в изложении научной школы акад. Л. В. Щербы. В книге дается картина состояния русских говоров в наши дни, однако в тех случаях, когда это требуется для объяснения диалектных явлений современности, авторы опираются на данные истории русского языка.

Пособие создано коллективом авторов, работающих на кафедре русского языка Ленинградского университета. Глава первая (лингвистическая география) написана А. И. Корневым. Главу третью (фонетика) написал В. В. Колесов. Авторами главы четвертой (морфология) являются: Л. В. Капорулина, А. С. Герд, Г. Я. Сими́на, О. А. Черепанова. Главу пятую (синтаксис) написал В. И. Трубинский. Глава шестая, посвященная диалектной лексикологии и лексикографии, написана Л. А. Ивашко. Автором «Введения» и главы второй («Диалектное членение русского языка») является Н. А. Мещерский. Им же произведено и общее редактирование книги.

В процессе работы над книгой с отдельными ее главами знакомились доценты ЛГУ А. И. Лебедева и О. С. Мжельская, докт. филол. наук Л. В. Бондарко и доц. Псковского пединститута С. М. Глушкина. За ценные критические замечания авторский коллектив выражает им сердечную признательность. Авторы выражают благодарность официальным рецензентам издания: профессору МГУ К. В. Горшковой, Т. П. Ломтеву, доценту МГУ О. Г. Гецовой, доценту МГПИ им. В. И. Ленина Е. Н. Иваницкой и доктору филологических наук из Института русского языка АН СССР Л. П. Жуковской, пожелания и замечания которых учтены при подготовке учебного пособия к печати.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Определение диалектологии

Диалектология — это раздел науки о языке, иначе — лингвистическая дисциплина, изучающая диалекты (наречия, говоры) какого-либо языка. Диалектом (от греческого — *dialektos* разговор) называется «разновидность (вариант) данного языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей, связанных территориальной, профессиональной или социальной общностью и находящихся в постоянном и непосредственном языковом контакте»¹.

Язык современной развитой нации представляет собой сложную систему (или систему систем), в которую входят, с одной стороны, стандартная, обработанная, литературная разновидность данного языка, с другой — его диалекты. Отличаясь друг от друга и от литературного языка рядом характерных черт фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики, все диалекты одного языка образуют целостное единство общих присущих им особенностей, благодаря которым язык в целом может быть противопоставлен всем другим языкам. Таким образом, употребляя термин «общенародный язык», обычно имеют в виду все то общее, что объединяет между собою литературный язык нации и все диалекты этого языка.

Современная диалектология имеет дело преимущественно с территориальными вариантами языка, с территориальными диалектами, иначе — местными говорами в их современном состоянии и в историческом развитии, насколько это развитие удается проследить.

При изучении диалектов русского языка источниками являются, во-первых, непосредственные записи живой разговорной речи носителей говора, сельских жителей той или иной местности. Во-вторых, могут быть использованы древние письменные памятники, связанные своим происхождением с определенной территорией, как например, недавно найденные археологами при раскопках в Новгороде и в некоторых других городах грамоты на бересте. В-третьих, важное значение принадлежит «языку земли», топонимике, т. е. географическим названиям, распространенным на той или иной территории.

¹ А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 131.

Изучение диалектологии необходимо для понимания исторического развития языка. Диалекты часто сохраняют явления, которые по тем или иным причинам не удержались в литературном языке в процессе его сложения. Диалектология помогает осознать пути формирования литературного языка, образовавшегося на основе того или иного диалекта или их комплекса, и дает возможность установить связь между историей языка и историей народа. Изучение диалектов помогает глубже вникнуть в многообразие слов, форм и звуков современного языка на всем пространстве, занятом его носителями; способствует и более глубокому пониманию текстов художественной литературы, так как писатели в определенных стилистических целях используют диалектные слова и формы. Таким образом, диалектология составляет неотъемлемую и важную часть филологического образования.

§ 2. Основные понятия и термины диалектологии

Диалектология имеет дело со следующими основными понятиями и соответствующими им терминами: *говор, группа говоров, наречие*. *Говор* представляет собою мельчайшую единицу диалектного членения языка. Он реализуется в речи жителей одного населенного пункта (реже нескольких). Несколько говоров, характеризующихся близостью и общностью основных языковых черт, составляют *группу говоров*, или *диалектную группу*, например: ладого-тихвинская или вологодская группа северновеликорусского наречия. *Наречиями* же того или иного языка, состоящими в свою очередь из нескольких групп говоров, называются основные исторически сложившиеся разновидности языка, иначе — это совокупности диалектных групп, объединенных общими признаками и в то же время выступающих как части данного языка, например: северновеликорусское и южновеликорусское наречия русского языка. Термин «диалект» носит нерасчлененный характер употребления и может использоваться как для обозначения отдельного говора, так и их группы и целого наречия.

Следует предостеречь против ошибочного представления о диалектах, как об «испорченном» литературном языке, как о результате его искажения безграмотными крестьянами. Диалекты древнее, чем литературный язык. Они часто сохраняют древние черты общенародного языка, служа вместе с тем источником его непрерывного обогащения.

Современная диалектология оперирует таким понятием, как диалектное развитие. Под ним понимается такое явление языка, которое в отдельных говорах выступает в различных вариантах. Выделяют два типа диалектных различий: 1) непротивопоставленные и 2) противопоставленные. Непротивопоставленные различия — это явления, существующие лишь в одном говоре или группе говоров, например, слово «панёва» обозначает род женской юбки в некоторых южновеликорусских говорах и отсутствует во всех других говорах и в литературном русском языке; противопоставленные же различия представляют собою такие явления, которым в других говорах или в литературном языке соответствуют какие-либо иные аналогичные явления,

как например оканье в северновеликорусских говорах при аканье в южновеликорусских и в большинстве средневеликорусских говорах и в литературном языке. Непротивопоставленные диалектные различия чаще всего наблюдаются в лексике; противопоставленные же — в фонетике, в грамматике и в лексике¹.

Изоглосса (от греческих слов: *isos* — одинаковый, и *glossa* — язык) — это линия на лингвистической карте, показывающая границы распространения того или иного диалектного различия (см. об этом подробнее в гл. 1). Каждый говор или группа говоров определяется комплексом изоглосс, фиксирующих различные фонетические, грамматические и лексические явления, свойственные диалектам.

Литературный язык может быть противопоставлен диалектам по четырем основным признакам: а) по закреплённости в письменности; б) по подчинённости специально разработанным и кодифицированным языковым нормам; в) по охвату территории; г) по сферам и функциям общественного использования.

«Литературный язык всегда закреплён на письме». Его письменная форма служит наиболее характерным его проявлением. Письменная закреплённость сообщает всем аспектам литературного языка большую устойчивость по сравнению с диалектами. Местные же говоры, как правило, лишены письменной фиксации, а потому они подвижнее и изменчивее, чем литературный язык. Наряду с письменной формой литературного языка известна и его устная форма, реализуемая в живой речи людей, получивших образование. Письменная и устная форма литературного языка непрерывно взаимодействуют между собой.

Литературный язык — это, по словам М. Горького, язык, «обработанный мастерами»². Он во всех своих проявлениях подчиняется строгим нормам, будучи осознан учеными во всех своих деталях. Наиболее зримо эта подчинённость научно обоснованным нормам проявляется в письменной форме литературного языка, регулируемой правилами орфографии и пунктуации. Устная литературная речь тоже нормирована, подчинена своду правил орфоэпии. Грамматические нормы и нормы словоупотребления, зафиксированные в словарях, действуют как в письменной, так и в устной форме литературного языка. Диалекты же лишены осознанных и специально разработанных норм. Все стороны диалектной речи развиваются «стихийно», не будучи стеснены строго зафиксированными правилами. Разумеется, и говоры не лишены некоторой подчинённости общепринятым в данном языковом коллективе нормам, без этого говорящие на диалектах не понимали бы друг друга при общении. Однако эта подчинённость нормам воспринимается как «естественная», проистекающая из неписанного давнего обычая, не закреплённого в каких-либо сводах правил.

Литературный язык служит средством общения для всех членов данного этнического коллектива (народности или нации), независимо от территориальной соотнесённости или социальной их принадлежности.

¹ О диалектных различиях см. подробнее в кн. «Русская диалектология» (М., 1964, с. 11—14).

² Горький М. О литературе. М., 1953, с. 328.

Диалекты же различны и разнохарактерны, обслуживая потребности в общении лишь жителей одной деревни, села, района или области.

Наконец, литературный язык и диалекты взаимно противопоставлены и по сферам и функциям их общественного применения. Литературный язык призван обслуживать все общество во всех сферах производства, науки, культуры и общественной жизни. Будучи используем для различных общественных целей, литературный язык не может быть вполне одинаков и в сфере государственно-административной и судебно-правовой, и в сфере научной и учебной, и в сфере публицистической и художественной. Литературный язык выделяет в своей системе отдельные функциональные стили (их иногда называют «подъязыками»): деловой, научный, публицистический, художественный. Диалекты же используются почти исключительно в сфере бытового общения. В какой-то мере диалекты отражаются также и в устном народном творчестве (фольклоре). Однако язык фольклора обычно обладает в каждой отдельной местности, наряду с чертами, свойственными современным говорам, также и многими архаическими чертами, не связанными с какой-либо ограниченной территорией распространения.

В отличие от литературного языка местные говоры не выделяют из своего состава обособленные функциональные стили; говоры относительно однородны в стилистическом отношении, будучи используемы главным образом в непринужденном диалогическом общении между жителями одной и той же деревни. Частично могло наблюдаться использование диалектной речи и в сфере традиционного сельскохозяйственного производства, в прошлом характерного для единоличного крестьянского хозяйства. Впрочем проблема стилистической дифференциации диалектной речи остается почти не изученной.

§ 3. Язык и диалект на различных этапах общественно-исторического развития

В своем историческом развитии языки проходят следующие основные этапы: а) племенные языки; б) языки народностей; в) языки наций, или национальные языки. Названные этапы языкового развития не совпадают с основными сменяющимися друг друга общественно-экономическими формациями, но в какой-то мере соответствуют им. Так, языки племенные характерны для первобытно-общинного экономического строя. Переход человечества к классовому обществу связан с формированием народностей, образующихся из многих племен. Поэтому при рабовладельческом и при феодальном строе существуют и развиваются языки народностей, сложившиеся из многих племенных языков. Переходу от феодального строя к капиталистическому сопутствует формирование наций с присущими им национальными языками. Развитие наций и национальных языков продолжается и после смены капитализма социалистической формацией.

На первоначальном этапе развития языка, соответствующем первобытно-общинному экономическому строю, язык и диалект практически не различаются. По определению Ф. Энгельса, «племя и диалект по

существованию совпадают»¹. Иначе говоря, племенной язык осуществлял свои общественные функции лишь как диалект одного только племени. При этом не могло быть ни различий между письменной и устной формой языка, поскольку не было еще письменности, ни разграничений между нормированным литературным языком и «некодифицированными»² формами речевого общения, поскольку не могло существовать сознательно применяемых норм языка. На первоначальном этапе развития человечества не было и стилистической дифференциации, свойственной современным развитым литературным языкам.

С образованием народностей, при переходе к классовому строю, картина меняется. С появлением общественных классов и государств одни языки возвышаются до государственных, привилегированных языков, призванных обслуживать в официальной сфере общения громадные многоплеменные и многоязычные деспотии, например, греческий язык в империи Александра Македонского, другие же языки, принадлежащие поработанным племенам, стали рассматриваться как языки «варваров» (буквально — с греческого — «бормочущих»).

С появлением письменности одни языки, будучи закреплены на письме, уже в античную, рабовладельческую эпоху развивают в своей речевой системе богатую и разветвленную письменно-литературную форму, соответствующую высокому уровню культуры и науки (языки древнегреческий, латинский — в Европе; древнеегипетский в Африке; шумерский, ассиро-вавилонский, древнееврейский, древнеперсидский, санскритский, древнекитайский — в Азии; древнеацтекский — в Америке). Другие же языки, оставаясь бесписьменными, существовали только в разговорной форме, воплощавшей лишь устные произведения народного творчества, как например, казахский или киргизский языки до Великой Октябрьской социалистической революции.

На этом этапе общественно-языкового развития возникает принципиальное разграничение между языками народностей, с одной стороны, и диалектами, с другой. В то время как первобытным языкам-диалектам не была свойственна территориальная закрепленность, диалектная речь на позднейших этапах развития закрепляется за определенными территориальными ареалами³. В рабовладельческую эпоху литературно-письменные языки, достигшие положения языков государственных, продолжают, наряду с этим, свое развитие и в форме территориальных разговорных диалектов. При особых общественных условиях, как например, в античной Греции, эти диалекты иногда могли получать письменную фиксацию.

Еще сложнее картина общественного функционирования языков и диалектов в феодально-крепостническую эпоху. Свообразие этого пе-

¹ Э н г е л ь с Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — В кн.: Маркс К. и Э н г е л ь с Ф. Соч. Изд. 2, т. 21, с. 93.

² Под некодифицированными средствами речевого выражения понимаются диалектные, жаргонные и просторечные слова и формы, противопоставляемые нормам литературного языка.

³ Ареалами в диалектологии называют области распространения данных фонетических, грамматических или лексических явлений. См. А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов, с. 53.

риода заключается в том, что в большинстве стран мира функции официального письменно-литературного языка осуществлялись языками мертвыми, «классическими», унаследованными феодализмом от предшествовавшей ему рабовладельческой формации. Поскольку тогда господствующее положение в общественной идеологии принадлежало религии, постольку важнейшей функцией мертвых и чуждых народной речи официальных книжно-литературных языков становится обслуживание религиозных культов. В странах Западной Европы такое привилегированное положение в течение всего средневековья принадлежало латинскому языку. В Восточной Европе сходное, но не идентичное положение занимал древнеславянский литературно-письменный язык, удовлетворявший культовым и идеологическим потребностям всех средневековых южно- и восточнославянских народностей, а также предков теперешних румын, валахов и молдаван. В странах мусульманской культуры аналогичная роль принадлежала языку Корана, классическому арабскому языку.

Живые народно-разговорные языки в феодальный период обычно были связаны с жизнью и бытом простых людей, непривилегированных слоев феодального общества и развивались в форме территориальных диалектов. Правда, и в феодальную эпоху, как и в античности, в определенных общественных условиях местные народные говоры могли получать доступ в письменную форму языка, отражая тем самым феодальную раздробленность средневековых государственных образований, как это было, например, в Древней Руси в XIII—XV вв. Историки русского языка имеют поэтому возможность отличать друг от друга по территориальному происхождению письменные памятники данной эпохи, отмечая в их языке новгородские, псковские, полоцкие, смоленские и другие диалектизмы¹.

Как уже сказано, переход от феодально-крепостнической общественной формации к капитализму был повсеместно связан с консолидацией народностей в нации и в результате этого процесса с формированием национальных языков на основе ранее существовавших языков народностей. Для периода образования национальных литературных языков характерно преодоление отрыва официально-литературных форм языка от живой разговорной речи.

Феодально-крепостническая социально-экономическая формация хозяйственной замкнутостью отдельных районов и сословной отграниченностью различных слоев населения способствовала окончательному сложению и оформлению диалектов, закреплению границ между диалектными группами. Зарождение капитализма, обусловленное постепенным возникновением в недрах феодального строя капиталистических связей, формированием единого рынка, объединяющего друг с другом ранее обособленные районы и группы населения, исподволь кляло конец экономической, культурной и диалектной обособленности, создавая предпосылки для медленного и постепенного слияния, «концентра-

¹ Диалектизмами называют диалектные слова и формы, используемые в литературном языке с какими-либо определенными целями.

ции» диалектов¹. На смену диалектному дроблению языка приходит все усиливающаяся тенденция к сближению и взаимодействию между отдельными диалектами.

Обычно в процессе сложения национального языка один из его говоров занимает ведущее положение при диалектной консолидации, обогащаясь вместе с тем чертами других говоров данного языка, постепенно вливающих в него и сливающихся с ним. Часто таким господствующим диалектом становится говор наиболее выдающегося экономического, политического и культурного центра народности, перерастающей в нацию. Такова, например, роль парижского диалекта при формировании французского национального языка или говора лондонцев при образовании английского. В России, как полагает большая часть исследователей, подобная объединительная роль принадлежит говору Москвы, уже с XV в. складывавшемуся в качестве говора смешанного, средневеликорусского, понятного для носителей разных наречий и потому способного лечь в основу общенационального русского языка.

§ 4. Социальная дифференциация диалектов; «специальные» языки (арго)

Социальная структура феодально-крепостнического строя обусловила не только территориально-диалектное членение языка, но и социальную дифференциацию диалектов. При капитализме условия для подобной дифференциации также не устраняются полностью.

Нередко понятие «социальный диалект» противопоставляют понятию «диалект территориальный», как арго, или жаргон, — народному говору. Такое противопоставление является неточным и недостаточно обоснованным. Действительно арго, иначе — жаргоны, — вызывались к жизни социальной и сословной разобщенностью отдельных групп населения, свойственной эпохе феодализма. Однако природа этих явлений совершенно иная, чем природа территориально-диалектного членения языка. Арго, или жаргоны, лучше называть не социальными диалектами, а «специальными», или условными языками. Такими были, например, в дореволюционной России так называемый «офенский» (иначе «суздальский», «матройский», «галивонский») язык, применявшийся сельскими ремесленниками и торговцами для общения между собою в присутствии посторонних, а также «блатная музыка» — условный арго, выработанный уголовными преступниками для конспиративных переговоров между собою. Такие арго бытовали обычно на основе тех или иных территориальных диалектов или городского просторечия, не обладая собственной фонетикой и грамматическим строем и включая в свой словарный состав условную лексику, известную только членам данной социальной группы².

¹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Соч. Изд. 2, т. 3, с. 427.

² См. Бондалетов В. Д. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев. Автореферат докт. дисс. Л., 1966.

Что же касается социальной дифференциации языка и его территориальных диалектов в собственном смысле слова, то она, несомненно, тоже существовала как при феодализме, так и при капиталистическом строе. Об отличиях речи английских рабочих от речи буржуазии писал, например, Ф. Энгельс в труде «Положение рабочего класса в Англии» (1842 г.): «Рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия»¹.

Очевидно, в старой России тоже в пределах тех или иных территориальных диалектов имелись речевые различия между различными общественными прослойками сельского населения. Однако диалектологи прошлого на эту сторону языка обычно не обращали внимания и проблема социальной дифференциации диалектов осталась неизученной. Несколько больше мы можем узнать о некоторых узко сословных социально-диалектных различиях среди крестьянского населения до-революционной России. Так, например, отмечались отличия в речи однодворцев (так называли в крепостническую эпоху крестьян лично свободных) от речи «барских» крестьян, предки которых были помещичьими крепостными (см., например, работы Е. Ф. Будде, Д. К. Зеленина).

В наши дни наблюдается естественное различие между речью отдельных общественных прослоек населения современной деревни в зависимости от возраста, профессии и образования носителей говоров. Речь русских жителей села сегодня бесконечно разнообразна. С калейдоскопической пестротой варьируются в ней сочетания различных языковых явлений, восходящих, с одной стороны, к традиционным местным говорам², с другой, к литературному языку. Эти речевые элементы переплетаются и взаимодействуют между собою подчас самым причудливым образом. В современном речевом многообразии деревенских жителей естественно выделяются две полярные крайности. Это — речь людей старшего поколения, наиболее близкая к традиционному говору, и речь сельской интеллигенции, преимущественно молодежи, приближающаяся в той или иной степени к нормам литературного языка. Между данными крайними точками — неисчислимое множество промежуточных речевых разновидностей, различие между которыми определяется и возрастом говорящих, и их профессиональной специализацией, и образованием.

Речевые вариации в устах наших современников ближе всего охватываются понятием «полудиалект»³, занимая промежуточное положение между традиционным территориальным диалектом и литературным языком нации.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 2, с. 356.

² Под традиционными говорами русского языка понимается то их состояние, в котором эти говоры были впервые отмечены и описаны диалектологами XIX и начала XX в.

³ Под «полудиалектами» применительно к русскому языку имеются в виду те разновидности языка, которые употребляются коренным населением городов, расположенных в определенном диалектном окружении. См.: Русская диалектология. М., 1964, с. 7.

§ 5. Диалектология и история языка

Диалекты, наряду с памятниками древней письменности, выступают в качестве важнейшего источника при изучении истории языка. Характерная особенность сложного процесса исторического развития русского языка состоит в том, что отдельные говоры в силу ряда языковых, а также и внеязыковых (экстралингвистических) причин могут проходить свой исторический путь неравномерно. Под воздействием определенных условий, вызвавших в тот или иной исторический период обособление какого-либо отдельного говора или их группы, диалекты способны сохранять в течение более длительного срока такие языковые явления, которые в прошлом были присущи всему языку, однако в литературной его форме и в других говорах уже исчезли. Иногда же, наоборот, в том или ином говоре могут наблюдаться такие явления, которые остаются не характерными для языка в целом, представляя собою более последовательно, чем в литературном языке, проводимую инновацию (вновь развивающееся языковое явление).

Таким образом, структура современных русских говоров позволяет, с одной стороны, вскрыть в ней такие явления, которые давно утрачены литературным языком, а с другой, — наметить тенденции, присущие дальнейшему развитию общенародной языковой системы.

В качестве примера приведем факт сохранения в ряде современных говоров формы именительного падежа единственного числа существительного *свекры* (при литературном *свекровь*). В памятниках древнерусской письменности XI—XIV вв. широко известны подобные формы существительных старой основы на согласные: *свекры, любы, боуки* (буква) и т. п. Сопоставление показаний говора и древних памятников дает возможность утверждать, что те северновеликорусские говоры, в которых теперь наблюдается подобная форма, отражают более древнюю ступень развития данного языкового явления, чем литературный язык, в котором эта форма именительного падежа была вытеснена формой винительного падежа той же основы.

В области диалектной фонетики показателен, например, тот факт, что многие говоры сохранили в положении под ударением особый гласный звук, соответствующий древней букве «ять». В литературном языке данный гласный теперь совпал в своем произношении со звуком «е», однако не переходит под ударением и перед твердыми согласными в звук «о» (орфографическое «ё»): например, диалектное *лѣс*, при литературном *лес*; сравни: *несу* — *нѣс*. Древнейшие письменные свидетельства подтверждают эти наблюдения, что позволяет с уверенностью сказать: в древнейшую пору в русском языке существовал особый гласный звук, более узкого раствора и более верхнего подъема, чем фонема «е». Этот-то звук и изображался на письме буквой «ять».

Приведем еще пример чередования согласных *з — ж, к — ч*, восходящего к так называемому «первому смягчению заднеязычных», проявляющемуся, наряду с другими случаями, в формах глаголов настоящего времени первого спряжения: *могу* — *можешь*; *пеку* — *печешь*. В говорах, в отличие от литературного языка, нередко устраняется мена

согласных перед личными окончаниями: *могу* — *могешь*; *пеку* — *пекешь*. Встречаются и такие говоры, в которых морфологическое единство спрягаемой основы достигается через замену в ней последнего согласного: заднеязычного — шипящим — и в формах 1 л. ед. числа и 3 л. множ. ч.: *можу* — *можешь* — *можуть*; *печу* — *печешь* — *печуть* и т. п. Таким образом, говоры подобных типов показывают большую последовательность в проведении тех или иных инноваций, устраняя пережиточные явления (исторические чередования), сохранившиеся по традиции в литературном языке.

Перед исторической диалектологией (так мы называем историческое исследование диалектов, в отличие от синхронного их изучения) встают трудные задачи. Она должна показать, как на протяжении длительных эпох прошлого видоизменялась та или иная диалектная речевая система, какие явления и в силу каких причин возникали и отмирали в ней в определенные исторические периоды. Есть два пути исторического изучения говоров. Первый (собственно исторический) возможен лишь при наличии достаточного количества сохранившихся древних письменных памятников. Второй путь изучения (сравнительно-исторический) возможен и при отсутствии письменных свидетельств, оставленных прошедшими эпохами.

В качестве примера первого пути исторической диалектологии обратимся к уже упоминавшимся новгородским берестяным грамотам, на основании которых мы можем с большой точностью восстановить, какой была разговорная речь простых людей, жителей этого древнерусского города. Однако к языку письменных памятников прошлого следует относиться со значительной осторожностью, учитывая, что на письменную форму языка всегда оказывает воздействие устойчивая книжная традиция. Поэтому и те данные, которые извлекаются из древних памятников письменности, нуждаются в строгой проверке, в сопоставлении с современными территориальными диалектами.

Второй путь построения исторической диалектологии, возможный и при отсутствии письменных свидетельств прошлых эпох, — это путь исследования говоров при помощи сравнительного и ретроспективного их изучения. В таком случае исследователь, анализируя структуру современных говоров, снимает с них пласт за пластом различные новообразования, вскрывая за этими инновациями ту речевую систему, которая была присуща говорам в древности. При таком подходе нельзя ограничиваться каким-либо одним говором; необходимо привлечение наиболее широкого круга родственных диалектов и языков.

Историческая диалектология позволяет наилучшим образом исследовать историю русского языка как сложного, единого явления. Однако пока еще наша историческая диалектология делает лишь первые шаги.

§ 6. Диалектология и исторические дисциплины: история народа, этнография

Народные говоры, как и язык в целом, не только служат важным историческим источником для собственно историко-лингвистических исследований, но и помогают изучению истории народа. Прослеживая

территориальное распространение тех или иных современных диалектных явлений (т. н. изоглоссы — см. главу I) — занимаясь диалектографией, или иначе — лингвистической географией русского языка в его связях с другими славянскими языками, подкрепляя эти данные наблюдениями над современной и исторической топонимикой (названия местностей) и гидронимикой (названия рек, ручьев и других водоемов), — историки могут восстановить картины жизни народа в те отдаленные эпохи, когда еще не было письменных памятников. Так, данные русской и славянской диалектологии помогают историкам установить вероятную прародину славян, приурочив ее к районам современного украинского и белорусского Полесья (верховья рек Припяти и Западного Буга). Наблюдения подобного же рода позволяют раскрыть пути постепенного расселения древнейших славян, последовательность отпадения их отдельных ветвей от общеславянского единства. К таким выводам, например, можно придти, основываясь на наблюдениях над названиями животных, птиц, рыб и растений в современных восточнославянских говорах.

Среди исторических дисциплин к диалектологии ближе всех стоит этнография. Так называется наука, изучающая быт и культуру народов, населяющих земной шар, их происхождение, расселение и культурно-исторические связи между ними. Этнография органически сближается с историей народа, с археологией, с фольклористикой, с языкознанием, с диалектологией.

Наряду с характерными формами и покроем одежды, расположением и структурой сельских построек, наряду с народной музыкой и танцами, черты диалектной речи могут выступать в качестве сопутствующего признака той или иной этнической общности. При этом черты местного быта прежде всего отражаются в словарном составе диалекта, получая в нем свои специфические наименования.

Так, например, в северновеликорусских говорах для обозначения крестьянского дома повсеместно бытует слово *изба*. Многие же южно-великорусские говоры не знают этого слова, в них крестьянское жилище обозначалось словом *хата*. Между тем приведенные слова не являются простыми разнодиалектными синонимами для выражения одного и того же содержания. Между *избой* и *хатой* существуют различия и в самих обозначаемых реалиях (предметах): и в типе постройки, и в материалах, из которых она сооружалась, и во внутреннем расположении ее частей. Чтобы разбираться в таких отличиях, каждому диалектологу необходимо хорошо знать этнографию. Подобное мы наблюдаем и при обозначении многих других реалий старинного крестьянского быта, имевших свои наименования в говорах.

На этнографических и диалектологических картах СССР могут быть выделены отдельные территории, населенные определенными этническими коллективами, принадлежность к которым устанавливается на основании комплекса различных признаков, в том числе и на основании пучка изоглосс. Так, на северо-востоке нынешней Рязанской области, где когда-то в прошлом находились поселения финно-угорской народности мещера, впоследствии ассимилировавшейся

с русскими и утратившей свой первоначальный язык, до сих пор прослеживаются как особые черты русского говора, так и специфические формы женской крестьянской одежды. Подобные диалектные (и этнические) «острова» отмечаются и на территории Калужской области, где когда-то жило литовское племя голядь, и в других районах. Многие русские диалектологи прошлого изучали говоры в тесной связи с этнографией: в особенности интересны в данном отношении труды Н. П. Гринковой.

§ 7. Диалектология и методика преподавания русского языка

Знание говоров русского языка необходимо учителю-словеснику, работающему в городских, и особенно в сельских школах. Давно установлено, что у школьников, преимущественно в младших классах, ошибки в правописании нередко объясняются воздействием той диалектной среды, в которой эти учащиеся выросли и воспитались. Преподаватель русского языка обязан владеть нормами литературного языка, прививать эти нормы своим ученикам, следить за постоянным повышением культуры их устной и письменной речи. Однако правильно осознать природу и сущность отклонений от литературных норм в речи учащихся учитель сможет лишь тогда, когда будет хорошо знать особенности местной диалектной речи и понимать сущность диалектных речевых явлений. Даже работая в городской школе, преподаватель русского языка не огражден от возможности встретиться с отдельными пережитками диалектной речи у учащихся. Причем его положение в данном случае сможет оказаться еще более затруднительным, чем у учителя сельской школы, так как в городе можно встретить людей из самых различных местностей страны, почему в просторечии горожан нередко разнодиалектные черты. Чтобы понять все эти явления и подыскать ключ к исправлению речи учащихся, учитель должен знать характерные особенности всех говоров русского языка.

Так, связь с диалектными чертами можно, например, обнаружить в характерном для просторечия в Ленинграде смешения родительного и дательного падежей единств. числа существительных женского рода: «*был у сестре*», «*пошли к Нюры*» и под., или в неразличении форм дательного и творительного падежей во множественном числе: «*со огромным железным дубинам*» (из партизанского фольклора Ленинградской области). Чтобы заметить и исправить подобные речевые ошибки, учителю необходимо самым тщательным образом разобраться в причинах их появления в речи учащихся. Это возможно лишь при внимательном изучении русской диалектологии.

Таким образом, одной из основных задач филологического образования в наших вузах является привитие учащимся норм русского литературного языка в их отношении к диалектной речи. Эту задачу студенты-филологи смогут решить при том условии, если они проникнут в законы исторического развития языка, а именно такими знаниями и вооружает их курс русской диалектологии.

Литература

- Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949.
- Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967.
- Гринкова Н. П. Этнография и диалектология.— В кн.: Труды второго географического съезда, т. 3. М., 1949, с. 300—314.
- Десницкая А. В. Об историческом содержании понятия «диалект».— В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970, с. 349—371.
- Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Иванов В. В. Русские народные говоры. М., 1956.
- История русской диалектологии. М., 1961.
- Кузнецов П. С. Русская диалектология. Учебник для учительских институтов. Изд. 1. М., 1951; изд. 2. М., 1954; изд. 3. М., 1960.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970.
- Прохорова В. Н. Диалектизмы в языке художественной литературы. М., 1957.
- Русская диалектология. Изд. 2. М., 1965.
- Текучев А. В. Основы методики орфографии в условиях местного диалекта. М., 1953.
- Черных П. Я. Русская диалектология. Краткий очерк. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников пединститутов. М., 1952.

ГЛАВА I

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

§ 8. Предмет лингвистической географии

Лингвистическая география — один из разделов языкознания, который собирает и картографически фиксирует распространение тех или иных языковых явлений (звуков, грамматических форм, слов), показывая тем самым их пространственную соотносительность; сопоставляет и объясняет территориальные языковые особенности в связи с историей народа и историей языка. Лингвистическая география имеет дело, как правило, с территориальными диалектами. Одно из самых важных достоинств лингвистической географии — наглядность (карта ярко показывает места и границы определенных языковых явлений), поэтому первым этапом в работах по лингвистической географии является составление карты или атласа. Но и карта, и атлас — это лишь средство лингвистической географии. Цель ее — дать объяснение путям и закономерностям развития языка, истолковать, почему та или иная особенность сформировалась и сохранилась на определенной территории, следовательно, отталкиваясь от целого ряда отдельных фактов, привлекая данные истории, этнографии и физической географии, лингвистическая география должна дать цельную картину развития языка на определенной территории, т. е. объяснить причины возникновения и существования конкретного диалекта, а также объяснить особенности взаимоотношений диалектов на всей территории национального языка. Наконец, лингвистическая география должна ответить на ряд общелингвистических вопросов, в частности таких, как: существует ли диалект; если существует, то какова его природа и как определяются его границы, каковы взаимоотношения диалектов и общенационального языка, и др.

§ 9. Из истории развития лингвистической географии

Лингвистическая география появилась в середине XIX в. в странах, где диалектология успела сделать значительные успехи, где диалектологи сумели накопить достаточный фактический материал. Первые же опыты в области лингвистической географии показали, насколько

ко перспективен новый метод изучения языка. Лингвистическая география дала ученым новые факты, заставила по-новому оценить многие уже устоявшиеся к тому времени понятия, в частности предстояло по-новому решать вопросы о сущности диалекта, о характере взаимоотношений между говорами.

В России развитие лингвистической географии связано с именем И. И. Срезневского. Он в январе 1851 г. поставил вопрос о разработке этой научной отрасли. Им были сформулированы ближайшие задачи новой науки и намечены первоочередные меры по реализации этих задач. «Вопросы географические в языкознании — самые современные», — писал И. И. Срезневский. — «Исследовать, каким именно языком, наречием или говором говорит народ в том или другом крае, и каково именно было влияние местных обстоятельств на состояние языка в разных краях, — вот задача географии языка»¹. И. И. Срезневский называет важнейшие с его точки зрения вопросы лингвистической географии: «Вопросы о характеристических чертах каждого известного языка, наречия и говора с указанием изменений, которым они подвергались в течение времени. Вопросы о соотношении разделения народов и их частей на языки, наречия, говоры, с их устройством гражданским и политическим. Вопросы о значении языков, наречий и говоров по отношению к жизни общественной и к их употреблению для веры и законов, для словесности устной и письменной, для наук и промышленности. Вопросы о влиянии, которое производили одни-местные языки, наречия и говоры на другие, о том, как они мешались, как боролись, подавляли друг друга, как одни совершенно исчезали из своих мест и другие заступали на их место и т. п.»² Как видим, задачи, поставленные И. И. Срезневским, обширны и сложны: следует не только с возможной полнотой собрать наиболее характерный материал, но и объяснить многие явления с учетом историко-социальных особенностей развития и межъязыковых и междиалектных отношений. Задачи и методы, предложенные И. И. Срезневским, были новы не только для русской, но и для мировой диалектологии, и для выполнения их нужны были значительные усилия и время. Первым этапом, по мнению И. И. Срезневского, при реализации намеченной им программы должна быть «карта языков, наречий и говоров, карта, на которой место границ политических, религиозных и всяких других занимают границы лингвистического разнообразия народов»³. Но прежде чем идеи И. И. Срезневского начали в какой бы то ни было мере воплощаться в жизнь, прошло немало времени. Потребовалось собрать новый материал, значительно уточнить уже известные факты. Этот период характеризуется также тем, что стали подробно изучаться памятники письменности, носящие ярко выраженный местный харак-

---

¹ Срезневский И. И. Замечания о материалах для географии русского языка. — В кн.: Вестник имп. Русского географического общества, ч. I, кн. I. СПб., 1851, с. 3—4.

² Там же.

³ Там же.

тер. Диалектологи и историки языка приложили немало сил и умения при сборе и описании отдельных лингвистических явлений и сделали немало важных наблюдений, но их усилия были разрознены, выбор материала для исследования был во многом случаен. Ощущалась острая необходимость объединить русских лингвистов, привлечь их к выполнению работы, ставящей своей целью планомерное обследование по единой программе всей территории распространения русского языка. Это оказалось возможным лишь на следующем этапе.

Ко второй половине XIX в., благодаря работам лингвистов сравнительно-исторического направления, в частности — младограмматиков, утвердилось мнение, что диалект, ведущий свое начало от племенных языков, представляет собою единое целое с четко очерченными границами. Однако подробное обследование говоров на местах и картографирование собранных материалов показало, что границы отдельных диалектных различий редко совпадают между собою. Это заставило пересмотреть традиционную концепцию диалекта и вызвало к жизни новое научное направление, получившее название лингвистической географии. В развитии данного направления значительны заслуги немецких и французских лингвогеографов, оказавших существенное влияние на дальнейшее движение диалектологической мысли. Из числа немецких ученых следует назвать Георга Венкера (1852—1911), Ф. Вреде, П. Мейера и др. Основателем лингвистической географии во Франции признается Жан Жильерон (1854—1926), совместно с Э. Эдмоном составивший «Лингвистический атлас Франции» (Париж, 1905). Благодаря трудам этих ученых, были уточнены основные положения диалектологии как науки и введены такие понятия, как «изоглосса», «пучок изоглосс» и др. Главным положительным выводом из методов лингвистической географии заключается в том, что следует наносить на лингвистические карты не границы целостных диалектов или диалектных групп, а лишь распространение отдельных конкретных диалектных явлений.

Следующий значительный этап в развитии русской лингвистической географии (конец XIX — начало XX в.) связан с именами академиков А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, опиравшихся на достижения зарубежных лингвистов, и с деятельностью Московской диалектологической комиссии. А. А. Шахматов не только внес значительный вклад в развитие лингвистической географии личными исследованиями, но и был выдающимся организатором научно-исследовательской работы русских диалектологов. Он организует при Отделении русского языка и словесности (ОРЯС) императорской Академии наук центр диалектологических исследований и является руководителем составления программы для собирания диалектных данных. «Программа для собирания особенностей народных говоров» состояла из двух частей, вышедших отдельными выпусками: 1-й выпуск — «Программа для собирания особенностей говоров северновеликорусского наречия» (1895), 2-й выпуск — «Программа для собирания особенностей говоров южновеликорусского наречия» (1896). Позже, в 1900 г., они были объединены в одну под названием «Программа для собирания особенностей великорусских говоров». Появление «Программы» явилось значительным событием в

истории русской диалектологии. В ней были обобщены сведения о русских говорах, имеющих к тому времени в распоряжении русских лингвистов, были систематизированы важнейшие диалектные особенности русского языка в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики, кроме того в «Программу» были включены вопросы и по таким явлениям, которые еще не были обнаружены в русских говорах и предполагались только теоретически на основании доказаний письменных памятников русского языка. Несомненным достоинством «Программы» была ее полнота и детальная разработка известного материала, но в то же время в ней отсутствовала четкая ориентация на цель сбора материала, важные и второстепенные вопросы не были разграничены, ответы на некоторые вопросы были затруднительны для неспециалиста. Выход «Программы» значительно оживил сбор материала, «Программа» была разослана во все концы России, и вскоре в Отделение русского языка и словесности Академии наук стали поступать ответы от корреспондентов (преимущественно учителей). Они не только дали богатый материал сотрудникам диалектологического центра ОРЯС Академии наук, но и ясно показали определенные недостатки «Программы» (громоздкость, сложность некоторых вопросов). Чтобы облегчить работу собирателей, составители «Программы» издали в 1903 г. ее новый, сокращенный вариант, который содержал только наиболее важные с точки зрения характеристики говора вопросы. Приток нового материала, работа по его изучению и оформлению поставила перед Отделением русского языка и словесности ряд новых задач. Для их выполнения при ОРЯС была создана Московская диалектологическая комиссия (МДК) под председательством Ф. Е. Корша. В задачу комиссии входило: обработка поступающих в Академию наук диалектологических сведений, подготовка и составление диалектологической карты русского языка. Но Комиссия, куда входили такие видные диалектологи, как Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и другие, решила не ограничиваться только практической работой по составлению карты. На заседаниях комиссии велась разработка теоретических и методических основ лингвистической географии, участники комиссии регулярно предпринимали диалектологические поездки для изучения некоторых наиболее важных лингвистических явлений. Комиссия широко публиковала доклады и сообщения своих членов. Наиболее значительными публикациями МДК были «Программа для собирания сведений, необходимых для диалектологической карты русского языка» и «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» (1915). «Программа» МДК, как и предыдущая, состояла из двух частей: I часть — Южновеликорусские говоры (1909), II часть — Северновеликорусские и средневеликорусские говоры (1911). В отличие от академической «Программы» она была менее обширной и более направленной. В ней более детально и дифференцированно была разработана фонетика, что объяснялось тем, что этот аспект русского языка к этому времени был исследован полнее всего, а также тем, что авторы сами были незаурядными фонетистами. Учёт новейших достижений в области фонетики — большая заслуга ав-

торов «Программы» МДК. Но в «Программе» МДК был существенный недостаток — слабая разработка разделов синтаксиса и лексики. Такое построение «Программы» было обусловлено позицией авторов в отношении картографирования диалектного материала. В этот период в среде русских диалектологов горячо обсуждался вопрос о способах картографирования собираемого диалектного материала. И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. И. Соболевский, Н. М. Каринский и др., учитывая свой опыт, а также достижения зарубежных коллег, считали, что четкие границы установить между говорами очень трудно, поэтому следует давать не карту, на которой в значительной мере условно были бы намечены границы диалектов, а атлас, включающий серию карт, указывающих на распространение отдельных диалектных явлений. Авторы МДК, преимущественно работавшие в области фонетики и морфологии (а эти явления, как правило, имеют более четкие границы, чем явления синтаксические и лексические), предпочли составлять карту. Результатом первоначальной обработки собранного материала явился «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе». Положительное значение появления диалектологической карты, охватывающей территорию восточнославянских языков в Европе, было несомненно. На карту были нанесены границы современных восточнославянских языков, были выделены два основных русских (великорусских) наречия — северное и южное, — между которыми была намечена зона переходных говоров — средневеликорусских. Наречия в свою очередь делились на группы говоров. Как видим, авторы «Опыта диалектологической карты» предпочли картографировать не отдельные языковые явления, а языки, наречия и говоры, т. е. они по существу выполнили задачу, поставленную И. И. Срезневским за 65 лет до выхода карты. Каковы же были критерии при разделении говоров на группы? В основу классификации были положены в основном фонетические признаки. При определении северновеликорусского и южновеликорусского наречия учитывалось произношение «о» в неударном слоге, произношение «з» и наличие твердого или мягкого окончания «т» у глаголов в третьем лице настоящего времени (морфологическая черта). При выделении групп северновеликорусских говоров основным критерием послужили различные рефлексy старого ъ, членение южновеликорусских говоров основывалось на различных типах яканья в первом предударном слоге. Границы наречий и говоров, выделенных на основании описанных выше принципов, получились четкими, классификация выглядела стройной и простой. Но сразу же после появления карты стали ясны и ее слабые стороны. Было очевидно, что такая классификация носит схематический, самый общий, сугубо предварительный характер. Классификация была построена на очень небольшом числе диалектных признаков. По существу, карта МДК отражала не столько границы названных авторами наречий и говоров, сколько границы отмеченных ими фонетических явлений. Недостатки «Опыта диалектологической карты» — ее значительная условность, неполнота, недостаточная обоснованность выделения некоторых групп говоров — были замечены лингвистами сразу же после ее опубликования. Как предварительную

работу рассматривали составление карты и сами ее авторы. Стало очевидным, что для успешного развития лингвистической географии необходимо составить атлас, показывающий распространение наиболее интересных с точки зрения изучения русского языка лингвистических явлений. На идее атласа продолжал настаивать акад. А. И. Соболевский и ряд других лингвистов. К началу 20-х годов Московская диалектологическая комиссия также признала необходимость создания атласа великорусских говоров. Обилие собранного материала, основательное знание русских народных говоров, опыт, приобретенный при обработке материалов для первой карты, — все это создавало благоприятные предпосылки для успешной работы. Однако Московская диалектологическая комиссия не выдвинула никакого плана создания атласа, она продолжала публиковать собранные ранее корреспондентами МДК материалы, проводить изучение отдельных диалектных явлений и т. п. В начале 30-х годов Московская диалектологическая комиссия была преобразована в Диалектографическую комиссию, которую распустили в 1935 году. Просуществовав немногим более тридцати лет, Московская диалектологическая комиссия оставила в русской диалектологии и в частности в русской диалектографии заметный след. Для последней особенно важным были детальная разработка фонетических особенностей, продолжение массового обследования русских говоров, составление первой общерусской диалектологической карты с выделением основных наречий и групп говоров, создание теории переходных и смешанных говоров.

В 1935 году Академия наук СССР приступила к созданию Атласа русского языка. Группа диалектологов Института языка и мышления им. Н. Я. Марра во главе с Б. А. Лариным, М. Д. Мальцевым, Ф. П. Филиным разработала план создания этого атласа, выпустила «Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка» и организовала массовый сбор материала для нового атласа. Диалектологический атлас, по замыслу авторов, должен был охватить всю территорию распространения русского языка в Европейской части СССР. Территория Европейской части СССР была разделена на 11 частей («квадратов»), каждой из которых должен был быть посвящен один из томов Атласа, при этом каждый квадрат должен был быть обследован и описан по единым принципам и методам. Кроме того, в Атлас включались еще два тома: один — сводный, другой — созданный на основе архивных материалов АН СССР. В целом же Атлас должен был отразить состояние русских говоров в 30-е — 40-е годы нашего века. Материалы для Атласа предполагалось собирать в специальных диалектологических экспедициях по «Вопроснику», подготовленному Институтом языка и мышления АН СССР. К участию в сборе материала для Атласа помимо сотрудников Института привлекались специально подготовленные преподаватели, аспиранты и студенты филологических факультетов университетов и институтов страны. Первый вариант «Вопросника» был опубликован в 1936 году. Авторами «Вопросника» были В. И. Чернышев (фонетика), С. А. Еремин (морфология), Б. А. Ларин (синтаксис), Ф. П. Филин (лексика). Хотя «Вопросник» охватывал все аспекты

русского языка, разработка их была неравномерной: детально были разработаны разделы лексики и синтаксиса, слабым местом оказался раздел фонетики. Если в синтаксисе и лексике авторы «Вопросника» сделали значительный шаг вперед по сравнению с «Программой» Московской диалектологической комиссии, то в разделе фонетики они пренебрегли положительным опытом МДК. Вторым недостатком «Вопросника» был его огромный объем — 739 вопросов. После первых же опытов по сбору материала в экспедициях стало ясно, что работать с таким громоздким вопросником неудобно, и его объем был сокращен до 218 вопросов. При переработке «Вопросника» авторы учли замечания Б. М. Ляпунова, Л. В. Щербы, С. П. Обнорского и других коллег. Б. А. Лариным специально для работы в экспедициях была создана система фонетической транскрипции. Особой заслугой организаторов создания диалектологического атласа русского языка следует признать то, что они сумели придать работе общенациональный характер. По всей территории, охватываемой Атласом, началась массовая работа по сбору материала. Для обмена опытом и координации усилий в довоенные годы было организовано две специальные конференции (в Ростове-на-Дону и в Ленинграде), была проведена в качестве эксперимента работа по составлению «Лингвистического атласа района озера Селигер» (этот атлас был закончен в 1938 году, но война задержала его выход до 1949 года). Таким образом, за короткий срок был накоплен большой опыт. Начавшаяся война резко затормозила работу. Однако уже летом 1944 года в Вологде была созвана Всесоюзная конференция диалектологов, которая подвела итоги ранее проведенной работы и приняла «Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», под руководством Р. И. Аванесова и Б. А. Ларина (впервые опубликована в 1945 году). «Программа» заменила собой «Вопросник», который почти полностью был включен в ее состав, и отличалась от него более детальной и систематической разработкой разделов фонетики и морфологии. В «Программу» были включены более подробные инструктивные материалы, рассчитанные на массового собирателя. После окончания Великой Отечественной войны работы по составлению атласа русского языка развернулись с новой силой. Наряду с продолжавшимся сбором материала шла работа над составлением отдельных томов атласа там, где материал был уже собран. К концу 40-х годов в Ленинграде Институтом языка и мышления было закончено составление I тома «Атласа русского языка», в котором сохранился материал по северо-западным говорам (Псковская, Ленинградская, Новгородская, Мурманская области, Карельская АССР). В Москве в 1951 г. было закончено составление «Атласа русских народных говоров к востоку от Москвы». Атлас, подготовленный московскими диалектологами, вышел в свет в 1957 г.

«Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», в котором картографировали почти все пункты «Программы», показывает, что такого рода издания интересны и необходимы для лингвогеографа и историка русского языка. Недостаток этого атласа в том, что он дает материал по одной сравнительно небольшой тер-

ритории. Во много раз возрастет его ценность, когда он станет частью общенационального лингвистического атласа. В настоящее время сбор материала для «Атласа русского языка», закончен, идет обработка и картографирование собранных данных. Надо надеяться, что в скором времени русисты будут иметь в своем распоряжении русский национальный лингвистический атлас.

Наряду с созданием национального атласа русские диалектологи включились в работу по составлению «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА). Вопрос о создании такого атласа обсуждался в лингвистической печати еще в 40-е годы. Но если тогда вопрос решался в теоретическом плане, то теперь уже начался сбор материала по «Вопроснику», утвержденному Общеславянским комитетом. В «Вопроснике» нашли отражение фонетические, грамматические, лексические аспекты, представляющие интерес как для изучения истории отдельных славянских языков, так и для истории славянских языков в целом. Создание Общеславянского лингвистического атласа, в работе над которым сконцентрированы силы, знания и опыт славистов самых разных стран, позволит, без сомнения, добыть новые сведения о славянских языках, расширить наши знания об истории русского языка в частности, уточнить наши представления о развитии родственных языков.

§ 10. Методы и принципы современной лингвистической географии; источники, методы собирания материала

Современная лингвистическая география базируется на достижениях лингвогеографов предшествующих периодов, выработавших принципы сбора и приемы обработки материала, выяснивших основные закономерности развития диалектов в связи с их размещением, определивших круг источников лингвогеографии.

Источниками лингвистической географии могут быть лингвистические карты и атласы, областные словари, монографические описания говоров. Однако первостепенное значение для лингвогеографии имеет сбор данных непосредственно из обследуемых диалектов или языков. Собираение лингвистических фактов для целей лингвистической географии является очень трудоемким и требует большой предварительной работы. Прежде всего лингвогеограф должен четко представлять себе цель исследования и ясно определить направление работы. Завершением предварительного этапа является обычно создание программы (анкеты, вопросника), в которую включаются вопросы о тех явлениях, распространение которых интересует исследователя. Как правило, лингвогеограф, приступая к собиранию материала, знает о существовании тех или иных особенностей, представляет себе сущность интересующих его явлений, но не знает точных границ их распространения. Поэтому тщательно разработанная программа включает детальную классификацию изучаемых явлений по наиболее существенным признакам, преимущественно в виде четко сформулированных вопросов. В программе должна быть четко поставлена цель исследования и отра-

жено направление работы. При составлении программы важно учитывать также, каким методом будут вести сбор материала и каков будет контингент собирателей. Очевидно, что чем выше уровень квалификации собирателей, тем более сложные вопросы и задания можно предложить. При сборе материала обычно применяется один из основных методов: анкетный или прямой.

Анкетный метод предполагает рассылку программы на места сбора материала лицам, которые в состоянии достаточно точно ответить на поставленные вопросы. Это те люди, которые хорошо знают местный говор и имеют необходимый уровень лингвистической подготовки. Наиболее подходящими для выполнения поставленных задач в данном случае являются учителя-словесники местных школ. Преимуществом такого метода является, во-первых, то, что материал собирается лицом, которое продолжительное время живет в определенной диалектной среде или даже владеет диалектом; во-вторых, этот метод позволяет в короткий срок собрать материал на обширной территории. Этим методом лингвистическая география широко пользовалась на начальных этапах своего развития.

Но анкетный метод имеет и существенные недостатки. Пользуясь им, исследователь лишен возможности непосредственного наблюдения за говором, за условиями сбора материала, не может проверить полученные данные, рискует упустить интересные явления, оставшиеся по каким-либо причинам за пределами программы. Правда, эти недостатки можно свести к минимуму, если снабдить программу подробными инструкциями, а вопросы сформулировать таким образом, чтобы они были просты и вскрывали сущность интересующего явления.

Прямой, или полевой, метод предполагает сбор материала самим исследователем непосредственно на месте, в полевых условиях. Он дает возможность исследователю на месте не только собирать, классифицировать диалектные явления, но и обеспечивает полноту и неоднократную проверку собираемых фактов классифицированным специалистом. Этим методом пользовались французские и русские диалектологи в начале XX века. Недостатком этого метода является то, что он требует для обследования большой затраты времени, а также то, что исследователь наблюдает говор как бы со стороны, что может привести к некоторым неточностям. Преимущества прямого метода перед анкетным привели к тому, что в последние десятилетия он стал ведущим при сборе новых фактов, а необходимость сокращения сроков при собирании материала привело к тому, что теперь вместо диалектологических экскурсий ученых — одиночек стали организовывать массовые экспедиции специально подготовленных лингвистов. Характерным примером этого является организация обследования территории русского языка сначала для «Атласа русского языка», а затем для «Общеславянского лингвистического атласа» в Советском Союзе. Опыт экспедиций, проведенных Институтом языка и мышления им. Н. Я. Марра, Институтом русского языка АН СССР, различными университетами и институтами нашей страны, позволяет определить основные методы работы в экспедиции и сформулировать основные требо-

вания, предъявляемые участнику лингвистической экспедиции. Поскольку каждая экспедиция является частью единого коллектива, обязательным условием для всех участников экспедиции является требование работать по единому плану, руководствуясь единой программой, пользуясь одной и той же транскрипцией, с максимальной полнотой и точностью описать обследуемый говор. Участником экспедиции должен быть филолог, прослушавший курс диалектологии. Еще до выезда в экспедицию участники экспедиции должны тщательно изучить программу, по которой им придется работать, приобрести навыки быстрого письма в транскрипции, изучить по имеющейся литературе важнейшие лингвистические и этнографические особенности района обследования, познакомиться с историей края. По приезде в деревню прежде чем начинать записи необходимо ознакомиться с историей заселения деревни, составом населения (однородное или смешанное), с характером влияния на жизнь деревни ближайших административных, культурных и промышленных центров. До того, как приступить к систематическому сбору материала и составлению ответов на вопросы программы, автор должен провести самые общие наблюдения над говором, привыкнуть к его звуковому облику, научиться правильно слышать — все это поможет избежать ошибок при записи. После этого приступить к систематическому сбору материала методом свободных бесед, объединенных тематически. Следует выбирать такую тему, которая была бы близка и понятна собеседнику и дала бы собирателю большое количество интересующего его материала. При сборе материала по программе следует избегать прямых и подсказывающих вопросов. Совершенно недопустимы вопросы грубые, насмешливые или притворно-наивные. Весьма желательно сначала объяснить собеседнику в доступной форме задачи и значение предстоящего языкового обследования. Только взаимопонимание и взаимопонимание может обеспечить успешный ход работы. При записи следует стремиться фиксировать в точной фонетической транскрипции связную монологическую речь или живые диалоги местных жителей. Удобно и целесообразно при сборе материала использовать магнитофон. Очень важен выбор собеседника. Это должен быть обязательно коренной житель (или жительница), хорошо и привычно владеющий диалектом, не испытывавший значительного влияния литературного языка или другого диалекта. Обычно таковыми являются неграмотные или малограмотные лица пожилого возраста, которые большую часть своей жизни провели в своей деревне. Материал должен собираться у возможно большего числа лиц, что поможет избежать всего случайного, индивидуального. Предварительную обработку материала следует начать уже в экспедиции. Это позволит собирателю оценить качество материала, проверить сомнительные факты, дополнить те разделы, по которым собрано недостаточно материала, и т. п. Весь собранный материал должен быть всесторонне документирован: следует дать точные указания, где производилась запись (деревня, сельский совет, район, область), описание населенного пункта, в котором происходил сбор материала, подробную характеристику лиц, со слов которых записывались диа-

лектные факты. Все это покажет степень надежности собранного материала и поможет впоследствии при интерпретации тех или иных явлений.

§ 11. Принципы картографирования лингвистического материала

После того, как собран материал по всей интересующей территории, составители атласа приступают к окончательной оценке и обработке его. Они тщательно проверяют достоверность собранного материала, оценивают уровень подготовки и добросовестность собирателя, сведения об опрошенных лицах, точность записей, выявляют противоречия, сравнивают показания однородных близко расположенных говоров. Весь дефектный или не внушающий доверия материал должен быть удален. Правда, для проверки сомнительного материала или для пополнения уже имеющихся данных могут быть организованы дополнительные экспедиции. После выбраковки материала приступают к составлению карт. Характер карт определяется как программой, по которой обследовались говоры, так и характером собранного материала. Программа определяет, какие именно факты будут нанесены на карту, а собранный материал определяет тип карт. Карты могут отражать различные диалектные явления, как противопоставленные, так и непротивопоставленные (см. § 2).

Как указывалось выше, в зависимости от того, какие явления картографируются, лингвистические карты носят различный характер. Карта, посвященная непротивопоставленному явлению, будет нести информацию только с территории распространения данного явления. Карта, посвященная противопоставленному явлению, будет, как правило, заключать сведения о распространении обоих членов противопоставления и нести информацию не только о пределах распространения того или иного явления, но и показывать соотношение между противопоставленными явлениями на описываемой территории. Еще более сложный характер носят карты, посвященные сложному противопоставленному явлению: они отражают взаимоотношение не только между двумя противопоставленными явлениями, но и отношение внутри одного из членов противопоставленного явления.

При картографировании лингвистического материала на карту основу, которая охватывает исследуемый район и на которой указаны важнейшие географические данные и ряд крупных населенных пунктов (для ориентации), наносится «сетка», по которой проводилось обследование, т. е. на карте отмечаются те деревни (села, поселки), из которых поступил диалектный материал. Чаще всего населенные пункты на карте обозначаются условными цифрами, чтобы не перегружать карту излишними словами и тем самым не затруднять ее чтение. Затем возле соответствующих пунктов отмечается каким-либо условным значком наличие картографируемого явления. Иногда вместо условного значка на карту наносится само слово, но это возможно лишь в том случае, если карта посвящена одному какому-нибудь определенному слову или

понятию, а само слово короткое и его написание не занимает много места на карте. Так, например, картографированы произносительные варианты слова «что» и некоторых других в «Лингвистическом атласе района озера Селигер». Составление подобных карт возможно только при изображении какого-либо непротивопоставленного диалектного различия. В этом случае неважно, каким значком оно будет отмечено на карте. Для противопоставленных же диалектных явлений важно выбрать такие знаки, которые резко отличались бы друг от друга (например, круг и треугольник). Варианты или сходные диалектные явления обычно обозначаются сходными значками, которые отличаются друг от друга цветом, наличием или отсутствием штриховки и т. п. При нанесении условных знаков на карту важно следить, чтобы за каждым знаком на данной карте было закреплено определенное значение. Нанесенные на карту условные значки в своей совокупности четко обозначают территорию распространения того или иного языкового явления. Линии, которые соединяют на карте точки с одинаковыми явлениями или очерчивают границы этого явления, называются в лингвистической географии изоглоссами, а зоны, в которых распространено изучаемое явление, обозначаются термином ареал («площадь», «пространство»). Соотношение изоглосс и ареалов имеет очень важное значение при изучении и объяснении языковых фактов, при изучении и объяснении истории языков и диалектов. Поэтому обычно в лингвистические атласы включаются еще и сводные карты, на которые нанесены уже не отдельные языковые факты, а изоглоссы, проведенные на основании данных частных языковых карт. Сведенные на одну карту, изоглоссы представляют очень пеструю картину: они сходятся в пучки, пересекаются друг с другом, расходятся, очерчивают «островки». Вся эта пестрая картина, которая отражает сложность языковых отношений в данном районе, носит в лингвистической географии название лингвистического ландшафта. Раскрыть закономерности лингвистического ландшафта, объяснить движение изоглосс, выяснить, почему так, а не иначе сложился лингвистический ландшафт, и тем самым объяснить языковую историю в данной области — вот следующий этап работы лингвогеографа.

§ 12. Интерпретация диалектных карт

Для правильного прочтения и правильной интерпретации лингвистического ландшафта лингвогеограф должен учитывать общие закономерности формирования лингвистического ландшафта, и привлечь как можно больше материала по данным говорам из других лингвистических и исторических источников (словарей, диалектологических монографий, исторических исследований). Важным подспорьем лингвогеографа является обзорная карта-шаблон. На карте-шаблоне должны быть нанесены кроме важных географических объектов: крупных рек, озер, лесных массивов и т. д., крупных современных городов, железных дорог, важнейших шоссейных дорог, границы племенных расселений, территории древних и средневековых княжеств, древние торговые пути,

прежние и существующие этнические границы. Наложённая на карту лингвистического ландшафта, карта-шаблон может многое объяснить в характере расположения изоглосс, подсказать пути поисков. Это весьма важно учитывать, ибо давно замечена одна особенность лингвистического ландшафта: несмотря на пестроту и кажущуюся запутанность изоглосс, они иногда группируются в более или менее значительные пучки, которые обычно возникают там, где некогда проходили устойчивые политические и культурные границы (границы княжеств, земель и т. п.). С другой стороны, наиболее подвижные изоглоссы располагаются вдоль древних путей миграции населения. Современные крупные города и пути сообщения способствуют разрушению диалектов и вносят существенные изменения в характер расположения изоглосс. Кроме закономерностей языкового ландшафта, складывающихся под влиянием нелингвистических причин, следует обратить внимание на чисто языковые закономерности. Одна из них заключается в том, что фонетические и грамматические изоглоссы более консервативны, чаще объединяются в пучки, чем изоглоссы лексические и семантические. Но если фонетические и грамматические изоглоссы позволяют легче выявить архаические границы диалекта, то лексические изоглоссы нагляднее показывают изменения в языке и историю перемещения языковых групп и, следовательно, носителей диалекта. Особый интерес для лингвогеографа представляют так называемые «островки» лингвистического ландшафта, т. е. незначительные участки территории, ограниченные той или иной изоглоссой. Обычно они отражают пережиточные явления в языке (остатки субстрата¹, архаизмы и т. п.) и поэтому очень важны для истории языка. Сложную картину обычно являют собой изоглоссы пограничных языковых территорий. На этих территориях, как правило, наблюдается, с одной стороны, сходжение нескольких изоглосс в пучок, с другой стороны, — четко прослеживается ряд изоглосс, отражающий вторжение иноязычных и инодиалектных языковых явлений на территорию обследуемого говора или группы говоров. Лингвистический ландшафт помогает установить характер, силу и широту иноязычного (инодиалектного) влияния в интересующем исследователя говоре. Определить языковой ландшафт можно, конечно, не только с помощью специально созданных для этой цели лингвистических атласов. Лингвогеограф для установления ареалов отдельных языковых явлений может использовать областные словари, описания отдельных говоров или монографии, посвященные той или иной диалектной особенности, т. е. те источники, которые заключают в себе указания на географическое распространение слова. Особо важная роль среди такого рода лингвогеографических источников принадлежит словарям-атласам. Достоинством таких работ является то, что в них соединены, с одной стороны, детальная семантическая разработка лексики, с другой — подробное описание распространения лексем и семем. Примером словаря-атласа может служить «Псковский областной сло-

¹ Субстратом называют следы побежденного языка в составе языка-победителя при скрещивании двух языков.

варь», издаваемый в Ленинграде. Каждое слово или отдельное значение слова, которое не входит в состав русского литературного языка, снабжено подробными географическими пометами. К словарю прилагается карта, на которую нанесены обследованные пункты. Исследователь, которого заинтересует распространение того или иного слова или значения, сам сможет провести интересующую его изоглоссу. Кроме того, в словарь включены карты, посвященные отдельным лексемам и семемам. В идеале в словаре-атласе должно быть картографировано каждое слово, включаемое в словарь. Но практически это возможно только в словарях сравнительно небольшого объема, словарь которых включает слова, специально собираемые для картографирования.

Кроме лингвистических источников, для правильной интерпретации языковых явлений лингвогеографу необходимо привлекать и нелингвистические: исторические, этнографические, географические и т. п. При этом исключительное значение имеет изучение исторических и этнографических данных, именно они очень часто оказывают решающее влияние, особенно в области лексики, на развитие и распространение отдельных лингвистических явлений.

§ 13. Понятие диалекта с точки зрения лингвистической географии ¹

Важным достижением современной лингвистической географии является создание теории диалекта и диалектного членения. Под диалектом в современной лингвистической географии понимается совокупность определенных языковых особенностей, распространенных на территории, ограниченной значительным количеством изоглосс, отражающих наиболее существенные языковые черты (лексические, грамматические, фонетические). Особенно важно, чтобы эти изоглоссы отражали различные аспекты языка. Внутри каждой такой территории выделяются более мелкие ареально ограниченные территории, на которых существуют особенности, формирующие характерные отличительные признаки диалекта в целом. Изоглоссы, формирующие границы диалекта, собираются в компактные пучки. Но компактность эта довольно относительна, поэтому границы диалектов представляют собой не линию, а зону, доходящую иногда до десятков километров. В этих зонах располагаются переходные диалекты, включающие в себя различные черты соседствующих самостоятельных диалектов. Выделение и изучение таких зон позволяет не только расчленить диалекты, но и исследовать особенности языковых междиалектных отношений. Современное членение и изучение наречий, диалектов, говоров полностью базируется на достижениях лингвистической географии.

Литература

А в а н е с о в Р. И. Лингвистическая география и история русского языка. — «Вопросы языкознания», 1952, № 6, с. 25—47.

¹ Необходимые карты см. в кн.: Захарова К. Ф., Орлова В. Т. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

- Бородина М. А. Проблемы лингвистической географии. М.—Л., 1966.
- Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.
- Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970, с. 7—70.
- Ларин Б. А. Об атласе русского языка и современной диалектологии.— «Уч. зап. Ростовского-на-Дону гос. пединститута, фак. языка и литературы», 1939, т. 1, с. 106—115.
- Ларин Б. А. О принципах составления атласа славянских языков.— «Уч. зап. ЛГУ», 1949, № 97, серия филолог. наук, вып. 14, с. 23—36.
- Немецкая диалектография. Сб. статей. Пер. с нем. Н. А. Сигагал. Ред., предисл. и примеч. В. М. Жирмунского. М., 1955.
- Срезневский И. И. Замечания о материалах для географии русского языка.— В кн.: Вестник Русского географического общества, ч. 1, кн. 1. СПб., 1851, с. 1—24.

ГЛАВА II

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА. КЛАССИФИКАЦИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ

§ 14. Общие признаки русского языка сравнительно с языками западно- и южнославянскими

Согласно генеалогической классификации русский язык принадлежит к славянской ветви индоевропейской языковой семьи. Вместе с белорусским и украинским русский язык образует восточнославянскую подветвь. Языки восточнославянской подветви противопоставляются по ряду исторически засвидетельствованных признаков как языкам западнославянской, так и языкам южнославянской подветви. От языков западнославянских восточнославянские языки отличаются по двум основным признакам: 1. В языках восточнославянских согласные звуки «д» и «т» выпадают перед согласным «л», — в языках западнославянских в аналогичной позиции выпадает «л». Например, в русском — «веду» — «вел», «плету» — «плел»; в польском — «wiodę» — «wiódt», «piotę» — «piótt», подобное же явление наблюдается и в чешском языке. 2. В восточнославянских языках заднеязычные согласные «з», «ц», «с» перед последующим смягченным согласным «ш» обычно подвергаются изменению в соответствующие им свистящие звуки «з», «ц», «с» (т. н. «вторая палатализация заднеязычных»). В языках западнославянских в подобной позиции палатализации нет. Например, в русском «звезда» — при «gwiazda» в польском или «hvězda» в чешском; в русском «цвет» — при «kwiat» в польском, «květ» в чешском; в русском «свист» — при «gwizd» в польском, «hvízd» в чешском.

От языков южнославянских восточнославянские языки отличаются по трем основным историко-фонетическим признакам: 1. Наличием так называемых «полногласных сочетаний» при неполногласных в южнославянских. Например, «сторона» в русском при «страна» в болгарском и в сербскохорватском языках; «голова» в русском (а также в украинском и в белорусском) при «глава» в южнославянском и т. п. 2. Начальные сочетания «ро-», «ло-» в русском при начальных «ра-», «ла-» в южнославянских языках. 3. Изменение общеславянских сочетаний «dj», «tj» в звуки «ж» и «ч» в русском языке и в соответственные

сочетания звуков «жд» — «шт» в языках южнославянских. Например, *межа*, *свеча* в русском — при *межда*, *свѣшта* в болгарском.

В результате исторического взаимодействия между различными славянскими языками в позднейший период отдельные признаки, свойственные славянским языкам иных подветвей, могли проникнуть в состав лексики русского литературного языка и народных говоров. Так, в современном русском литературном языке немало слов, обладающих южнославянскими фонетическими признаками. Это так называемые старославянизмы, вошедшие в русский язык из языка старославянской церковной письменности, сложившейся еще в IX—X вв. на южнославянской (македонской) речевой основе. Таковы, например, слова: «*страна*», «*глава*», «*надежда*», «*пища*» и др. в составе лексики современного русского литературного языка. В отдельных же восточнославянских говорах можно иногда наблюдать изолированные черты западнославянского происхождения, как например, отсутствие второй палатализации заднеязычных согласных перед мягким «в» в словах, образованных от корня «цвет»: «расквели цветочки» и т. п.

§ 15. Сходство и отличия между отдельными восточнославянскими языками

Рассматривая историческое развитие восточнославянских языков, устанавливаем, что все три языка возникли из первоначально единого языка-основы, языка древнерусской народности, существовавшей в X—XIII вв. Поэтому термин «русский язык» иногда употребляется в приложении ко всей совокупности восточнославянских языков, взятых в их историческом развитии. Другое, более узкое значение термина «русский язык» выступает, когда мы имеем дело с синхронным изучением восточнославянских языков в их современном состоянии. Тогда русский язык, будучи противопоставляем другим восточнославянским языкам — украинскому и белорусскому, понимается как собственно русский, иначе — великорусский язык. Это язык русской (великорусской) народности XIV—XVII вв. и позднее образовавшийся из него язык русской нации.

Будучи теснейшим образом связаны между собою единством своего исторического происхождения, восточнославянские языки сближались между собою и в процессе дальнейшего их взаимодействия в результате культурных влияний друг на друга братских восточнославянских народностей на различных этапах их исторического существования. Русские слова входят в украинский и белорусский языки; отдельные слова украинского и белорусского происхождения — в современный русский язык.

Русский, украинский и белорусский языки прежде всего характеризуются теми общевосточнославянскими чертами, благодаря которым они противопоставляются славянским языкам других подгрупп. Вместе с тем, за время независимого существования в каждом отдельном восточнославянском языке развились свои особые черты, по которым они могут быть противопоставлены друг другу. Заметим, что

в языках белорусском и украинском наблюдаются много общих черт, присущих обоим этим языкам и отсутствующих в русском. Это объясняется исторической судьбой восточнославянских народов, так как обособление предков великорусской народности от общевосточнославянского единства началось еще в XIII в., в то время как предки украинцев и белоруссов вплоть до XVI в. были еще тесно связаны между собою, находясь в составе существовавшего тогда Литовско-русского великого княжества.

Обычно русский язык в целом (т. е. русский литературный язык и все его говоры) противопоставляется белорусскому и украинскому языку по ряду фонетических, грамматических и лексических признаков. Наряду с ними существуют признаки, по которым русский язык, сближаясь с белорусским, противопоставляется украинскому или, наоборот, имея общность с украинским, противопоставляется белорусскому. Таким образом прослеживается теснейшая историческая связь между всеми современными языками восточнославянской подветви.

1. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

1. В русском языке согласный «г» заднеязычный (при смягчении — среднеязычный). В северновеликорусских, средневеликорусских говорах и в литературном языке согласный «г» — взрывной, в южновеликорусских говорах — фрикативный (ɣ) — т. е. произносится как согласный «х», но с участием голоса. В белорусском и в украинском языках этим звукам соответствует гортанный придыхательный согласный (h).

2. В русском языке сохраняется гласный звук «и» в начале слова. В украинском языке и белорусских говорах данный звук в такой позиции утрачивается. Например, русское «иголка» — укр. «голка», русское «играть» — укр. «грати», белор. «граць».

3. В русском языке сохранились исконные сочетания переднеязычных согласных со звуком «йот»: *листья, платье, судьба, коренья, веселье, налью, перья, ночью, мышью* и т. п. (*лист'ja* и т. д.) — в украинском и в белорусском языках такие сочетания изменились в сторону утраты звука «й» и удлинения (редубликации) предшествующих согласных.

4. В русском языке сохранилось исконное различие между твердым и смягченным звуком «р» (*рад — ряд, грознá — грязнá*). В белорусском языке и во многих украинских (западных) говорах звук «р» всегда твердый.

5. В русском языке согласные звуки (кроме шипящих «ж», «ш») смягчаются перед гласными переднего ряда: «е», «и», а также перед «с» (орфографическим «е»), которое произошло из исконных «е» или «ь»: *день, деньги, десять, отец, тихий, нижний, пить, вёсла, тётка, нёс*. В украинском языке эти согласные перед гласными переднего ряда обычно не смягчаются. Белорусский язык в этом отношении близок к русскому.

6. Некогда существовавшие в русском языке сочетания *рѣ, рь, лѣ, ль* между двумя согласными звуками изменились таким образом, что

в них появляется гласный «о» или «е» после плавных согласных: *дрова, крови, крошитъ, греметь, глотать, блоха, слеза, блестеть, хлестать* и т. п. В белорусском и украинском языках в подобных сочетаниях обыкновенно появляются гласные «ы», «и»: «*дрыва*», «*кывиш*», «*грымець*», «*глытаць*», «*квышиць*» и т. п.

7. В русском языке на месте когда-то бывших «напряженных» редуцированных гласных «ы» и «и» появляются соответственно гласные «о» и «е», например: *молодой, слепой, глухой; мой, рой, мою, рою; шей, лей, пей* и т. п. В белорусском и в украинском языках в данной позиции сохраняются те же исконные звуки «ы», «и»: «*молодий*», «*слипий*», «*глухий*», «*шия*», «*пий*», «*лий*».

8. Исконно-русские гласные звуки «е» и «ь» (в сильной позиции) перед твердыми согласными под ударением в русском языке переходят в «о» (орфографическое «е»): *весна — вёсны, тепло — тёплый, нёс, шёл, тёмный, овёс, зелёный* и т. д. В некоторых свр. говорах подобный переход имеет место и в неударяемых позициях: *вёсна, тёпло, озёро, играёт* и т. п. То же самое наблюдается и в белорусском языке. Украинский же язык в отношении этих гласных пережил изменения иного характера.

9. Русский язык сохраняет в закрытых слогах те гласные, которые слышатся в этой же морфеме при наличии открытого слога: *нос — носа, приход — прихода, озер — озёра, семь — семеро* и т. п., *овца — овёчка* и др. Подобное явление наблюдается и в белорусском языке. В украинском же на месте исконных гласных «о» и «е» в закрытых слогах (нового происхождения) получают иные звуки (обычно звук «и», смягчающий предшествующий согласный — согласно украинской орфографии «і»). В результате этого на украинской почве развиваются новые чередования гласных фонем: *ніс — носа, приход — приходу, озір — озера* и т. п.

II. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

1. В русском языке, как правило, утратилась старая звательная форма имен существительных, заменившись формой именительного падежа: *Иван! брат! друг!* В украинском и в белорусском старые звательные формы в функции обращения сохранились: *Иване! брате! друже! Горпино!* и т. д.

2. В русском языке формы предлож. падежа единствен. числа мужск. рода, а также дательного и предложн. падежей женского рода сохраняют перед флексией конечные заднеязычные согласные основы — «г», «к», «х»: *рука — руке, нога — ноге, сноха — снохе; на пироге, в горшке* и т. п. В украинском и в белорусском языке в таких случаях сохраняется древнее «второе смягчение заднеязычных», т. е. последовательная замена «г», «к», «х» на «з», «ц», «с»: *нога — нозі, рука — руці, муха — мусі, на розі* — местный падеж существительного *ріг* (угол) и т. п.

3. Для русского языка характерны формы имен. — винит. падежа множеств. числа существительных мужского рода с флексией «-а» («-я»): *ворода, дома, мастера, писаря, учителя, края*. В украинском и в белорусском языках подобные образования не встречаются.

4. В русском языке у существительных одушевленных (обозначающих только животных) формы винительного падежа множ. числа совпадают с родительным падежом: *пастбища коров, запрягать коней*. В украинском и в белорусском соответственные формы совпадают с имен. падежом: *пастбища корови, запрягати кони*.

Кроме того, украинский и белорусский языки содержат еще отдельные более мелкие отличия от русского языка и в произношении слов, и в грамматических формах, и в лексике. Например, русскому глаголу *видеть* в украинском соответствует равнозначный глагол *бачити* (белорусское *бачыць*), глаголу *искать* соответствует в украинском — *шукати* (белорусс.— *шукаць*).

§ 16. Основные наречия русского языка

Современный русский язык исторически сложился в результате слияния двух основных наречий: севернорусского (северновеликорусского) и южнорусского (южновеликорусского). В результате взаимного проникновения черт одного наречия в другое возникли переходные среднерусские (средневеликорусские) говоры, занимающие промежуточное положение между двумя основными исторически сложившимися наречиями русского языка. Эти говоры, будучи смешанными, сами особого наречия не составляют.

Главные отличия между северновеликорусским и южновеликорусским наречиями в области фонетики и грамматики формулируются обычно по четырем характерным признакам:

1. Северновеликорусское наречие сохраняет произношение гласного «о» не только под ударением, но и в безударных позициях (оканье); южновеликорусское наречие, а также переходные говоры, на основе которых сложился современный русский литературный язык, оканье утратили, заменив его аканьем различных типов (см. гл. III, § 56).

2. Северновеликорусское наречие характеризуется взрывным произношением согласного «з» (так же произносится этот звук в переходных говорах и в литературном языке). Южновеликорусское наречие имеет звук «ʒ» фрикативный (см. гл. III, § 27).

3. Северновеликорусское наречие (и средневеликорусские говоры, включая литературный язык) имеют в конце глагольных флексий 3 лица множеств. числа настоящего или будущего простого — звук «т» без смягчения. Южновеликорусскому наречию свойственно произношение данного согласного в конце глагольной флексии как согласного палатализованного (см. гл. IV, § 101).

4. В северновеликорусском наречии (а также в средневеликорусских говорах и в литературном языке) употребительны формы родительного — винительного падежа личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа, а также возвратного местоимения — с гласным «-а» («-я») на конце: *меня, тебя, себя*. В южновеликорусских говорах такие формы употребляются с конечным гласным «е»: *мене, тебе, себе*.

Остальные диалектные различия, характерные для основных наречий русского языка и его диалектных групп, будут рассмотрены

в следующих параграфах. При этом мы будем пользоваться так называемой «традиционной» классификацией русских говоров, восходящих к «Опыту диалектической карты русского языка в Европе» МДК 1915 г. (см. § 9), и сопоставлять эту классификацию с новой, произведенной авторами академической «Русской диалектологии» (1964). Различия между обеими этими классификациями говоров имеют несколько причин. Материалом при составлении «Опыта» служили ответы на программы МДК, присылавшиеся корреспондентами-неспециалистами и поэтому не отличавшиеся необходимой полнотой и точностью. Новая классификация построена на основании данных, добытых специалистами при собирании материалов для «Атласа русского языка» и обладающих достаточной полнотой. Традиционная классификация основывалась на учете лишь какого-либо одного диалектного различия: так, например, в основу классификации северновеликорусских говоров был положен признак отражения в современных говорах древнего звука «ять» в уда-емом слого.

При классификации групп южновеликорусских говоров принималось во внимание главным образом произношение гласных в первой предударной слого после мягких согласных (типы яканья). Новая классификация построена с учетом современных методов лингвистической географии и опирается на характерные комплексы изоглосс фонетических, грамматических и лексических явлений.

Однако при всех преимуществах новой классификации говоров перед «традиционной» их классификацией и эта классификация обладает рядом недостатков, из которых самый существенный тот, что авторы новой классификации произвольно отграничивают ареалы исследуемых говоров, рассматривая лишь те из них, которые отнесены ими к так называемому «раннему» формированию, т. е., по мнению авторов новой классификации, образовались в период до XV в. Говоры же, квалифицируемые в качестве говоров «позднего» формирования, вовсе не вошли в новую классификацию, так, например, говоры поморской группы свр. наречия, говоры Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья, Нижнего Придонья и Северного Кавказа. Таким образом, одной из важных задач, вставших перед диалектологами, может быть признано составление более точной классификации русских говоров, в которой отражались бы диалекты на всей территории, занятой русским языком в Европейской и в Азиатской частях СССР.

§ 17. Северновеликорусское наречие. Классификация говоров

В наши дни говоры северновеликорусского наречия (сокращенно обозначаемые — свр.) распространены в северной и в восточной части территории, занятой населением, говорящим на русском языке в Европе и в Азии. Это области РСФСР: Мурманская, Архангельская, Вологодская, Костромская, Кировская, Пермская, а также большая часть областей Сибири. Кроме того свр. говоры звучат у русского населения автономных республик, расположенных смежно с названными облас-

тями: Карельской, Коми, Удмуртской, частично Башкирской и Марийской.

В соответствии с классификацией, свр. наречие принято было делить на пять групп говоров: 1. поморскую (архангельскую), 2. олонецкую, 3. западную (новгородскую), 4. восточную (вологодско-вятскую — впоследствии вологодско-кировскую), 5. владимирско-поволжскую.

В самые последние годы, с учетом материалов, собранных для «Атласа русского языка», была разработана новая классификация свр. говоров авторами книги «Русская диалектология», изданной Академией наук СССР в 1964 г. В отличие от ранее принятой, новая классификация, во-первых, построена не на одном каком-либо языковом явлении, а на комплексе признаков. Во-вторых, согласно новой классификации, говоры владимирско-поволжской группы, ранее признававшиеся свр. говорами, стали относить к говорам средневеликорусским, переходным, поскольку они испытали на себе воздействие говоров ювр. наречия.

Приводим характеристику диалектных групп согласно традиционной классификации.

1. Поморская, или архангельская, группа говоров. Говоры этой группы распространены на территории нынешней Архангельской области, а также в Мурманской области и в северных районах Карельской АССР (у побережья Белого моря). Говоры поморской группы отличаются следующими основными признаками:

1. На месте древнего гласного «ять» как под ударением, так и в неударяемых слогах слышится звук «е», но в отличие от литературного языка этот гласный всегда, независимо от качества последующего согласного, произносится как звук закрытый, более узкого образования, чем «е» в литературном языке перед твердыми согласными. В конце же слова (во флексиях) этот гласный звук изменился в «и»: *на сели, на конци* и т. п. Такая флексия может быть вызвана и нефонетическими причинами.

2. Гласный «а» между двумя мягкими согласными под ударением произносится как закрытый звук «е». В результате могут возникнуть своеобразные чередования гласных, отсутствующих в литературном произношении: *шляпа* — но *в шлепи*, *взял* — но *взели, взеть, мял* — но *меть* и т. д.

3. Гласный «е» переходит в «о» не перед мягкими согласными не только под ударением, как в литературном языке, но и в послеударных слогах: *морё, плё, чистоё, знёт, будём* и т. п.

4. В поморских говорах распространено цоканье. На месте исконных аффрикат «ц» и «ч» обычно слышится только звук «ц» мягкий: *конець, отець, цудо, цесь* (честь) и т. п. Впрочем иногда, как отмечалось еще в «Опыте», в произношении мужчин можно было услышать и твердое «ц», и цоканье, т. е. совпадение «ц» и «ч» в одном звуке «ч».

5. На месте буквы «ц» произносится долгое «иш» твердое: *ишука, пушишай, шишока*. В соответствующем звонком сочетании звуков слышится долгий твердый звук «ж»: *ежжу, вожжы* и т. п.

6. Звук «в» произносится как зубно-губной согласный и в конце слова приглушается в звук «ф»: *дроф, любофь, трафка* и т. д.

7. В творительном падеже множественного числа существительных, прилагательных и местоимений слышится флексия «-мы», реже «-ма»: *сильныма рукама, с топорама и с пилама* и т. д.

8. В род. падеже ед. числа местоимений и прилагательных флексия произносится как «-ого» (без перехода «г» в «в», как в литературном языке), реже в этом положении слышится звук «г» фрикативный, иногда наблюдается полное выпадение согласного: *коо, дброо*.

Остальные признаки свр. говоров поморской группы могут встречаться и в других свр. говорах, поэтому мы опускаем сейчас их более подробное перечисление.

В новой классификации поморская группа говоров не представлена. Авторы, создавшие эту классификацию, отнесли территорию, где распространены говоры поморской группы, к районам позднего заселения.

II. Олонецкая группа (названа так по дореволюционному названию губернии, центр которой находился в г. Петрозаводске и которая охватывала, кроме районов нынешней КАССР, также территории бывшего Лодейнопольского, Вытегорского и Каргопольского уездов, отошедших, согласно современному административному делению, соответственно к Ленинградской, Вологодской и Архангельской областям). К этой группе принадлежат русские говоры в центральных и восточных районах Карельской АССР, а также в районах Вологодской области, прилегающих к южному берегу Онежского озера (бывшего Вытегорского уезда).

Говоры названной группы характеризуются следующими основными чертами:

1. Звук, заменивший собою древнее «ять», в большинстве говоров произносится под ударением перед следующим твердым согласным как «е» закрытое, перед последующим же мягким согласным как звук «и». В результате возможны такие чередования гласных в корнях слов: *лес* (иногда звучит как *лйес* — но *полицник* (охотник); *сено* (или *сийено*), но на *сини*. Слова *зверь, дети, копейка* произносятся как *звирь, дити, копийка* и т. п. В первом предударном слоге данный звук произносится в основном так же. В абсолютном конце, как и в говорах поморской группы, на месте древнего «ять» обычно произносится «и».

2. Звук «а» между мягкими согласными в большинстве говоров сохраняет свою принадлежность к среднему ряду и не переходит в «е»: *грязь, хозяин* и т. п.

3. Поморским «и» и «ж» долгим обычно соответствуют сочетания согласных «ич», «ждж» или «ит», «жд» с мягким произношением вторых элементов звукосочетаний: «ч», «дж», «т» и «д»: *штюка, пуштю, приездяй* и т. п.

4. Твердое «л» в конце слова и перед согласными переходит в неслоговое «у»: *быу, стау, воук, доуго*.

5. В окончаниях род. пад. ед. числа мужск. и среднего рода прилагательных и местоимений обычно произносится сочетание «-ого» с «у» фрикативным: *кору, доброу, другоу* и т. п.

Кроме того, в отдельных говорах этой группы можно наблюдать некоторые черты, обычно свойственные южновеликорусским говорам.

6. В интервокальном положении слышится фрикативное «г»: *дура, оронь*.

7. В род. и в дат. падежах единств. числа прилагательных женск. рода может появляться флексия «-эй»: *золотэй, худэй*.

8. В исходе флексий 3 л. ед. и мн. числа глаголов наст. и будущ. простого иногда произносится «т» мягкое: *будетъ, знаютъ*.

Особое положение в составе олонецкой группы принадлежит говорам Заонежья (полуострова в северо-западной части Онежского озера). В этих говорах происходит систематический перенос ударения на начало слова или на предлог в соединении с дифтонгизацией ударяемого гласного. Происхождение этих и других особенностей заонежских говоров (так называемого «ляпанья») до сих пор еще недостаточно выяснено.

Согласно новой классификации, бывшая олонецкая группа говоров (изученная лишь в самой южной части ее территории) выступает как онежская подгруппа межзональной группы северного наречия. В состав названной группы отнесены еще лачская подгруппа (г. Каргополя Архангельской обл.) и белозерская подгруппа (в бассейне рек Шексны и Мологи).

III. Западная (новгородская группа) в прошлом охватывала говоры Новгородской и Петербургской губернии. Особенности свр. говоров этой группы следующие:

1. На месте древнего звука «ять» как под ударением, так и в первом предударном слоге, независимо от качества последующего согласного, произносится гласный «и»: *лито, сино, здись, дила, дилить*.

2. Звук «а» между мягкими согласными не переходит в «е».

3. Губные согласные в исходе слова всегда твердые: *сем, восем, голуп, кроф, любовф* и т. п.

4. «Ц» и «ч» в большинстве говоров различались, причем оба согласных произносились твердо: *мисец, концы, чистой* (или цыстой).

5. В род. пад. ед. число прилаг. и местоим. мужск. и средн. рода — окончание «-ово»; *ково, любово, доброво*.

6. Творит. падеж множ. числа существ., прилаг. и местоимений совпадал с дательным: *одилал своим рукам*.

Согласно современной классификации, восточная часть территории, ранее занимавшейся западной группой говоров, отнесена к ладогитихвинской группе свр. наречия (восток Ленинградской и Новгородской областей). Западная же часть этой территории определяется сейчас как «западные среднерусские окающие говоры», к которым отнесены говоры западной и южной части Новгородской области, южной части Ленинградской и северные районы Псковской области (гдовская группа).

IV. Восточная (вологодско-вятская) группа. В прошлом данная группа включала в себя говоры Вологодской, Вятской, Пермской губерний, ныне восточной и центральной части Вологодской области, и

далее на восток до Уральского хребта и за ним. Особенности этой группы говоров следующие:

1. На месте древнего «ять» перед мягкими согласными как под ударением, так и в первом предударном слоге произносится «и». Перед твердыми же согласными в аналогичных позициях под ударением возникает двугласный звук «не», в предударном же слоге слышится или «е» закрытое или «о». Например: *лиёс, лиётю, сиёно*, но *хлибець, на свити, на рике, смяютсе*. Первый предударный слог: *река* и *р'ока, петух* и *п'отух*. В некоторых говорах бывшего Тотемского уезда двугласный «це», вместо старого «ять» может слышаться не только перед твердыми согласными под ударением, но и перед мягкими: *здиесь*.

2. Во многих говорах этой группы, в соответствии с дифтонгальным произношением гласного звука на месте древнего «ять», гласный звук «о» (не произошедший из редуцированного «ъ») под ударением произносится как сочетание «уо»: *вудоля, пудоле, воруона, соруока, доруога* и т. п.

3. Звук «е» в неударяемых слогах почти всегда переходит в «о»: *восна, знають, платюм*, за исключением отдельных редких положений в первом предударном слоге перед слогом с ударяемым «у»: *беру, несу, на берегу*. В абсолютном конце слова «е» всегда переходит в «о»: *спит'о, возьмит'о*.

4. Гласный «а» между мягкими согласными, как и в говорах поморской группы, обычно переходит в «е» (под ударением). Приведем вологодскую поговорку: *тесь любит цесь, а зеть любит взеть*.

5. Звуки «ц» и «ч» в большинстве говоров данной группы не различаются и реализуются в виде мягкого «ц». В некоторых же говорах так же вологодской группы отмечалось различное произношение аффрикат мужчинами и женщинами: в то время как мужчины произносили в данной фонетической позиции «ч», у женщин слышалось «ц» мягкое.

6. На месте орфографического «ш» и параллельного ему звонкого сочетания звуков в большинстве говоров произносились звуки «шш» и «жж» долгие твердые, как и в говорах поморской и западной групп. Иногда же слышались сочетания звуков: «шшч» и «ждж», но в отличие от говоров олонецкой группы — твердые.

7. В значительной части вологодских говоров начальный согласный «в» слышится как согласный двугубной (билабиальный) и переходит в «у»: *удова, унук, у дом* и т. п.

8. Подобный же согласный слышится в этих говорах и на месте «л» в конце слова или перед согласными: *быу, шоу, знау, воук, моучи* и т. п.

В остальном говора восточной группы сходны с поморскими и олонецкими.

В новой классификации этой группе соответствует вологодская группа говоров северного наречия, однако восточная часть говоров (говора Кировской и Пермской областей) оказались не охваченными классификацией, поскольку в ней не рассматриваются говоры на территориях позднейшего населения.

V. Владимирско-поволжская группа говоров согласно традиционной классификации охватывала говоры Владимирской области, а также окающие говоры Поволжья, начиная с бывшей Тверской губернии (восточной ее части) до Саратовской.

1. Главная особенность говоров данной группы, в отличие от остальных свр. говоров, состоит в том, что оканье в них неполное: звук «о» произносится на месте орфографического «о» лишь в первом предударном слоге, в остальных же позициях этот звук редуцируется и произносится так же, как и в московском произношении (в литературном языке), например: *гѣлова, пѣсмотри, горѣд, окѣлѣ* и т. п.

2. Судьба древнего «ять» в говорах этой группы тоже признавалась сходной с изменением этого звука в литературном языке, т. е. он совпал под ударением с гласным «е».

3. Редукция звука «о» в начальном слоге, отстоящем на два слога и более от ударения, а иногда и в первом предударном слоге, приводит к переходу этого звука в «у»: *угород, угурицы, утвори* (дверь), *устѣновись* (вм. остановись), иногда: *упять*, или *упеть* (вм. опять).

4. Звуки «ц» и «ч» обычно различаются, причем «ч» произносится твердо.

5. На место «ш» и соответствующего звонкого звукосочетания обычно произношение долгих твердых звуков «шш» и «жж»: *шшшка, пушшу, вожжы, дрожжы* и т. п.

6. Звук «йот» в положении между двумя гласными в данных говорах выпадает, а вслед за тем происходит стяжение двух одинаковых гласных. Чаще всего такое явление наблюдается в произношении глагольных форм настоящего времени и во флексиях полных прилагательных женского и среднего рода: *не знам, за што страдам; азбуку знам, а «е» пропукам* (поговорки), или *больша дорога, худо ведро* (из большаа дорога, худо ведро и т. п.).

В связи с тем, что генетически эти говоры испытали на себе воздействие ювр. говоров, новая классификация относит их к числу средне-русских окающих говоров. Однако при этом признано необходимым выделить новую, ранее не фиксировавшуюся группу северных говоров, костромскую, к которой, согласно современной классификации, отнесены говоры нынешней Костромской области, а также восточных районов Ярославской и северных районов Горьковской области.

§ 18. Южновеликорусское наречие. Классификация говоров

Говоры южновеликорусского (сокращенно ювр.) наречия распространены в южной и в югозападной части той территории, которая занята в Европе населением, говорящим на русском языке. Это нынешние Смоленская, Брянская, Калужская, Орловская, Тульская, Курская, Липецкая, Воронежская, Тамбовская области, большая часть Рязанской области, западные районы Пензенской и Саратовской областей, а также Волгоградская и Ростовская области и русские говоры на территории Северного Кавказа (Ставропольский, Краснодарский

края и автономные республики Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Чечено-Ингушская и Дагестанская). Кроме этой сплошной территории, ювр. говоры наблюдаются в районах более позднего заселения, в восточных областях Европейской части СССР и в Сибири. Наиболее компактно ювр. говоры размещены в Заволжье: в восточных районах Куйбышевской и Саратовской областей и в западных районах Оренбургской области.

Основными особенностями, общими для всех ювр. говоров, являются:

1. Аканье, т. е. произношение звука «о» в неударяемом положении как «а». Обычно, как в литературном произношении, аканье соединяется с редукцией звуков «о» и «а» во всех позициях, кроме первого предударного слога. Однако есть такие ювр. говоры, в которых звук «а» слышится на месте орфографического «о» во всех его положениях: *уалава, уорад, холад* и т. п.

2. С аканьем тесно связано «яканье», выступающее как следствие того же самого фонетического процесса, но только после мягких согласных. Всем южнорусским говорам присуще яканье в той или иной его разновидности (см. гл. III, § 58—62).

3. Старый звук «ять» под ударением произносится, как и в литературном языке, подобно звуку «е», причем перед последующим твердым согласным этот звук выступает как открытый, перед последующим мягким — как закрытый: *лес, петь*.

4. Согласный «г» всегда длительный (фрикативный), в конце слова и перед глухими согласными он приглушается в звук «х»: *русь, уород, уолова, оронь, дура, друх, врах, мяхкий, лехкий*.

5. Отсутствие смешения «ц» и «ч», произношение звука «ч» как мягкого.

6. В третьем лице единств. и множ. числа глаголов флексия оканчивается смягченным «т»: *ходить, знает, ходють, знают* (если только этот звук вообще сохраняется во флексии) (см. гл. IV, § 107).

Кроме этих основных общих отличий, ювр. говоры имеют характерные особенности и в синтаксическом строе, и в лексике, а также отличаются от литературного произношения местом ударения в словах.

Согласно традиционной классификации ювр. говоры было принято подразделять на три основных группы: южную (орловскую), тульскую (северо-западную) и восточную (или рязанскую). Рассмотрим территориальное распространение и характерные черты данных групп ювр. говоров.

1. Южная группа говоров охватывает говоры Орловской и Курской областей, а также нынешних Ростовской области и краев Северного Кавказа. Для говоров данной группы характерны следующие приметы:

1. Диссимилятивное яканье различных подтипов (см. гл. III, § 59).

2. Переход начального «в» перед согласным в билабиальный звук «у»: *унук, удова, у уорьд*. Подобный же двугубный звук слышится и *деука, лаука, траука* и т. п.

3. В говорах орловской группы, как и во многих других ювр. говорах, отсутствует звук «ф». В начале слова и перед гласными этому звуку соответствует сочетание «хв», в конце слова или перед согласным — «х»: *Хвилит, Хведор, хвунт, тухли* (туфли), *тих* (тиф) и т. п.

4. В говорах этой группы, подобно тому как и в других ювр. говорах, отсутствует категория среднего рода. Прилагательные и местоимения согласуются с существительными, относящимися в литературном языке к среднему роду, в женском роде: *большая сяло, адна поля* (поле), *пахал другую поля* и т. д.

Согласно новой классификации, южной группе ювр. наречия соответствует курско-орловская группа южнорусских говоров, однако без учета говоров Ростовской области и Северного Кавказа.

II. Тульская, или северо-западная, группа ювр. говоров охватывает говоры большей части Тульской и Калужской областей, а также южные районы Московской области. Основные черты говоров этой группы следующие:

1. Яканье умеренное, т. е. произношение «а» («я») после мягких согласных в первом предупредительном слоге наблюдается лишь перед следующим твердым согласным, перед мягкими же согласными в данной позиции слышится «и» или очень закрытое «е» (см. гл. III, § 62).

2. Произношение согласного «в» в северной части говоров этой группы совпадает с литературным, т. е. этот звук произносится как согласный губно-зубной и приглушается в конце слова и перед глухими согласными в звук «ф». В южной же части говоров тульской группы произношение «в» и «ф» приближается к произношению этого согласного в говорах южной группы. Согласно новой классификации, говоры данной группы отнесены к тульской подгруппе межзональной группы южнорусского наречия, приблизительно в тех же географических очертах.

III. Восточная, или рязанская, группа говоров включает в себя говоры на юге и юго-западе Рязанской области, а также в областях Тамбовской, Липецкой, Воронежской, в восточных районах Пензенской и Саратовской областей, а также Волгоградской области. Важнейшие приметы говоров рязанской группы таковы:

1. Сильное яканье (см. гл. III, § 61), как утверждали авторы «Опыта». Однако наблюдения, проведенные диалектологами при составлении «Атласа русских говоров к востоку от Москвы», позволили уточнить эти данные. В действительности в говорах рязанской группы преобладает яканье ассимилятивно-диссимилятивное различных подтипов (см. гл. III, § 60; см. также: Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка, с. 133).

2. Согласный «в» обычно сохраняется как губно-зубной с приглушением его в звук «ф»: *кароф, дроф* и т. п.

В новой классификации как название, так и территориальные границы данной группы говоров сохранены без существенных изменений.

Кроме того, новая классификация ювр. говоров причисляет к южнорусскому наречию говоры западной части Смоленской области, прежде признававшиеся белорусскими, называя их западной группой южно-

русского наречия. Между говорами западной группы и курско-орловской группы новая классификация помещает говоры верхнеднепровской и верхнедеснинской групп южновеликорусского наречия, которые прежде квалифицировались как переходные от южновеликорусских к белорусским говорам. Говоры верхнеднепровской группы охватывают восточные районы Смоленской области, говоры верхнедеснинской группы распространены в центральной и восточной части Брянской области. Так называемая межзональная группа «а» южнорусского наречия тянется узкой полосой с севера на юг, включая в себя говоры западных районов Калужской, Орловской и Курской областей. Говоры этой группы прежде частично причислялись к переходным от южновеликорусского наречия к белорусским, частично же относились к южновеликорусским говорам южной группы. В восточных районах Орловской области новая классификация помещает говоры елецкой подгруппы межзональной группы говоров южного наречия, а в восточных районах Курской, в западных районах Воронежской области — соответственно говоры оскольской подгруппы той же межзональной группы говоров.

Что касается южновеликорусских говоров в районах Заволжья, то «Опыт» не содержал определенных указаний по поводу отнесения их к той или иной диалектной группе за недостатком точных сведений. Наблюдения, производившиеся диалектологами в 1930-х — 50-х годах, показали, что в районах Куйбышевской и Оренбургской области встречаются ювр. говоры, относимые ко всем основным группам ювр. наречия, в зависимости от того, откуда именно переселялись на новые места предки современных носителей того или иного конкретного говора¹. Наблюдается также взаимопроникновение диалектных черт, относимых к признакам разных групп, с преобладанием особенностей восточной группы говоров².

§ 19. Переходные, средневеликорусские говоры

Между территориями, занятыми северновеликорусскими и южновеликорусскими наречиями, с запада на восток тянется относительно неширокая полоса переходных, средневеликорусских говоров. Эти говоры, не составляя особого наречия русского языка, образовались позднее в процессе сложения языка великорусской народности и содержат черты, относимые как к северновеликорусскому, так и к южновеликорусскому наречию. В западной зоне (на территории Псковской области) переходные говоры имеют иное происхождение. Они сложились не в результате взаимодействия северновеликорусских говоров с южновеликорусскими, а при смешении северновеликорусских говоров с говорами белорусского языка.

¹ См.: М а л а х о в с к и й В. А. Несколько поправок к диалектологической карте русского языка (к вопросу о границах поволжского южновеликорусского «острова»). — Уч. зап. Куйбышевского пединститута, 1955, т. 13, с. 255—262.

² См.: Б а р а н н и к о в а Д. И. О некоторых особенностях развития диалектов на территории позднего заселения. — В кн.: Язык и общество. Саратов, 1967, с. 16—35.

Согласно общепринятому мнению, образование средневеликорусских говоров происходило в процессе наславивания южновеликорусских диалектных черт на первичную северновеликорусскую речевую основу. Однако такое объяснение образования переходных говоров не является единственно возможным¹. Переходные средневеликорусские говоры могут быть по своему происхождению различными.

Кроме основной территории «полосы», говоры средневеликорусского типа наблюдаются сейчас и далеко на востоке: в Заволжье, в Приуралье, в Западной и в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Говоры смешанного, средневеликорусского типа систематически возникают и образуются вновь повсеместно, где происходит междиалектное взаимодействие. Так, в Заволжье средневеликорусские говоры наблюдаются и в речи тех жителей деревень или сел, в которых переселились выходцы из средневеликорусской диалектной полосы, и в речи жителей иного происхождения, если эта речь возникла в результате смешения различных по своей природе говоров или подверглась влиянию со стороны литературного языка.

В «Опыте», помимо основной территории средневеликорусских говоров, переходные акающие говоры отмечались еще в так называемом «Костромском диалектном острове», в бывших Чухломской, Солигаличском, в части Буйского и Кологривского уездов Костромской губернии. Происхождение этих говоров, находившихся в окружении северновеликорусских, исторически объяснялось относительно поздним переселением их носителей из районов Подмосковья, причем это событие относили либо к середине XVI в., ко времени опричнины при Иване Грозном, либо к годам подавления Петром I стрелецких восстаний, когда потомки подмосковных стрельцов были сосланы в глухие леса костромского Заволжья. Как показали материалы, собранные для «Атласа русского языка» в 50-е годы нашего века, эти когда-то акающие говоры полностью растворились в окружающих северновеликорусских. Поэтому новая классификация не уделяет места названному диалектному острову.

Современная граница акающих средневеликорусских говоров отмечается к северу от Москвы и тянется в восточном направлении до Ульяновской области. Южная их граница проходит южнее Москвы и направляется на юго-восток до районов Пензенской области. Таким образом, кроме центральных районов Московской области, эта полоса включает в себя южные районы Владимирской области и северовосточные районы Рязанской области, а также большую часть русских говоров на территории Мордовской АССР и Пензенской области.

К западу и к северо-западу от Москвы, согласно современным данным, отмечаются среднерусские акающие (западные) говоры, подразделяемые на две группы: селитеро-торжковскую (в западных районах Калининской области) и псковскую (охватывающую большую часть

---

¹ См.: Гвоздев А. Н. К вопросу о влиянии междиалектного общения на фонетическую систему русских говоров. — «Известия АН СССР, ОЛЯ», 1948, т. 7, вып. 3, с. 201—210.

говоров центральной части Псковской области). Говоры же среднерусского акающего типа, расположенные к востоку от Москвы, по современной классификации подразделяются на три отдела: А — говоры центра Московской области, Б — говоры районов Владимирской и Рязанской областей, В — говоры на территории Мордовской АССР (и, очевидно, далее на юго-восток в Пензенской и в Саратовской области).

Обычно к числу акающих средневеликорусских говоров относят такие, в которых одновременно наблюдается аканье и взрывное произношение согласного «г». Что касается остальных фонетических, морфологических, синтаксических и лексических примет переходных средневеликорусских говоров, то эти приметы весьма разнохарактерны и многообразны в зависимости от того, какие именно конкретные южновеликорусские, северновеликорусские или белорусские говоры участвовали в их образовании.

Помимо переходных говоров, возникших в результате взаимодействия великорусских говоров между собою или с говорами белорусского языка, можно отметить и переходные говоры великорусско-украинского происхождения и состава. Они отмечались в низовьях Дона, в нынешней Ростовской области и кое-где на Северном Кавказе. Очевидно, говоры подобного типа могут наблюдаться и в иных районах позднего заселения: в Сибири, в Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Литература

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.

Опыт диалектической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. Составили члены (Московской диалектологической) комиссии Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. — В кн.: Труды Московской Диалектологической комиссии, вып. 5. М., 1915.

Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, с. 227—297.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970, с. 71—162.

ГЛАВА III

ФОНЕТИКА

§ 20. Общие сведения

Вся совокупность территориальных и социальных диалектов вместе с различными стилями литературного языка составляет современный язык в общенациональном масштабе. Различная интенсивность и разнонаправленность изменений диалектных систем дает материал для истории русского языка. Поэтому рассмотрение особенностей диалектной речи удобнее всего построить на сопоставлениях с литературным языком, обращаясь к историческим комментариям в тех случаях, где обнаруживаются расхождения между отдельными диалектными системами.

Все отклонения диалектных фонемных систем от литературного языка можно свести к трем следующим типам:

1) различие в составе фонем (например, наличие одной или двух аффрикат);

2) различие в системе фонем, т. е. в принципе противопоставления фонем (например, противопоставление двух аффрикат как /ц/ : /ч'/ или как /ц'/ : /ч/);

3) различие в фонетической реализации фонем (например, мягкое зубное /ц'/ или твердое зубное /ц/ в их оттенках).

С исторической точки зрения нет четкой границы между этими типами различий — они взаимосвязаны последовательностью изменения, обуславливая и предопределяя друг друга. С точки зрения синхронного описания эти различия существенны, они определяются системой фонем. Именно поэтому при конкретном изложении материала иногда трудно противопоставить указанные различия; в некоторых случаях их непременно разъединение оказалось бы искусственным. Основная задача заключается в том, чтобы показать многообразие диалектных систем в их отличии друг от друга и от литературного языка. Одними различиями в таком случае невозможно ограничиться: некоторые сходные элементы, заключенные в различные системы, проявляют себя по-разному. Наконец, на основе взаимодействия говоров друг с другом и под влиянием литературной речи в диалектную систему приходят некоторые изменения, нарушающие идеально точную картину внутри-

диалектного развития. Все такие изменения рассмотрены в последнем, V разделе; в первых четырех разделах речь идет о чисто диалектных системах, не смешивающихся с городским просторечием на основе широко развитого в настоящее время «сельского билингвизма» (двуязычия). Поскольку из-за неразработанности диалектной фономорфологии в книге не отражены проблемы морфологических чередований, наиболее удобной теоретической базой изложения фонетических и фонологических проблем русской диалектной речи представляется фонологическая теория академика Л. В. Щербы и его школы (с некоторыми добавлениями, определяемыми материалом). Основные её положения изложены в книге Л. Р. Зиндера «Общая фонетика» (Л., 1960).

Условные обозначения, принятые в I главе:

- /a/ — обозначение фонемы.
- [a] — обозначение звука.
- a — обозначение буквы.
- [á] — напряженный гласный.
- [â] — гласный заднего образования.
- [ã] — гласный переднего образования.
- [ä] — гласный передне-верхнего образования.
- [ɑ] — закрытый (узкий) гласный.
- [ǎ] — краткий гласный.
- [ã] — долгий гласный.
- [ɑ̃] — неслоговой гласный.
- [á] — гласный под ударением.
- [t] — твердый (веляризованный) согласный.
- [ṭ] — мягкий (палатализованный) согласный.
- [t̚] — полумягкий (полупалатализованный) согласный.
- [t̥̚] — глухой согласный.
- â — условный знак гласного, ṭ — условный знак согласного.

РАЗДЕЛ I

КОНСОНАНТИЗМ

§ 21. Предварительные замечания

Содержание фонемы определяется позиционными и комбинаторными оттенками, в которых она может выступать. Позиционные оттенки гласных определяются положением (1) в начале слога перед гласным (*то-*); (2) в начале слога перед согласным (*сто-*); (3) в конце слога после гласного (*-ос*); (4) в конце слога после согласного (*-ост*). Вариативность говоров в зависимости от реализации позиционных оттенков фонем довольно велика, особенно в позициях (2) и (4).

Комбинаторные оттенки согласных определяются положением перед определенными гласными или согласными. В русских говорах, как и в русском языке вообще, такие оттенки согласных не играют решающей

роли в реализации фонем. Объясняется это общей консонантной системой языка, в частности, широко развитым противопоставлением звонких согласных глухим и палатализованных согласных — непалатализованным. Однако своеобразие говоров заключается в том, что у фонем звонкого ряда в определенных комбинациях могут нейтрализоваться противопоставления, не связанные с оппозицией по мягкости-твердости или глухости-звонкости. Происходит это обычно в позиции (2).

1. РАЗЛИЧИЯ В СОСТАВЕ ФОНЕМ

Сравнительно с литературным языком некоторые русские говоры имеют меньшее количество согласных фонем; в частности, в консонантной системе говора могут отсутствовать фонемы /ч'/, /ф/ и /ф'/. Вопрос о долгих шипящих в русском литературном языке является спорным, однако в ряде русских говоров они совершенно определенно не являются самостоятельными фонемами. Наконец, в говорах более последовательно твердым заднеязычным противопоставляются согласные мягкие /з'/ и /к'/.

§ 22. Аффрикаты /ц/ и /ч'/

Широкой полосой в центре Европейской части РСФСР расположены южновеликорусские (ювр.) и средневеликорусские (срвр.) говоры, которые, подобно литературному языку, различают аффрикаты переднеязычную /ч'/ и зубную /ц/. Большинство русских говоров Сибири и Дальнего Востока также имеют в своих системах /ч'/ : /ц/, но следы прежнего цоканья легко обнаруживаются. После отвердения /ч'/ эти две фонемы различны не только местом образования, но и мягкостью-твердостью: среди русских говоров с различием двух аффрикат нет ни одного с противопоставлением /ч'/ : /ч'/.

В некоторых говорах до сих пор либо сохраняется только одна зубная аффриката (цоканье), либо имеются следы недавнего цоканья. В прошлом цоканье территориально было очень распространено и представляло собой устойчивую диалектную черту. Оно обнаруживается уже в древнейших памятниках русского языка с XI в. Происхождение цоканья в разных говорах, возможно, различно; современные фонологические системы этих говоров определенно различны. Эти два обстоятельства определяют разнообразие рефлексов аффрикат и пути изменения говоров в сторону различения /ц/ и /ч'/.

Самым древним типом цоканья является мягкое цоканье, т. е. «совпадение» /ч'/ и /ц'/ в одном /ч'/; ср. произношение [ч'а]рѣ, [ч'а]сто, [ч'е]льѣй, [ч'е]рѣти, [ч'и]лѣки, [ч'и]сто, от[ч'у], [ч'у]до, ли[ч'о], [ч'о]м, ли[ч'и]ный, отел[ч'и], но[ч'и].

Полное цоканье распространено в олонецких, поморских и вологодско-кировских говорах, т. е. занимает компактную территорию на севере и северо-востоке Европейской части РСФСР; в говорах Сибири и Дальнего Востока такой тип цоканья также очень распространен. Как правило, мягкое цоканье сохранилось там, где одновременно

с этим возможно позиционное употребление палатализованных [ш'], [ж'], особая палатализация [с'], [з'] и т. д. Среди отдельных европейских говоров это наиболее архаичные говоры, и сохранение [ц'] поддерживается здесь многими особенностями консонантной системы. Только на окраинах распространения мягкого цоканья началось изменение аффрикаты [ц'].

Говорам с мягким цоканьем (1) противостоят говоры с твердым цоканьем, т. е. с произношением твердого [ц] на месте [ч'] и [ц']/. Общерусское отверждение [ц'] последовательно распространилось в этих говорах наряду с отверждением [ш'], [ж']/. Говоры с твердым цоканьем находятся к востоку и к западу от распространения говоров с различием аффрикат; под влиянием последних здесь довольно интенсивно происходит утрата цоканья, но различным образом в западных (и северо-западных) и восточных (и юго-восточных) говорах с твердым цоканьем.

На территории Ленинградской, Новгородской, Псковской, западной части Калининской и Смоленской областей твердое цоканье, еще недавно широко здесь распространенное, постепенно сменяется различными твердыми [ц] и [ч] (2), т. е. [ца]рь, [цэ]лый, [цы]пки, от[цу], ли[цо], отел[ц], но [чал]сто, [чэ]рти, [чы]сто, [чу]до, на [чо]м, ли[ч]ный, но[ч]. Фонетически такое [ч] не совсем твердо, иногда специально оговаривают его «полумягкость» или «полутвердость»; во всяком случае ничего общего с украинским или белорусским твердым [ч] этот звук не имеет. Однако от русского литературного [ч'] он отличается еще больше, что особенно заметно в положении перед [у]: несмотря на свою «полумягкость», [ч] сочетается только с [ы], т. е. у[ч'ы]тель, [ч'ы]сто, [ч'ы]ть. Следовательно, с фонологической точки зрения [ч] является твердой фонемой. В говорах с недавно начавшимся отходом от твердого цоканья возможна другая разновидность цоканья с различием [ц] (-литер. [ц]) и мягких свистящих аффрикат типа шепелявого [ц''], [ц'ч'], [ч'] и т. д. на месте литер. [ч']/, т. е. [ц'']сто, [ц'']рти, [ц'']сто, [ц'']удо, на [ц'']м, ли[ц'']ный, но[ц''].

На территории некоторых соседствующих районов Московской, Владимирской, Ивановской, Ярославской, Рязанской областей распространена отделенная от других цокающих говоров группа говоров с твердым цоканьем, которое постепенно сменяется различием [ц] и [ц'] (3), т. е. [ца]рь, [цэ]лый, [цы]пки, от[цу], ли[цо], отел[ц], но [ц'']сто, [ц'']рти, [ц'']сто, [ц'']удо, на [ц'']м, ли[ц'']ный, но[ц'']. На месте [ц'], заменяющего [ч'] литературного языка, может быть любой сходный звук, т. е. также шепелявое [ц''], [ц'ч'], иногда даже [ч'], но твердая аффриката последовательно соответствует литературному [ц]. Видимо, такое направление в распространении второй аффрикаты является типичным для большинства современных говоров с исходным цоканьем. Шепелявое [ц'']-только в соответствии литературному [ч'] наблюдают, например, в вологодских говорах с мягким цоканьем и в томских и красноярских говорах с твердым цоканьем.

В некоторых случаях при записи цокающих говоров это [ц''] на месте литературного [ч'] передают через [m']: [m'а]с, [m'и]сло, клю[m'].

ка[m'á]н, лисц[м'ка, на[m'н]ёт, [m'и]стить, [m'е]ловек и др. (говоры с мягким цоканьем в Архангельской, Вологодской, Кировской областях). В словах, которые в литературной речи имеют /ц/, произношения аффрикаты без фрикативной части не отмечено. Это значит, что возможен еще один тип перехода к различению аффрикат, но на иных, чем в литературной речи, фонетических основаниях: /ц/ — /ч'/ противопоставлены как [ч'] — [m']. Замечено, что и в литературном языке звук [ч'] иногда выступает как оттенок фонемы [m']. В говорах, отражающих мягкое цоканье, фонема /ч'/ литературного языка воспринимается как твердое [ч]; ср. произношение заимствованных из литературного языка слов типа *у[ч]итель, важный [ч]ып, [ч]ытальня*. В говорах с мягким цоканьем [m'] выступает в качестве оттенка фонемы /ч'/.

С фонетической точки зрения имеется существенная разница в произношении аффрикаты /ц/ во всех трех группах цокających говоров: в северных (группа 1) с мягким цоканьем это очень мягкое [ч'] с сильным подъемом средней части спинки языка к мягкому нёбу; в западных (группа 2) это твердое [ч]; в юго-восточных говорах (группа 3) это полумягкое [ч'], иногда даже с полным отсутствием среднеязычной артикуляции, что и создает впечатление его «твердости». Фонетические различия в реализации /ц/ по говорам определяются общей системой консонантизма, в частности, в говорах третьей группы полумягкость [ч'] определяется произношением согласного перед некоторыми гласными (см. § 41).

Таким образом, и фонетическая реализация общерусской фонемы /ц/, и направление в развитии второй аффрикаты в каждом говоре определяется общей системой согласных фонем. Литературным /ц/ и /ч'/ в говорах соответствуют (1) [ч'] и [m'] (/ч'); (2) [ч] и [ч]; (3) [ч] и [ч']. С фонологической точки зрения при распространении второй аффрикаты в цокajoщем говоре может быть использован один из двух имеющихся у аффрикат в литературном языке различительных признаков: либо место образования (зубной ∞ переднеязычный), либо наличие среднеязычной артикуляции (твердый ∞ палатализованный). В первых двух группах говоров используется первое, в юго-западных говорах — второе противопоставление. Наименее четко сохраняется твердое цоканье: его утрате способствует совпадение диалектного и литературного /ц/.

Среди русских говоров, следовательно, выделяются не только говоры без переднеязычной аффрикаты (цокajoщие говоры), но и такие, которые имеют обе аффрикаты, но противопоставляют их по другому признаку, чем литературный язык. Такие говоры сохраняют следы былого неразличения аффрикат в произношении отдельных слов или архаичных грамматических форм, например [сэранчá] 'саранча', [бэчл] 'очеп', причастные образования типа [ушбэццы] 'ушедши' и т. д. В некоторых муромских говорах, различающих обе аффрикаты, отмечают произношение [ч] вместо [ц] лишь на стыке глагольного окончания и 'ся': *годит[ча], учит[ча]*; это также может указывать на прежнее неразличение /ц/ и /ч'/.

Произношение с /ч'/ в соответствии с литературным /ц/ распространено в целом ряде слов даже в говорах, которые всегда

различали обе аффрикаты (например, в курских, орловских, калужских, воронежских). Предполагают, что произношение [ч'е]ркови, [ч'е]рква, [ч'и]ган лексикализовалось на основе междиалектного общения, а [ч'а]пля, [ч'е]ль представляют собою исконное произношение слов 'цапля', 'цепь'.

Поскольку в говорах с вновь образующимся различием двух аффрикат никогда сразу не возникает точного подобия оппозиции литературного языка (т. е. /ц'/ /ч'/), ясно, что в образовании системы аффрикат важно не влияние литературного языка, который выполняет в данном случае роль катализатора, а общерусский принцип различения аффрикат, который постепенно охватывает все русские говоры — так же, как постепенно происходит отверждение /ц'/ . Все новые оппозиции строятся по общерусскому принципу 'твердый ∞ палатализованный'; в говорах с мягким цоканьем, где противопоставление осуществляется по способу образования (/ц'/): [т'л], фонологически нет второй аффрикаты. Действительно, произношение [т'] на месте литературного /ч'/ здесь факультативно и часто определяется позицией. Говоры с мягким цоканьем наиболее прочно сохраняют принцип цоканья.

§ 23. Фонемы [ш'ч'] и [ж'з']

Наличие буквы «ц» в русском алфавите иногда давало основу для предположения, что в русском литературном языке до сих пор имеется фонема [ш'ч']; [ж'з'] не имеет особого знака для своего обозначения, поэтому относительно этой фонемы подобные сомнения не возникают, «ц» в кодифицированной русской речи произносится двояко: как сочетание [ш'ч'] и как [ш'ш']. Никаких территориальных расхождений в этом литературном произношении нет: одно и то же лицо может произнести и тот, и другой вариант. Иначе в говорах. Разнообразие вариаций произношения здесь шире, чем в литературном языке, но в пределах одного говора, как правило, возможен только один из них. Однако имеется и нечто общее, что объединяет говоры с литературным языком: этот единственный вариант произношения относится не только к исконному /ш'ч'/, но распространяется и на новые сочетания на стыке морфем типа 'щ', зч, жч', ср. произношение:

(1) 'щ' и 'сч' как [ш'ч']: [ш'ч']уки и [ш'ч']езли (в литературной речи и в наиболее архаических говорах Вологодской, Ярославской, Костромской областей, сохраняющихся, в частности, и [ж'д'ж'л]);

* 2) 'щ' и 'сч' как [ш'ш']: [ш'ш']уки и [ш'ш']езли (в литературной речи и в некоторых среднерусских говорах);

3) 'щ' и 'сч' как [шч]: [шч]уки и [шч]езли (в некоторых печерских, архангельских, вологодских говорах с мягким цоканьем);

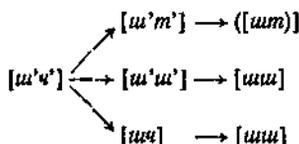
4) 'щ' и 'сч' как [шш]: [шш]уки и [шш]езли (в большинстве русских говоров, главным образом ювр. и срвр.; в говорах Урала и Зауралья, в большинстве сибирских старожильческих говоров, где наряду с этим возможно и произношение [шч], [шч'л]).

Факультативно возможны еще два варианта произношения: [с'ц] ([с'ц]уки и [с'ц]езли как модификация одного из указанных типов на ос-

нове цоканья в некоторых смоленских и уральских говорах) и [ш'т], иногда с отвердением шипящего [шт''] или даже смычного [шт]. Это последнее возможно лишь в сочетании с [ш'ч'], например, в Чарозерском и Вельском районах Вологодской области, несколько раньше оно наблюдалось в Череповецком районе. Отличие этого типа сочетаний от представленных выше в том, что [ш'т'] возможно только в соответствии с исконным [ш'ч']: [š'ei'm'ol], [шт'ука], [v'ei'm'ui], [шт'и], [кл'ешт'и], [шшт'ú], [св'шшт'ú], [m'eiшт'a] и под.; на стыке морфем только [шч']: [шшч'езла], [шшч'ернат'] и др. Параллельно этому в таких говорах происходит упрощение звонкого сочетания [дрóжд'и], [дожд'ú], [вóжд'и] и др.

Таковы различные результаты упрощения сложной группы согласных. Общерусским направлением изменения является тенденция к долготу твердому [ш̄], большинство русских говоров завершило это изменение, опередив литературный язык. Однако промежуточные этапы изменения на севере и на юге были различными. Сравнение со старыми записями диалектной речи показывает, что свр. говоры прежде утратили палатальную окраску сочетания и только потом — затвор, ([шч] и [шш]) сосуществовали в западно-новгородских говорах еще в начале века, до сих пор это возможно в некоторых окающих сибирских говорах). Напротив, ювр. говоры сначала утратили затвор, и только после этого произошло отверждение сочетания (сосуществование [ш'ш'] и [шш]) в воронежских и рязанских говорах).

Итак, исторически возможны изменения:

Изменение [ш'т'] в [шт], свойственное и ювр., и свр. говорам, оказалось «тупиком изменения» по следующим причинам. Фонетически [ш'] в этом сочетании не совпадает со «свободным» [ш] говора: под влиянием следующего [т'] [ш'] в сочетании [ш'т'] становится более передним по образованию, тем самым увеличивая свою палатальность. Все наблюдатели отмечают «сверхмягкость» такого [ш'], позиционно зависящую от [т']. Связанность палатальности со всем сочетанием в целом препятствовала фонетическому отверждению его шипящего элемента.

Фонологические основания утраты [ш'т'] существеннее. Мы уже выяснили, что фонетические модификации шч сопровождаются аналогичными модификациями шч, зч, жч. Поскольку фонетически тождественное сочетание входит в состав одной морфемы («исконное шч») и вместе с тем может входить в состав двух соседних морфем (сочетание приставки и корня зч и др.), тем самым допуская морфологическую границу между элементами сочетания, мы имеем дело не с самостоятельной фонемой, а с сочетанием двух фонем, т. е. [ш'ч'], [ш'ш'], [шч], [шш], [с'ц] и др. Ис-

ключение касается тех цокающих говоров, в которых наряду с мягким /ц'/ возможно произношение [ш'ч'] или [шч] (последнее чаще). Поскольку [ч'] или [ч] в свободном употреблении невозможно, фонетическое разложение [шч] затруднительно. Однако в цокающих говорах чаще развивается произношение типа [с'ц'], которое, естественно, является фонемным.

Наоборот, в говорах с произношением [ш'т'] это сочетание возможно лишь на месте исходной фонемы [ш'ч'], не распространяясь на морфемный шов (в этом случае [шч']). В таких говорах происходит как бы «отталкивание» от нового сочетания [сч'] > [шч'], что сохраняет в составе фонем самостоятельную фонему [ш'ч']. В некоторых печорских говорах на месте шч и на месте сочетания сч, эч, жч, одинаково может быть шч, но только в первом случае возможна утрата взрыва с изменением в [шии] ([т'бишиа], [шииш], [кр'ешишной]). Такова другая попытка разграничить фонетически сходные сочетания разного происхождения, досенная до нас в лексикализованном виде.

Общерусская тенденция к утрате фонем /ш'ч'/ и /ж'д'ж'/ постепенно распространяется на все говоры. При этом увеличивается число ассимиляций, способствующих морфологическому членению сочетания (*вышший, бранишиа, стараешиа, собираешиа*), в соседстве со смычными и на конце слов происходит его сокращение (*сооб[ш]ат, в су[ш]ности, жен[ш]ына, тол[ш]ына, бор[ш], лё[ш]* из [шии]), а в северо-восточных говорах сохраняется комбинаторная мягкость этих сочетаний, параллельная мягкости /ж'/ и /ш'/ перед гласными переднего ряда: *лё[ши]á, но лё[ш'ш']и, и[шш]у, но и[ш'ш']ет, та[шш]у, но прита[ш'ш']ит, дро[жж]али, но дро[ж'ж']ит, во[жж]ами, но во[ж'ж']и как [шар], [шу]рка, но [ш'и]р.*

Сказанное распространяется и на фонему /ш'ч'/ /ж'д'ж'/. Изменение обоих сочетаний обычно происходит параллельно, хотя возможны и отклонения, а именно: взрывной элемент раньше исчезает у /ж'д'ж'/ (изменение в [ж'ж']), но /ш'ч'/ раньше испытывает отвердение. Первое объясняется фонетически: у звонких смычных взрыв всегда слабее, чем у соответствующего глухого. Первоначально, может быть, и у звонкого сочетания произошло только ослабление взрыва, подобно тому, как это имеет место в олонечкой группе говоров ([ш'ч'], но [ж'д'ж']). Равным образом и отвердение глухого сочетания не было моментальным: в тех же олонечких, в некоторых рязанских, в срвр. говорах к югу и юго-востоку от Москвы наблюдатели отмечали наряду с мягкостью (на севере) или твердостью (на юге) согласных сочетания их факультативную полумягкость.

Характерным исключением являются говоры поморской и вологодско-кировской группы срвр. наречия. Одновременное отвердение без утраты затвора в обоих сочетаниях зафиксировано в Пудожском районе КАССР, во многих районах Архангельской и Вологодской областей, ср. наряду с [шч] и [ждж]: *дро[ждж]и, е[ждж]у, во[ждж]и, бре[ждж]ит, до[ждж]а, подо[ждж]и, ви[ждж]ит* и под. Появление наряду с этим произношения *и[ждж]арил, но[ждж]и* и под. доказывает, что сочетание [ждж] не является фонематическим. В некоторых современных говорах

такое сочетание лексикализовано, т. е. сохраняется в произношении отдельных слов; так в рязанских говорах записано *e[ждж]y*, в воронежских *во[ждж]и*.

§ 24. Фонемы (*ф*) и (*ф'*)

В большинстве русских говоров отсутствуют щелевые губно-зубные глухие фонемы /*ф*/ и /*ф'*/. Особенно это касается говоров, где до недавнего времени сохранялось губно-губное образование /*в*/ (т. е. [w]); нет говоров, которые имели бы в своей системе /*ф*/ при губно-губном /*в*/. В таких говорах при усвоении [*ф*] губной и заднеязычный элементы его артикуляции (т. е. прохождение струи воздуха над задней спинкой языка и между губами) воспринимаются расчлененно: диалектолог конца прошлого века Е. Ф. Будде такой звук в тульских и рязанских говорах называл «межзубным *х*». В результате заместителем [*ф*] в говоре может стать и глухой губной [п], и глухой заднеязычный [х], и «огубленное *х*» ([х] с лабиализованным призвуком) [х^л] (в положении перед гласным дает рефлекс [хø]). Первое было свойственно русскому языку в древнейшую пору и теперь сохранилось в лексикализованном виде: [пa|pyc, пpо|сьба, пoтpа|п|ять «потрафлять». Замена /*ф*/ звуками [х] и [хø] — распространенная особенность современного диалектного произношения, главным образом в ювр. говорах.

С возникновением пересекающихся чередований согласных, парных по глухости-звонкости, в говорах с губно-губным /*в*/ этому /*в*/ в слабых позициях стал соответствовать [х]. До сих пор во всех ювр. и многих сибирских говорах перед глухим согласным и на конце слов в соответствии с /*в*/ находим [х]: *дрo[х]*, *кopo[х]*, *домо[х]*, *делo[х]*, *де[х]к|и*, *литo[х]к|а* «коса-литовка» и др. Такое произношение распространяется и на вновь заимствованные слова с конечным [*ф*]: *тop[х]* «торф», *ти[х]* «тиф».

Основным путем проникновения [*ф*] в диалектную речь является заимствование. При этом на первых порах даже в заимствованных словах происходит замена [*ф*] на [х], ср. *ка|хт|ан*, *ко|хт|а*, [хp]oл «Фрол» и под. с усилением лабиализованного призвука перед гласным, т. е. [хø]ёдор, [хø]изика, [хø]унт, [хø]орточка, [хø]едот. По мере образования губно-зубного /*в*/ возникают условия для его взаимодействия с [*ф*]; появляются факультативные произношения типа [ф]унт и [хø]унт, с одной стороны, и [ф]ост и [хø]ост — с другой. Именно для свр. говоров характерно замещение русского сочетания [хø] звуком [*ф*], т. е. произношение [фa]тит, [фa]стать, пo[фa]льный, [фo]ст, [фa]лить, [фo]рый, [фo]я, y[фa]т, [фo]рост и др. (архангельские, вологодские, кировские говоры). [*ф*] здесь обычно также на месте любого непроверяемого сильной позицией [х]: *бoльш|и[ф]*, *дo[ф]тop*, *лe[ф]кo* и др.; в ювр. говорах такое произношение невозможно.

Современное противопоставление свр. и ювр. говоров в реализации /*ф*/ определяется системами соответствующих говоров и фонетическим характером /*х*/ (см. § 25). В свр. наречии с фонемой /*з*/ фонема /*х*/ является непарной глухой согласной фонетически более заднего образо-

вания, чем в литературном языке; в ювр. говорах с фонемой /ɣ/ /x/ является парным глухим согласным. В обоих случаях [ɸ] вместо /x/ (на севере) и [x] вместо /ɸ/ (на юге) возможны только в такой слабой позиции, которая не проверяется сильной; особенно это относится к морфологически изолированным категориям слов, ср. *на нога* [ɸ] (свр.) и *из домо*[x] (на юге). Таким образом, только в позиции, где оказывается невозможным пересечение звонких и глухих (/v/ ∩ /ɸ/, с одной стороны, или /ɣ/ ∩ /x/ — с другой) наиболее четко сохранилось диалектное произношение словоформы, а непротивопоставленные фонемы /ɸ/ и /x/ реализуются соответственно в том варианте, который может иметь парную звонкую фонему, т. е. *из домо*[x], *на нога*[x] (на юге), но *из домо*[ɸ] (на севере) (ср. *из домо*[ɸ], *на нога*[x] в литературном произношении).

У фонем /ɸ/ и /x/ есть еще одно важное сходство: даже в литературном языке они слабо противопоставлены палатализованным /ɸ'/ и /x'/. Возможные фонологически, фонемы /ɸ'/ и /x'/ встречаются очень редко, например, /ɸ'/ возможна только в конце слов и перед /a/ в редких заимствованиях типа [руɸ'], [граɸ'a] и как результат оглушения /v'/ (/l'убоɸ'). Таким образом, с функциональной точки зрения /ɸ/ и /x/ — непарные по мягкости-твердости согласные фонемы. На основе заимствований постепенно возникает противопоставление [x'ó]дор: или [x'ó]дит или [x'á]дйт: [xal'dýl (на юге), [ɸ'ó]дор: [ɸó]ст (на севере).

В любом диалекте /ɸ/ является функционально слабой фонемой, не входящей в систему на равных правах с остальными согласными фонемами; она вовсе отсутствует в ювр. говорах, а в свр. до недавнего времени отличалась от литературного /ɸ/, реализуясь губно-губным по образованию звуком.

§ 25. Фонема (x)

Если в слабой позиции /x/ смешивается с [ɸ], та же свр. фонема /x/ в сильной позиции чаще всего реализуется в виде [к]. Соответствующие примеры в разное время записаны на всей территории распространения свр. наречия, а в лексикализованном виде известны и в сврр. В положении перед гласным: *росома*[ка], *пазу*[ка], *[ку]тор*, *[ка]рактер*, *[ко]тела*, *[ко]рошо*, *[ко]ть*, *в вет*[ко]й *избе*, *[ко]дить*, *[ко]ронить*, *черты*[ка]л^{ис}, *не* [ко]чу, *на* [ко]дку, *ис*[ку]далый и др.; перед сонорным: [к]лев, *про*[к]ладно, [к]лопца, [к]леб, [к]рлен «хрен» и др. В конце слова также может быть [к]: *спол*[к]. Чем старше записи диалектной речи, тем больше в них соответствующих примеров произношения /x/. На основе распространения литературного [x] в современных свр. говорах возникает безразличное употребление [к] и [x] в сильной позиции, ср. *с*[x]арлатина, и *сто*[x]ан, *осо*[x]орь; это этап освоения чуждой говору фонемы. В настоящее время только в северо-восточных говорах [к] в соответствии /x/ еще является очень распространенным явлением; на других территориях эта особенность произношения утрачивается. Несомненно, диалекты восточно-финских языков, распространенные на этих территориях и не имеющие в своих традиционных системах фонемы /x/, поддержи-

вают такое произношение, однако невозможно объяснить реализацию /x/ как [κ] только иноязычным влиянием на северные русские говоры. Интересно, что в рязанских говорах с тем же финским субстратом [x > κ] нет, а в южнопокровских говорах с отсутствием такого субстрата оно возможно. В традиционных системах финских языков нет также и /φ/, однако в свр. наречии отмечается позиционное изменение [x] в [φ] (см. § 24). Видимо, субстратные воздействия оказались возможными только потому, что фонологическая система старого свр. наречия в прошлом этому не препятствовала.

В некоторых западнославянских языках в отличие от [ky], [gy], изменившихся в соответствии с общеславянской тенденцией в [k'i], [g'i], сочетание [xy] сохраняется. Предполагают, что в русском языке последовательность изменения была той же: велярность /x/ сохранялась дольше всего в свр. говорах: До сих пор в архаических северных говорах и в окающих говорах Сибири [x] более глубокого образования, чем в литературном языке. Он образуется примыканием небной занавески к задней спинке языка, т. е. является увулярным, а не заднеязычным.

Артикуляционные и акустические качества свр. /x/ определяются фонологически. Возможность нейтрализации [ɣ]:/κ/ > /κ/ выделяет /x/ среди заднеязычных; [x] широкого образования мог либо вовсе исчезнуть из-за неопределенности («размытости») артикуляции (это имело место в ряде славянских языков), либо образовать более выразительное сужение с обязательным смещением назад, в сторону гортани. В результате происходит некоторое смещение артикуляции с образованием звука, «среднего» между [κ] и [x]. Реализация /x/ в речи зависит теперь от позиции: перед гласным и сонорным усиление голоса приводит к совпадению с [κ], перед [w] и на конце слова ослабление голоса и некоторое усиление шума в передней части ротовой полости приводит к совпадению с [φ] губно-губного образования. В других положениях (например, перед шумными) /x/ в древнерусском не был известен; подобные сочетания стали возможными только после падения редуцированных, но в северных говорах на месте [x] в таких случаях находим [φ] ([φто] из «кто»), на стыке предлога и корня может быть [φ] или [m], ср. [φ пав-лу], [φ кон'у], но [m крыше], [m кон'у], [m пол'у] и под. Современное произношение [ɣ богу], [x пону] вторично, потому что в свр. говорах нет соотносительности /x/ ∼ /ɣ/. Таким образом, оттенки /x/ распределены между двумя другими фонемами; можно полагать, что до недавнего времени в свр. наречии не существовало фонемы /x/. До сих пор в абсолютно слабой позиции на месте /x/ сохраняется [φ] (см. примеры в § 24).

В ювр. говорах нейтрализация /ɣ/:/x/ > /x/ выделяет /κ/ среди заднеязычных и изменяет артикуляционную характеристику /x/ это щелевой звук более энергичного и более переднего образования, чем в литературной речи; по месту образования он соответствует литературному /κ/. В ювр. говорах /x/ всегда выступает в качестве самостоятельной фонемы.

§ 26. Фонемы (z') и (k')

После образования соотносительности согласных по мягкости-твердости в литературном языке стало возможным появление фонем /z'/, /k'/, /x'/ . На основе заимствований и некоторых изменений по аналогии в самом русском языке противопоставление /z/ : /z'/ и /k/ : /k'/ стало возможным и в сильной позиции, т. е. перед гласными непереднего ряда, ср. [кo]т : т[k'o]т, березá : березá', [кy]рá : [к'y]рú, [zа]рж : z'á'ýр и т. д. Противопоставление /z'/ : /z/, /k'/ : /k/ не реализуется в конце слов (как мо[л] : мо[л']), т. е. является функционально слабым даже в литературном языке.

В говорах морфологическая аналогия в некоторых глагольных формах увеличивала число позиций, способствовавших указанному противопоставлению. Разрушение исторических чередований в окончаниях глагольных основ путем обобщения основ 1 л. ед. числа и 3 л. мн. числа — важная особенность ювр. и некоторых свр. говоров, ср.: *пеку* : *пекёшь* : *пекёт* : *пекём* : *пекёте* : *пекут* и *могу* : *могёшь* : *моёт* : *моёте* : *могут*. Сюда же следует отнести дееспричастные формы типа *пел'к'á*, *моz'á*. Таково положение в ювр. говорах, испытавших изменение [e] > [o]; здесь оппозиция /z/ : /z'/, /k/ : /k'/ функционально сильнее, чем в литературном языке, в который и проникают отсюда через просторечие формы типа *берез'óm*, *стрпел'óm*.

В свр. говорах фонетическое изменение [e] > [o] было возможно и в 3 л. ед. числа (*пел'c'óm*), но именно в этих говорах палатализованные /k'/, /z'/ перед гласным непереднего ряда, как и в древнерусском языке, не могли употребляться. Поэтому под действием аналогии со стороны 1 л. ед. числа и 3 л. мн. числа происходит замена звуков [ч'], [ж] твердыми [к], [z], т. е. *пеку* : *пекошь* : *пекот* : *пеком* : *пекоте* : *пекут* и *могу* : *могошь* : *могом* : *моготе* : *могут*. Таково положение в вологодско-кировских и владими́ро-поволжских говорах и в соседних с ними свр. говорах. В олонечких и поморских говорах вообще сохраняется результат праславянского смягчения (*берез'жo*т, *берез'же*шь), иногда с распространением на 1 л. ед. числа и на 3 л. мн. числа (*берез'жу*) и *берез'жу*т). Под влиянием литературной речи и в таких говорах возникают теперь отклонения типа *лягомте*.

Различие в реализации аналогии обычно объясняется разновременностью её этапов: в ювр. говорах замена шипящих заднеязычными произошла раньше морфологического появления [o] в окончаниях глагольных форм (*печешь* > *пекешь* > *пекёшь*), а в большинстве свр. говоров, наоборот, аналогия предшествовала обобщению формы глагольной основы (*печешь* > *печёшь* > *пекошь*). Однако оба выравнивания могли происходить одновременно на севере и на юге: у нас нет данных, способных отвести и такое предположение. Более того, именно свр. говоры чаще сохраняют исконную форму и исконное ударение глагольных форм, ср. в архангельских и вологодских говорах *нёсу* : *несёшь* : *несёт* : *несём* : *несете* : *несут*. Все дело в общей фонологической системе северо-восточных говоров: противопоставленность по мягкости-твердости здесь развита слабо (см. § 43). В таких говорах нет фонем

/z'/ и /k'/, потому что фонологическая система препятствует их возникновению.

В большинстве русских говоров, в отличие от литературного языка, имеется еще одна возможность появления [k'], [z'] в сильной позиции. Речь идет о прогрессивной ассимиляции заднеязычных по мягкости в положении после палатализованных согласных. После падения редуцированных в середине слова образовались сочетания согласных, из которых первый был мягким, а второй — заднеязычный — твердым, т. е. до[ч'ь]ка, Ва[н'ь]ка, уго[л'ь]ка дали до[ч'к'а], Ва[н'к'а], уго[л'к'а]. При этом постоянная мягкость предшествующего согласного была фонологически важной, потому что противопоставлялась твердости парного согласного (ср. уго[л]ка : уго[л']ка), а постоянная твердость второго согласного фонологически не имела никакого значения, потому что [k'] и [k] не противопоставлялись ни в одной позиции. Поэтому характерная для русских говоров ассимиляция по мягкости коснулась именно заднеязычных, появилось произношение до[ч'к'ä], Ва[н'к'ä], уго[л'к'ä] и т. д. С артикуляторной точки зрения [k'] здесь не заднеязычный средненёбный, а среднеязычный средненёбный согласный, потому что именно среднеязычная артикуляция предыдущего согласного начинается его образование. С фонологической точки зрения [k'] — это оттенок фонемы /k/, поскольку именно сочетание с соседними звуками обуславливает его появление.

В свр. наречии ассимилятивное смягчение неизвестно олонечким и поморским говорам, т. е. тем, в которых произношение т[к'о]м появляется под влиянием литературного языка; в вологодско-кировских смягчение имеет свои особенности. Поэтому до недавнего времени полагали, что прогрессивная ассимиляция заднеязычных вообще была свойственна только ювр. говорам, а на свр. территории появилась в результате заимствования как «модная» особенность произношения.

Новейшие материалы показывают, что и в восточной части свр. наречия происходило прогрессивное смягчение заднеязычных, причем даже шире, чем на юге, т. е. не только /k/, как на юге, но еще и /z/, ср. де[н'z'ü], се[р'z'ä], коче[р'z'ä], тай[z'ö'ä], четве[р'z'ü] и др. Смягчение /x/ чрезвычайно редко и может быть обязано аналогии: в говорах с изменением /x/ в /k'/ именно /k/ получает позиционную мягкость, ср. [ол'к'ä] «Олька» в Никольском районе Вологодской области с очевидной последовательностью изменения [x>k>k']. Очень позднее образование /r/ в ювр. наречии препятствовало развитию среднеязычной артикуляции.

В настоящее время в большинстве говоров с этим изменением происходит смягчение после любого парного по мягкости-твердости согласного. Отсутствие смягчения после некоторых непарных согласных объясняется особенностями диалектных систем. Смягчение после /u/ достаточно сохраняется в северо-восточных говорах, т. е. там, где этот шипящий отвердел в самое недавнее время. Не во всех сврр. и свр. говорах (также в части западных ювр.) смягчение имело место после /ч'/.

В свр. наречии почти последовательно нет смягчения после /j/. Таким

образом, на севере позиции смягчения в общем ограничены больше, чем на юге.

Однако ни в одном из современных говоров фонетическое изменение не является живым позиционным изменением. В настоящее время прогрессивное смягчение представляет собою фонетическую модель с морфологической функцией, т. е. выступает в качестве исторического чередования. Каждое новое слово, попав в диалектную речь, подвергается изменению в соответствии с этой моделью. Так, Н. П. Гринкова, наблюдая воронежские говоры, обратила внимание на то, что её фамилию здесь произносят со смягчением: *Гри[н'к'ò]ва*. Под влиянием литературного языка ассимилятивное смягчение постепенно исчезает.

Особенный интерес представляет тот этап развития смягчения, который способствует фонологизации /к'/ . В большинстве сврв. и ювр. говоров [к'] аналогически появляется после твердого согласного и после гласного, т. е. *яго[тк'á]*, *дитя[тк'á]*, *пе[ск'ý]*, *палк'ò]в*, *веч[рк'ò]м*, *дèго[тк'ý]*, *èлк'á]* и др., *тол[òк'á]*, *начальн[ик'á]*, *брусн[ик'á]*, *мальч[ик'ò]м* и др. Поскольку положение [к'] теперь не зависит от предыдущего мягкого согласного, появление [к'] перед гласным непереднего ряда свидетельствует о появлении фонемы /к'/ (соответствующих примеров нет для [з'] и [х']).

Иначе в свр. говорах: [к'] здесь возможно не после твердого, а главным образом после отвердевшего согласного, ср. *ру[ск'ò]й*, *лягу[шк'á]*, *крьшк'á]*, *кошк'á]*, *мелк'ò]хонько* и др. Мы не можем с уверенностью говорить о противопоставлении /к' : /к'/ в диалектных системах такого типа: здесь только возникают условия для его реализации. Именно в свр. говорах чаще сохраняется исконная артикуляция смягченного /к'/ — среднеязычная, которую в транскрипции можно обозначить как [k̃]. Это оттенок фонемы /к'/.

Таким образом, важнейшее отличие свр. говоров от ювр. и сврв. заключается в том, что на севере в результате ассимилятивного смягчения появились среднеязычные оттенки заднеязычных фонем /к/ и /з/, тогда как на юге заднеязычному задненёбному /к/ противопоставлен заднеязычный средненёбный /к'/ . Фонетически /к'/ ([k̃]) может быть и в свр. говорах, однако восприятие его как самостоятельной фонемы на севере вряд ли происходит без влияния литературного языка. Только в говоре с фонематическим противопоставлением /к' : /к'/ среднеязычный [k̃] воспринимается как заднеязычный /к'/.

2. ДИАЛЕКТНЫЕ МОДИФИКАЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ КОНСОНАНТНЫХ СИСТЕМ

При общем совпадении числа элементов в отдельных системах, их артикуляторные и акустические характеристики могут различаться. Это важно для всей системы в целом, так как изменяется отношение ее элементов друг к другу. Например, противопоставление /з' : /к'/ в северных говорах делает непарной по глухости-звонкости фонему /х/; противопоставление /γ' : /х'/ в южных говорах делает непарной по глухости-звонкости фонему /к'/ . В обоих случаях происходят важные изменения в системе фонем (см. § 25).

§ 27. Модификация [z] ∼ [ʏ]

Одной из важных особенностей, различающих свр. и ювр. говоры, является произношение заднеязычного звонкого согласного: в ювр. говорах фрикативный /ʏ/ с оглушением в [x], в свр.— смычный /z/ с оглушением в [к]. В некоторых говорах Карельской АССР и Архангельской области также возможно фрикативное произношение звонкого заднеязычного с оглушением в [х]. Соответствующие примеры записаны и в западных вологодских говорах. В отличие от ювр. [ʏ] фрикация здесь только сопровождает заднеязычную артикуляцию в общем смычного образования (наблюдатели передают такое звучание знаками ʏ, хз [ʏорох], [хгорох]). Это как будто первый этап при переходе от взрывного к фрикативному согласному, так же, как сам фрикативный [ʏ] является переходом к гортанному [h] украинского и белорусского языка.

В говорах с /ʏ/ намечается обратный переход к взрывному /z/ — под влиянием литературного языка или соседних свр. говоров. Все сврр. говоры, даже ювр. происхождения, характеризуются именно взрывным /z/, хотя очень легко определить ювр. основу такого говора по факультативному употреблению /ʏ/ и по результату оглушения (как правило в [х]). Во многих новых сврр. говорах (северные части Пензенской, Тамбовской, Тульской, Рязанской областей), а также в акающих говорах Сибири образуется новое противопоставление: звонкий /z/ с оглушением в [х]; /к/ здесь по-прежнему остается непарным по глухости-звонкости согласным. Такое противопоставление целиком фонологично, потому что фонетически оглушение взрывного в щелевой объяснить нельзя. Соответствующие говоры «осваивают» фонологическую оппозицию литературного языка, начиная с сильной позиции. В более старых сврр. говорах (например, к востоку от Москвы) наряду с [х] в конце слова в соответствии с /z/ может встречаться и [к]; такое произношение распространяется все шире.

Но в сврр. говорах переход к взрывному произношению [z] совершается фонетически. В некоторых воронежских говорах [z] возможно факультативно в положении перед гласным в начале слова: [горат], [гарас], [гвар'ит]. В смоленских говорах взрывной [г] возможен рядом со звонким зубным: [розг'и], [розга], [г дому], [г другу]. В Зарайском районе (ныне Моск. обл.) полвека назад [г] было записано в положении перед [л'] и после [н'р'], т. е. [гл'ед'и], [д'ен'г'и], [с'ер'г'и]. Взрывная артикуляция раньше всего воспринятая палатализованным [ʏ'], отмечается и в других говорах; это также имеет свое объяснение в общей системе согласных фонем ([ʏ'] > [j] в известных позициях ослабляло функциональную ценность фонемы /ʏ'/ (см. § 40). На примере говора старых переселенцев из Тульской области в современную Кировскую можно четко проследить условия, способствовавшие замене твердого [ʏ] на [z]: положение /ʏ/ перед сонорным согласным, т. е. [гром], [гл'ина], [гвоз'д'и], [генат'], [гградá], но [дууа], [ууар], [дарбуа], [ауом'] и т. д. Приведенные выше примеры из других ювр. говоров с изменением [ʏ] в [z] подтверждают роль диссимилятивного фактора в начальных этапах перехода к смычному [z], который пока еще является фонетическим вариантом фонемы /ʏ/.

§ 28. Модификация (л) и (л')

При образовании [л] кончик языка смыкается с верхними зубами, а между корпусом языка и боковыми зубами образуются щели, через которые и проходит воздушная струя. Поэтому [л] называют «боковым» (латеральным) звуком. Эта артикуляция — самая важная в образовании [л]; остальные могут варьироваться, определяя своеобразие диалектных систем. Во всех говорах /л/ противопоставлен палатализованному /л'/. /л/ может иметь три модификации.

В ювр. и сввр. говорах, а также в литературном языке /л'/ противопоставлен /л/: *бы[ла]*, [ло]м, *се[лу]*, [лы]ко, *бы[л]*, *бу[лк]а*: *во[л'á]*, [л'ó]н, *но[л'ý]*, [л'ý]к, *бы[л']*, *бу[л'к]ать*.

В восточной части свр. наречия (восточные и северные вологодские, костромские, западные Кировские говоры, говоры юго-западной части Пермской области и юга Коми АССР) /л'/ противопоставлено // с возможным лабио-веляризованным вариантом [ý], т. е. *бы[ла]*, [ло]м, *се[лу]*, [лы]ко, *бы[ý]*, *бу[ý]ка*: *во[л'á]*, [л'ó]н, *но[л'ý]*, [л'ý]к, *бы[л']*, *бу[л'к]ать*.

В западной части свр. наречия (архангельские, олонечские, западно-вологодские говоры) /л'/ противопоставлено /л/ с возможным лабио-веляризованным вариантом [ý], т. е. *бы[ла]*, [ло]м, *се[лу]*, [лы]ко, *бы[ý]*, *бу[ý]ка*: *во[л'á]*, [л'ó]н, *но[л'ý]*, [л'ý]к, *бы[л']*, *бу[л'к]ать*.

Все модификации боковой плавной фонемы восходят к праславянскому «среднему» //l/. Его отличие от литературного «твердого» (велярного) /л/ заключается в том, что при образовании [л] кончик языка, загибаясь кверху, образует затвор не на зубах или на границе зубов и альвеол, а на альвеолах и выше. При образовании велярного [л] язык вытянут, его средняя часть опущена, а задняя снова поднимается по направлению к мягкому нёбу; при образовании [л] вся спинка языка направлена к мягкому нёбу, хотя и не так высоко, как при образовании [л']. Именно артикуляция спинки языка придает своеобразную окраску всем звукам данного ряда — твердость [л], мягкость [л'] и полумягкость [л'].

Таким образом, после образования оппозиции //l/ : /л' в русском языке возникла необходимость в изменении «полумягкого» [л'] в целях создания большей четкости противопоставления по мягкости-твердости. Наиболее законченно это противопоставление развилось в первой группе говоров и в литературном языке: передненёбный //l/ стал зубным /л/.

Кроме веляризации (//l/ > л) в конце слога, возможна была лабио-веляризация //l/, т. е. кроме опускания средней части спинки языка еще и ослабление затвора в момент артикуляции. Результатом этого явилось произношение [ɥ] в конце слога («чередование» [л]/[ý] в конце слога). Общая артикуляторная последовательность ряда боковых такова: [ɥ — t — l — l']. Все три группы говоров отражают различные направления в изменении артикуляции праславянского //l/.

Противопоставление (1) /ɥ ∞ //l/ : /л' (Северо-Восток) и (2) /ý ∞ t/ : /л' (Северо-Запад) сопровождаются различием в их реализации, например, в характере ассимиляций. Только в (1) возможна регрессивная

ассимиляция по твердости в сочетании /л'/ с последующим твердым и шипящим, т. е. бо[лн]о, во[лн]о, колоко[лн]а, оста[лн]ой, [лн]овозка, ку[лн]турно, да[лн]у, [лв]ов, то[лж]о, па[лц]ем, по[лз]а, па[лн]о, бо[лн]е, да[лн]и» и под. Наоборот, только во второй группе говоров возможна прогрессивная ассимиляция по мягкости в таком же сочетании: [л'д'ў], [л'н'ом], [л'н'ў], те[л'н'а]я корова, во[л'н'а], си[л'н'а], си[л'н'о]ў, бо[л'н'о], по[л'з'а], па[л'т'о], ба[л'з'а]н 'бальзам', [л'н'ў]ла и под. при отвердении зубных в других случаях (типа позо[лн]а 'погоня', зил[н]оў, ра[лн]ой, [тн]на «тина» и под.). В этих же говорах /л'/ может реализоваться в звуке [н'] (идущая на убыль диалектная особенность произношения), ср. корми[л'н'и]ца, кол[н'] 'коль', тол[н'] 'толь', колыбе[л'н'] «колыбель» и др. Эти расхождения можно объяснить только различием исходных сочетаний: [л'н] > [л'н'], а меньшая степень палатализации /л/ в сочетании [лн] привела к [лн]. [л] в таких сочетаниях вторично (из [л'н]).

Поскольку следы «среднего» [л] обнаруживаются во всех русских говорах (и, наоборот, могут отсутствовать даже в соседстве с финскими языками), а особенно последовательно [л] сохраняется в архаических говорах со слабо развитым противопоставлением согласных по мягкости-твердости — следует отрицать воздействие иноязычного (финского) субстрата на «образование» [л]. Важно, что в русских говорах изменениями затронут только непалатализованный боковой сонант, во всех диалектных системах противопоставленный фонеме /л'/.

§ 29. Модификации (в) и (в')

Фонемы /в/ и /в'/ в консонантной системе литературного языка занимают особое место, функционально совпадая с сонорными; в частности, перед /в/ и /в'/ глухие согласные не ассимилируются с ними по звонкости, ср. [св]ой, [тв]ой, [к-в]ам и др. наряду с [эд]елать, [е-д]ому и т. д. В письменных памятниках оглушение /в/ отражается очень редко и только с конца XVI в. Сопоставление с современными диалектами объясняет этот факт: до сих пор в большинстве говоров /в/ является губно-губным сонантом (в транскрипции [w], в некоторых положениях даже [ʋ]).

Последовательное изменение артикуляции в губно-зубную обнаруживаем в тех же говорах, где в соответствии с литературным /ф/ произносится губно-зубной [ф], т. е. главным образом в срвр. говорах на территории Калининской, Московской, Владимирской, Рязанской областей. Остатки губной артикуляции сохраняются здесь главным образом на южной периферии, в мещерских рязанских, в северных тульских и соседних с ними говорах, причем в произношении предлога «в» перед согласным (как [ʋ]).

Последовательное губное [w] во всех позициях в настоящее время не встречается ни в одном русском говоре. В некоторых из них еще полвека назад была фонема /w/, она реализовалась во всех позициях в большинстве смоленских и брянских, в западных калужских, в северных орловских говорах, теперь [w] сохраняется как оттенок фонемы /в/

только в конце слога. Несколько раньше губно-зубной [ʋ] появился в восточной части ювр. наречия. В западной части ювр. наречия общерусские тенденции фонетического развития долгое время не являлись ведущими (ср. сказанное в § 27 об изменении здесь [ɣ] в [ʒ]). Именно на этих говорах удобнее всего проследить последовательность изменения губного /w/ в зубной /ʋ/.

Раньше всего зубная артикуляция отмечается у палатализованного /wʲ/; в западных калужских и брянских, некоторых архаических владимирских говорах наряду с губным /w/ уже в начале века отмечали зубной /ʋ/. Изменение /ʋ/ в губно-зубной началось в положении перед гласным, /w/, образуемый при отсутствии взрыва и близкий по интенсивности колебания голосовых связок к гласным, получал тенденцию к слиянию с последующим гласным, особенно с последующим /o/, /ɔ/, /y/. Чтобы избежать такого слияния, следовало четко разграничить предыдущий губной щелевой согласный и последующий гласный. Для этого существует только одна возможность: сузить поток воздушной струи при артикуляции согласного. При этом в передней части ротовой полости губно-губная (широкая) артикуляция сменялась губно-зубной. В некоторых случаях сужение ротовой полости происходило за счет дополнительной язычной артикуляции, откуда давно замеченное в рязанск. х говорах произношение типа [ɣd]вое «вдвое», [ɣ-p]лаботу «в работу», [ɣ-ɔ]олоте «в болоте», [ɣd]оль «вдоль» и т. д. (при оглушении [x-n]оле, [x-m]ебе и др.). В таких говорах и палатализованный /wʲ/ развивает дополнительную среднеязычную артикуляцию, которая оказывается основной в реализации фонемы /wʲ/, ср. delʲki, свекроʲj, кроʲj «кровь», голоʲjki, любоʲj «любовь», жиʲjlot, в Ростolʲju, быч-коʲjс'кая «бычковская», постаʲjлуть, челоʲje к и под. в рязанских касимовских говорах (старые записи), в современных южноиркутских говорах и т. д. Такая артикуляция обычна в говорах с отсутствием /q/ и четким противопоставлением /w/: /wʲ/ и является, возможно, начальным этапом изменения, своеобразным «подбором» наиболее подходящей для данного положения артикуляции.

Для большинства ювр. говоров характерна губно-зубная артикуляция [ʋ]; её преимущество в сохранении прежнего места образования и четкого противопоставления язычным согласным. Несколько раньше происходит перераспределение оттенков /w/ : О. Брок в масальских говорах Калужской обл. отм.чал [w] перед гласным и [ʋ] после гласного (ср. оттенки [j] перед гласным и [j] после гласного в литературном языке и в большинстве русских говоров). Более консонантный характер предвокалического [w] способствовал приобретению зубной артикуляции; в остальных позициях сохранился [ʋ]. Таково наиболее типичное для современного ювр. наречия распределение: (1) перед гласным губно-зубной [ʋ]: [вол], [вал], [во]семь, ла[ву]; (2) в конце слога губно-зубной «полугласный» [ʋ]: [кроʋ], [кроʋн]ый; (3) перед согласным в начале слова также [ʋ]: [ʋнук], [ʋдава].

Некоторые вариации возможны на стыке предлога в со следующим словом; в воронежских, тульских, курских говорах перед следующим

согласным [ʏ], перед следующим гласным [ʏe], т. е. [ʏ-ə]ode, но [ʏv-a]-stroge.

На следующем этапе начинается распространение губно-зубного [ʋ] на позиции (2) и (3). Это слабые позиции звонкой фонемы /ʋ/, и в соответствии с общей фонологической моделью здесь требуется её оглушение. Требование системы удовлетворяется двояким образом. В южных и юго-западных воронежских говорах в конце слова и перед глухим согласным появляется глухой губно-губной [w]: [кrow], [д'еукъ], но [кrow]ный. В других случаях (воронежские, пензенские, рязанские говоры) вместо [ʏ] появляется [ʋ] с сохранением звонкости: [zoe], [ʋyn'иши]; относительно этого [ʋ] наблюдатели замечают, что оно «не вполне губно-зубное», часто чередуется с факультативным [w], являясь его оттенком в речи молодежи главным образом в положении перед звонким согласным, ср. [правдъ] и [пpавда], но [лашка], [д'еука], [д'евка].

Переключение на губно-зубную артикуляцию в некоторых фонетических положениях и в непродуктивных грамматических формах приводит к диссимиляции. В ювр. говорах распространено произношение да[мн]о, [мн]ук, гу[мн]о, всё ра[мн]о и др. с возможным обратным изменением типа *вспо[вн]и*, *[вн]ого*. В причастных формах вместо *выпи[вн]и*, *сдела[вн]и* возникает произношение *выпи[мн]и*, *сдела[мн]и*. При подстановке [м] во всех таких случаях сохраняется губно-губная артикуляция в словоформе (появление *выпи[мн]иши* вместо *выпи[ʋ]иши* объясняют и морфологической аналогией). Это абсолютно слабая позиция /w/, не проверяемая сильной и потому не затронутая изменением в зубной /ʋ/.

Несколько иначе происходит изменение /w/ > /ʋ/ в свр. наречии. Здесь [w] может исчезать перед лабиализованным гласным. В архангельских, олонекских, вологодских, владимирских говорах отмечено произношение [зайт], [жыў], [корбу], [р'еўт], [в-роў] 'во рву', [траў], [д'еушка], [голубушка], [ноуў], [орона], [д'еоц'ка], [дбброо], [оз'м'и], [н'ебл'ит'], [бн'иш] «вопишь», [бн] там; [на ос] «на воз» и мн. др. Записываются обычно особо выразительные случаи; даже краткий консонантный элемент в этой позиции воспринимается как литературное [ʋ] и так заносится в запись. В иркутских говорах (район Братска) записано [бл'ныў], [офс'у] «вовсе», [бблау], [жыўт] и др., но в тех же позициях [шбз'ит'], [шблк], [шбры], [жыўў], [завбт] и др. Эта очень точная передача диалектного произношения хорошо указывает на характер свр. /ʋ/ в положении перед гласным: губно-губной [w] сохраняется здесь довольно долго. Только перед [э], [а] губно-зубная артикуляция [ʋ] фонетически возможна. В начале слова перед согласным в свр. наречии также может опускаться [ʋ], особенно, если следующий за /ʋ/ согласный палатализован, ср. я [э'е]ла, [с"е] они, [с"а]ко бывало, [с"е]чина есть, рыба [ц"е]рашня и под. (записи в Усть-Цилемском р-не Коми АССР; соответствующие примеры приводятся по архангельским, олонекским, владимирским, костромским, вологодским, новгородским говорам). Обычно такое произношение объясняют трудностью, но

видимо, важно и положение [w] перед максимально палатализованным согласным, как это имеет место в печорских говорах. Так как в большинстве свр. говоров утрата [w] возможна и перед твердым согласным, но обязательна перед зубным, можно говорить о своеобразном расхождении соседних согласных, сопровождающемся утратой губно-губного [w].

В остальных позициях в свр. наречии звонкий спирант сохраняется, в ряде говоров даже перед глухими и на конце слова, ср. [кров], [д'евка]. Такое неоглушенное [в] произносится при ослабленной артикуляции и, как в ювр. наречии, близко к [ʏ]. Таким образом, и в свр. говорах появление губно-зубного /в/ относится к недавнему времени. Даже в тех свр. (например, архангельских) говорах, зубная артикуляция которых традиционно считается обычной для /в/, имеется множество косвенных указаний на неотработанность её в архаическом слое говора; так /в/ часто смешивается с артикуляторно самым близким, но определенно губно-губным /б/: чай за[бо]рила, [бо]зле бочки, он там жи[бо]т, [Бал]ька, за[бо]ра «завора», там[бы]ше были и наоборот: [в'е]чевой волочили, [во]рону «борону» запряём и др. Стойкость губно-губной артикуляции /в/ поддерживалась губно-губным образованием [ф], возможным в известных положениях, но нигде и никогда в границах самой диалектной системы не образовывалось противопоставления /w/ : /ф/. Современная оппозиция /в/ : /ф/, параллельная русской литературной, во многом обязана этой последней. В условиях интенсивного ее развития «пересечение» [д'ева] ∞ [д'еука] дает историческое чередование [в] ∞ [ʏ] (в/ʏ) в пределах одной морфемы.

§ 30. Модификации (ч') и (ц)

В западной части ювр. наречия расположена большая зона с утратой затвора в аффрикатах, главным образом в /ч'/ («шоканье»). Вместо [ч'а]шка, [ч'удо], [ч'истый], [ч'ёл], [ч'орт, но'ч'], до[ч'ка] здесь произносят [ш'а]шка, [ш'удо], [ш'истый], [ш'ёл], [ш'орт, но'ш'], до[ш'ка]. В таком случае слышится очень мягкий шипящий звук, резко отличающийся от давно отвердевшего в говоре «исконно мягкого» /ш/: [шол] ∞ [ш'ол] ('шёл' ∞ 'чёл'). Таким образом, в говорах восточных частей Брянской и Смоленской областей, западных частей Калужской, Орловской и Курской областей, где распространено такое изменение, общерусская фонема /ч'/ существует в модификации [ш']. Это самостоятельная фонема [ш'], потому-то ни в каких позициях она не смешивается с другими фонемами консонантной системы.

Параллельно с этим в восточной части указанных говоров утрата затвора может распространяться и на аффрикату /ц/. Произношение [с] вместо /ц/, возможное преимущественно в конце слова, факультативно встречается и в середине слов, хотя иногда утрата затвора у /ц/ также завершается последовательно («соканье»): [са]рь, [сы]плёнок, ли[со], отел[с] и т. д. Некоторые ученые считают, что раньше и соканье было

распространено столь же широко и последовательно, как шоканье¹. По их мнению, «восстановлению» [ц] под влиянием литературного языка способствовало то обстоятельство, что изменение [ц] в [с] приводит к исчезновению важной фонемы /ц/ (совпадение со столь же важной фонемой /с/). Другие говорят о том, что изменение [ц] в [с] вообще вторично, потому что имело место после отвердения /ц/, а это, как известно, в основной массе русских говоров происходило довольно поздно. В говорах с шоканьем образуется своеобразное «новое» цоканье — поскольку в консонантной системе имеется только одна аффриката /ц/.

Вторая зона шокающих и сокающих говоров широкой полосой проходит по Уралу, начиная с юго-западной части Пермской области, далее к югу до Челябинской и Оренбургской областей с распространением в Зауралье и Сибирь. Соответствующие говоры описаны на Алтае, в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке. От юго-западных русских говоров они отличаются тем, что по своему происхождению являются главным образом свр. и что утрата затвора у зубной аффрикаты /ц/ здесь распространена шире, чем у /ч'/ . Нет никакого сомнения, что такое шоканье и соканье является поздним по происхождению, в памятниках XVII—XVIII веков оно не отмечено, а в настоящее время распространено главным образом в речи молодежи. Иногда говорят о едином центре этого новообразования (Урал), объясняя его иноязычным воздействием, однако существенно следующее: там, где сохранилось исконное мягкое цоканье, утрата аффрикатой затвора нигде не зарегистрирована. При переходе от цоканья к различению аффрикат [ц] изменяется в [с] сначала только в конце слова (*оме[с]*, *меся[с]*, например, в некоторых уральских говорах) — это наиболее удобная для утраты затвора позиция. В зауральских еланских, шадринских и соседних с ними говорах, в некоторых сибирских и дальневосточных говорах, восходящих к вологодско-кировской группе свр. наречия, прежде выработалось различение /ч'/ : /ц/, и только потом началась утрата затвора у аффрикат. По поводу этих говоров Д. К. Зеления предполагал, что соканье развивалось в исконно цокавших говорах как одна из возможностей перехода к различению аффрикат. Равным образом в юго-западных говорах возникновение шоканья и соканья основано на языковом смещении, в частности, на одновременности отвердения /ч'/ и /ч'/ в восточно-белорусских и западно-русских говорах и в результате воздействия русского литературного языка. Так, если утрата затвора происходила в зоне распространения твердого /ч/, носители такого говора видели в литературном /ч'/ его мягкость, и так как в системе фонем уже не было /ш'/, заимствованное из литературного языка /ч'/ стали передавать через /ш'/ . Возможно, шоканье в юго-западных говорах следует датировать концом XV — началом XVI века.

В уральских говорах с интенсивным смещением свр. и ювр. говоров на новом этапе происходит то же самое: при столкновении систем с цоканьем, различением /ц/ : /ч'/ и уже завершенной утратой затвора у аф-

¹ См.: Касаткин Л. Л. Утрата затвора аффрикатами [ч'] [ц] в западных южнорусских говорах. — «Известия АН СССР. ОЛЯ», 1965, т. 24, вып. 6.

фрикат, т. е. /c/ : /u'/ побеждает наиболее «нейтральная», именно последняя. Влияние иноязычных систем также может иметь значение в процессе такого взаимодействия.

Фонетическими условиями, способствующими утрате затвора в сибирских говорах, является положение аффрикаты перед лабиализованными гласными и перед велярными (губными, заднеязычными и /n/) согласными. В Братском р-не Иркутской области [xou'ý], [u'ý]до, [u'ý]лок, y[u'ó]т, [u'ó]рт, нó[u'в]а, я[u'м']ень, нé[u'к]а, дó[u'к]а, тó[u'н]а, нó[u'н]óй и под.

Утрата этого явления также, возможно, определяется фонетическими условиями. Так, в орловских говорах с колебанием [ч']/[ш'] после зубных [н], [т] обычно [ч']. В говоре переселенцев из Тульской области (80-е гг. XVIII в.) в Кировской области [ш'] из /ч'/ сохраняется преимущественно перед смычными [к] и [м]: y[u'm'ú], нó[u'm'ú], тó[u'к]а и др. Это своеобразная диссимилиация по способу образования, характерная для этих говоров и в реализации /z/ (см. § 27). На завершающих этапах отхода от шоканья [ш'] из /ч'/ может сохраняться только на стыке морфем типа [дош'ка]; в связи с этим употребление [ш'] морфологизуется, может встречаться и в новых для говора словах типа Раё[u'к]а, ка[u'к]а, да[u'к]а, сумо[u'к]а. В диалектных системах возникает историческое чередование /ч'/ ↔ /ш'/.

§ 31. Модификации (т') и (д')

Характерной особенностью срвр. говоров на всем их протяжении, является палатализованная фрикация после взрыва, т. е. произношение типа [т'с'], [д'з']: [т'с'и]хо, [д'з'е]нь и т. д. Это напоминает белорусское дзеканье и цеканье (аффрикаты /d͡z/ и /t͡s/ на месте /d'/ и /t'/), почему иногда и говорят об «элементах» дзеканья в русских говорах. Однако ничего общего с белорусским дзеканьем в указанном произношении нет: в любом случае взрывной элемент здесь преобладает, определяя характер звучания, и имеет множество оттенков; это не аффрикаты, а очень палатализованные зубные. Слабая палатализация зубных в свр. и ювр. наречиях никогда не приводит к такому результату. Вместе с тем в свр. говорах, граничащих с срвр., например во владимирских, такое произношение постепенно распространяется; наоборот, в срвр. говорах, переходящих в ювр. (некоторые калининские), прежде отмечаемая там фрикация /т'/, /д'/ теперь не встречается. В сибирских говорах срвр. типа (в Красноярском крае и Иркутской области) независимо от европейских срвр. говоров развивается такая же фрикация палатализованных смычных зубных. Наконец, эта особенность совпадает с изменением [к'и, г'и] в [т'и, д'и] и шепелявением свистящих зубных /с'/, /з'/.

Другими словами, в переходных говорах происходит последовательное смещение палатальной артикуляции у всех язычных согласных.

§ 32. Модификации (с') и (з')

На всем пространстве сврв. и в большей части ювр. и в некоторых сврв. говорах на месте палатализованных фонем /с'/ и /з'/ слышится полумягкий звук, переходящий в шепелявое [с'^ш], [з'^ш], в транскрипции [с''], [з''], т. е. *ко[с' ил]*, [с'е]но, *де[с' а]ть*, *в[с' о]*, *в[с' у]*, *цвет[с' т]и*, *ел[с']* 'есть', *ло[с']*, [з'и]мой, [з'е]лен, *в[з' а]л*, *ве[з' о]л*, *ел[з' д]или*, [с'л']ной и др. Такое произношение возможно только в говорах с отвердевшими /ш/, /ж/, поэтому чередование [с'] ∞ [ш] и [з'] ∞ [ж] не приводит к «смешению» фонем: /с'/ и /з'/ всегда четко отграничены и от шипящих и от твердых /с/, /з/, т. е. являются самостоятельными фонемами. В отличие от [с'], [з'] литературного языка, при образовании шепелявых свистящих кончик языка находится не у нижних зубов, а у альвеол, как при образовании [ш], [ж], но без участия губ и без средненебной артикуляции. Таким образом, в отличие от /ж/, /ш/ — /з'/, /с'/ с шепелявым оттенком являются однофокусными, а в отличие от /з/, /с/ они имеют иной фокус, сближающий их с шипящими. Отличие от палатализованных свистящих типа [з'], [с'] заключается в незавершенности «йотовой артикуляции»; очень часто наблюдатели говорят о полумягкости или даже твердости таких шепелявых звуков. Это характерное наблюдение указывает на попытку выработать какой-то новый, более четкий принцип различения палатализованных согласных от непалатализованных. Такая тенденция свойственна многим славянским языкам, особенно западным (аналогичное русскому шепелявое произношение палатализованных /с'/, /з'/ отмечается, например, в восточнославянских говорах).

В говорах с исчезающим шепелявением [с''] и [з''] являются оттенками фонем /с'/, /з'/ . Так, в некоторых иркутских говорах [с''] и [з''] возможны лишь перед гласными и палатализованными переднеязычными согласными, тогда как перед палатализованными губными и заднеязычными произносятся только [с'] и [з'] . Иногда отмечают, что «шепелявение» свистящих сопровождается утратой затвора у аффрикат. Хотя для большинства говоров это не характерно (на юго-западе, например, говоры с шепелявением расположены западнее говоров с утратой затвора), там, где эти два явления совмещаются, [ш'] из /ч'/ становится оттенком фонемы /с'/ (ср. [ш' алб] и [ш' алб]), т. е. «село» — «чело». Это обстоятельство, видимо, и привело к утрате шепелявения в говорах с утратой взрыва у аффрикат.

Произношение [м'^с] как [м'^ш] на месте /м'/ (см. § 23) широко распространено в сврв. говорах и указывает на вторичность палатальной фрикации в смычном /м'/: она возникла после образования шепелявения свистящих. Действительно, ни в свр., ни в ювр. говорах фрикация у /м'/ не встречается. В печорских говорах при последовательном [с''], [з''] находим только [м'], [д']. Шепелявение в ювр. области вообще относится к числу исчезающих диалектных особенностей, хотя возникло оно относительно недавно: еще в середине прошлого века о нем говорили, как о не очень распространенном явлении, а в памятниках более раннего времени шепелявение вообще не отражается.

От шепелявения указанного типа следует отличать смешение свистящих и шипящих согласных в псковских говорах. На юге и севере Псковской области, как и в других срвр. говорах, может быть шепелявое произношение /с'/, /з'/. Однако в пространстве, заключенном в примерном круге Пыталово — Печоры — Псков — Порхов — Пушкинские горы — Пыталово (частично и севернее), кроме этого, возможно взаимное смешение твердых свистящих и шипящих. Указанное смешение стало возможным только после отвердения /ш/, /ж/ (в псковских говорах с XIV в.), но характерна сама возможность такого смешения: очевидно, неразличение палатализованных свистящих и шипящих было свойственно этим говорам издавна. Действительно, уже самые древние (но только псковские) памятники отражают такое смешение.

Никаких изменений шипящих и свистящих не находим в южных архангельских, в новгородских и олонечких говорах, в основной части владими́ро-поволжских и вологодско-кировских говоров. Редкие записи типа *сышка*, *шажа*, *золезо*, *шоинадцать*, *шоштой*, *зоской*, *шущым* — результат ассимиляции (или диссимиляции), которая может иметь и обратный результат (*сесот*, *переситай*); произношение — *молосное*, *ясная мука* и др. — результат упрощения группы /ц'н'/; *презний*, *порозный*, *дорозная* — морфологическое выравнивание (аналогия с суффиксом -эн-); *рогоза* — исконная форма данного слова — и т. д.

3. СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

§ 33. Состав согласных фонем в диалектных системах

В сильной позиции (перед гласным непяреднего ряда) в русском литературном языке различается 35 согласных фонем: /б/, /б'/, /н/, /н'/, /в/, /в'/, /ф/, /ф'/, /о/, /о'/, /м/, /м'/, /з/, /з'/, /с/, /с'/, /ж/, /ж'/, /к/, /к'/, /х/, /х'/, /л/, /л'/, /н/, /н'/, /р/, /р'/, /л/, /л'/, /л/, /л'/, /ц/, /ц'/, /ж/, /ж'/, /ш/, /ш'/, /ч'/, в других /ч'/; при фонологической слабости фонем /ф'/ и /х'/ в одних говорах — в других нет не только их, но и /ф/ или, наоборот, /х/. Только в одном случае в редких архаических системах могут сохраняться фонемы, теперь не свойственные литературной консонантной системе, именно /ш'ч'/ и /ж'з'/.

Видоизменения фонем литературного языка в диалектных системах представлены шире. Подробное их рассмотрение оправдано тем обстоятельством, что наличие или отсутствие фонемы и вариативность фонем определяют систему фонем в целом и в свою очередь определяется ею. Действительно, все расхождения в консонантных диалектных особенностях, рассмотренные в разделах 1 и 2, так или иначе можно определить одной общей закономерностью, объясняемой консонантной системой современного русского языка: почти все они касаются фонем, непарных по мягкости-твердости или глухости-звонкости в границах соответствующих диалектных систем.

Важнейшей особенностью системы согласных фонем является параллельность изменений отдельных групп согласных в одинаковых усло-

виях, образующая соотносительные ряды согласных с различием только по сходному признаку: по глухости-звонкости (*/θ/ ∼ /φ/*, */β/ ∼ /п/* и т. д.) и по мягкости-твердости (*/θ/ ∼ /θ'/*, */п/ ∼ /п'/* и т. д.). Такая соотносительность образуется на основе того, что в слабых позициях признак различия исчезает, «нейтрализуется», ср. [кол] : [гол], но [лук] : [лук] - 'лук' ∼ 'луг'. Для каждого ряда имеются свои сильные и слабые позиции, а реализация тех или иных фонем в различных позициях образует сложную функциональную систему согласных фонем.

§ 34. Соотносительный ряд твердых и мягких согласных фонем

В зависимости от того, средняя или задняя часть спинки языка поднимается к мягкому нёбу при артикуляции согласного, образуются палатализованные и веларизованные согласные, фонологически противопоставленные в русском языке. С акустической точки зрения имеется существенное отличие между разными группами палатализованных согласных. Все щелевые и плавные являются мягкими (или твердыми) с самого начала звучания («йотовая артикуляция» находится «внутри согласного», как говорил О. Брок). Особенно четко различаются в этом смысле */x/* и */x'/*. Напротив, взрывные согласные становятся мягкими в конце звучания, при переходе к следующему гласному. «Внутренне мягким» взрывной становится лишь тогда, когда взрыв сопровождается аффрикацией, т. е. на каком-то протяжении приобретает звучание соответствующего щелевого ср. [*m'c'*] при [*m'*]. Следовательно, фонологически важное противопоставление согласных по твердости-мягкости выявляется не в отдельном согласном, а в целом слого. Всё разнообразие диалектных проявлений данного противопоставления определяется указанными артикуляторными и акустическими условиями его реализации.

§ 35. Губные согласные

В литературном языке палатализованные и твердые различаются перед непередними гласными и на конце слов. В последней позиции отверждение коснулось только носового, губного в абсолютно слабой (т. е. непроверяемой сильными) позиции: в творит. падеже ед. числа имен и местоимений: *домо[м]*, *твою[м]*, *сими[м]* из *домомь*, *твоимь*, *симиь*, но *се[м']* при *се[м'и]*. Среднеязычная артикуляция при носовом губном вообще очень незначительна.

Отверждение конечных губных в диалектной речи прошло последовательнее. В большинстве русских говоров отмечено произношение *се[м]*, *прору[п]*, *голу[п]*, *це[п]*, *кро[ф]*, *бро[ф]*, *жура[ф]* и т. д. (с [ф] лишь в говорах с губно-зубным */θ/*). Конечные губные мягки в некоторых срвр. и переходных к ним говорах (ряд районов Калужской, Тульской, Пензенской, Тамбовской, Московской, Владимирской областей). На примере архангельских говоров, с одной стороны, и смоленских — с другой, отстоящих от этой компактной полосы, но уже имеющих

факультативную мягкость конечных губных, можно видеть вторичный характер такого смягчения. Влияние литературного языка иногда приводит к преувеличениям (гиперизмам), ср. в воронежских говорах срвр. типа *del'ф'к'û*, *шал'n'к'û* и т. д., хотя и в литературном языке губные перед следующим заднеязычным не смягчаются. В ювр. наречии отверждение губных проведено последовательнее, чем на севере, здесь оно распространяется и на положение перед [j] : *нjý*], [бjý], *воро[бjã]*, [вjý], [вjý]га, *селмjý*] и др. при свр. и литературном [n'jý], [б'jý] и под.

Твердые и мягкие губные фонологически противопоставлены только перед непередними гласными. Функциональная слабость противопоставления приводит к отверждению губных и в этой позиции. Во многих рязанских, владимирских и других говорах отмечалось раздвоение артикуляции мягких губных в этой позиции с выделением [j] : *ûmjã*], [mjã]со, [вjã]л, [njãm'] , *pe[бjã]та* (иногда с позиционной мягкостью губного перед [j] с факультативным исчезновением [j] : *сви[н'ьм]* «свинья», но *соло[в'jã]*). В северо-восточных сибирских говорах, где [j] становится заместителем /р/, /л/ (*кјасна гојова*) 'красная голова'), выделенный из губного [j] иногда устраняется. Мы получаем завершающий этап изменения: *ûма*], [mã]со, [mã]д и под.

Таким образом, в русском языке губные согласные образуют слабые противопоставления по мягкости; в некоторых говорах такого противопоставления нет вовсе.

§ 36. Зубные согласные

Отличие /т'/, /д'/ от остальных взрывных в том, что в определенных условиях они могут аффрицироваться (получать в своем образовании шелевой элемент), а это, как мы видели, способствует оформлению палатального признака как особенности отдельной согласной фонемы, а не слога в целом. Отличия палатализованных свистящих по говорам рассмотрены в § 32.

§ 37. Заднеязычные согласные

В срв. говорах факультативно сохраняется древнерусское сочетание [кы], [гы], [хы] ([кы]слый, *о[гы]бать*, [гы]бель, с *нату[гы]*), [хы]трый); аналогично могут произноситься и вновь заимствованные слова, ср. [кы]парис, [Кы]ров. Видимо, таким же было произношение и в нынешних срвр. говорах, потому что в настоящее время здесь широко распространена замена сочетаний [кы], [гы] сочетаниями [т'и], [д'и], т. е. [т'и]нуть «кинуть», [т'и]слый «кислый», [т'и]рнич, [т'и]шка, [т'и]сточка, [т'и]пел, [т'и]рилл «Кирилл» и под. Было замечено, что граница этого явления совпадает с границей /з/ — /γ/ : с появлением /γ/ исчезает [т'и] из [к'и]. Важно, что указанному изменению подвергается только постоянно палатализованный [к']; в тех морфемах, где [к'] проверяется [к], изменение не наблюдается, ср. *рук'и*, *но[з'и]* и др. при *но[га]*, *ру[ка]* (примеры с [д'и] из [з'и] вообще редки). Указанное изме-

нение всегда сопровождается в пределах говора шепелявеньем палатализованных свистящих и фрикацией /m'/, /ð'/.

Лишь на следующем этапе изменение распространяется на любой палатализованный заднеязычный, т.е. становится возможным произношение *ka[m't'ule чул[m't'u]*, на *глин[m'e'н]*, в *эл[m'e'н]*, *ру[m'u]*, *му[m'ú]*, *но[ð'u]*, *cano[ð'ú]*, *на[ð'u]шом* и под., распространяясь на заимствованные слова и на положение перед /e/, ср. *[m'e]пка* 'кепка', на *ру[m'él]*. Такое произношение вторично, как можно судить на примере говора в районе Рузы (Московской обл.), где еще 50 лет назад *[k'u] > [m'u]* встречалось только в корнях слов, и только в корнях слов это изменение сохраняется в речи переселенцев из этой области, например, в Воронежскую. Последовательное изменение во всех случаях отмечено в сибирских говорах срвр. типа.

В настоящее время такое произношение осознается как диалектное. Отход от него под влиянием литературной речи происходит обычным образом: путем заимствования литературного произношения отдельных слов. В результате возникает смешение с образованиями типа *[k'ulina]*, *[k'e'lst'ь]*, *[k'ul'пeрь]* («тина», «тeсть», «тeпeрь») — псковские и калининские, сибирские говоры.

§ 38. Шипящие (ш), (ж)

В древнерусском языке /ж'/, /ш'/ были постоянно мягкими, в настоящее время в большинстве говоров, как и в литературном языке, эти фонемы отвердели и являются непарными по мягкости-твердости. Однако еще совсем недавно мягкие или полумягкие шипящие факультативно отмечались в северных районах Псковской, Смоленской, Калужской, Тульской областей; на основании исторических источников полагают, что позиционная мягкость шипящих в ювр. говорах была возможна еще в XVII веке ¹.

Твердые /ж'/, /ш'/ преобладают в олонечких, поморских, владимироповолжских, новгородских говорах срв. наречия. Только на границе Архангельской и Вологодской областей встречаются островки говоров с позиционной мягкостью шипящих. Такое произношение больше всего сохранилось в ряде говоров Ивановской и Кировской областей и в некоторых сибирских говорах. Степень сохранности [ш'], [ж'] различна, и это позволяет восстановить этапы отвердения шипящих.

1. Мягкие шипящие перед всеми гласными и согласными и на конце слов, т.е. *[ж'у]ла*, *[ш'у]ла*, *рань[ш'el]*, *на[ш'а]*, *[ж'а]ркий*, *ви[ж'у]*, *хоро[ш'о]*, *мож'от*, *му[ш'к]а*, *вы[ш'л]а*, *заму[ш']*, *хоро[ш']* и др. Основная компактная территория распространения такого произношения — восточная часть Кировской обл. и архаические говоры Красноярского края.

2. Отвердение шипящих только на конце слов происходит раньше всего; мягкие шипящие в этой позиции вообще редки и встречаются

¹ См.: Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, а. 106.

в редких словах (наречия типа *замуж*, *уж* и глагольные формы 2 лица ед. числа).

3. Мягкость шипящих перед гласными и перед мягкими согласными (некоторые юго-западные кировские говоры, в отдельных районах Томской, Курганской, Тюменской областей и Красноярского края). Иногда здесь различаются /a/ из /e/ и /a/ любого другого происхождения: перед первым сохраняется мягкий согласный, доказывая его близость к /e/, ср. *нало[ж'á]т*, *ле[ж'á]т*, *су[ш'á]т*, *лѣ[ж'á]*, но *са[жа]*, *[жа]ко*, *отря[жа]ли* и др. В юго-западных говорах Пермской области мягкие [ш'], [ж'] возможны только перед палатализованными сонорными и перед /e/, /u/.

4. Мягкие шипящие только перед гласными /e/ и /u/.

5. Мягкие шипящие только перед /u/.

6. Последовательная твердость /ш/, /ж/.

4 тип распространен в кировских говорах, а также в русских говорах на территории Удмуртской и Башкирской АССР, 5 — в кировских и сибирских говорах.

3—6 — это говоры, в которых началось изменение в сторону литературного произношения. Противопоставление [ж] : [ж'] в указанных позициях того же рода, что и противопоставление согласных, парных по мягкости-твердости, ср. *ле[жу]*, но *ле[ж'у]*, как *се[ло]*, но *в се[л'е]*. Нейтрализация противопоставления перед передними гласными препятствует последовательному отвердению шипящих в этой позиции, часто шипящие здесь являются полумягкими [ж], [ш].

§ 39. Плавный (р)

Параллельно с отверждением шипящих в тех же говорах может отвердевать и /р'/; особенно характерен этот параллелизм для сибирских говоров:

В срвр. и ювр. наречиях произношение [р] отличается от литературного: это более длительный и энергичный звук, который в транскрипции иногда передают как [p̄] или [p'p'], ср. [сop'p'], [мар'p'ос]. Так же, как и два других передненёбных (/ш/ и /ж/), /р'/ в определенных условиях воспринимался как твердый (иногда это явно полумягкий) согласный — именно благодаря краткости среднеязычной артикуляции при общей длительности основной артикуляции согласного. Во всех говорах, осваивающих фонологическое противопоставление мягких согласных твердым, передненёбная артикуляция, таким образом, оказывается неустойчивой; отвердение /ш'/, /ж'/, /р'/ сопровождается перенесением места образования назад, появляются отличия от литературного произношения.

В результате «смещение» /р/ и /р'/ свойственно многим ювр. говорам и отражается в письменных памятниках. На границе с белорусскими говорами /р/ и /р'/ вообще не противопоставлены друг другу ни в одной позиции, совпадая в полумягком /р'/. Влияние литературной речи оказывается интенсивным и в этом направлении, однако в лексикализованном виде «твердость» /р'/ сохраняется довольно широко в произ-

ношении слов типа *г[ры]б, п[ры]нци, [ры]га, к[ры]нка, [ры]суо*. Сохранение твердости /р/ только в данной позиции легко объяснимо для говоров, где [ɤ] — оттенок фонемы /и/.

§ 40. Фонема (j)

Развитие фонологического противопоставления по мягкости-твердости непосредственно сказывается на фонеме, среднеязычная артикуляция которой является не просто основной, но единственно важной. В большинстве говоров непарная по твердости фонема /j/ также оказывается неустойчивой.

С фонологической точки зрения непарный палатальный /j/ не является ни «мягким», ни «твердым», с фонетической — это палатальный щелевой согласный. Поэтому функционально /j/ может пересечься с любым мягким щелевым согласным, отличающимся от него только местом образования.

В говорах с губно-губным /w/ противопоставление /w/ : /w'/ может реализоваться как /w/ : /j/, потому что среднеязычная артикуляция у /w/ затруднительна. Таким образом, в центральных и северных рязанских, западно-вологодских, в южных иркутских говорах зарегистрировано произношение *постал[j]*, *зо[jó]т* и др. /w'/ и /j/ совпадают и фонологически, в частности тем, что обе эти фонемы не имеют парных глухих.

В говорах с щелевым звонким /ɣ/ дополнительная среднеязычная артикуляция также может стать основной, и в результате [ɣ' > j]. Таким образом, в тульских и рязанских говорах появляется произношение *[já]ря, [já]бель, Серь[jé]й, но[já]б, не[моjá]* «не моги», *сап[оjá]*, *в сап[оjé]* и под.

Свр. говоры от ювр. отличаются большей слабостью взрыва у звонких согласных; в некоторых положениях среднеязычная артикуляция палатализованных звонких также может стать основной. Таким образом, в новгородских, олонецких, поморских, владими́ро-поволжских говорах на месте /ð'/ последовательно появляется [j] (в некоторых современных говорах такое произношение сохраняется только в лексикализованном виде), т. е. *хо[já]*, *хо[já]т, в[á]jáл, да[já]л, б[ý]jо́лт, я[хо́jý]* «ходю», *на лоша[já]*, *в са[já]ке, тры[já]лся, го́сп[оjá]*, *дя[já]на, по[jó]мте* 'пойдемте' и под. с возможным выпадением [j] в интервокальном положении перед /и/: *п[рjá]и, хо[á], в[á]иш, лю[и]те, го[á]т[с]я, ро[á]тели*, также *к[á]е[л]но, вез[é]* 'езде' и под.

В свр., в отличие от ювр. смешений, палатализованный [ð'] не становится оттенком фонемы /j/. Единственное положение, где /ð' > j/ — положение между гласными, т. е. именно там, где в основной массе свр. говоров утрачивается и [j]: *дел[аэ]шь > дел[á]шь, большаа > больш[á]*; в остальных позициях /ð'/ и /j/ противопоставлены, ср. *[já]ма : [ð'á]дя, [jó]н : [ð'ó]н* и под. Только в абсолютном начале слова перед /e/ исчезает /j/ (*л[э]хал, [эшч'е], [эс'а]и, [это эс'* и др., сохраняясь перед /и/ (*j[ú]м, [j[ú]ва]*).

§ 41. Парные по мягкости-твердости согласные перед гласными переднего ряда

Как и в литературном языке, в большинстве диалектов твердые и палатализованные согласные не различаются в положении перед /y/, /u/, /e/, а также перед /o/ и /e/. Перед гласным переднего ряда возможен только палатализованный согласный, т. е. *ce[ʎo]*, но в *ce[ʎ'e]*. В отличие от этого в некоторых срвр. говорах перед гласными /e/, /u/ твердый и палатализованный согласный совпадает в полумягком или твердом согласном, происходит «отверждение» мягкого согласного. Можно выделить две группы говоров, представляющих последовательные этапы развития этого процесса.

В одних говорах «отверждение» имеет место перед (e), восходящим к древнерусским (b), (e), не распространяясь на согласный в положении перед (e) из древнерусского (ě) (*ять*). Особенно наглядно это видно в говорах, где до сих пор различаются гласные (e) и (e) (северо-западные говоры Рязанской обл., юго-восточные говоры Московской и Вологодской, юго-западные говоры Владимирской областей, северные калужские и тульские говоры). Противопоставление слога в целом типа [d'ɛn'] 'день': на [d'ɛn'] (от 'надеть'), [c'ɛm'] : [c'ɛm'a], [n'ɛu'] ; [n'ɛ]ли, [v'ɛ]сь : [v'ɛ]сти и т. д. здесь является важной функциональной особенностью. В говорах, утрачивающих различие (e) : (e), полумягченность согласных перед [e] не из (ě) сохраняется: [n'ɛ]чь : [n'ɛ]ли, [d'ɛ]нь : [d'ɛ]вка или наоборот *ко[ʎn'ɛ]чно* : *с[ʎn'ɛ]шно* (напряженный оттенок фонемы /e/ возникает в закрытом слоге). Это не значит, что в таком говоре перед /e/ различаются твердые и палатализованные согласные: «связанность» различительного признака наводит на мысль о функциональной важности целого слога и о фонематическом различии двух /e/, хотя «звучат» они одинаково. Если в говоре с оппозицией /e/ : /e/ второй гласный не только ниже по подъему, чем /e/, но и заметно отодвинут назад (гласный среднего подъема средне-переднего ряда), то в говорах с «одной» фонемой /e/ [e] является гласным более верхнего образования, чем в литературном языке. Следовательно, здесь ко времени записи противопоставлялись слоги в целом, с той только разницей, что /e/ и /e/ совпали не в /e/, а в /e/ : [d'ɛ]нь : [d'ɛ]ли, [n'ɛ]чь : [n'ɛ]ли. В настоящее время в данном положении согласные становятся мягкими. Таковы ювр. говоры.

В другой группе говоров (западные кировские, юго-западные пермские, некоторые вологодские, ярославские, костромские) полумягкие согласные возможны перед любым /e/, в том числе и перед /e/ из /e/, ср. *у[ʎ]e[ʎ]а*, [c'e]мья, *ко[ʎn'e]йка*, [d'e]нь, [z'e]мля, *по[ʎ]e[ʎ]*, *ко[ʎn'e]ц*; *д[ʎ]e[ʎ]ны*, [d'e]ло, *хо[ʎm'e]л*, [c'e]но, *не[ʎ'e]ста*, [b'e]да и мн. др. Видимо, к моменту «отверждения» /e/ и /e/ в таких говорах уже не различались, частично вследствие уподобления групп [m'e] группам [m'e] после изменения /e/ (например, в говорах Тотемского района Вологодской области на протяжении последних 70 лет).

В обоих случаях факультативно возможно отверждение согласных

перед /u/ (в некоторых говорах это касается только зубных, в других только губных согласных), ср. в одном ярославском говоре *o[ɔ'ɨ]n*, *[m'ɨ]xo*, *vo[ɨ'ɨ]la*, *ko[s'ɨ]la*. Включение фонемы /u/ в этот процесс в ряде северо-восточных говоров можно объяснить двояким изменением фонемы /e/: перед твердым согласным в [e], перед мягким в [u], откуда исходное различие *[ɔ'ɨ]lo*, но *[ɔ'ɨ]льный*.

Характер согласных вообще играет большую роль в указанном «отверждении». Так, в вологодских николевских говорах перед /e/, /u/ были записаны только губные полумягкие, в вологодских тотемских только зубные могли сохранять свою мягкость в положении перед /e/ из /e/. Перед нами, таким образом, различные попытки применить, исходя из возможностей диалектной системы, к общерусскому принципу неразличения палатализованных и непалатализованных согласных перед гласными переднего ряда. В говорах с изменением /e>e/ согласный перед /e/ обобщается не в мягком, как в литературном языке, а в твердом парном согласном, потому что перед /e/ (</b/, /e/) в этих говорах согласный был полумягким (т. е. фонологически твердым). Таковы свр. говоры с /e/ более нижнего образования, чем в литературном языке.

§ 42. Ассимиляция согласных по мягкости и твердости

По результатам свр. говоры четко отличаются от ювр. и срвр. В последних фонологизация противопоставления согласных по мягкости-твердости связана с целой серией позиционных смягчений и отверждений согласных в зависимости от следующего согласного; особенно это касается зубных, которые особенно легко подвергаются ассимиляции. В некоторых случаях важна роль ударения: в безударном слогe ассимиляция происходит последовательнее.

Свр. говорам ассимиляция по твердости в общем чужда, особенно в сочетаниях корневого согласного со старыми суффиксами -*ьск*-, -*ьн*- и под. Произношение *дереве[н'ск]ий*, *зве[р'ск]ий*, *же[н'ск]ий*, *неве[р'н]ый*, *хле[б'н]ый* и под. является обычным. Даже в тех свр. говорах, где теперь под влиянием литературного языка указанная ассимиляция происходит (*дереве[нск]ий*), всегда можно косвенным образом доказать еще недавнюю мягкость предсуффиксального согласного в этом положении. Например, в говорах с изменением /e/ в /u/ только в положении перед мягким согласным имеем *в[ирн]ый*, *[м'идн]ик*, *[л'ибн]ица* и т. д., что указывает на недавнее произношение *[в'ир'ный]* и под. В ряде свр. говоров происходит прогрессивная ассимиляция по мягкости типа *дереве[н'с'к'ой]*, в *[л'йт'н'у] пору*. Видимо, суффиксальный /b/ дольше всего сохранялся в русском языке, обуславливая (полу)мягкость предшествующего согласного. Ювр. говоры с изменением /e>o/ перед твердым согласным также указывают на это: *дере[в'енск]ий*, *[женск]ий* и под. с отсутствием изменения в [o].

Ассимиляция по твердости в свр. говорах возможна на стыке слов. В вологодских, ярославских, костромских говорах записано произношение *на по[в'ит-ту]*, *[гат-ту]* «гать ту», *[сказат-то]*, *ма[т-но]*

сылает, [з'ет-наш] и под. Нечто сходное наблюдается в брянских говорах. В этих случаях важно, что ассимиляция происходит рядом с согласным того же способа образования (главным образом, зубного перед зубным) и обычно вообще ограничивается взрывным зубным. Вспомним, что именно взрывные согласные легче всего утрачивают среднеязычную артикуляцию (ср. § 40).

§ 43. Противопоставление согласных «веляризованные : палатализованные»

При переходе от двух древнерусских степеней смягчения согласных перед гласными к фонологическому различению веляризованных и палатализованных согласных независимо от следующего гласного рассмотренное «отверждение» согласных может не ограничиться только положением перед /e/, /u/. Действительно, в тех самых вологодских, владимирских и рязанских говорах, в которых до сих пор сохраняется частичная полумягкость парных согласных перед /e/, /u/, еще не так давно отмечалось отверждение этих согласных в положении перед любым гласным, следовательно, и перед гласным заднего ряда. В таких говорах наблюдалось образование своеобразных «дифтонгов» с «йотовым началом», т. е. [iá], [iò], [iý] после отвердевших мягких согласных (произношение [miá]co, [ciá]dy, [diý]жкий, [iò]си и т. д.). По замечанию Д. В. Бубриха, описавшего это явление, в таких «дифтонгах» «выдвинутое вперед [i] остановило поднимающуюся волну отверждения согласных». С артикуляторной точки зрения это не что иное, как выдвижение йотовой артикуляции вообще за пределы согласного и ее совпадение с артикуляцией следующего гласного, попытка сохранить противопоставление на уровне гласных фонем. Разложение слоговой фонемы, таким образом, не являлось прямолинейным процессом: в некоторых случаях была сделана попытка не развивать противопоставления твердых согласных мягким.

Легко понять, почему в срвр. и ювр. говорах этот путь не стал ведущим: при изменениях безударных гласных, составляющих большую часть речевого потока, ориентироваться на гласные, как на дифференциальные элементы слога, невозможно. Только четкая артикуляция согласного элемента слога способна служить средством различения.

Положение в конце слова также является сильной позицией для согласных, парных по мягкости-твердости. Поскольку в конце слова звонкие согласные оглушаются, в литературном языке в данной позиции возможно противопоставление только зубных /c/ : /c'/, /m/ : /m'/, /n/ : /n'/, губных /n/ : /n'/, /f/ : /f'/' и плавных /l/ : /l'/, /p/ : /p'/. В говорах с отверждением губных в конце слова, с /l/ на месте /l/ и «смещением» /p/↔/p'/' практически на конце слов различаются только зубные. Неудивительно, что в говорах с отверждением согласных перед /e/, /u/ «отверждение» распространяется и на зубные в конце слова. Так, в ярославском говоре, о котором уже шла речь, они являются твердыми: инфинитив бы[m], гуля[m], дела[m], ше[c], оку[n], каме[n], также те-
nel[p]. В переходных говорах, подобных этому, только положение перед

гласными непереднего ряда является сильной позицией для согласных, парных по мягкости-твердости.

В архаических сибирских говорах особая велярность согласных заметна в любом положении и распространяется также на палатализованные согласные. Таким образом, принято говорить о «звуках средней мягкости» по сравнению с литературными палатализованными согласными. Ту же особенность согласных обнаруживают в некоторых свр. говорах, например, на северо-востоке Европы. Здесь различие твердых и мягких согласных, свойственное литературному языку, не развилось последовательно в силу принципиальной важности вокального элемента слога. В ряде случаев (см. § 70) в качестве дифференциального элемента здесь выступала не отдельная гласная или согласная фонема, а слог в целом. Это позволило сохранить противопоставление веляризованных и лабио-веляризованных согласных, характерное для позднего праславянского языка. Лабио-веляризованные («твердые с огублением») губные и заднеязычные отличались от веляризованных («твердых без огубления») зубных, определяя качество следующего за ними гласного. В ювр. говорах с четким противопоставлением веляризованных согласных палатализованным, имеющим фонологическое значение, веляризованные и лабио-веляризованные совпали в фонетическом качестве веляризованных, дав возможность изменению типа [с'ем'] или [к'и|слый] (из [кы|слый]); в свр. наречии троичное фонетическое различие «палатализованный : веляризованный : лабио-веляризованный» дало иное противопоставление : «веляризованный : лабиовеляризованный».

§ 44. Соотносительный ряд глухих и звонких согласных фонем

Как и в литературном языке, в большинстве говоров противопоставлены ряды согласных, парных по глухости-звонкости: соответствующие фонемы отличаются наличием или отсутствием голоса (/b/ : /n/, /b'/ : /n'/ и под.). «Соотносительность» этих парных согласных образуется благодаря позиционному совпадению глухого и звонкого в глухом, ср. [пруда] : [прута], но [прут].

На границе с белорусскими и украинскими говорами, не без воздействия этих последних, например, в западной части Смоленской и Брянской обл., на юге Воронежской обл. отсутствует оглушение звонких согласных, следовательно, звонкие и глухие согласные здесь не образуют соотносительных рядов, благодаря чему возможно противопоставление форм типа [каскъ] : [каскъ] «сказка» — «каска», [кошкъ] : [кошкъ] «шкурка» — «кошка», [ладкъ] : [латкъ] «оладья» — «заплата».

Более последовательное «неоглушение» звонких в конце слова и перед глухими согласными отмечено в свр. говорах: на всем пространстве их распространения в архаических слоях диалектной речи, не затронутой литературными воздействиями, отмечаются звонкие или полувзвонкие согласные на месте древнерусских звонких. Обычно на

это не обращается достаточного внимания, и только на широкой полосе срвр. говоров наблюдатели неожиданно замечают появление своеобразного гласного призвука, главным образом после конечного звонкого: зу[б^м], сла[б^м], с нуо[е^м], мюо[д^м], прю[д^м], нуо[ж^м], морюо[з^м], гря[з'н], ле[з'н] и др.¹ Такое произношение записано в «новых» срвр. говорах (Владимирская, Костромская, Ивановская, Горьковская области), по своему происхождению — Владимиро-Поволжской группе свр. наречия. Вторичность гласного призвука в этих случаях легко доказывается произношением вроде вел[с'н], сел[с'н] (из «весть», «сесть»), рю[б^м], прору[б^м], гра[б^м] (из «рубль», «прорубь», «грабь»), т. е. после сокращения конечной группы [с'т'], после отвердения конечного губного и др. Специально отмечается, что после палатализованного слышится неопределенный призвук, средний между [ы] и [и]. Все это указывает на то, что гласный призвук сохранялся здесь как единственная возможность оттенить произношение звонких согласных. Поскольку появление гласного призвука характерно для говоров, переходных от свр., следует думать, что это своеобразная попытка сохранить противопоставление глухих звонким во всех позициях. Грамматические особенности свр. говоров поддерживают позиционное противопоставление глухих и звонких в конце слова: в этих говорах, в частности, широко употребляются грамматический член, восходящий к древнерусскому местоимению ть: наро[д-от], перѣ[д-от], гла[з-от], си[з-от], заму[ж-от] и под.

Так как дифференциальный признак наличия или отсутствия голоса не является главным в реализации звонких в тех говорах, в которых звонкость в конце слова и перед глухими сохраняется, во всех свр. говорах отмечается меньшая напряженность звонких сравнительно с глухими, приводящая, в частности, к редукции звонких в интервокальном положении и к «полуглухости» звонких в других положениях. В восточно-кировских говорах постоянно отмечается «вялость артикуляции» согласных при четкости артикуляции следующего гласного. Смещение глухих со звонкими даже в сильной позиции (положение перед гласным) — хорошо известная особенность диалектной речи, отраженная и в письменных памятниках, начиная с XV в. Представители говора, для которого противопоставление согласных по глухости-звонкости не является существенным, при усвоении этого важного противопоставления литературного языка допускают ошибки типа [ф'е]сь пол, [пы]ли «были», [пат]рак «батрак», набо[шн]ый «набожный», ла[тн]о «ладно», [ко]ворили «говорили» и под.

§ 45. Преобразования согласных в пределах слога

В срвр. и главным образом в ювр. говорах в сочетании 'сонорный + взрывной' появляется гласный призвук перед плавным, образуя добавочный слог: [иржет'] «ржет», [ирв'ет'] «рвет», [албом] «лбом», [ил'готъ] «льгота», [ил'ну] «льну», [ил'ва] «льва», [аржаной] «ржаной».

¹ См.: Виноградов Н. Н. Послеконечное ы в народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. — Известия ОРЯС, 1917, т. 22, кн. 2.

Повышенная длительность плавного в этих говорах отражается и другим образом (см. § 39).

Общерусскими изменениями являются изменения сочетаний [ч'н] и [см]; в обоих случаях происходит упрощение группы за счет взрывного элемента [м], ср. в зависимости от характера говора *конелшн*о или (в цокающем говоре) *конелсн*о, *стпшн*лшк или *стпсн*лшк, а также *мо[с]*, *хво[с]*, *гру[с']*, *гор[с']* ('мост', «хвост», «грусть», «горсть») и т. д. Видимо, только некоторые срвр. говоры не знали этого последнего упрощения. Существует предположение, что сокращение группы [см] началось с палатализованного сочетания [с'т'], распространившись затем на [см]. Действительно, в некоторых северо-восточных говорах находим произношение *гру[с']*, *хво[с']*, *пропа[с']*, *свято[с']* и др. при сохранении *мо[см]*, *хво[см]*, *но[см]*¹.

Все остальные изменения в сочетаниях согласных представляют собой особенность свр. и частично срвр. говоров свр. происхождения. Все они определяются общей закономерностью, которую можно определить как преобразование в пределах нового слога.

После падения редуцированных в сочетании двух согласных, прежде разделенных [э] или [о], происходили изменения в зависимости от того, входили они в пределы одного слога или нет.

(1). В сочетаниях *-tɔj-* после утраты редуцированного [j] ассимилировался предшествующему согласному, в результате чего возникали двойные мягкие согласные, т. е. *назва[н'н'ь]*, *камел[н'н'ь]*, *стп[л'л'а]*, *но[л'л'у]*т, *сва[т'т'а]*, *сш[ц'ц'а]*, *но[ц'ц'у]*, *ры[с'с'у]*, *воло[с'с'а]*, *гря-[з'з'у]*, *поло[з'з'а]*, *дел[р'р'у]*, *ола[д'д'у]*, *с лоша[д'д'у]*, но никогда губные или заднеязычные (последних вообще не могло быть в древнерусском сочетании *-tɔj-*), т. е. *кро[в'в'у]*, *сел[м'м'а]*, *вы[н'н'у]*. Указанное изменение характерно для разрозненных свр. говоров и не имеет в настоящее время четкой изоглоссы; оно обычно также в западных ювр. говорах на границе с белорусскими и украинскими. Среди сибирских говоров оно также нередко, причем в некоторых окающих происходит дальнейшее сокращение долготы согласного, т. е. *и[л'л'н]* *день*, *у свал[т'т'у]*, *с мате[р'р'у]*, *воло[с'с'а]* и др. (южные говоры Томской области).

(2). Уже рассмотренное сочетание [с'т'] упрощается и в начале слога, но только в переходных от свр. к срвр. говорах. Во владимиро-поволжских и новгородских наряду с *шел[с'с'а]*, *гор[с'с'а]* и др. записаны *шел[с'с'у]*, *[з'з'ес']*, *[з'з'елать]* ('здесь', 'сделать'), *пы[с'с'у]*, *гол[с'с'у]*, *[с'с'э]кло* и др. При особой палатализации перед гласным переднего ряда в пределах одного слога невозможны два согласных различной степени мягкости. Происходит расподобление по способу артикуляции.

(3). В сочетании звонкого шумного с сонорным происходит уподобление артикуляции, а именно: /бм/ > /мм/: *о[мм]анывать*, *о[мм]окли*, *о[мм]ыть*, *о[мм]ер*, *о[мм]елели*; /бн/ > /мн/: *хле[мм]о*, *надо[мм]о*, *о[мм]а-*

¹ См.: Смолькова Л. П. Некоторые фонетические особенности русских говоров по среднему течению реки Камы. — «Труды Казанского филиала АН СССР», серия гуманитарных наук, 1959, вып. 2, с. 333.

дежить; /дн/ > /нн/: ла[нн]о, наря[нн]о, о[нн]ý, ро[нн]ые], ко[нн]у, до о[нн]ого.

В некоторых свр. говорах подобная ассимиляция невозможна, если сонорный палатализован, т. е. о[бм'от], к обе[дн'е], о[бн'ать] и др. при о[мм]ан, сть[нн]о, надо[мн]о в говорах по Каме. В современных условиях такие ассимиляции наиболее последовательно сохраняются в поморских говорах, распространяясь на заимствованные из литературного языка слова (ср. тру[нн]ости, выхо[нн]ой), в более южных говорах они утрачиваются, причем [нн] из [дн] чаще, чем [мм] из [бм]. При этом на основе заимствований образуются гиперизмы типа желе[дн]-ный, глина[дн]ый, во[едн]ый, каша ма[дн]ая и др. Особенно характерно последнее для свр. говоров свр. происхождения, некоторые формы со старым произношением здесь лексикализуются.

(4). Особых замечаний требуют ассимиляции, связанные с /в/. Только на севере возможно изменение /бв/ > /вв/: о[вв]алился, о[вв]ешал, о[вв]арить, о[вв]ертывал и др. В переходных говорах Калининской области в таких случаях происходит утрата /в/, т. е. о[б]алка, о[б]аливать.

Ассимиляция /вн/ > /мн/ характерна тем, что наряду с ней в том же говоре возможно и обратное изменение /мн/ > /вм/, ср. у чесо[мн]и, [мн]из, ре[мн]ют, нара[мн]е, дере[мн'а], да[мн]о, [мн]ук, [м-н]огу 'в ногу' и др., также [вн]ого, гу[вн]о, те[вн]о, не по[вн'у], ко-[вн'е], ко[вн]ата и др. Эти изменения, обязанные характеру /в/, возможны по южной границе свр. наречия (Вологодская, Ярославская, Владимирская области) и на востоке (Урал), встречаются они и в ювр. наречии и безусловно связаны с изменением характера /в/ в условиях разрушения диалектной системы.

Возвращаясь к определенно свр. ассимиляциям, отметим общность их происхождения. Они охватывают группы совершенно сходных (за исключением одной какой-то артикуляции) согласных; обычно эти согласные отличаются по способу образования. На примере литературного произношения можно наблюдать, например, что при артикуляции двух взрывных [дн] слитный, общий для них обоим взрыв образуется как при произнесении одного [н] — путем опускания небной занавески (такой оттенок /д/ называется фаукальным). В говорах, где до недавнего времени дифференциальный признак, связанный с использованием голоса, не являлся существенным, звонкие полностью уподоблялись следующим сонорным согласным.

Аналогичное положение находим и в остальных сочетаниях, рассмотренных выше. Общее направление в их изменении заключается в стремлении к единой консонантной артикуляции в пределах слога, т. е. к артикуляции, в которой каждый согласный сочетания противопоставлен гласному по способу образования. С фонологической точки зрения в пределах слога только один (обобщенный) согласный (шумный щелевой, шумный смычный или сонорный) сочетается с одним гласным.

Правда, в современных говорах мы находим общерусские сочетания типа [сн'й], [сл'е]ва, [зн]ать и они как будто противоречат этому слишком общему выводу. Однако влияние литературного языка на изменение говора вообще отрицать невозможно.

Наиболее последовательно упрощение групп согласных по способу образования в свр. наречии сохранялось в пределах срединного слога. Только в старых записях такие упрощения записаны в чрезвычайно большом количестве, а произношение типа (э)[н]ать, (с)[л]еная, (с)[к]олько, (т)[к]али, (с)[т]арик и под. (без начальных согласных) до сих пор записывается в некоторых архаических северных говорах.

Важно, что только совсем в недавнее время под влиянием литературного языка в свр. наречии появляются такие сочетания согласных, которые требуют преобразования. В традиционной системе обычно любым способом устанавливается вокалическая разрядка сложных групп согласных либо путем сохранения слабого редуцированного (потолока, лоба, рта, во дверь, во хлев, сошить, со межи, со сыном, отокрой и др.), либо появлением «нового» гласного ([м'ер'ел'и] 'мерли', [л'ео'т'ил'и] 'лстили', [л'егота] 'льгота', [в'ер'еф] 'веревка', [изо-л'ена] 'изо льна', [ц'ер'еф] 'червь' и под.); сюда собственно относится и явление так называемого «второго полногласия»: [столоб-от], [в'ер'ех], [холом] 'столб-от', 'верх', 'холм').

Литература

Аванесов Р. И. Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров.— «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», 1947, вып. 2.

Аванесов Р. И. О качестве заднебной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русском языке.— «Доклады и сообщения Ин-та языкознания», 1952, вып. 2.

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949.

Андреева Л. К. Явление ассимиляции в новых сочетаниях согласных с / в говорах северновеликорусского наречия.— «Уч. зап. Пермского университета», т. 16, вып. 1.

Бондарко Л. В. Некоторые замечания по поводу маркированности-немаркированности членов фонетических противопоставлений.— В кн.: Исследования по фонологии. 1966.

Брок О. Описание одного говора из северо-восточной части Тотемского уезда Вологодской губернии.— В кн.: Сборник ОРЯС, т. 83. СПб., 1907.

Бубрих Д. В. Фонетические особенности говора с. Пустошей.— «Известия ОРЯС», 1913, т. 18, кн. 4.

Высотский С. С. О говоре д. Лека.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 2. М.—Л., 1949.

Зиндер Л. Р. Фонематическая сущность долгого палатализованного [š'] в русском языке.— «Филологические науки», 1963, № 2.

Калынь Л. Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке.— «Уч. зап. Ин-та славяноведения», 1956, т. 13.

Касаткин Л. Л. Прогрессивное ассимилятивное смягчение среднебных согласных в русских говорах. М., 1968.

Котков С. И. Заметки по консонантизму курско-орловских говоров.— «Доклады и сообщения Ин-та языкознания», 1952, вып. 2.

Луппова Е. П. О мягких шипящих ш, ж в говорах Кировской области.— «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та», 1956, т. 15, вып. 4.

М а с и н В. П. Об одной особенности говоров северо-восточной части Некрасовского района Ярославской области.— «Уч. зап. Ярославского пед. ин-та», 1965, т. 53.

О р л о в а В. Г. Губные спиранты в русском языке.— «Труды Ин-та русского языка», 1950, т. 2.

О р л о в а В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

П а у ф о ш и м а Р. Ф. Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, новая серия, т. 2. М., 1961.

П е н ь к о в с к и й А. Б. Ассимилятивные изменения согласных по твердости-мягкости в говорах западной Брянщины.— «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», 1958, т. 173.

П е н ь к о в с к и й А. Б. Об одном ассимилятивном изменении шипящих в говорах западной Брянщины.— «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», 1959, т. 202.

П е т р у с ь В. П. Славянские фонемы / и /ɨ.— «Уч. зап. Кировского пед. ин-та, историко-филологический факультет», 1957, вып. 2.

Т а г у н о в а В. И. О сохранении звонких согласных на конце слова и перед глухими в муромских говорах.— «Доклады и сообщения Ин-та языкознания», 1953, т. 4.

РАЗДЕЛ II

ИНТОНАЦИЯ И УДАРЕНИЕ

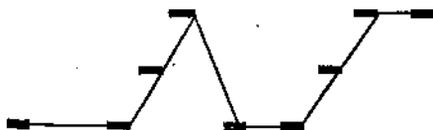
§ 46. Интонация и количество

Ни в одном русском говоре не сохранилось фонологическое различие праславянских слоговых интонаций, т. е. повышение или понижение тона в пределах отдельного слога. Однако фонетически движение тона в слогах легко наблюдается в говорах без редукции гласных; обычно это нисходящее движение тона (сверху вниз: *ма'ма' го'во'ри'т*, или *ма₀ма₀ го₀во₀ри₀т*). В южнорусских говорах такая интонация обнаруживается только в начальном слоге слова, особенно если он является ударным; дальнейшее понижение тона распространяется на слово в целом. Графически это можно изобразить следующим образом: *ма₀ма_{0(a)}*. Таким образом интонация, как и ударение, становится характеристикой всего слова в целом, а в соединении с количеством (долготой или краткостью отдельных слогов) создает ритмический рисунок целого предложения или словосочетания. Поэтому интонация и количество рассматриваются совместно.

В зависимости от комбинации этих двух особенностей четко выделяются три группы говоров: окающие без редукции (свр.), окающие с редукцией (срвр.), акающие (ювр.).

Равномерные повышения тона на ударном слоге с четкой артикуляцией каждого слога и резким падением или повышением тона в конце сочетания — характерная особенность свр. наречия, пришедшая из древнерусского языка, ср. 1

так што-о-о ты сиди-и-ишь?

(вопросительная интонация с восходящим тоном),

хлеб-от есть ве-е-еть

(утвердительная интонация восходяще-нисходящего характера).

Характерная особенность всех свр. (и архаических зауральских) говоров заключается в «протяжении конечного слога», т. е. в особой долготе последнего слога в слове, независимо от того, является он ударным или нет: *кѳт на пов'ит'ѳ с'йжывѳл*. Безударный конечный слог имеет ровную интонацию:

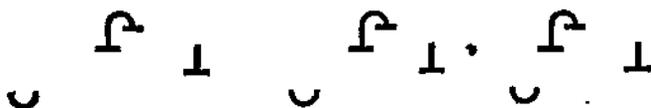
мама-а! у неё прыжки-и дома-а?

В говорах с редукцией долготы конечного слога в общем сохраняется; в некоторых ритмических позициях она возможна и в акающих говорах. Существенное отличие этих двух групп от свр. заключается в интонационной соотносительности предударного и ударного слогов.

Основная интонационная сила в ювр. и в срвр. говорах совпадает не с ударным слогом, как на севере, а с первым предударным. Наибольшая высота тона приходится на начало этого слога, постепенно понижаясь к ударному. Наиболее полноверным, «выпуклым» слогом в слове является здесь именно предударный, а не ударяемый. Ивановские, костромские, владимирские говоры относятся к этому типу.

Тоновое усиление предударного слога достигается за счет сильной редукции остальных безударных слогов. В калужских, тульских, севернорязанских говорах предударный слог также выделяется своей долготой, приближаясь к долготе ударного слога:

Выделение предударного слога из числа остальных безударных имеет решающее значение в функциональной системе этих говоров.

§ 47. Ударение

Словесное ударение в современных русских говорах по своему характеру близко к ударению в литературной речи, т. е. является силовым (динамическим). Это значит, что ударный гласный от безударного в акустическом отношении отличается относительной громкостью, которая достигается сложным сочетанием длительности и интенсивности, а также напряженности ударных гласных. В литературной речи преобладает всё-таки длительность ударного гласного. Знакомясь с языками, в которых имеется количественное различие гласных (например, долгий /ā/ противопоставлен краткому /ă/), русский часто смешивает ударение и долготу, потому что в русском языке понятие долготы фонологически совпадает с понятием ударения, т. е. в литературном русском языке долгота и есть ударение. Наблюдатели часто говорят о добавочном ударении на конечном слоге даже двухсложных слов в северных русских говорах: длительность конечного слога здесь опять-таки воспринимается как ударение, ср. в архангельских говорах *языка́, кра́я, гру́ди* и под. Качество ударности связано с напряженностью гласного, т. е. с четкостью его артикуляции. Таково же положение в ювр. наречии. В окающих говорах с редуцией значение напряженности в артикуляции ударного гласного даже повышается, потому что долгота первого предударного слога здесь даже превышает долготу самого ударного слога.

Напротив, в основной массе свр. говоров, т. е. в говорах без редуции, именно сила ударного слога является его ведущей характеристикой. Длительность гласного не имеет здесь того значения, что на юге и в литературном языке, а напряженность гласного тем более: каждый гласный независимо от ударения в свр. наречии произносится четко, т. е. в известном смысле «напряженно».

Эта краткая характеристика указывает на специфические различия различных говоров в реализации словесного ударения. Необходимость выделения ударного слога осуществляется различным образом в зависимости от характера говора, определяя тем самым функциональную систему гласных фонем.

§ 48. Основные диалектные различия в словесном ударении

Поскольку место ударения в слове определяет реализацию гласных фонем в ювр. и срвр. говорах, целесообразно изложить основные характеристики диалектного словесного ударения. Общим свойством диалектного ударения является стремление к обобщению ударения на одной и той же морфеме, причем словесное ударение в свр. наречии является вообще более архаичным, а обобщение ударения на одной морфеме здесь касается по преимуществу изолированных или непродуктивных грамматических классов, например, причастий. В ювр. наречии по результатам обобщения словесного ударения отмечается противопоставление именных и глагольных форм с прежним подвижным ударением: имена существительные обобщают окончное, а личные глагольные формы — накоренное ударение, т. е. наряду с *рука́, гуся́* появляются отклонения от литературного типа в сторону вин. ед. *руку́*, им. мн. *гуси́* и др.; наоборот, наряду с *звонит, звонишь, варим, варят* появляется ударение *звоню, варю, хочу, дышу* и под. Эта особенность распространяется на остальные формы, например, на суффиксальные имена существительные с одной стороны и на инфинитивные и претеритные формы глагола — с другой, ср. *была, брала, спала* и под., *месть, несть, цвэсть* и под. Наоборот, причастия (прошедшего времени страдательные) выравнивают свое ударение по инфинитиву, ср. *щипанный, жеванный, растрепанный, разданный*, но *принесены, завезены* и другие с кратким суффиксом. Сложнее положение у полных имен прилагательных, но очевидна общая тенденция к развитию накоренного ударения: *рыбий, родной, простой, босый, прямой, крутой, густый* и мн. др.

В свр. и части срвр. говоров архаичность ударения проявляется в самостоятельном существовании древнерусских подвижных парадигм¹, с чередованием ударения между окончанием и основой слова. Сохраняются архаические акцентные парадигмы типа *я варю́, ты вари́шь, он вари́т, мы вари́м, вы варите́, они варя́т*. Число слов, включенных в такие парадигмы, достаточно велико. В срвр. говорах их разрушение начинается с формы 2 лица множ. числа, где образуется параллельная акцентовка *вы вари́те* (в таком случае исконное ударение сохраняется при вопросе или связывается с эмфатическим построением фразы). Инфинитивные и соответствующие претеритные формы также сохраняют окончное ударение ср. *жекчи́, печи́, леи́, помочи́, берекчи́, были́, спали́, дали́*.

Сохранение подвижности в именных парадигмах распространяется на все, иногда очень архаические формы, например, на форму дат. па-

¹ Парадигма — совокупность форм словоизменения конкретной лексемы (от греч. *paradeigma* — «пример, образец»), например, все падежи и числа у имен, все лица и числа у глаголов. Акцентологическая парадигма указывает на характер ударения в грамматической парадигме. Так, подвижная парадигма характеризуется чередованием ударения между самым первым и самым последним слогом словоформы: *я да́рю — ты да́ришь — он да́рит — мы да́рим — вы да́рите — они да́рят*.

дежа ед. числа имен сущ. женского рода типа *к головы, по стороны, к зймы, по стене* и др., или на форму предл. падежа ед. числа много-
сложных имен всех типов склонения, ср. *на лошади, на площади, о свободе* и т. д. Именно свр. говоры сохранили наиболее древнее ударение производных имен (типа *ручай, тишина, рыбаки, случай* и мн. др.). Напротив, полные прилагательные, видимо, обобщают наконечное ударение: *пресной, грязной, ловкой, крупной, целой* и мн. др.

Общими закономерностями развития диалектного ударения определяется и изменение ударения в словосочетании. Так, оттяжка ударения на предлог в некоторых сочетаниях возможна только в свр. говорах: *по саду, под осень, по корм, по гости, на сене, по сено*, в префиксальных глагольных формах *сбшить, подрали, назвал, пришли, собрал, найдешь* и др.

Литература

Златоустова Л. В. О природе словесного ударения в оказующих говорах с редукцией и без редукции сравнительно с литературным языком. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, новая серия, т. 3. М., 1962.

Шелюто Г. А. Русское ударение, ч. 1. Ужгород, 1962.

РАЗДЕЛ III

ВОКАЛИЗМ

1. СОСТАВ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

В отличие от литературного языка, число фонем в говорах может быть большим; кроме *la/, lo/, ly/, lu/, le/* также закрытые напряженные *lõ/, lël/*. Функционально слабой фонемой литературной системы является фонема *ly/*, иногда ее вообще считают оттенком фонемы *lu/*. В ряде диалектных систем самостоятельность *ly/* выявляется определенной.

§ 49. Фонема (o)

Очень напряженный и закрытый гласный заднего ряда средне-
верхнего подъема является основным оттенком фонемы *lo/* в ряде русских говоров. Территория его современного распространения расположена на востоке и охватывает восточную часть Вологодской и северную часть Костромской области, отдельные говоры с фонемой *lo/* распространены на юге Владимирской, на востоке Московской, в разных местах Рязанской области. В остальных ювр. и главным образом свр. говорах сохраняются следы прежнего *lo/*, например, в произношении отдельных слов типа *ши[rõ]ко, до[rõ]га, ко[rõ]ва, раз[bõ]йник* и др. (только не в первом слове). Менее четко эти следы обнаруживаются в говорах Сибири. Судя по заимствованиям из русского языка в языки финской группы, различающие два типа *lo/*, все свр. говоры

в прошлом различали /q/ и /o/. Пожалуй, только в западной части ювр. наречия нет никаких следов /q/; в восточной части ювр. наречия существование /q/ можно предполагать на основе некоторых типов яканья (см. § 53).

В говорах, где /q/ является самостоятельной фонемой, она противопоставлена в сильной позиции фонеме /o/, ср. [cδ]шка, но [cδ]хи, пере[вδ]т, но [вδ]р, с[б]р[δ]д, но с б[рδ]ду, на[вδ]з, но на[вδ]з, C[δ]мя, но [cδ]ня (прозвище: 'сонный'), [мδ]г, но [мδ]х, [вδ]т, но [вδ]д, [вδ]н (указ. местоимение), но [вδ]н (наречие: 'наружу'), [пδ]д, но [пδ]т, [вδ]йлок, но [вδ]йско, косвенные формы женского рода как[δ]й, дурн[δ]й, но им. ед. мужского рода как[δ]й, дурн[δ]й и мн. др. Уже из этих примеров видно, что /q/ и /o/ в русском языке имеют различное происхождение: /q/ возникло из исконного /o/ под восходящей интонацией, а /o/ — из исконного /o/ под нисходящей интонацией и из [ɔ]. Следовательно, всякое исконное подударное [o] после твердого согласного не в начале слова представляет собою один из оттенков /q/. В первом слоге слова /q/ закономерно является в тех случаях, где нет оттяжки ударения на предлог (на ст[δ]л, на в[δ]лю, но на дом, на землю, откуда д[δ]м) или ударение на начальном слоге вторично (ст[δ]л, к[δ]нь при столá, коня . . . столу, коню . . .). В остальных положениях исконным является /o/ открытое. Ни в одном говоре это исконное распределение /q/ и /o/ последовательно не сохранилось.

Аналогия затронула все срединные и конечные слоги, где обобщилось произношение с /q/, ср. люб[δ]вь, лиц[δ], хорош[δ], (/q/ на месте [ъ] и [e]). Второе отличие от исконного /q/ заключается в появлении разнообразных оттенков фонемы /q/, главным образом дифтонгического характера; обычно фонема /q/ реализуется в целой серии звуков типа [yo], [yo]: хор[yo]ш, мор[yo]з. Изменение /q/ в дифтонг происходит главным образом в срвр. и ювр. говорах, где подударные гласные в отличие от безударных получают дополнительную характеристику напряженности. В связи с этим дифтонгируется и исконный /o/: [δбуm], [пδу'е] и под. Смещение позиционной напряженности и исконной «закрытости» — довольно частая ошибка неопытного наблюдателя. В научной транскрипции две характеристики подударного o различают специальными знаками (/q/ — узкий, [δ] — напряженный). В северных говорах напряженность гласного определяется не ударением, а характером слога: в закрытом слоге гласный напряженнее по своему образованию, чем в открытом, поэтому здесь и встречается произношение типа л[δ]б, в[δ]лк, м[δ]х и др.

§ 50. Фонема (e)

Противопоставленная по ряду фонеме /q/, фонема переднего ряда средне-верхнего подъема /e/ («закрытое» /e/) по говорам распространена шире, чем фонема /q/, однако /q/ возможно только в говорах с /e/. /e/ имеет большее число оттенков, чем /q/ и реализуется различным обра-

зом в зависимости от позиции, что объясняется большей возможностью фонетического варьирования именно после палатализованных. По своему происхождению /e/ — это /ě/ (Ѣ, «ять»), который в большинстве ювр. и срвр. говоров совпал с исконной фонемой /e/. В других системах произошли преобразования /e/.

(1) Сохранение дифтонга [iē] или [ye] — свидетельство архаичности системы; эта особенность совпадает с сохранением [yo] и противопоставлением /e/ : /e/ как дифтонгов [iē] : [ēu], ср. [b'āec] : [b'ēuc] (т. е. 'бес' и 'без') (восточные вологодские, отдельные кировские, южно-владимирские, восточные воронежские, рязанские говоры).

(2) Шире, но только на севере, распространено произношение [e] или [iē] перед твердым согласным, и [u] перед мягким, т. е. [cn'ēt], [b'ēs], [l'ēs], но [cn'ūl'ū], [nov'ūs'ūm], [v l'ūs'ū] (центральные и южные вологодские и восточно-новгородские говоры), в некоторых олонечких говорах такое различие сохраняется только под ударением, а в безударной позиции происходит некоторое снижение артикуляции, т. е. cl'el, [xl'ēba], но [c'ūl'ū], в [xl'ūb'u], тогда как без ударения [p'ékū], [m'estām], но [p'uk'ū], [vm'us't'āx]. Из этого видно, что положение перед мягким согласным способствует сохранению наиболее узкого оттенка /e/; напротив перед твердым происходит постепенное снижение артикуляции до /e/.

(3) Действительно, самый распространенный в свр. наречии тип реализации /e/ — изменение его независимо от ударения в /e/ перед твердым и в [ū] перед мягким согласным (олонечские, южные поморские, западно-вологодские, северные владими́ро-поволжские говоры). Изредка здесь возможно произношение [e] или [iē] перед твердым согласным. На примере ряда череповецких или костромских говоров можно видеть, как за последние полвека произошло изменение говоров типа (2) к типу (3).

(4) Только вокруг оз. Ильменя сохранились западно-новгородские говоры с последовательным изменением /e/ в /u/ независимо от характера следующего согласного: [l'ūto] и в [l'ūm'u]. Еще до революции они были представлены здесь гораздо шире.

(5) Ближайшую ступень к совпадению с /e/ представляют говоры с [e] в любой позиции (ряд районов Новгородской, Ленинградской, Архангельской, Рязанской, Московской областей).

(6) Под влиянием соседних говоров и литературного языка завершающим этапом изменения /e/ является его совпадение с /e/, т. е. произношение [l'ēto] и в [l'ēm'e]. Соответствующие говоры встречаются в разных местах свр. территории; наиболее компактная их группа — владими́ро-поволжские говоры срвр. типа. Большинство сибирских говоров следует отнести сюда же. Некоторые ювр. говоры, видимо, ранее входили в одну из групп с различием открытого и закрытого /e/, но теперь имеют лишь следы /e/, ср. в орловских говорах [l'ūstām], [l'ūscā], [d'ūs'ьp], [juc'] и др.

В говорах первых двух групп рефлекс старого «ятя» выступает в качестве самостоятельной фонемы, в сильной позиции противопостав-

ленной всем остальным гласным; только говоры последней группы определенно не имеют в своей системе фонемы /e/. Особый интерес представляют типы 3, 4, 5.

Фонологическая интерпретация говоров третьей группы наиболее важна, поскольку касается большей части современных свр. говоров и объясняет положение дел в 4 и 5 группах. Третья группа — непосредственный результат изменения предыдущего типа. Еще не так давно большинство говоров с противопоставлением [a'éc] — в [a'íc'u] имело характерное для второй группы произношение [a'éc] — в [a'ic'u]. К настоящему времени изменилось только произношение /e/ перед твердым согласным, т. е. [a'éc] > [a'ec], тогда как функционально /e/ и /e/ продолжают различаться во всех позициях. Например, в сильной позиции, в положении перед твердым согласным, фонема /e/ реализуется в звуке [e], но это не значит, что она «совпадает» с фонемой /e/: в данной позиции, как хорошо известно, произошло изменение /e/ > /o/.

В еще большей степени реализация /e/ и /e/ зависит от предыдущего согласного. В говорах первых двух групп /e/ не только более нижнего, но и более заднего образования, чем /e/. Хотя оба гласные, реализующие указанные фонемы, являются гласными передними, произношение согласного перед ними сильно отличается: перед /e/ согласный палатализован, перед /e/ — полупалатализован. Это фундаментальное отличие /e/ от /e/ дает и фонетическое различие в реализации указанных фонем. В сочетаниях с предшествующим согласным повышение артикуляции перед следующим палатализованным согласным не приводит к совпадению /e/ с другими фонемами, потому что на месте /m'e/ в таком случае появляется [m'u] или [m'è], всегда отличающееся от /m:u/. В говорах 4 и 5 групп, несмотря на их сближение с литературным языком, это положение может сохраняться, ср. противопоставление /m'u : /m:u/ (соответственно из /m'e/ и из /m:u/); такое противопоставление было зафиксировано в начале века в некоторых юго-западных вологодских говорах.

Сопоставляя различные данные владими́ро-поволжских говоров, мы обратим внимание на то, что именно здесь наряду с исчезновением /e/ появляется [o] на месте [e] из старого /e/ (типа [cm'oná]), «отвердение» согласных перед /e/, появление [u] на месте /e/ и др. — словом, целая серия изменений, так или иначе объясняемых отходом от свр. системы к ювр. Все такие изменения можно объяснить тем, что в переходных владими́ро-поволжских говорах происходит разложение фонетической слоговой единицы. Мягкость и полумягкость согласных уже не зависят от того, следует ли за ним /e/ или /e/ — обе фонемы совпали в одной, в /e/, однако /e/ и /e/ в зависимости от следующего согласного имели по два рефлекса ([a'ec] и в [a'ic'u], но [ð'en'] и [ð'on]). В результате происходит перераспределение («обобщение») оттенков новой фонемы /e/. С одной стороны, возможно распространение [o] на корни типа [a'ec], а [e] на корни типа в [a'ic'u] (см. § 57). С другой стороны, возможно распространение [e] на корни типа [ð'on], а [u] на корни типа [ð'en']. Это последнее хорошо известно в западной и восточной части свр. го-

воров. Существует даже мнение, что только применительно к говору с регулярным произношением [ʼu] между мягкими согласными (на месте /e/, /u/, /e/) можно определенно говорить об окончательном завершении изменения /e/ в [u]. Примеры произношения /ʼu/ на месте /e/: [nʼuʼ], [ʁʼucʼ] 'весь', [dʼinʼ], [cʼimʼ], [nʼinʼ], [mʼucʼmʼ], [ʁʼucʼmʼ], [konʼuʼ], [otʼuʼ], [ʁʼupʼx], [dʼupʼnut], [dʁʼupʼ], [nʼeʼmʼinʼ], [dʼinʼ-ɛʼu], [konʼuʼ], [tonʼupʼ], [ocʼinʼnʼeʼ], [cʼilʼskʼuʼ] и мн. др. Такое изменение возможно только в окающих говорах, в соседних акающих говорах, например в Калининской области, оно не встречается.

В тех сврр. говорах, где изменение [ʼe] в [ʼu] очень распространено, например, в западной части (Калининская и Новгородская области или на северо-востоке по Каме), одновременно возможно и обратное изменение [ʼu] на [ʼe], но только перед твердым согласным, особенно в безударном положении, ср. [pʼesʼ]ют, [ʁʼelʼ]сь веревка, по[ʁʼenʼ]ть, [cʼerolʼ], [cʼmʼenʼ], гори[ʁʼenʼ], ку[ʁʼeʼ] 'курица', также [pʼemʼ], [brʼemʼ] и под. В говорах по средней Волге и в Зауралье (например, тобольских) эта замена может происходить и перед мягким согласным, но это как раз те говоры, где изменение [ʼe] > [ʼu] не является последовательным.

Наконец, имеются переходные говоры с изменением [ʼetʼ > ʼotʼ] (и [ʼetʼ > ʼutʼ]) только в абсолютно слабой позиции (в корнях слов, не проверяемых сильной позицией) — в первом случае без ударения ([ʁʼonʼ], но [xʼebʼ], проверяемое подударным [xʼenʼ], см. § 57), во втором — в положении перед мягким: [dʼinʼ], [nʼupʼvʼ], [konʼuʼ] и др. Это начальный этап отхода от сврр. диалектной системы.

§ 51. Фонема (ы)

В литературном языке эта фонема является функционально слабой, потому что не противопоставлена фонеме /u/ в единственной сильной для нее позиции: в начале слова. При обсуждении вопроса о фонеме /ы/ в говорах оставим в стороне исторические чередования твердого и палатализованного согласного на стыке морфем типа *gylcʼ*: *gylcʼыя*, *stolʼ*: *stolʼык*. Они возникли из прежнего чередования твердого и смягченного перед /u/ согласного.

В реализации фонемы /ы/ важны следующие диалектные особенности.

В южных архангельских говорах с мягким цоканьем в сочетании [ʁʼu], соответствующем литературному [ʁʼu], происходит отверждение аффрикаты, тогда как сочетание [ʁʼu] в соответствии литературным [ʁы] сохраняет мягкость аффрикаты, ср. *moʁыть*, [ʁы]стый, но [ʁʼu]на, [ʁʼu]ган. В обоих случаях артикуляция гласных сохраняется неизменной, это [u], но перед ним различаются твердый и мягкий согласные. На стыке предлога и корня здесь возможно произношение [ʁʼ-ux], [cʼ-uz]бой. Однако было бы поспешным заключение, что /ы/, никогда не пересекаясь с /u/, выступает здесь в качестве самостоятельной фонемы. Во-первых, не всякий согласный противопоставлен перед /u/ по мягкости-твердости, некоторые из них могут быть перед /u/ только твер-

дыми (фонетически — смягченными), прежде всего губные и заднеязычные: [п'и]скарí, [п'и]ть, лю[б'и]ть, пету[х'и], ру[к'и] и др. Во вторых, если даже [ц] и [ц'] противопоставляются перед [и], в условиях диалектной системы они являются факультативными оттенками фонемы [ц'], и в таком случае положение перед /и/ не является сильной позицией для различения мягких и твердых согласных, ср. [дý]ма и [д'ý]-жий, но только [д'ý]кий или [бý]ря и [б'ý]ть (губные и заднеязычные слабо противопоставлены по мягкости-твердости перед любым гласным). Таким образом, в говоре сохраняются элементы слоговых фонем — качество гласного определяется качеством согласного, и наоборот. В силу такой неопределенности согласных перед /и/ в условиях разложения «слоговых фонем» совпадение слогов типа [б'и] и [бы] может идти двумя путями: развитие фонематического противопоставления мягких и твердых согласных приведет к совпадению [и] и [ы] в одной фонеме /и/; последовательное отверждение согласных перед [и] приведет к тому же, но изменит качество фонемы /и/ (станет гласной фонемой среднего ряда).

Первое изменение под влиянием литературного языка оказалось основным, оно происходит теперь в большинстве свр. говоров. В процессе перестройки отмечается некоторое изменение в артикуляции гласных после известных согласных, своеобразная попытка сохранить противопоставление слога в целом. По сравнению с литературным языком гласный [ы] в свр. говорах — более заднего и нижнего образования, образующий параллельные чередования в зависимости от окружающих согласных. Такой [ы] по месту образования почти совпадает с [у], отличаясь от него только отсутствием губной артикуляции; после губных и плавных [ы] позиционно совпадает с [у], ср. произношение типа у[бу]вать 'убывать', ко[лу]бать, п[лò]ву 'плыву', вы[му]ла, [му]ла 'мыла', [бук] 'бык' и др., т. е. старое противопоставление [б'и] : [бы] сменяется противопоставлением [б'и] : [бу].

В сврр. говорах (Ярославская, Московская, северная часть Калужской области) отсутствует изменение [и > ы] после твердого согласного, наоборот, происходит позиционное смягчение согласного [в'-и]збу, [об'-и]збе, [к'-и]мени, [к'-и]х, [с'-и]м, [в'-и]скрах, [к'-и]голке, о[б'и]мались, о[т'и]мать, [с'и]гнали и др. — только на месте [и] из /й/ (ср. [сы]вой, [к-ы]вану). Аналогичные примеры обнаруживают в свр. говорах, доказывая их древность. Если это не смягчение под влиянием /л/, т. е. [в-й]збу дало [в'-и]збу, мы имеем дело с ограничением в действии правила (после твердого согласного [и] изменяется в [ы]). В переходных владими́ро-поволжских говорах (например, в Горьковской области) смягчение согласного распространяется на положение перед [и] любого происхождения, т. е. кроме того еще и о[б'и]ване, [с'и]вой, наро[д'и]дét, бара[н'и]здох, глу[х'и] нем и др. Это другая возможность преодолеть противоречие между свр. системой и общерусскими тенденциями.

Иной путь под влиянием местных субстратных языков намечился в говорах восточной Сибири: здесь /и/ и /ы/ совпали в гласном среднего

ряда /u/, перед которым согласный всегда тверд. Промежуточные стадии изменения прослеживаются во многих старожильческих говорах Сибири, главным образом в лексикализованном произношении отдельных слов.

Общерусской тенденцией, таким образом, является тенденция к совпадению /u/ и /ы/ в одной фонеме /u/.

§ 52. Фонема /e/

В ряде ювр. говоров нет изменения [e > o] под ударением перед твердым согласным: [c'élъы, [m'élпый, семь кол'n'én], [л'én], прил'és] и и др. (в архаических говорах Рязанской области, в отдельных районах Пензенской, Тамбовской, Тульской, Воронежской, Куйбышевской и др. областей). В остальных ювр. говорах указанное изменение отсутствует в глагольных окончаниях, т. е. не[c'éи], не[c'ém'], не[c'éте] и не[c'ém] (смоленские, орловские и соседние им говоры). По мнению Р. И. Аванесова, исконные ювр. говоры находятся вне зоны изменения [e > o]. Произношение не[c'ém] не отрицает справедливости этого положения, но делает его сомнительным при наличии других фактов. Именно в суффиксах и окончаниях изменение [e > o] может быть и в говорах без указанного фонетического изменения, ср. оелн'óm], медвед'óm], медвед'óу], земл'óу], нэлн'óm], кул'ók] и др. Это не что иное как результат выравнивания по твердому типу склонения, т. е. оелн'óm] как сто́лом] и под. В таком случае не[c'ém] можно считать результатом выравнивания по аналогии с не[c'ém'] и др. Однако замечено, что сохранение [e] в глагольных формах всегда связано с архаическими типами яканья, тогда как изменение [e > o] обычно сопровождается более новыми типами яканья (см. § 60), потому что в условиях диссимилятивного яканья не отражается на качестве предшествующего гласного: н[ис'ém] как [н'ис'éи] и [н'ис'ém']. Можно полагать, что в ювр. говорах [н'ис'ém] сохраняет старое произношение формы, и наоборот, формы с [o] являются вторичными.

Поскольку теперь в части ювр. говоров [o] и [e] не противопоставлены друг другу в сильной позиции (т. е. после мягкого согласного возможно только [e], а после твердого только [o], ср. пять [d'én] : [дон] и [d'ek'] : лал'док'), говорят о функциональном совпадении [e] и [o], объединяющем их в одну фонему. В начале слова в редких случаях возможно [e] (ср. [éтал]), но так как в сочетании с предшествующим согласным этот последний палатализуется (ср. во[т'ém]а), можно говорить о соотношении, параллельном отношению [и] и [ы] в тех же говорах; [e] и [o] здесь являются оттенками одной фонемы.

Обобщение флексий твердого типа склонения приводит к появлению позиции противопоставления согласных перед [o], ср. оелн'óm], но ок-нóм], нелн'ók], но малнók]. Однако редкость таких противопоставлений дает основания полагать, что в ювр. говорах подобного типа фонема /e/ является маргинальной в системе гласных фонем. Частые «ошибочные» произношения на основе заимствования из литературного языка, на-

пример, [xл'он] 'хлеб', [ц'он] 'цеп' и др. доказывают, что [e] и [o] в говоре последовательно не противопоставлены как самостоятельные фонемы.

2. ДИАЛЕКТНЫЕ МОДИФИКАЦИИ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

§ 53. Модификации фонемы (a)

Различные оттенки фонемы /a/ в говорах заметно отличаются от литературного языка. Определяется это, прежде всего, положением /a/ в фонологической системе. /a/ — единственная гласная фонема нижнего подъема, отсюда большой диапазон фонетического варьирования в зависимости от окружающих звуков.

Наибольшее число отклонений приходится на позицию /a/ (между мягкими согласными). Даже в литературном языке /a/ в этом положении является передним гласным более верхнего образования (в транскрипции [ä], [e^a], [a^e], [æ]). В восточно-вологодских и в кировских, в поморских, уральских и зауральских говорах, принадлежащих более или менее ранним переселенцам из северо-восточных территорий (Свердловская, Пермская, Тобольская области), в этой позиции независимо от ударения слышится [e], т. е. [вз'эл'ул], [нр'эн'ук], [з'эм'], [гул'эл'ул], [он'эм'] и [н'эм'ул], [с'эм'ок], [вз'эл'ус'], но перед твердым согласным сохраняется [a]: [н'атый], [гр'атый], [вз'ал]. В западно-вологодских, олонечких, новгородских, в большинстве срвр. говоров Московской, Пензенской, Тамбовской областей даже во владимиро-поволжских говорах указанного чередования [a]/[e] в зависимости от следующего согласного нет, однако и здесь наблюдатели отмечают [ä] переднего образования при повышенном подъеме языка. В срвр. говорах Куйбышевской и Саратовской областей указанное изменение зафиксировано; оно возможно и в мещерских говорах на границе Рязанской и Владимирской областей. Раньше оно описывалось в калужских и смоленских говорах, однако в настоящее время в большинстве срвр. и ювр. говоров сохраняется только в лексикализованном виде, в произношении отдельных слов: о[н'ет'], [м'еч] 'мяч', [м'еч'ук], реже [н'ет'] 'пять', пле[м'ен]ник, безы[м'ен]ный. Обычно такое произношение объясняют заимствованием из свр. говоров, однако учитывая фонетическое изменение [a] в [e] в старых ювр. говорах это предположение придется отвести. [e] в двух последних словах объясняют сохранением суффиксального [en] в словах старого склонения на согласный. Последнее очень важно (в некоторых калужских говорах [e] вместо литер. [a] встречается только в слове 'племянник' и производных от него), потому что возвращает нас к остальным примерам с [e] на месте [a]: во всех случаях это изменение имеет место у /a/, восходящего к древнеслав. /e/ (= «юс малый»). Наоборот, [a], не восходящее к /e/ чаще всего не изменяется в [e] (там, где такое изменение имеется, оно обязано аналогии), ср. в тв. п. мн. числа [дн'ам'ул], [гвозд'ам'ул] и др. в пермских, мещерских и других говорах с изменением типа [н'эм']|с[н'атый].

В архаических северо-восточных говорах (большая часть примеров встречается в старых записях) такое же изменение возможно и перед

твердым согласным (*на ту*[n'étu] 'на ту пять' и под.). Наконец, в безударной позиции в ряде говоров (в том числе и срвр.) [a>e] перед твердым согласным довольно обычно: *крово'ен*бá, *пор*[t'ен]бе, *ог*л'ен]у-лась, [л'е]ушка и др.

В срв. говорах с полумягкостью согласных перед [e] отличие [e] из [e'] от «искожного» [e] (т. е. из [y], [e]) прослеживается наиболее отчетливо: образуется противопоставление по различной степени палатализации согласных перед двумя типами [e], ср. [n'é]чь, но [n'é]ть ('печь' : 'пять'). Дело не в том, что [e] из [a] не становится в таких условиях оттенком фонемы [e]; само качество [a] зависит от предыдущего согласного, в свою очередь определяя качество этого предыдущего согласного. Сравните разную степень палатализации шипящих перед [a] различного происхождения, сохраненную архаичными сибирскими говорами (§ 38). Когда, затрудняясь определить качество [ä], наблюдатель спросил одного старика: «Как правильно сказать: 'пять пальцев' или 'петь пальцев'?» — он получил ответ: [пáй]т' тóл'ка ф цёр'кэ'ул а пáл'цэф' н'эм']¹. Какое-то важное отличие в произношении [n'äm'] и [n'ém'] не было уловлено, а оно последовательно проводится в диалектной речи. Наблюдатель, накладывая на вокалическую систему говора свои собственные представления о важности звуковых оттенков (с ориентировкой на литературный язык) получает в результате «смешение» [e] и [a]. В диалектной речи, т. е. объективно, они никогда не пересекаются, потому что реализуются в пределах слога, являющегося наиболее важным элементом функциональной диалектной системы.

3. СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

§ 54. Предварительные замечания

В зависимости от окружающих звуков в потоке речи происходит видоизменение характерной части гласного с уменьшением или увеличением его длительности. При общих равных условиях гласный между твердыми согласными всегда короче гласного в положении между мягкими согласными; удлинение гласного происходит за счет возрастающей длительности переходных элементов гласного. Это характерно для всех русских говоров и для литературного языка. Однако имеется и существенное отличие срв. (и части срвр.) говоров от ювр. наречия и литературного языка. В традиционных срв. говорах нет изменений гласных в зависимости от ударения, т. е. там не возможны пересекающиеся ряды чередований, наиболее характерные для ювр. говоров и для литературного языка.

Следует различать зависимость гласного от следующего согласного (перед ним образуется новый оттенок этого гласного) и от предыдущего согласного (после него не образуется новый оттенок того же гласного, а появляется переходный звук большой длительности, почти превра-

¹ См.: А д л я в а к и н С. Ю. Вокализм группы южнорусских говоров на севере Романовского района Саратовской области.— Уч. зап. Адыгейского пед. ин-та, 1957, т. 1, с. 206.

щающий гласный в дифтонг с *и-* или *у-* элементом в начале). Таким образом, положение между двумя мягкими согласными оказывается наиболее критическим, а положение в начале слова перед твердым согласным является наиболее «свободным» положением для русских гласных. Общерусскими являются изменения гласных в следующих позициях:

- (1) гласный в начале слова перед твердым согласным: *at*;
- (2) гласный в начале слова перед мягким согласным: *a't'*;
- (3) гласный между твердыми согласными: *iat*;
- (4) гласный после твердого перед мягким согласным: *tát'*;
- (5) гласный после мягкого перед твердым согласным: *t'át*;
- (6) гласный между мягкими согласными: *t'át'*.

Ниже отдельно рассматривается положение гласных после твердых (1—4) и после мягких (5—6) согласных в безударной позиции.

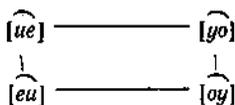
А. БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ ПОСЛЕ ТВЕРДЫХ СОГЛАСНЫХ

§ 55. Оканье

Различение гласных неверхнего подъема в безударных слогах, характерное для всех свр. говоров, условно называется оканьем. Полное оканье, т. е. различение */a/* и */o/* во всех безударных слогах, свойственно свр. говорам кроме владими́ро-поволжских, где распространено неполное оканье с редукцией безударных гласных кроме первого предударного. Другими словами, владими́ро-поволжские [гѣв'ор'úm], [хѣр'ушѣ] противопоставлены произношению [гѣв'ор'úm], [хѣр'ушѣ] остальных свр. говоров. Большая полновесность предударного слога во владими́ро-поволжских говорах определяется характерной интонацией, свойственной им, и объясняет редукцию остальных безударных слогов (см. § 46).

Общее отличие окающих говоров от акающих заключается в отсутствии напряженности в реализации гласного, приводящее к некоторому ослаблению заударного гласного, особенно в закрытом слоге. Можно сказать, что в большинстве говоров Поморской и Вологодско-Кировской групп редукция заударного слога является теперь обычной (хлѣ[бѣм], ба[бѣм]), хотя и происходит лишь после определенных согласных (поэтому такую редукцию нельзя подвести под понятие «неполное оканье»).

Окающие говоры четко делятся на три группы: (1) собственно свр. (в настоящее время олонечские, поморские, вологодско-кировские и восходящие к ним старожильческие говоры Сибири) с произношением очень открытого [o^o], и две группы переходных (сврв.) говоров, т. е. (2) новгородские с отчетливым выделением [o^o] и (3) владими́ро-поволжские с очень закрытым [o^o] и редукцией не в первом предударном слоге. Реализация фонемы */o/* во всех этих случаях соответствует общей системе диалектного вокализма, например в (3) соотношение между фонетическими реализациями фонем */e/, /o/, /e/, /o/* оказывается следующим:

что и определяет «более закрытое, узкое», по сравнению с литературным, произношение /e/, /o/ в говорах этого типа. Четкое противопоставление /o/ и /a/ в переходных новгородских говорах объясняется своеобразными этапами перехода к аканью (см. § 68), что, возможно, и вызывает в некоторых позициях указанное противопоставление.

Наиболее древним типом оканья является оканье (1); оно отражает древнерусское произношение /o/ с его нечеткой лабиальной артикуляцией (лабиализация в ряде говоров стала важным различительным признаком только после падения редуцированных, в связи с необходимостью противопоставить некоторые задние гласные передним).

Характерная особенность этого типа оканья заключается в различной реализации гласных после определенных групп согласных. После заднеязычных и губных, изредка после плавных происходит смещение артикуляции вверх, в результате чего вместо [ба]лдá, [бага]мѣть, [бол]мто, [борол]дá и др. слышится [болдá], [богол]мѣть, [бу]лто, [бдр]дá. Наоборот, после остальных согласных происходит смещение артикуляции гласного вниз: [дд]рák, [свнд]к, [тол]н, [лвза]вѣ, [вдда]вз — от] и под., но [дал], [са]рай, [тол]стый, [сороки], [нога] и др. Такое последовательное «перетекание» гласных, изменение оттенков по подъему характерно для всех свр. говоров, распространяясь на ударный слог и захватывая фонему /ы/ (ср. произношение [бу]л, [бук] и под. вместо 'был', 'бык'). Важно, что в словах из литературного языка в этих говорах /a/ передается через /ы/: каран[дѣ]ш, таба[кѣ]рки, ког[дѣ], иног[дѣ], од[нѣ]жды, [шѣ]рѣ и под., т. е. /a/ литературной речи воспринимается не только как средний, но и как более верхний гласный, чем /a/ в самом свр. наречии. Отсутствие четкого противопоставления гласных по подъему — важная особенность диалектных систем, в которых сохраняются следы противопоставления слогов в целом.

§ 56. Аканье

Учитывая важность первого предударного слога в говорах с аканьем, ограничимся здесь рассмотрением именно этой позиции, оставив пока в стороне остальные безударные слоги.

Аканьем в узком смысле этого слова называют неразличение гласных фонем /o/ и /a/ в безударных слогах. Основные типы аканья — диссимильативное и сильное (недиссимильативное).

При диссимильативном аканье в первом предударном слоге на месте /o/ и /a/ употребляется гласный ниже-среднего подъема и среднего ряда, мало отличающийся от [a], но более высокий по образованию. В зависимости от следующего ударного гласного этот гласный произно-

сится то как [ɤ^a] (перед ударным [á]), то как [a^ɤ] (в остальных случаях), ср. [ɤɤ^adá], но [ɤa^ɤdy], [ɤa^ɤdy], [ɤa^ɤdy] и т. д. Диссимильятивное аканье распространено в западной части ювр. наречия и в восточных белорусских говорах.

При сильном аканье в предударном слоге на месте /o/ и /a/ в любом случае употребляется гласный типа [a^ɤ], т. е. [ɤa^ɤda], как [ɤa^ɤdy], [ɤa^ɤdy], [ɤa^ɤdy] и под. Говоры с сильным аканьем распространены в восточной части ювр. наречия, их западная граница, теперь проходящая по восточным районам Калужской, Орловской, Курской областей, постепенно отодвигается к западу: диссимильятивное аканье постепенно сменяется сильным. Так, еще недавно диссимильятивное аканье в новосильских орловских или в масальских калужских говорах почти полностью сменялось сильным, только в отдельных случаях сохраняется произношение [xɤ^alsta], [tɤ^aɤvá] и т. д. Распространение сильного аканья за счет диссимильятивного объясняют морфологическим выравниванием форм: вместо [ɤɤ^ada] и [ɤa^ɤdy] появляется [ɤa^ɤda] и [ɤa^ɤdy].

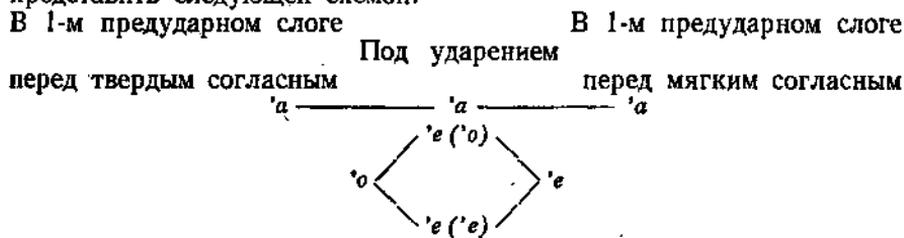
Вполне возможно, что в прошлом существовало несколько типов диссимильятивного аканья. И сейчас отмечают по крайней мере три таких типа: первый (примеры указаны) соответствует ж и э д р и н с к о м у типу яканья (см. § 59), а два более архаических соответствуют об о я н с к о м у и д о н с к о м у типу яканья (см. § 59). «Обоянское» диссимильятивное аканье: [ɤ^a] перед ударным [á], [ó] (из /o/ с нисходящим ударением и /ɤ/), [é] (из /e/ и /y/), но [a] в слоге перед гласными верхнего и средне-верхнего подъема, т. е. перед [ú], [ý], [ó], [é], [ó], ср. [stɤ^alá], [stɤ^alóm], [stɤ^al'ésh'nik], но [staly], [staly], [stalo]vaya, в [stal'é]. «Донское» диссимильятивное аканье: [a] перед ударными гласными верхнего подъема [ú], [ó], [ý] — и [ɤ^a] во всех остальных случаях, ср. [stɤ^alá], [stɤ^alóm], [stɤ^al'ésh'nik], [stɤ^alóvaya], в [staly], [staly]. Такая реализация безударных /a/ и /o/ отмечена в некоторых районах Белгородской и Воронежской областей параллельно с распространенным там соответствующим типом яканья. Однако в отличие от жиздринского типа указанные типы диссимильятивного аканья реализуются непоследовательно и окончательно не доказаны, некоторые наблюдатели полагают даже, что различия в реализации предударного гласного определяются здесь не ударным гласным, а предшествующим согласным: после губных обычно слышится гласный с у-образным оттенком независимо от происхождения ударного гласного, т. е. [ɤlóm] и [ɤshól] (из ɤ, ɔ) как [ɤxóm] (из /o/) и др.¹ Следовательно, и в архаических типах акающих систем влияние предыдущего согласного оказывается существенным. На первых этапах развития аканья оно могло быть определяющим, хотя и в новых типах аканья более существенно влияние подударного гласного (об этих типах см. § 74).

¹ См.: Денисевич Г. В. Типы предударного вокализма и пути их развития в говорах Курско-Белгородского края. — В. кн.: Краткие очерки по русскому языку. Воронеж, 1964.

§ 57. Различение или частичное различение гласных фонем неверхнего подъёма. Ёканье

Свр. говоры обычно различают в первом предударном слове все гласные после мягких согласных так же, как и в положении после твердых согласных. Однако если при оканье нет зависимости предударного гласного от следующего согласного, безударные гласные после мягких согласных связаны и с качеством последующего согласного: фонемы /e/ и /e/ реализуются соответственно перед твердым согласным в [o] и [e], перед мягким — в [e] и [u]. Ср. произношение слов «везти» и «лес» [e'ozú] — [e'ez'ú] при [e'os] и [l'ecá] — [l'uc'úna] при [l'ec].

В некоторых говорах такое различие не является полным, потому что в предударном слове /e/ и /e/ совпадают в [o] перед твердым и в [e] или в [u] перед мягким согласным. Один из таких типов можно представить следующей схемой:

ср.: [n'am'] — [n'áták] — [n'ám'ú], но [e'óc] — [e'ózú] — [e'ez'ú] и [l'éc] — [l'ocá] — [l'ec'úna].

Такое частичное совпадение неверхних гласных фонем (/e/ и /e/) в предударном слове условно можно назвать «ёканьем». В настоящее время известны следующие типы ёканья (даны в соответствии с типами умеренного яканья, см. § 62):

Таблица 1

Тип ёканья	На месте предударного гласного	Перед твердым согласным			Перед мягким согласным		
		e	e	a	e	e	a
Д		e	e	e/a	e	u	a
Г		o/e	o/e	a	e	e	a
В		o	o/e	a	e	e	a
А		e	o	a	e	e	a
Б		o	o	e	e	e	e

Легко проследить генетическую последовательность этих типов с функциональной точки зрения. Исходный этап — тип Д.: отсутствие фонетического «ёканья», обобщение [e] в предударном слове перед

твердым согласным и различие всех безударных гласных перед мягким согласным. Завершающий этап изменения — тип Б.: последовательное выравнивание предударного вокализма в зависимости от следующего согласного; можно предположить существование шестого типа с противопоставлением [ʼo] (на месте /e/, /eʲ/, /a/) перед твердым — [ʼe] (на месте /e/, /eʲ/, /a/) перед мягким согласным. На основе указанных типов ёканья возникают различные типы умеренного яканья (см. § 62).

Таким образом, с фонологической точки зрения «ёканье» — это частичное неразличение неверхних гласных в предударном слоге после мягких согласных. Сравнивая тип Д с другими типами, обнаруживаем разницу в фонетической реализации этого фонологического неразличения: совмещение /e/ и /eʲ/ в [ʼe] (тип Д) или в [ʼo] (остальные типы). Все вариации, кроме Д, дали «ёканье» и с фонетической точки зрения, т. е. представляют /e/ и /eʲ/ в виде [ʼo].

Фонетическая характеристика [ʼo] затрудняется целым рядом обстоятельств. Можно только отметить, что в наиболее архаичных свр. говорах, например, в говорах поморской группы, изменение [ʼe > ʼo] проводится более последовательно, чем в литературном языке, распространяясь на безударные гласные, и является собственно фонетическим. Так, в подударном положении, здесь не может быть [ʼo] на месте [ʼe] в положении перед мягким или отвердевшим согласным: *no[ɔ]ʼénʼ-ицина*, [жéишише], [ɔʼépʼ]нет, [ʉʼépʼ]пали, за[мʼerʼ]зли, [слʼéз]но, бе[рʼéз]ник, зем[аʼéй], зме[йей], дру[жéчʼ]ик, [гнʼéз]да, [звʼéз]ды и под. На первых этапах изменение, видимо, не происходило перед заднеязычным и губным, ср. *zalcʼék*, *ylbʼék* 'убёр', *Ap[тʼém]* и под. Действительно, в наиболее древних заимствованиях из русского в коми-язык такой переход не засвидетельствован (*ɔʼeɔdʼ*, 'дэготь', *шека* 'щека', *стʼеклô* и др.). При этом в олонецких, поморских и большей части вологодских говоров гласный на месте /e/ перед твердым согласным — это слабо лабиализованный гласный передне-среднего образования [ɔ], т. е. лабиализованный [e^o] или лишенный лабиализации [ɔ^e]. Напротив, во владимиро-поволжских и смежных с ними вологодско-кировских говорах произносится именно [ʼɔ] — с большей степенью лабиализации и более заднего образования гласный по сравнению с другими говорами свр. происхождения. Такое произношение связано с общим стремлением к лабиализации гласных в этих переходных говорах и большей значимостью предударного слога.

Имеется и другая причина совпадения [o] и [ʼɔ]. Наиболее последовательно [ʼɔ] сохраняется в заударных слогах. Если в предударных ёканье постепенно вытесняется еканьем или иканьем (т. е. произношением [ʼe] или [ʼu]), которое раньше было возможно только перед мягким согласным: [мʼéсʼá] или [нʼисʼá] при [нʼóсʼý]), например, в олонецких или новгородских говорах, то в заударном слоге, напротив, ёканье по аналогии может развиваться и перед мягким согласным, ср. [náшom], [náшом], [зónʼom], [зónʼом] и вместе с тем [náшomʼe], [зónʼomʼe], также [сʼímʼoй], [горʼáчʼoй] 'синий' и 'горячий' и др. В ряде вологодских говоров ёканье наиболее последовательно сохраняется именно в данной позиции, и это весьма симптоматично: только в этой позиции можно гово-

рять не о фонетическом изменении [ʲe] в [ʲo], а о морфологической замене фонемы /e/ фонемой /o/. В таких условиях фонетическому изменению не уделяется существенного внимания, и наблюдатели не отмечают лабиализованного варианта [ʲe^o].

§ 58. Яканье

В большинстве ювр. говоров аканье сопровождается яканьем, т. е. неразличением гласных неверхнего подъема после мягких согласных (а также после отвердевших шипящих и /ц/) в предударном и в некоторых заударных слогах. Исторически в этом положении могли употребляться гласные /a/, /e/, /e/; в системе якающего говора они совпадают в гласном одного тембра, и в предударном слоге зависят от ударного гласного. Поскольку существенное изменение гласных после палатализованных согласных — основное изменение общерусского характера, а зависимость предударного гласного от ударного очень характерна для ювр. говоров, существует множество типов и подтипов яканья.

§ 59. Диссимилятивное яканье

Диссимилятивный принцип реализации неверхних гласных предударного слога состоит в том, что перед ударным гласным верхнего подъема в предударном слоге произносится гласный нижнего подъема типа /a/, а перед ударным гласным неверхнего подъема в предударном слоге произносится гласный верхнего подъема типа /u/ (в задонском подтипе — /e/). Подтипы диссимилятивного яканья определяются составом подударных гласных верхнего и неверхнего подъема, свойственным говору к моменту возникновения того или иного подтипа.

Самым архаичным является обоянское яканье, впервые отмеченное в Обоянском районе Курской области. Перед гласными, восходящими к фонемам /u/, /y/, /y/, /e/, /o/ в предударном слоге произносится /a/, перед гласными, восходящими к фонемам /e/, /o/, /a/, произносится /u/, т. е. [p'á]kú, [n'á]cú, [n'a]тнítь, [cт'a]ннý, [c'a]cтpý, [p'a]kú, [c'a]cтpý, [n'a]тнý, в [p'a]ké, в [c'a]cтpé, [p'a]kю, [c'a]cтpю, но [p'u]ká, [c'u]cтpá, [n'u]тнá, [c'u]лóж, [n'u]cók, [c'u]лóй, [d'u]рéвня, [n'u]cём и др. В настоящее время в говорах с диссимилятивным яканьем обоянского подтипа фонемы /e/ и /o/, как правило, уже не противопоставлены фонемам /e/ и /o/, однако характер реализации гласных в предударном слоге указывает на их бывшее существование. Таковы говоры некоторых районов Орловской, Курской, Воронежской и Белгородской областей.

Задонский подтип, до недавнего времени распространенный в северных районах Воронежской области, от обоянского отличается только тем, что в предударном слоге произносится /e/ в тех случаях, когда в обоянском наблюдается /u/, т. е. [p'e]ká, [c'e]cтpá и под.

В Щигровском районе Курской области впервые отмечен щигровский подтип диссимилятивного яканья. От обоянского он отличается тем, что подударного о двух типов здесь нет (и /o/ и /o/ одина-

ково выступают как гласные верхнего подъема), тогда как различение фонем /e/ и /e/ еще имеет место, т. е. [p'a]kú и др., [st'a]nó и др., [p'a]kú и др., [p'a]kóу и др., но и [c'a]lóm, [n'a]cók, [c'a]nóу, хотя [d'u]pévня, [n'u]cém при сохранении произношения в [p'a]ké, [c'a]cтpé (/e/ из /e/) и под.

В с. Старый Бузец Дмитриевского района Курской области впервые отмечено яканье старобузского подтипа (иногда его называют дмитриевским). Кроме Курской, он местами встречается еще в Белгородской области. В отличие от щигровского отход от обоянского подтипа заключается не в совпадении /q/ и /o/, а в совпадении фонем /e/ и /e/, тогда как функциональное различие гласных перед /o/ различного происхождения продолжает сохраняться. Таким образом, в предупредительном слове ['u], если под ударением /a/, /o/ (из /e/, /e/, /e/ и /o/ под нисходящим ударением), ср. применительно к о различного происхождения [n'u]cók, [p'u]bóу, [m'u]lénok, но [n'a]pó, [c'a]ló, [p'a]bóго.

В Суджанском районе Курской области впервые описан суджанский подтип диссимилятивного яканья. Зона его распространения шире предшествующих типов, он обнаружен к северу, западу и югу от Орла, переходя от обоянского подтипа (к которому суджанский подтип иногда возводят) вплоть до северной части Смоленской области, на западе постоянно граничит с жиздринским яканьем; суджанское яканье Курской и Калужской областей граничит с умеренно-диссимилятивным яканьем. Отличие суджанского яканья от щигровского в том, что и /e/, /e/ здесь совпали в одной фонеме /e/, но на гласный предшествующего слога они воздействуют не как верхние, а как нижние гласные, т. е. наряду с последовательными [p'a]kóу, [c'a]cтpóу, [c'a]lóm, [n'a]cók, и под. находим здесь в [p'u]ké, [c'u]cтpé, [d'u]pévня, [n'u]cém и др. Поскольку в слове перед ударным /e/ (из /e/) факультативно наряду с ['u] встречается и ['a] (ср. [c'a]cтpé, в [p'a]ké), можно думать, что суджанское яканье развивается из щигровского на основе совпадения /e/ и /e/ в /e/ уже после образования яканья. Так как в результате этого совпадения перед гласным среднего подъема /e/ и /o/ возникает противопоставление в зависимости от следующего твердого или палатализованного согласного (перед /e/ всегда палатализованный согласный), возможен отход к умеренно-диссимилятивному яканью, с проявлением диссимилятивного принципа только перед мягкими согласными (перед твердыми согласными всегда ['a], перед мягкими в слове с верхними гласными ['a], перед мягкими согласными в слове с нижними гласными—['u]). Таков основной подтип яканья к востоку от распространения суджанского и к востоку и северу от распространения щигровского подтипов яканья.

Жиздринский подтип также не различает средневерхних гласных /e/ и /q/, но они, так же как и /e/, /o/ (с которыми совпали /e/ и /q/) воздействуют на гласный предыдущего слога как гласные верхнего подъема, т. е. дают рефлекс типа ['a]. Таким образом здесь лишь перед ударным /a/ гласные неверхнего подъема могут реализоваться в варианте ['u]: [n'u]clá, [c'u]cтpá, [p'u]ká. Этот подтип, названный по району Брянской области, где он встречается, распространен вдоль западной

границы РСФСР с Белорусской ССР (Смоленская и Брянская области, западные части Орловской и Курской областей), является основным типом яканья в северо-восточных белорусских говорах. Это именно тот подтип диссимилятивного яканья, который совпадает с основным типом диссимилятивного аканья. Предполагают, что как раз наличие жиздринского яканья задерживает утрату диссимилятивного аканья в говорах, где эти типы реализации гласных неверхнего подъема после мягких и твердых согласных совпадают. Только один «шаг» отсюда до полного яканья; для этого необходимо, чтобы и перед ударным /a/ по принципу ассимилятивности в первом предударном слоге произносился звук типа [ʼa].

Противоположность жиздринскому представляет д о н с к о й подтип диссимилятивного яканья, распространенный в русских говорах Дона. /e/ и /o/ здесь также не противопоставлены фонемам /e/ и /o/, но на предшествующий гласный они воздействуют не как гласные верхнего, а как гласные нижнего подъема, совпадая в этом с /a/, т. е. [ʼa] в предударном слоге произносится только в случае ударных /ú/, /ý/, (/ú/), в остальных положениях здесь возможно [ʼu]. Функционально этот подтип «сильнее» жиздринского.

Поскольку донской и жиздринский подтипы не различают подударных /e/ и /o/, можно говорить о недавнем возникновении этих подтипов; что подтверждается и их существованием на окраинах распространения диссимилятивного яканья. Некоторое сомнение вызывает жиздринское яканье — оно распространено в говорах, в которых, видимо, не было фонемы /o/, а фонема /e/ была утрачена очень рано (см. смоленские и соседние говоры). Можно полагать, что образование яканья происходило здесь в качественно иных условиях, чем в остальных ювр. говорах.

§ 60. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье

Этот тип яканья распространен в восточной части ювр. наречия, т. е. там, где отсутствует переход [ʼe] > [ʼo], а в системах вокализма могут различаться /e/ и /el/, /o/ и /ol/. Кроме того, в соответствующих говорах сохраняются остатки цоканья, ассимилятивного смягчения заднеязычных, изменения [ʼā] в [ʼé] и под.

К настоящему времени описано четыре подтипа ассимилятивно-диссимилятивного яканья, именно:

(1) к и д у с о в с к и й (в виде островков распространен на территории Рязанской, Московской, Тульской, Воронежской областей) — в предударном слоге [ʼa], если под ударением /u, ы, y, а, о, o/, в предударном слоге [ʼu], если под ударением /e, e/, ср.: [nʼa]слá, [vʼa]лá, [pʼa]кóй, [cʼa]стрý, [zʼa]мáй, [cʼa]стрý и под., но нa[пʼu]дém, [dʼu]лмéй, [dʼu]рвóня, [zʼlʼu]дél. Это суджанский подтип диссимилятивного яканья, на который наслонилась ассимилятивность (т. е. рефлекс [ʼa] в положении перед ударным /a/);

(2) н о в о с ё л к о в с к и й (в отдельных населенных пунктах Рязанской и Воронежской областей) — в предударном слоге [ʼa],

если под ударением /и, ы, у, а, о, ɔ, е/, в предударном слоге [ʼи], если под ударением /е/, ср.: в отличие от предыдущего, [гʼа]дѣл, полбʼалѣл, хотя перед /е/ произносится по-прежнему на[пʼрʼи]дѣм, [дʼи]мѣй и под. Это шигровский подтип диссимилятивного яканья, на который наслонилась ассимилятивность.

Два других подтипа ассимилятивно-диссимилятивного яканья представляют собою вариации кидусовского и новосёлковского яканья в говорах с изменением [ʼе] в [ʼо] под ударением перед твердым согласным, что, естественно, уменьшает число словоформ с предударным [ʼи].

Култукowski подтип (записан на территории Куйбышевской, Пензенской, Рязанской, Калининской областей) от кидусовского и ореховский (записан на территории Куйбышевской и Оренбургской областей) от новосёлковского отличаются только тем, что перед слогом с [ʼо] (из /е/) здесь произносится [ʼа], а не [ʼи], т. е. [бʼа]рѣза, [вʼа]сѣлый, а не [бʼи]рѣза, [вʼи]сѣлый. Таким образом, в ореховском подтипе только в редких словах в предударном слоге слышится [ʼи], например, [дʼи]рѣоня, [тʼи]пѣрь, [дʼи]мѣй, [вʼи]сѣлье, [плʼитʼѣнʼ], но [вʼасʼо́лый], [плʼитʼо́нка] и др. До полного совпадения гласных неверхнего подъема в предударном слоге в одном гласном типа [ʼа] также остается только «один шаг».

§ 61. Сильное яканье

Завершающей стадией этого изменения становится сильное, или полное яканье, т. е. произношение [ʼа] на месте неверхних гласных в предударном слоге независимо от характера следующего гласного или согласного. До недавнего времени считали, что сильное яканье — характерная особенность рязанских говоров. Однако внимательное изучение показало значительную редкость «настоящего» сильного яканья. За сильное яканье иногда принимали ассимилятивно-диссимилятивное яканье ореховской или даже култуковской разновидности. Сильное яканье, как последовательный результат совпадения с сильным яканьем, отмечается теперь на крайних границах распространения восточно-славянского яканья, именно на юго-западе Белорусской ССР, в западных районах Брянской, Псковской, Калининской областей, в некоторых юго-восточных и восточных говорах ювр. наречия. Это результат независимого развития указанных диалектов, почему сильное яканье и невозможно возвести к общерусскому языку, как это иногда делали прежде.

§ 62. Умеренное яканье

Умеренным яканьем называют такой тип предударного вокализма, при котором [ʼа] произносится на месте неверхних гласных после мягких согласных только перед твердыми согласными, а [ʼи] — перед мягкими согласными следующего ударного слога независимо от характера подударного гласного. Умеренное яканье характерно в основ-

ном для срвр. акающих говоров, но спорадически встречается и среди ювр. (например, в Орловской области). Компактная группа говоров с умеренным яканьем расположена в Тульской области.

Зависимость реализации гласного от характера следующего согласного — это существенная особенность свр. функциональных систем вокализма, поэтому появление умеренного яканья в ювр. (например, в тульских) говорах обычно объясняют влиянием свр. говоров или свр. основой срвр. говоров. Однако умеренное яканье не имеет единого происхождения. Можно полагать, что в тульских говорах умеренное яканье возникло в результате столкновения ювр. ассимилятивно-диссимильного яканья с свр. ёканьем. Иногда говорят (Н. Н. Дурново) о развитии умеренного яканья на основе чередования [ʼa]↔[ʼe] перед твердым и мягким согласным, ср.:

$$\left. \begin{array}{l} [m'a'a'b] \text{ нок} \\ [m'al'obk] \end{array} \right\} \left. \begin{array}{l} [m'e'a'd] \text{ нок} \\ [m'al'obk] \end{array} \right\} [m'ia'b] \text{ нок} \\ [m'al'obk]$$

Такое изменение возможно в ряде рязанских говоров.

В некоторых тульских и многих срвр. говорах с умеренным яканьем при обычном [ʼu] или [ʼe] перед мягким согласным встречается особое произношение этимологического /a/, что никак нельзя объяснить условиями реализации умеренного яканья. Высказано предположение (В. Н. Сидоров), что большинство ныне известных типов умеренного яканья возникло в результате разложения свр. ёканья. Действительно, последовательное произношение [ʼa] в предударном слоге на месте /a/, /e/, /e/ в тюменском и тороповском типах умеренного яканья находим только перед твердым согласным, т. е. в положении, где возможно было предварительное изменение [ʼe] в [ʼo], а затем в результате понижения артикуляции и утраты лабиализации [ʼo] совпало с [ʼa]. Указанные типы умеренного яканья отражают такие свр. говоры, в которых, подобно владими́ро-поволжским, произошло обобщение [ʼo] из [ʼe], распространившись и на /e/ из /e/. В новоросси́йском и покровско́м типах умеренного яканья отражены ёкающие говоры с непоследовательным изменением /e/ (из /e/) в /o/. Собственно, эти и некоторые другие вариации умеренного яканья представляют собою различные этапы перехода от ёканья к яканью, и выделение их при записи требует особого внимания наблюдателя. Для ясности дадим основные типы умеренного яканья, известные к настоящему времени. В таблице указано соответствующее произношение предударного /e/, /e/ или /a/ в зависимости от характера следующего согласного (твердый — палатализованный), например, в тюменском типе умеренного яканья [ʼa^ac]но́й, (из /e/), [n^aa^c]о́к (из /e/), [p^aa^b]о́й (из /a/), [ʼa^aa^d]и́т (из /a/), но [c^ep^o]но́м (из /e/) при [d^uи^a]и́ли (из /e/) — это этап, предшествующий тороповскому типу: в отличие от последнего здесь еще различаются «исконные» /e/ и /e/ в положении перед мягкими согласными. Говоры указаны в порядке постепенного отхода в сторону яканья:

Тип умеренного яканья	На месте пред- ударного гласного			Перед твердым согласным			Перед мягким согласным		
	<i>е</i>	<i>е̣</i>	<i>а</i>	<i>е</i>	<i>е̣</i>	<i>е</i>	<i>е̣</i>	<i>е</i>	
Покровский	'a/'e	'a/'ẹ	'a	'e/'u	'e/'ụ	'a	'a	'a	
Новоросийский	'a	'a/'u	'a	'u	'ụ	'a	'a	'a	
Тюменский	'a	'a	'a	'e	'ụ	'a	'a	'a	
Тороповский	'a	'a	'a	'u	'ụ	'a	'a	'a	
Соколовский	'a	'a	'u	'u	'ụ	'a	'a	'u	

С фонологической точки зрения имеется существенное различие между основными типами умеренного яканья и свр. ёканьем, к которому они восходят. Ёканье дает частичное различие предударных неверхних гласных; например, перед твердым согласным различаются /o/ и /a/ (тип А, см. § 57). Следовательно, при ёканье выделяется три степени подъема: /a/, /o/, /y/ (и /u/). В соответствующем типу А тороповском умеренном яканье в этой же позиции все неверхние гласные совпадают в /a/. Таким образом, при умеренном яканье выделяется только две степени подъема предударных гласных: /a/, /y/ (и /u/). Подобные же различия находим и в позиции перед мягким согласным.

§ 63. Иканье и еканье

Произношение в предударном слове ['u] на месте гласных неверхнего подъема независимо от качества следующего гласного или согласного называется иканьем. Такое произношение распространено в большинстве сврр. говоров и свойственно некоторым вариантам литературного языка, почему и встречается главным образом в говорах вокруг крупных культурных центров. Это как бы обратная сторона сильного яканья — с последовательным совпадением всякого предударного неверхнего гласного после мягкого согласного в одном звуке, но только не в ['a], а в ['u]. Здесь имеет значение совпадение с реализацией безударных гласных в безударных слогах кроме первого предударного.

Гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слове могут совпадать не только в ['a] (сильное яканье) или в ['u] (иканье), но и в ['e]. Такое неразличие неверхних гласных в данной позиции называется еканьем; оно встречается как в сврр., так и в ювр. говорах. Таким образом,

	<'a	<'e	<'e'
сильное яканье:	[n'aták] — [n'aslá] — [p'aká] = ['a]		
иканье:	[n'uták] — [n'islá] — [p'uká] = ['u]		
еканье:	[n'eták] — [n'eslá] — [p'eká] = ['e]		

С фонологической точки зрения эти типы неразличения безударных неверхних гласных равноправны и представляют собой фонетические варианты одной и той же модели противопоставлений.

§ 64. Реализация предударных гласных после шипящих и /ц/

После отвердевших шипящих и /ц/ в большинстве русских говоров наблюдается та же реализация гласных, что и после мягких согласных. Это значит, например, что некоторые разновидности умеренного, диссимилиятивного или ассимилятивно-диссимилиятивного яканья сложились еще до отвердения шипящих и /ц/. Основное направление изменения вокализма после отвердевших согласных заключается в выравнивании по типу аканья, свойственного данному говору, другими словами, происходит перегруппировка предударного вокализма после шипящих и /ц/ по типу твердых согласных. Отсюда множество переходных типов, связанных с реализацией безударных гласных именно после шипящих и /ц/. Одновременно происходит артикуляторный сдвиг гласного назад ($[e > \ddot{a} > a]$, ср. [женá] > [жéнá] > [жанá]) с образованием передне-среднего [ä] промежуточного типа. Все это усложняет картину реализации безударных гласных после отвердевших шипящих, увеличивая количество разновидностей звуков в предударном слоге именно после шипящих и /ц/. Во всех описаниях говора данную позицию выделяют как особую.

§ 65. Типология безударного вокализма после мягких согласных в южновеликорусском наречии

Сложность вокалического взаимодействия предударного и ударного слогов заключается в разнообразии типов такого взаимодействия после палатализованных согласных. Чтобы четко представить объем и границы уже рассмотренных типов и подтипов неразличения предударных гласных неверхнего подъема после палатализованных согласных, приведем несколько упрощенную таблицу типов яканья — иканья, в которой указано произношение предударных гласных.

§ 66. Гласные в остальных безударных слогах

В зависимости от реализации гласных неверхнего подъема, в безударных слогах кроме предударного различают умеренно-акающие и сильно-акающие говоры. Сильно-акающие говоры предполагают произношение [a] после твердого согласного на месте /a/ и /o/ в любом безударном слоге; умеренно-акающими называют говоры, в которых звук типа [a] на месте /a/, /o/ является лишь в первом предударном слоге, а в остальных безударных слогах на месте фонем /a/, /o/ выступает редуцированный гласный типа [ʔ^a]. До недавнего времени большинство ювр. говоров относили к числу сильно-акающих, несмотря на косвенные указания на редуциацию, например, в положении рядом с сонорным согласным (см. § 67); только внимательное изучение современных говоров

Под ударением	Перед твердыми согласными					Перед мягкими согласными					
	а	о	о'	ы	у	'а	'о	'е	'е'	'и	'у
Диссимилятивный											
подтипы:											
обоянский	и	и	а	а	а	а	а	а	а	а	а
старобузский	и	и	а	а	а	и	и	и	и	а	а
щигровский	и	а	а	а	а	и	и	и	и	а	а
суджанский	и	а	а	а	а	и	и	и	и	а	а
жиэдринский	и	и	а	а	а	и	и	а	а	а	а
донской	и	и	и	а	а	и	и	и	и	а	а
диссимилятивно-умеренный	и	а	а	а	а	и	и	и	и	и	и
умеренно-диссимилятивный	а	а	а	а	а	и	а	а	а	а	а
Ассимилятивно-диссимилятивный											
подтипы:											
култуковский	а	а	а	а	а	а	а	и	и	и	и
кидусовский	а	а	а	а	а	а	и	и	и	а	а
новоселковский	а	а	а	а	а	а	и	и	а	а	а
ореховский	а	а	а	а	а	а	а	и	а	а	а
Яканье:											
ассимилятивное	а	и	и	и	и	а	и	и	и	и	и
ассимилятивно-умеренное	а	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и
сильное	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а
Иканье	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и
Еканье	е	е	е	е	е	е	е	е	е	е	е

показало, что именно сильно-акающие говоры являются редкими среди ювр. Другими словами, произношение звука типа [ʔ^а] (после мягких согласных [ʔ^и]) в этих позициях более свойственно ювр. наречию, оно определяется соотношением динамической силы в произношении отдельных слогов слова, ср. [ʔ^аради], [м'ʔ^адв'ид'а]. Иногда отмечают чередование [а] и [ʔ] в зависимости от следующего (предударного) гласного, т. е. [ʔ^алава], но [ʔ^алуб'ей]. Судя по новосильским орловским говорам, такое произношение постепенно сменяется сильным аканьем, т. е. произношением как [ʔ^алуб'ей], так и [ʔ^алава]. На по-

границе окающих и акающих говоров, например в Калининской области, в Псковской области при [a] в предударном слоге во втором предударном и в остальных безударных слогах отмечалось не [ɔ], а звук, средний между [o] и [a] ([a^o]): [ба^oрада], [па^oлажыт'], [бб^oрады] и под. Видимо, сильное аканье вообще больше свойственно переходным говорам без редукции. В некоторых описаниях выделяют конечный открытый слог после твердого согласного, отмечая здесь краткий [ä], т. е. гласный определенно нижнего образования: полé[ä], скó[ä] и др.

В условиях редукции в срвр. акающих и окающих говорах происходит изменение начального /o/ во втором и далее предударных слогах в [u]: [u]дногó, [u]горóды, [u]гурцы, [u]т землй и др. Это завершающий этап развития редукции [o] > [ɔ] > [u] в говорах с отсутствием самостоятельной фонемы /y/. В этих же говорах (главным образом владимиро-поволжского типа) редукция захватывает и гласный [y]: [мэ]жикй, [лэ]зырй, [лэ]говйнка, [сэ]ндуки, [лэ]стакй и др.— поэтому здесь не реализуется так называемое «уканье», т. е. произношение [y]дногó, [y]топрй, [y]гурцы и др., свойственное западным срвр. говорам, например, в Псковской и Новгородской областях. Развитие безударного вокализма в западной и восточной частях срвр. наречия происходит различным образом и связано с общей системой соответствующих говоров (наличие или отсутствие редукции в безударных слогах).

§ 67. Редукция безударного гласного до нуля и вставочные гласные

Во всех говорах, но особенно интенсивно в срвр. и ювр. наблюдается выпадение редуцированного гласного в соседстве с сонорным согласным, т. е. произношение [зэград'ýл] загорожил', [п'эр'давал] 'передавал', [прас'ёнэк] 'поросёнок', [сэркавом] 'сороковым', [в'эр'т'онó] 'веретено', [плажит'] 'положить', [пó бру] 'по бору', [пó б'эр'гу] 'по берегу', [мáт'р'и] 'матери', [прал'ич'] 'паралич' и мн. др. Полагают, что близость сонорного согласного к гласным в условиях редукции вызывает наиболее ослабленное произношение гласного.

В отличие от этого вставочный гласный может появляться в произношении таких сложных сочетаний согласных, в которых нет сонорного; иногда этот вставочный согласный соответствует исконному редуцированному гласному, ср. [муншанó], [мунбóга], [с'эл'ид'и], [дэлинá] и др., также [сэм]орбóдина, [гэн]едбóй, [кэр]авáть, [кэл]óки и др. «Вставочные редуцированные» встречаются на севере так же широко, как и на юге, а условия их возникновения только частично пересекаются с условиями редукции до нуля в ювр. говорах.

§ 68. Различия в системах вокализма

Отмечено, что в окающих говорах с фонемами /e/, /o/ гласный [a] — более верхнего и более заднего образования, чем в литературном языке; напротив, в говорах с редукцией, даже в срвр. (владимиро-поволжская

группа) гласные верхнего подъема являются более нижними, чем в литературном языке. Таким образом, система гласных определяет «типичные» варианты фонем, физиологические возможности их реализации, не допуская смешения фонологически важных единиц, ср.:

Таблица 4

Система	I			II			III		
	Литературный язык			свр. говоры			ювр. и сврв. говоры с редукцией		
Подъем									
Верхний	и	(ы)	у	и	ы	у			
Средневерхний				е		о	и	(ы)	у
Средний	э		о	э		о	э		о
Средненижний					(ä)	а		а	
Нижний		а							

В диалектных системах (II—III) больше развито стремление к компактности, т. е. нет резких разрывов в подъеме гласных. Из трех дифференциальных признаков гласных (лабиализация, подъем и ряд) в литературном языке важны первые два, отсюда наличие параллельных рядов чередований гласных по ряду и четкое противопоставление гласных по подъему.

В свр. говорах, даже тех, где по видимости исчезают фонемы /e/ и /o/, наиболее выразительным является противопоставление по ряду, вплоть до того, что ни один гласный переднего ряда не может замещаться гласным непереднего ряда, например /э/ на /о/ или /ä/ на /а/ в положении перед твердым или, наоборот, перед мягким согласным (в первом случае [e > e^o], во втором [ä > ä]).

Отличие системы III от литературного языка незначительно в том смысле, что и здесь важными являются противопоставления по подъему и лабиализации, хотя последнее в некоторых положениях может нейтрализоваться. Наличие пересекающихся рядов чередований гласных обуславливает характер гласных в сильной позиции и определяет систему безударных фонем: в предударном слоге противопоставление верхнего и неверхнего подъемов, а в остальных безударных слогах возможен только один подъем, поскольку [э] и [ä] являются оттенками фонемы /u/ (/y/).

Рассмотренные системы соотношений вокалических элементов в сильной позиции (под ударением) в границах отдельного говора называются парадигматическими; они характеризуют гласные фонемы говоров в их отношении друг к другу, а не к соседним звукам в речевой цепи.

Литература

Аванесов Р. И. Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей. — «Известия ОЛЯ», 1952, т. II, вып. 2.

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Г. Акустические характеристики безударности. — В кн.: Структурная типология языков. М., 1966.

Высотский С. С. О говоре д. Лека.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 2. М.— Л., 1949.

Высотский С. С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах.— В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

Денисевич Г. В. Типы предударного вокализма и пути их развития в говорах Курско-белгородского края.— В кн.: Краткие очерки по русскому языку. Воронеж, 1964.

Дурново Н. Н. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. 1. Южновеликорусское наречие, вып. 2. Шамордино, 1917.

Захарова К. Ф. Архаические типы диссимильативного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, новая серия, т. 1. М., 1959.

Иванецкая Е. И. Некоторые результаты перехода *e* в *o* в современных северновеликорусских говорах.— В кн.: Статьи и материалы по русскому языку. М., 1964.

Нефёдов Г. Ф. Оканье в севернорусских говорах.— «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», 1947, вып. 2.

Пауфшима Р. Ф. Гласные фонемы переднего и среднего ряда в позиции между мягкими согласными под ударением в одном северновеликорусском говоре (по данным спектрального анализа).— «Филологические науки», 1964, № 3.

Пожарцкая С. К. К типологии предударного вокализма северновеликорусских говоров.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, новая серия, т. 2. М., 1961.

Преображенская М. Н. Чередование *a/je* как фонетическое явление в вологодских говорах.— «Известия ОЛЯ», 1965, т. 24, вып. 4.

Сидоров В. Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966.

Скобликова Е. С. К вопросу об особенностях безударного вокализма владимиро-поволжских говоров.— В кн.: Вопросы русской диалектологии. Куйбышев, 1965.

Сорокина Е. В. Классификация рефлексов старого *ѣ* в современных северновеликорусских говорах.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1959.

Строганова Т. Г. Одна из особенностей южнорусского вокализма.— «Вопросы языкознания», 1955, № 4.

РАЗДЕЛ IV

СЛОГ

§ 69. Слог в южновеликорусских говорах

Важнейшей функциональной единицей русской речи является слог. Экспериментальные исследования литературного языка показывают, что наиболее важным и общим свойством безударных слогов является нарушение тех отношений между гласным и согласным, которые существуют в ударном слоге. Чем больше редукция гласного, тем короче (иногда совсем исчезая) стационарный, типичный для этого гласного участок его звучания, тем больше зависимость его от предшествующего согласного. Отличие безударных слогов от ударных заключается в артикулярной нерасчлененности первых; она объясняет многочисленные изменения гласных в безударных слогах. Таково же положение в ювр. и срвр. говорах с редукцией. При этом не следует смешивать интенсив-

ность артикуляции гласного и его напряженность. Интенсивность гласных ослабляется по направлению от начала к концу слова, а напряженность, четкость артикуляции характерна только для ударных гласных. Иногда напряженность и интенсивность не совпадают даже для ударного гласного — в конце слова ударный гласный является также напряженным, но в соответствии с положением в слове — не интенсивным. Вот почему даже опытные наблюдатели, смешивая интенсивность и напряженность, поражаются отсутствию «напряженности» в артикуляции ударного гласного в конечном открытом слоге. В ювр. говорах, в отличие от литературного языка, отсутствие напряженности характеризует любой безударный гласный, даже гласный верхнего подъема: в безударном положении произносятся «открытые» [ɔ^в], [u^в], [o^в]. Следует также четко различать степень открытости (подъем) гласных и напряженность. Напряженным является любой ударный гласный, даже самый открытый (в русском языке [a]). Именно четкость артикуляции гласных под ударением и функциональная важность согласных в «свободной» позиции (конец слова) позволяет выделять гласные и согласные, определяя их самостоятельный фонологический статус в литературном языке и ювр. наречии.

§ 70. Слог в северновеликорусских говорах

Важнее значение слога в свр. говорах не на границе со сврв. Рассматривая все приведенные выше характеристики гласных в свр. наречии, можно обратить внимание на то, что здесь нет ни одной позиции гласных, которую можно было бы назвать сильной. Правда, в некоторых положениях гласные не меняют своего тембра; например, [y] между твердыми губными ([bʲu]ka 'булка', [nyŋ]) или [a] между твердыми зубными ([cad-om], [dactl]), однако в условиях последовательного изменения тембра гласных в зависимости от окружающих согласных (см. § 54) эти исключения только подтверждают правило, потому что в русской вокалической системе нет лабиализованного гласного более верхнего подъема, чем [y], и нет гласного более нижнего подъема, чем [a]. Даже в начале слова перед твердым согласным в свр. говорах возможны только лабиализованные [o] и [y]. Поскольку в любом случае качество гласного зависит от характера согласного, и только согласный может выступать в независимой позиции, например, в конце слова; следует полагать, что в свр. наречии сохраняется функциональная важность слога в целом с определяющим элементом его в виде согласного.

Этим определяется серия фонетических и фонологических особенностей свр. наречия, описанных выше, например, стремление к разрядке гласными консонантных сочетаний, характерные для свр. говоров ассимиляции и диссимиляции согласных, тесная связь согласного и гласного звука в пределах слога, ср. *лм'ель*, но [м'ель] и под. Поскольку такое изменение вокализма, как аканье, является результатом изменения функциональной системы гласных, ясно, что именно функциональное единство слога препятствует развитию аканья в свр. говорах. Таким образом, дело не в характере ударения, а в окружающих со-

гласных, которые определяют характер реализации гласной «фонемы». Противопоставление [ж'и] : [жу] или [ц'и] : [цу] — это то же противопоставление слога в целом, характерное для свр. говоров.

Так возникает важное отличие от ювр. наречия и литературного языка: отсутствие пересекающихся чередований гласных и согласных, важность только тех различительных признаков, которые являются общими для гласных и согласных, т. е. для слога в целом. Участие голоса, например, не имеет такого значения, как напряженность, потому что все гласные образуются с участием голоса, тогда как согласные могут быть и безголосными (глухими), а по признаку напряженности выделяются и гласные и согласные (напряженными являются палатализованные согласные).

§ 71. Слог в средневеликорусских говорах

Сврр. говоры расширяются главным образом за счет свр. говоров. Основное фонологическое противоречие в их развитии заключается в том, что вместо фонологического противопоставления слогов эти говоры должны выработать возможности противопоставления отдельных консонантных и вокалических элементов слога с теми же различительными признаками, т. е. прежде всего с противопоставлением по мягкости-твердости (напряженности-ненапряженности). На первых этапах это происходит путем изменения способа артикуляции (см. сдвиг всех типов согласных [c'] > [ш'c'], [m'] > [m'c'], [k'] > [m'] и отсутствие сдвига у губного [n'] — более передней артикуляции попросту нет, и потому происходит «отверждение» губных во всех позициях, т. е. не возникает противопоставления губных по мягкости-твердости. Это своеобразная попытка заменить среднеязычную артикуляцию, которая пока еще остается характеристикой слога в целом.

Однако относительная свобода элементов слога достигнута. Начавшиеся изменения гласных приводят к еще большей автономности согласных элементов слога. Так, во владими́ро-поволжских говорах отмечается четкая артикуляция гласного, без переходов в основном характере звучания, без влияния окружающих согласных, ср. литературное произношение [в^оо'с] и владими́ро-поволжское [вос] 'воз'. Под влиянием литературной речи постепенно отрабатываются свойственные ей возможности противопоставления.

РАЗДЕЛ V

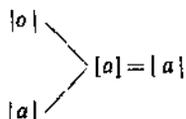
РАЗВИТИЕ ДИАЛЕКТНЫХ СИСТЕМ

§ 72. Функциональные различия между северновеликорусскими и южновеликорусскими говорами

Исходным различием между свр. и ювр. наречиями является характер фонетических чередований. В ювр. наречиях, как и в литературном языке, наряду с параллельными чередованиями типа

[ē] — [‘e] — [e]: [c’ēm’u]	— [c’em] ка	— [сәр]
[ō] — [‘o] — [o]: [m’ōm’a]	— [m’om] ка	— [mōt]
[ā] — [‘a] — [a]: [m’ām’]	— [m’am]	— [mat]

возможны пересекающиеся (непараллельные) чередования типа [vōd]ы : [vad]á, [cám] : [cam]á с нейтрализацией фонологического противопоставления

Пересекающиеся чередования возможны и в системе согласных фонем; они определяют сильные позиции фонем, на основании которых, собственно, и выявляется состав фонем определенного говора. Например, для гласных сильной позицией является положение под ударением между твердыми согласными или в начале слова перед твердым согласным, но также только под ударением.

Напротив, в традиционных свр. говорах пересекающиеся ряды чередований невозможны. Сильная позиция гласных определяется не ударением, а только окружающими согласными: в начале слова перед твердыми или в середине слова между твердыми согласными (зубными). Пересекающиеся ряды чередования здесь прежде всего образуются у согласных; в архаических слоях свр. говоров до сих пор сохраняется четкое противопоставление гласных независимо от ударения.

§ 73. Изменения в консонантных системах

Интенсивность развития диалектных систем определяется характером согласных фонем. Ближайшим образом связаны друг с другом состав и система фонем (1 и 3); они определяют друг друга, но конкретная диалектная система объясняет наличие, или, наоборот, отсутствие той или иной фонемы (например, отсутствие фонемы /x/ в свр. и фонемы /ф/ в ювр. говорах). Длительное сохранение мягкого цоканья только на севере и северо-востоке также определяется общей системой консонантизма этих говоров с их нечетким противопоставлением переднеязычных переднеязычных согласных зубным. Аналогичные замечания можно сделать о каждом диалектном отклонении, представленном в разделе I.

В элементах противопоставления диалектной системы литературному языку можно обнаружить общерусские изменения, завершенные более последовательно, чем в последнем. По группе ‘состав фонем’ иллюстрацией может служить отвердение долгих шипящих [жж], [шш], т. е. последовательное совпадение прежних однофонемных сочетаний с соответствующим «кратким»: [u+u] как [u], [ж+ж] как [ж]. В группе ‘система фонем’ обращает внимание отвердение согласных перед палатализованным согласным типа [pacm’ú], [dв’ep’], [cn’ém’] и под. на месте традиционно литературных [pac’m’ú], [d’в’ep’], [c’n’ém’]. Воздействие литературного языка возможно здесь только через произ-

ношение новых для говора слов, в которых сохраняется свойственный литературному языку состав фонем. Таким образом в свр. говорах появляется произношение *рабо[чы]й*, *[чы]тальян*, *включ[ча]ть свет*, *у[чы]тель* и под.

Значительнее воздействие литературного языка в группе 'модификации фонем', однако именно здесь изменения происходят особенно медленно. Под влиянием литературного языка или соседних говоров в системе может проявиться колебание типа $[\theta] \leftrightarrow [\omega]$, $[l] \leftrightarrow [л]$, $[z] \leftrightarrow [ʒ]$, однако долгое время подобные варианты являются либо факультативными, либо даже комбинаторными оттенками соответствующих фонем диалектной системы. Только со временем, постепенно включаясь в консонантную систему, они приводят к изменению соотношения элементов традиционной диалектной системы.

Изучая конкретные фонетические изменения диалектной речи, мы обратили внимание на то, что подавляющее большинство всех групп диалектных различий связано с палатализованными согласными. Действительно, изменения $[\omega] > [\theta]$, $[l] > [л]$, $[ʒ] > [z]$, $[z']$ и $[c'] > [ж']$ и $[ш']$ начались с парных палатализованных согласных; из согласных, в общем не менявших характера артикуляции (зубные смычные и заднеязычные), только палатализованные в определенных фонетических условиях приобретают некоторое смещение артикуляции (ср. $[к'и] > [m'и]$, $[m'и'] > [m'c'и]$); наконец, ослабление ассимиляции внутри слога также связано с утратой ассимиляции по мягкости ($[d'v'ep'] > [dv'ep']$). Все это указывает на то, что соотносительность согласных по мягкости-твердости является в русском языке определяющей фонематической тенденцией, а широкое разнообразие диалектных проявлений палатализованных согласных доказывает, что соответствующее противопоставление возникло недавно и в большинстве русских говоров еще не оформилось окончательно.

§ 74. Изменения в вокалических системах

Обычно говорят, что принцип аканья с его неразличением гласных неверхнего подъема в безударных слогах удобнее и проще принципа оканья, и это обстоятельство определяет общее развитие русских диалектов в сторону аканья (в широком смысле, т. е. в реализации безударных гласных неверхнего подъема после твердых и после мягких согласных)¹. Однако наряду с упрощением аканье дает и усложнение системы, поскольку с развитием аканья возникают пересекающиеся ряды чередований. Практически именно оканье относится к числу наиболее устойчивых диалектных черт. Особый характер ударения и принципиально иные соотношения между сильной и слабой позициями гласного препятствуют чисто внешнему воздействию акающего говора на окающий. Изменения в сторону аканья определяются последовательными изменениями самой окающей системы вокализма.

¹ Обсуждение вопроса см. в кн.: Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, с. 60 и сл.

Прежде всего происходит изменение характера ударения с образованием относительно слабых и относительно сильных слогов (редукция). Таковы срвр. говоры с неполным оканьем. На этой основе развивается редукция заударного, а затем и предупредного /o/, которая не нарушает принципов оканья (потому что /o/ и /a/ по-прежнему различаются в безударных слогах), однако подготавливает переход к неразличению /a/ и /o/, потому что старое противопоставление [a] : [o] сменяется более слабым противопоставлением [a] : [ɔ] (звук [ɔ] близок к [a] артикуляторно и акустически и в некоторых позициях может с ним чередоваться). Неопределенность этого [ɔ] приводит к колебанию в записях: его обозначают иногда как [a^{*}], [o^a], т. е. [скъ]тá, [ско^a]тá, [ска^{*}]тá. Подобные говоры отмечены в южной части Вологодской, Кировской, Пермской областей, в Костромской области и в Удмуртской АССР.

В более южных частях восточных срвр. говоров наблюдается следующий этап изменения, появление [a] на месте /o/ только перед ударным [a] : [пастáршы], [м'ялáд'áя], [п'рагнáл'и], но [корóф], [пóгóдá], [бол'шóй] или [кó^aрóф], [пó^aгóдá], [бó^aл'шóй]). Такое ассимилятивное аканье (его называют иногда ш а т у р с к и м типом аканья) распространено в говорах к востоку от Москвы, в Калининской области, в Саратовском заволжье и др. В некоторых таких говорах факультативно наряду с [a] возможно и произношение [o]. В П о л н о в с к о м районе Псковской области отмечен тип аканья с [a] только перед гласным верхнего подъема, т. е. [стал'ы], [стал'у], но [столá], [столóм], [стол'é]. Такой «диссимилятивный» тип характерен для некоторых западных срвр. говоров.

Обобщением этих двух типов и вместе с тем следующим этапом в развитии срвр. аканья является г д о в с к о е аканье, впервые описанное в Гдовском районе Псковской области. Здесь объединяются шатурский и полновский типы: [a] перед гласным верхнего и нижнего подъема, различие [o] и [a] только перед гласными среднего подъема, т. е. [сталá], [стал'ы], [стал'у], но [столóм], [стол'é]. На основании некоторых данных можно предполагать, что, например, на территории Псковской области, и более южные говоры совсем недавно характеризовались аканьем гдовского типа. Однако теперь здесь распространено произношение [a] на месте /o/ и /a/ независимо от следующего гласного (сильное аканье). Таков последний этап развития в сторону аканья.

Между древними типами ювр. аканья и сравнительно новыми типами срвр. аканья имеется ряд различий: в срвр. говорах в ассимилятивно-диссимилятивных процессах средневерхние гласные /e/ и /o/ уже не принимают участия, а соответствующий принцип аканья (шатурский, полновский или гдовский) касается безударных гласных не только после твердых, но и после палатализованных согласных, т. е. наряду со [столóм], [стол'é], но [сталá], [стал'у] в говоре гдовского типа также [с'олóм], [с'ел'é], но [с'alá], [с'alу] или [р'екóй], но [р'акá].

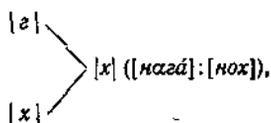
§ 75. Взаимодействие диалектных систем

Взаимодействие диалектных систем с литературным языком или влияние последнего на диалектную систему имеет несколько отличий в зависимости от характера и степени «проницаемости» этой системы. Изменение возможно главным образом при заимствовании слова, в фонемном составе которого может быть фонема, отсутствующая в диалектной системе.

1. Диалектная система остается незатронутой, если заимствующий говор изменяет произношение заимствуемых слов в соответствии со своей собственной функциональной системой. Например, при заимствовании слов с губно-зубной фонемой /ɸ/ в ювр. говорах она заменяется акустически сходной /x/ : [xatá] «фата», [xə'ul'ún] Филипп'. В свр. говорах возможно колебание в пределах одной морфемы, ср. [sov'ém] «наставление», но [sav'ém] (органы государственной власти). Это результат заимствования слова, в составе которого нет фонем, неизвестных говору, однако в одном случае это оттенок фонемы /o/ ([sov'ém]), а в другом — оттенок фонемы /a/ ([sav'ém]). Иначе в тех же свр. говорах при заимствовании слова с неизвестной фонемой, например, [ɕ'aá] (частица в значении «я чай»), но [çáá] «чай». Это уже другой тип изменения.

2. Диалектная система становится неустойчивой в тех или иных своих звеньях, например, в факультативном произношении [z] наряду с [ɣ]; именно на этом этапе возникают различные колебания в произношении, например, [ʁo]dá, и [ʁa]dá. Говоры с неустойчивой традиционной системой называют обычно «с м е ш а н н ы м и».

3. Функциональная система говора перестраивается, вырабатывая противопоставления, не известные ни одному из взаимодействующих говоров. Сюда прежде всего следует отнести все традиционные сврр. говоры с отмечаемой в них отработкой пересекающихся рядов чередований отличного от литературного языка типа (противопоставление палатализованного /m'/ твердому /m/ как [m'^c] : [m], противопоставление палатализованного /c'/ твердому /c/ как [c'^c] : [c] и т. д.). В сврр. говорах с замещением /ɣ/ на /z/ результатом оглушения остается [x] и таким образом образуется пересекающееся чередование

не известное ни свр., ни ювр. говорам. Это так называемые «п е р е х о д н ы е» говоры.

4. Наконец, происходит полное уподобление одной системы другой. В соответствии с общерусской тенденцией, которая на всех этапах диалектного взаимодействия является определяющей, направление изменения всегда совпадает: уменьшается число гласных фонем (лишение фонологического статуса фонем /e/, /o/, /y/) и увеличивается число согласных (/ç', /ɸ/ и под.). Именно на этом этапе изменения диалектной

системы следы старой системы можно обнаружить лишь в произношении отдельных изолированных слов или форм. Все такие случаи указывались при рассмотрении конкретных диалектных изменений (произношение типа *o[n'ém']* «опять» в ювр., произношение типа *[ушбццы]* «ушедши» в свр. говорах и т. д.). Этот этап противоположен первому — исключением здесь является то, что на первом этапе отхода от традиционной диалектной системы было «правилом».

Литература

- Гвоздев А. Н. К вопросу о влиянии междиалектного общения на фонетические системы русских говоров. — «Известия ОЛЯ», 1948, т. 7, вып. 3.
- Горшкова К. В. Основные тенденции развития фонетической системы русского литературного языка. — «Русский язык в школе», 1964, № 5.
- Колесов В. В. Фонологическая характеристика фонетических диалектных признаков. — «Вопросы языкознания», 1971, № 4.
- Орлова В. Г. и Строганова Т. Ю. Закономерности развития диалектов русского национального языка. — «Известия ОЛЯ», 1961, т. 20, вып. 5.

ГЛАВА IV

МОРФОЛОГИЯ

РАЗДЕЛ I

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 76. Общие замечания

Общие особенности и свойства диалектной речи (см. Введение) обуславливают определенные изменения, вариативность общерусских категорий и форм имен существительных в современных русских народных говорах, хотя, конечно, существительное и в диалектной речи обязательно относится к какому-нибудь из 3-х родов, чаще всего имеет два числа, хотя мы не знаем ни одного говора, в котором было бы большее количество продуктивных типов склонения, чем в литературном языке. Они возникают на основе внутренних процессов языкового развития. При этом различные говоры по своим вариантам в системе категорий и форм имен существительных неодинаковы.

В целом, отличия имен существительных в современных русских народных говорах от имен существительных в современном русском литературном языке проявляются, во-первых, в своеобразии некоторых категорий диалектных имен существительных, в том числе и основных категорий рода и числа; во-вторых, в своеобразии системы падежных окончаний диалектных имен существительных, что, в свою очередь, обуславливает несколько иной в диалектах состав основных типов склонения, особенности окончания одного падежа, несколько иное, чем в литературном языке, распределение внутри одного падежа 2 (или 3) возможных флексий и т. д.

Подобно тому, как при изучении словообразования анализ может проводиться как на уровне словообразующих морфем (составление перечня словообразующих суффиксов, характерных для тех или иных групп слов, частей речи), так и на уровне словообразовательных типов и их вариантов, также и при изучении словоизменения и формообразования анализ может проводиться как на уровне морфем (составление

реестра формообразующих морфем, характерных для слов, относящихся к данному типу склонения), так и на уровне формообразовательных типов (определение всех характерных особенностей присоединения флексии к основе). Под формообразовательным типом понимается единство формообразующей основы определенного морфологического и фонологического типа и формообразующего аффикса. Однако степень изученности формообразования и словоизменения имен в русских народных говорах еще не позволяет провести описание образования тех или иных форм с учетом всех их особенностей. В связи с этим ниже описание словоизменения имен существительных и прилагательных проводится прежде всего на уровне морфем. Таким образом, в стороне остаются такие весьма существенные, но пока еще недостаточно исследованные вопросы, как круг и характер лексики, охватываемой той или иной флексией, особенности присоединения отдельных флексий к основе, а также анализ форм типа *волки — воры, руки — ноги* и безударные варианты ударных флексий.

Термины «флексия», «окончание» употребляются в значении «показатель формы».

1. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

§ 77. Категория рода

В области категории рода в диалектах можно отметить два широко распространенных, описанных многими исследователями явления: 1) разрушение категории среднего рода; 2) многочисленные колебания в роде. Главной причиной этих процессов, несомненно, является общая незначительность категории рода как в литературном языке, так и в говорах (имеется в виду то обстоятельство, что мы не можем сейчас определить семантических оснований отнесения, напр., слова *береза* к жен. роду, *клен* — к муж.). Частные же причины каждого из них в разных случаях особы.

1) Наиболее жизненной категория средн. рода оказывается в севернорусских говорах, где, в целом, она проявляется в соответствии со старыми литературными нормами¹. В живой южнорусской речи, в некоторых переходных говорах, а также в говорах, граничащих с территорией, занятой нерусским населением, категория средн. рода претерпевает изменения, иногда довольно значительные. Она частично сливается а) с категорией жен. рода, или б) с категорией муж. рода. Совпадение с жен. родом встречается значительно чаще, чем совпадение с мужским. Однако и то, и другое совпадение последовательно, до конца ни в одном говоре не проведено, быть может, в результате все возрастающего влияния литературного языка. С. П. Обнорский причину обоих совпадений видел в редукции — обычном явлении акающих говоров. В настоящее время ученые, следуя фактическим материалам,

¹ Там же отмечено и дущее от старинны согласование по форме типа *мировой судья* (готем.), *большая мужчина* (пудож.), *глубокое ялице, свее ялице* и т. п.

совпадение первого типа объясняют фонетически, но подчеркивают морфологическую природу совпадения средн. рода с мужским.

а) В акающих говорах наличествует несколько степеней сближения средн. рода с женским. Прежде всего это сближение происходит у существительных с безударным окончанием, причем проявляется только в согласовании: *больша́я ста́до, одна окби́ко, кака́я-то боло́то* (*стадо* и *рыба* в акающих говорах имеют один и тот же конечный гласный *ъ* или *а*). Затем отмечается такое же согласование при ударяемости конечного гласного: *больша́я окно́, купи́л кисло́ю молоко́, всю́ село́* (*а моя́ игро́, больша́я метло́*). Наконец, появились новые падежные формы существительных: *всю́ лету́, каку́ю-то изделю́, све́жую мясу́, просу́ сеяли́, берет из-под самой пузы́, сходи́ за мыло́й, надела́ белую́ платю́*, однако, совпадение парадигм наблюдается не во всех падежах. И по этой причине также невозможно говорить о полной утрате в говорах категории средн. рода.

б) При фонетическом объяснении совпадения форм средн. рода с мужским (*больш[ǫ] село* равно *больш[ǫ] сын*, чтобы не было совпадения, должно быть *больш[ǫ] село*) остается непонятным, почему в результате такой сильной редукции в жен. роде не произошло отпадения — *а*, в средн.— *о* (*больш[ǫ] изба* из *больш[ǫ]а*) *изба*, *болот* — из *болото*, как *яблоко* — *яблок*, *рыб* из *рыба* и т. д.). Поэтому морфологическое объяснение этого явления С. С. Высотского находит всеобщее признание, хотя некоторые исследователи, напр., С. И. Котков, и считаются при этом с фонетическим объяснением С. П. Обнорского или, напр., Н. П. Гринкова, И. Р. Емельченко и др., учитывают в данном случае связь русских говоров с другими языками (в частности, для Приуралья И. Р. Емельченко учитывает связь русского языка с казахским, не знающим категории рода¹). *Мой яйцо́, красны́й солнце́, он (платье) разорвался весь* и т. д., широко распространенные в говорах к западу от Москвы, С. С. Высотский объясняет прежде всего принадлежностью существительных муж. и средн. рода к одному склонению. Отсюда возникает окончание имен. мн. слов средн. р. *-ы: окны́, стады́*, род. мн. *окнов, сердецов*. А такая перестройка парадигмы создает базу для широкого распространения согласования по муж. роду, ибо средн. род в языке вообще используется значительно реже (на его долю падает лишь 16% всех употреблений существительных).

По наблюдениям С. С. Высотского, наиболее архаичный слой ряда говоров обнаруживает результаты массового перемещения слов средн. рода в мужской, однако, в современных говорах переход слов из среднего рода в мужской совмещается с переходом их в женский род, *мой яйцо́, но та собрания́, та общество́, из сельпы́, кака́я число́, произошла́ чудо́; мой хозяйство́, баловство́, сиротство́, но и моя́ геро́йство́, кулачество́, хулиганство́*. В основном в жен. род в говорах к западу от Москвы переходят слова книжные. В этих говорах такие формы можно рассматривать как определенную ступень отхода от прежней утраты

¹ См.: Емельченко И. Р. Категория рода в уральском степном говоре.— «Уч. зап. Гурьевского пединститута», 1958, вып. 1 А.

категории средн. рода (все же не муж. род возникает при замене) ¹.

С. И. Котков замену средн. рода мужским считает явлением более позднего времени и особо подчеркивает, что эта замена сосредоточена на периферии замены средн. рода женским.

2) Род существительного в говоре часто не совпадает с родом данного существительного в литер. яз. и по другим причинам. Ср.: *воздух-то струём выходит, во всем роскоше жил, жених невесте подарку дарит, из под черной полушалки* и т. п. Приведенные примеры свидетельствуют о происходящей в говорах взаимной борьбе между муж. родом и женским. При этом средн. род вместо мужского или женского, очевидно, по причине его малой значимости в диалектной речи, встречается редко.

Средн. в м. литер. жен.: *матерё, берёсто, поленницо, конопля, фамильё*, средн. в м. литер. муж.: *колоколо, дерно* (дерн), *парнишко, теленко, большое теленок, телятко*. В основном, такая замена свойственна свр. говорам. Некоторые из приведенных слов к средн. роду принадлежали с древних времен: *колоколо, бересто*, название маленьких детенышей (др.-русск. *тела*, средн. р.), их литературный род не исконен.

Мужской род вместо женского, так же как и женский вместо мужского, встречается часто. Муж. в м. литературного жен.: *печень, мышь, берлог, хвой, пазух, струй, недоимок, корь, ступень* (такая замена, по-видимому, возможна и на севере, и на юге; ср. *другой ступень* (печ.) и *мой мышь, веселый молодежь* орловск., *скарлатин* курск. и т. д.); жен. в м. литер. муж.: *картофель, дитина, царизма, танка, ревматизма, комбайна, метра, кедра, ужина, вреда, признака, заработка, проступка, контроль, зверь, тигра, негра, родитель, хода* и т. д. (ср. курск.: *две литры, танка загорелась*, мурманск. *мой картовь-картофель, лось, лебедь*).

Все подобные замены и колебания объясняются по-разному: сохранением в диалектах старых родовых форм (напр., *ужина* — исконная форма), наличием древнего суффикса, общего для слов муж. и жен. родов (ср. *поступка* — др. русск. суффикс — *ък-*, в древности он был свойствен как жен., так и муж. роду — *поступок*, но *варка* совр. литер. яз.); принадлежностью в древности к типу склонения, включающему слова и жен., и муж. родов (*зверь, мышь, лось, напр.*, относились к старым *-*i* основам, в которых были слова обоих родов); заимствованием (*контроль*), фонетическим преобразованием (*тигра*, т. к. в *тигр* невозможное сочетание согласных; то же самое *кедр*, в диалектах наличествует *кедор* и *кедра*).

§ 78. Категория числа

В говорах, как и в литературном языке, формы ед. и мн. числа могут отличаться друг от друга особыми флексиями — *гость — гости*, местом ударения — *водá — вóды*, изменениями в основе. Возможны следующие соотношения основ ед. и мн. числа: I тип — *стакан — ста-*

¹ Изменение рода слов, подобных словам *геройство, кулачество*, поддерживается тем, что наиболее употребительные в диалектах слова средн. рода имеют непродуктивные в литературном языке форманты *-ен(о), -ищ(е), -н(о)*. Ср. соотношение диал. *бороньба* — литер. *боронование, откачка* — *откачивание* и т. д.

канья, в некоторых говорах — особенно западных — такое соотношение, по-видимому, отсутствует, в других, наоборот, представлено очень широко, охватывает не только слова муж. рода, но и жен. — *площадь, шубья*, и средн. — *донья*; 2 тип — *зять — зятевья*, встречается при названии лиц по признакам родства и свойства; 3 тип — *ребенок — ребята*, возможно отсутствие этого противопоставления — *ребенок — ребенки*; 4 тип — *волчонок — волченята* — характерен для названий мелких животных — *мышенята, котенята, утенята*; 5 тип — *крестьянин — крестьяне, -ы, -а*, в некоторых говорах в этом случае основа совпадает — *крестьянин — крестьянина*), особым, не числовым, значением (*шерсть — шерсти — из разных шерстей* — слово во мн. числе обозначает вещество в его разновидностях)¹.

Особое проявление категории числа в диалектах прежде всего касается существительных, не имеющих единств. или множ. числа (ср. литер. *заморозки* — диал. *заморозка*, литер. *жара* — диал. *жары*, литер. *опилки* — диал. *опилка*) и сводится, в основном, к следующему:

1) Как известно, в литер. яз. отвлеченные имена существительные в их основном прямом значении употребляются только в ед. ч. В говорах возможность употребления отвлеченных имен существительных во множ. числе значительно шире, поскольку в них многие из отвлеченных имен характеризуются меньшей степенью отвлеченности значения. *Не знаю, будут ли еще езды-то туды? Ну, какие тут веселья! Давай кажи свои творчества!* (киров.), *жары сильные были* (арх.) и т. д.

2) В литературном языке вещественные имена существительные типа *песок, мука, вино, масло* в их прямом основном значении употребляются только в ед. числе. В говорах возможность употребления вещественных имен существительных во мн. числе шире: *я квасы поставила, эти макины решето сеют, горохи сеяли, хороши овсы* (киров.), *пирог варим, льны не сеем* (арх.) и т. д. Как показывают примеры, во мн. числе эти существительные не всегда обозначают разновидности вещества, их сорта, разряды, виды (ср. литер. *сталь* — высококачественные *стали*, но диал. *квас — квасы*; последние, может быть, возникают по аналогии, со *щи, дрова* и пр.).

Названия злаков, а также овощей, ягод в говорах так же часто употребляются во множественном числе (ср. *овсы, горохи, картошки надо копать, клевера все убрали* (киров.), *пирог с малинам ели, вот опять малины несут, да и брусники скоро поспеют, пойдём за брусникам* (новг.)). Возможно, это связано и с тем, что в говорах наличествуют специфические отношения между категориями множественного числа и собирательности.

3) Категория собирательности в говорах развита, очевидно, сильнее, чем в литер. языке. В говорах употребляются разные виды собирательных существительных: есть образования на *-щ* и на *-а* — *деревен-*

¹ Ср. также, что в говорах Свердловской обл. слово *лестница* во множ. числе *лестницы* имеет значение 'ступеньки крыльца' слово *музыка* — *музьки, с музькам приехал* — значение «музыкальные инструменты», название села *Ленское* — *Ленские, еду от Ленских* — употребляется во множ. числе со значением фамилии жителей и т. д.

щина, на -ё жь — *холостёжь, молодёжь*, на -в а — *детва*, на -н я — *родня*, на -н я к — *молодняк*, на -н и к — *березник*, однако шире всего, особенно в севернорусских говорах, распространены собирательные существительные древнего словообразовательного типа, которые почти совсем утрачены современным литературным языком, это собирательные существительные с суффиксом -j-: *козье, колье* (костр.), *ребятыё, мужичё, тряпье* (пск.), *холопье, уголье, лисье-листья, волосье, деверьё* (волог.), *сыновье* (иван.), *корытыё, костьё, зверье, дырьё, прутьё, поленьё, ямьё* (мурм.), *зубье, лисье, обручье, коршунье* (киров.) и т. д. (здесь везде j — суффикс, а о — окончание). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что: а) такие образования в говорах возможны от существительных всех родов (ср. *уголье, козье, корытыё*), б) относятся они к различным семантическим группам (напр., *деревьё, мужье* — слова со значением родства, *баранье, коровье* (калин.) — названия животных, *картофье* (арх.), *слетьё* (пск.) — названия растений и т. д.)

Все собирательные существительные, а особенно собирательные на -jo, обычно согласуются в говорах с формами множ. числа: *молодежь собираются, эти перья, ставятся длинные колье, лисье* (-листья) *отпадут* и т. д. Такое согласование при существительных с суффиксом -j — особенно развито потому, что данные формы в говорах смешиваются с формами множ. числа на -а: *коренья, клочья, колья, перья*, которые в говорах, в отличие от литературного языка, также распространены очень широко. Поскольку по происхождению формы на -ja — формы собирательных существительных (ср. др. русск. *братия* — им. п. ед. ч. собирательного существительного с основой на -*ja), можно считать, что в диалектах шире отражен переход собирательности во множ. число, хотя, с другой стороны, в современных говорах наблюдается широкое употребление форм множ. числа с собирательным значением, ср. диал. *лыка, крови, осени, грязи* и др.

Своеобразие категории собирательности в диалектах выражается и в том, что там более широки соотношения отдельных существительных с сингулятивами¹, соотношения типа *репа — репина, морковь — морковина*. Наличие таких соотношений приводит к тому, что литер. вещественное *репа, морковь* встречается как собирательное, а сама категория собирательности в говоре выступает более оформленной. Иногда соотношения эти в говорах очень сложны, ср. кировск. *дерево — деревина — деревья, рыба — рыбина — рыбы, береза — березина — береза* и др.

Наконец, в говорах очень широко распространено употребление ед. числа с собирательным значением: *все поле кустом заросло, налиму — того много было, женихи* — обозначение однородного множества, *жених выходят* — обозначение неоднородного множества, «жених и его родня» киров., *мошка, комар, паут* (-овод) *налетел* (-а), *германец пришел, кончи овца в цену вошла* (костр.).

¹ Сингулятив — существительное, естественно употребляемое только в форме единственного числа и воспринимаемое как производное от соответствующего *pluratum tantum* или от вещественного существительного. Русск. *штанина* — *штаны*, см.: А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 405.

§ 79. Категория одушевленности

Категория одушевленности развита во всех русских говорах в полном объеме, т. е. ею охвачено и множественное число, и названия животных. Немногочисленные случаи старого винительного, равного именительному, у имен, обозначающих живые существа, встречаются в говорах спорадически: *пошел кони искать* (пудож.), *идти по кони* (волог.), *поить кони* (брянск.), а также *надо козы кормить* (смол.) и нек. др.

Очевидно, эти образования можно отнести к своеобразным традиционным формулам (ср. литер. *выйти в люди*), хотя бы потому, что они очень часто касаются одного и того же слова, а именно слова *кони*. По крайней мере, эти образования не являются живыми диалектными морфологическими образованиями (см. об этом еще главу V).

2. СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ. ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 80. Первый тип склонения

К первому склонению относятся имена существительные с окончанием *-а(-я)* в имен. п. един. ч. Большая часть существительных этого склонения принадлежит к словам жен. рода (твердая разновидность — *вода, сосна, репа, хата*, мягкая разновидность — *земля, буря, доля*), небольшое количество слов относится к муж. роду (твердая разновидность — *староста, юноша*, мягкая — *дядя, судья*).

Во всех говорах это склонение для слов женского рода очень продуктивно, группа существительных на *-а(-я)* постоянно пополняется, и словарный состав этого склонения в диалектах определенным образом отличается от литературного. Так, в диалектах к I склонению относятся не только исконные *вода, земля*, но могут относиться и новообразования типа *жизня, матеря, домишка*, а с изменением рода и *магазина, литра, танка* и т. д. В говорах могут не входить в I склонение такие слова как *дедушка*, но, с другой стороны, изменяются по этому склонению *церква, морква, свекра* и т. д. В разных диалектах лексический состав этого склонения, таким образом, несколько различен.

А. ОБЩИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ФЛЕКСИЙ I ТИПА СКЛОНЕНИЯ¹

И. *-а* — повсеместно²

Р. *-ы* — повсеместно

¹ Параллельные формы мягкого варианта в перечне не отмечены, если тип не представлен только мягким вариантом. В дальнейшем следует учитывать возможность колебаний в говорах между твердой и мягкой разновидностями, объясняемых разными причинами, часто фонетическими (ср. *комарь, коршунь, сахарь, холоп* с одной стороны, и *гвозд, голуб, желуд* — с другой) и возможность более широкого или, наоборот, более узкого, чем в литературном языке, влияния твердого варианта на мягкий (ср., северное *неволей, деревней и войней, землей*).

Собственно диалектные флексии, отсутствующие в литературном языке, в перечне выделены курсивом.

² Здесь и ниже в таблицах указан ареал преимущественного распространения тех или иных флексий; примеры отдельных разрозненных случаев наличия той или др. флексии в различных других говорах, чаще всего исторически вторичные, приводятся в комментариях.

- е — севернее линии Псков — Порхов — оз. Селигер — Калинин — Калязин — Москва — Муром — Арзамас
- Д. -е — повсеместно
- ы — не южнее линии Велиж — Ржев и не восточнее линии Чагода — Калинин — Торжок — оз. Селигер — Ржев; широко в говорах Архангельской обл., Карелии, Вологодской, Ярославской, Новгородской обл., а также в говорах курско-орловских, мосальских, севских, рыльских
- В. -у — повсеместно
- Т. -ой — повсеместно
- ою — юго-запад Европейской части СССР
- уй — псковские, верхнеднепровские, калининские, восточные среднерусские диалекты; особенно широко в Московской, Калужской, северной части Рязанской и Тульской областей
- эй — онежские говоры, владимирские
- П. -е — повсеместно
- ы — не южнее линии Велиж — Ржев, не восточнее линии Чагода — Калинин — Торжок — оз. Селигер — Ржев; широко в говорах Архангельской области, Карелии, Вологодской, Ярославской, Новгородской обл., а также в говорах курско-орловских, мосальских, севских, рыльских.

Б. КОММЕНТАРИИ К ФЛЕКСИЯМ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА I ТИПА СКЛОНЕНИЯ

а) Флексии -е и -ы.

Флексии -е и -ы (см. таблицу) характерны для род. и дат.— предл. падежей. Распространение -е в род. п. и -ы в дат.— предл. падежах свидетельствует об ином, чем в литературном языке, противопоставлении род. п. дат.— предл. падежам (ср. литер. *от жены — к жене, о жене, диал. от жене — к жены, о жены*) или, что значительно чаще, об известном синкретизме¹ форм род., дат. и предл. падежей, при этом в одних говорах (преимущественно северных) единая флексия соответствует флексии литературного род. п.— -ы/-и, в других (шире в южных)— флексии литературного дат.—предл. п. -е². Примеры: *нет Ульяны, к тони, по земли* (мурманск.), *нет мамы, в реки, в избы* (пск.), *со школе, к зимы, из воде, до войне, к папы, на улицы* (курск.) и т. д. Одновременно во многих современных говорах наблюдается прямая зависимость род. п. на -е от определенной синтаксической конструкции (беспредложное

¹ Сокращение в процессе развития языка числа категориальных форм, приводящее к грамматической омонимии. См.: А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов, с. 406.

² Исследователи особо отмечают обычно совпадение в безударном положении форм Р—Д—П падежей в окончании -а: *с хата, к хата, в хата* (см. главу III, § 65).

нет жены, нет воды, предложное — от *жене, у воде*) и места ударения (из *воды, от жены, но у Любе, от берёзе*). Первая зависимость прослеживается, напр., в воронежских и орловских говорах, вторая — в говорах, расположенных вокруг Москвы.

Флексию *-е* в род. п. возводят к старой флексии основ на *-*ja -ѣ* (др.-русск. *землѣ*, ст.-сл. *земль*). В диалектах она не утратилась полностью, а была перенесена в твердый вариант склонения, вытеснив первоначальное окончание *-ы*. Таким образом, форма *жене, земле* стала обслуживать не только дат.—предл. п., но также и род. п. Подобным образом в дат.-предл. п. форма старого мягкого варианта склонения, оканчивающаяся на *-и* (древнерусск. *къ земли, о земли*), оказала влияние на форму твердого варианта (др. русск. *водѣ*). Так появилось *к жены, в воды*, и окончание *-ы/и* стало общим у род. п. с дат.-предл. п.¹. А. А. Шахматов главную причину совпадения форм Р — Д — П падежей видел во влиянии прилагательных и местоимений, у которых формы этих падежей звучат одинаково. С. П. Обнорский указывает еще на несколько фактов аналогичного порядка, несомненно, сыгравших более существенную роль в появлении данных новообразований: на совпадении форм Р — Д — П в III склонении (*нет ночи, к ночи, о ночи*), на возможность совпадения их у существительных муж. рода II склонения (*от роду, к роду, в роду*). Объясняя диалектное противопоставление род. и дат.-предл. падежей, С. П. Обнорский особо подчеркивает зависимость форм дат.—предл. от новых форм род. п.: новые формы дат.—предл. падежей вторичны, они закрепились в языке в процессе восстановления шедшего из старины различия между формами род. п., с одной стороны, дат.—предл.— с другой. Об этом свидетельствуют древнерусские памятники, согласно которым род. на *-ѣ* появился в языке XI—XII вв., а дат.—предл. на *-ы* — лишь в языке XIV и даже XV вв. Материалы диалектных исследований последних лет² как будто не противоречат выводам А. А. Шахматова и С. П. Обнорского. Однако отдельные исследователи падежных флексий существительных на *-а* в местных говорах сейчас выдвигают и другие объяснения рассматриваемого явления. Напр., Г. В. Денисевич³ считает, что рассматриваемое явление в конечном итоге свидетельствует о тенденции к обобщению

¹ Следует иметь в виду, что та или иная флексия в диалектных словах не обязательно восходит к данной старой (древнерусской, старославянской или праславянской) флексии. Исторически та или иная флексия первоначально была связана лишь с определенным числом слов данного типа, существовавших в ту эпоху. Во многих словах такого же типа, часто более поздних по образованию или проникших в говоры уже из литер. яз., такие флексии возникали по аналогии с другими словами. Напр., можно предполагать, что флексия *-е* в словах типа *жена, земля* (*от жене, от земле*) именно в этих старых, исторически праславянских словах, действительно восходит к старой флексии основ на *-*ja (-ѣ)*. Очевидно, однако, что в формах типа *до войны, со школы*, она уже просто результат влияния других слов с этой флексией и возникла по аналогии с ними.

² См.: Славянское языкознание, т. 1—3. М., 1963—1969.

³ См., напр.: Денисевич Г. В. О падежных флексиях существительных на *-а* в местных говорах. — «Уч. зап. Курского пединститута», 1959, вып. 9.

падежных форм един. ч. по принципу определенного класса слов и к замене разных параллельных способов и форм выражения падежных значений более общими средствами (словосочетание, предложение) и связывает их развитие с выражением определенных падежных значений, напр.: род. на *-е* мог развиваться в связи с широким распространением в говорах дат. принадлежности (*жалю пчеле* — дат. п.), в связи с употреблением всех трех падежей в обстоятельственном значении (*жил около горы/е, близко к горе/ы, на горе/ы*). Интересно отметить, что в отрицательных конструкциях род. на *-е* является исключением, и дат.-предл. падежи в этом значении никогда не употреблялись.

Диалектные формы *в армии, на электростанции*, которые зафиксированы многими современными исследователями, следует рассматривать как результат более последовательного, чем в литер. яз., влияния твердого варианта склонения на мягкий, хотя, по материалам С. П. Обнорского, некоторые южнорусские говоры, не знающие рассмотренного выше дат. п. на *-ы*, имеют архаическую флексию мягкого варианта *-и*: *к зари, к родни, к деревни* (при *к жене*).

б) Флекси и творительного падежа.

В диалектном развитии языка претерпевают ряд изменений окончания твор. п. *-ю/юю*. Прежде всего, возникает известный и в литературном языке, твор. на *-юй/ей* (с редуцией конечного *у*). С. П. Обнорский считает такой твор. явлением морфологического порядка: старые *-ю/юю* заменились своей краткой разновидностью, уподобляясь прочим падежам по количеству слогов (ср. *воды*, но *во-до-ю*). В области севернорусского наречия отмечается почти постоянное употребление краткой формы, для южных говоров характерно равное употребление форм на *-ю/юю* и на *-юй/ей*, а в некоторых из них даже почти исключительное сохранение одних старых форм.

В ряде говоров окончание *-юю/ой* отражается в виде ударного и безударного *-эй* (причем это же *-эй* обычно замещает *-ой* и в различных формах прилагательных и местоимений): *с бабэй, шубэй, за березэй, с палкэй, горэй, под водэй* и др. Эту флексию, очевидно, надо рассматривать как результат особого взаимодействия в говорах твердого и мягкого вариантов склонения. В данном случае проявляется влияние мягкого варианта на твердый: *деревней* и отсюда *мамкэй*, тогда как *торговлэй, деревнэй* (перм.) и под. — результат обратного влияния твердого варианта на мягкий.

Во многих говорах распространена другая разновидность *-юю/ой* — *-уй*: *с палкуй, охотуй, ложкуй, пяткуй*, образование которой А. А. Шахматов связывает с преобразованием первоначального *-оюу* в условиях акающего говора (*оюу > аюу > уюу > уй*). При этом флексия *-уй* особенно распространена у существительных с основой на заднеязычный и губной согласный. В этом, очевидно, надо видеть дополнительное условие, содействовавшее распространению этой флексии. Так, Р. И. Аванесов, считая, что первоначальное *-оюу* в условиях акающего говора даст *-эйю*, пишет: «...редуцированный звук *ъ* весьма подвержен воздействию соседних артикуляций. В условиях заударного неконечного слога, как слога с минимальной полновесностью, вместо *ъ* после заднеязычных

и губных согласных легко может появиться *у*¹. Таким образом, сначала появляются *бутылкуй, чашкуй, собакуй, с бабуй, за коровуй*, а затем и *под берёзуй, за малинуй, с работуй*, в дальнейшем окончание *-уй* проникает и в положение после шипящих, ц и мягких согласных: *с пряжуи, кашуй, птицуи, за деревнюи, торговлюи* и т. д.

§ 81. Второй тип склонения

Ко второму склонению относятся существительные муж. рода с нулевым (*φ*) окончанием в имен. п. ед. ч. (твердая разновидность — *дом, брат, овес*, мягкая разновидность — *гость, конь, грач*), а также слова средн. рода на *-о/е* в имен. п. един. ч. (твердая разновидность — *село, окно*, мягкая разновидность — *море, ружье, поле*). Этот тип склонения, как и I, в говорах, несомненно, продуктивен, причем лексический состав этого склонения также не совсем совпадает с литературным. В говорах возможно расширение этого типа склонения за счет литературных разносклоняемых типов *путь, имя, дитя, парнишка*, за счет вовлечения в систему склонения литературных несклоняемых существительных типа *депо, кино*, за счет видоизменения родовой принадлежности слов (напр., литер. *обувь* жен. род, диал. *обув* — [обуф] — возможно, муж. род) и т. д. В разных говорах, разумеется, состав II типа склонения не идентичен.

А. ОБЩИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ФЛЕКСИЙ II ТИПА СКЛОНЕНИЯ

- И. *-φ* — повсеместно в муж. роде
*-о*² — повсеместно в средн. роде
 Р. *-а* — повсеместно
-у — повсеместно в муж. роде, в средн. роде — курско-орловские, воронежские
 Д. *-у* — повсеместно
 В. *-φ* — повсеместно у неодушевленных сущ. муж. рода
-о — повсеместно у сущ. средн. рода
-а — повсеместно у одушевленных сущ. муж. рода
 Т. *-ом* — повсеместно
 П. *-е* — повсеместно
-у — повсеместно в муж. роде, в средн. роде — курско-орловские, воронежские
*-и*³ — новгородские, ладожско-тихвинские говоры

¹ Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 115.

² В некоторых говорах, напр., мурманских, возможны аналогические образования муж. рода типа *Петро, дедо*.

³ Относится ли флексия *-и* к морфологическим явлениям в южнорусских говорах, сказать трудно. См. ниже, с. 134.

а) Флексия *-у*.

Как и в литературном языке, эта флексия в диалектах является общей для род., дат. и предл. падежей. При этом, если в дат. п. она для большинства существительных муж. и средн. родов исконна, то в род. и предл. падежах, наоборот, для большинства существительных флексия *-у* — явление вторичного порядка. Появление флексии *-у*, как известно, связано с воздействием на наше II склонение (старые основы на **-o/jo*) существительных старых основ на *-й*, издавна имевших в род. и предл. падежах эту флексию (ср. закономерные др. русск. и ст.-сл. от *домоу*, *о домоу*). Процесс распространения окончания *-у*, начавшийся в очень древнюю эпоху, свойственный всем славянским языкам, в настоящее время нельзя считать вполне законченным. Характерно при этом, что в современных диалектах (любых) формы на *-у* развиты значительно более широко, чем в литературном языке. Особенно широко они распространены на юге.

Рассматривая формы род. и предл. падежей в диалектах, следует, несомненно, отметить, что, прежде всего, во всех говорах значительно больше, чем в литературном языке, параллельных форм¹. Затем следует сказать, что в говорах флексия *-у* функционально слабо дифференцирована. Она возможна у одушевленных имен существительных: *нет мужу*, *от вотчиму*, *с жениху* — род. п., *на коню*, *на батраку*, *на мужику* — предл. п. В литературном языке род. п. на *-у* является выразителем количественно-выделительного значения (*купить винограду* — от сущ. вещественного, *много народу* — от сущ. собирательного по значению, *много блеску*, *шуму*, *холоду* — от отвлеченных существительных) или же употребляется в предложных сочетаниях, близких к наречиям (*из дому* — от сущ. конкретного, *со смеху* — от существительного отвлеченного, *без разбору* и т. д.). В говорах эта же форма, вообще значительно шире распространенная у конкретных существительных, употребляется и в других значениях: местном — *до лесу*, *из отряду*, *до пароходу*, *с острову*, *возле лесу*, *из рынку*, *с валу*, *из классу*, *с огороду*, *изо рту*; в временном — *до приезде*, *до маю*; целевом — *для саду*, *для при-меру*; причинном — *от жару*, *от удару*, *от комарю*, *от жиру*; при отрицании — *я не мою мосту* (-пол, пола), *нет ответу*; в сочетаниях с числительными — *три году*, *четыре деньку* и т. д. Предложный падеж на *-у* в литер. языке употребляется только с предлогами *в* и *на* в пространственном и временном значениях преимущественно от односложных существительных или от существительных, содержащих полногласные сочетания. В говорах же он возможен у большего количества слов, употребляется не только с предлогами *в* и *на*, более многозначен, ср.: *в городу*, *в месяцу*, *в роту*, *на поезде*, *на тр-акту*, *на крыльцу*, *в Курску*, *в уголку*,

¹ При этом для отдельных лексем не исключено в данном случае и преобладание старой флексии, ср. вологодск. *в лесе*, *в прошлом годе*, *в хлебе*, курск.-белгородск. *в лесе* и т. д.

в танку, в садочку, в ларьку, в куту, на гвозду (-гвозде), на крючку, на задю; в платку, на парню, в лаю, на коню, в параличу (-о б ъ е к т н о е з н а ч е н и е); о берегу, при отцу, при Миколаю, о мужу, при помещику, при сыну (-с др. предложениями) и т. д.

В литературном языке употребление форм на -у связано с определенным типом ударения, которое в род. п. падает на основу, в предл.— на окончание (литер. из *лѣсу* — в *лесу*). В говорах же это положение постоянно нарушается, -у широко распространяется среди существительных с неподвижным типом ударения: ударение во всех формах остается или н а о с н о в е (возникают безударные формы предложного падежа — в *сарю* тул., при *брáту* елецк.), или н а о к о н ч а н и и (возникает ударное -у в род. п.— *киселю* ворон., *пирожку* печ.)¹.

Широкое распространение окончания -у в муж. роде вызвало частичное проникновение этой флексии в категорию средн. рода. Это процесс позднего происхождения, в старых основах на -*й не было слов средн. рода. В отдельных частях русской территории он развивается самостоятельно. С. П. Обнорский видит в -у существительных средн. рода типичный южнорусизм, С. И. Котков считает эти образования типичной приметой курско-орловских диалектов. В целом, общие закономерности развития -у в средн. роде таковы: в род. п. слабее, чем в предл., в севернорусских говорах уже, чем в южных, род. п.— без *делу*, от *молоку* ворон., от *маслу*, от *окну* липецк., с *полю* курск.; предл. п.— на *крыльцу*, на *мору*, в *полю*, в *белью* курск., в *согласию*, в *лукошку*, на *солнышку*, в *гнездышку*, в *уху* ворон. и т. д.

б) Флексия -и.

Эта флексия отмечена в предложном падеже слов муж. и средн. рода²: на *столи* яросл., в *огороде* лен., в *городи* куйб., на *двори*, в *озери* пуд., на *сараи* новг., на *кони*, в *леси* брянск., на *свети*, в *поли* ряз., в *Саратови* сарат., на *мести* ворон. и т. д. Очевидно, это -и объединяет в себе несколько окончаний разного происхождения: -и — окончание мягкого варианта бывших основ на *-o/jo (диалект. и др. русск. об *рубли*); -и — окончание бывших основ на *-i (диалект. о *Петрове дни*, на *дни* ³); -и — окончание, возникающее в твердом варианте склонения на *-o по аналогии с мягким (диалект. в *городи*) ⁴; -и — рефлекс старого безударного Ъ (мнение А. А. Шахматова); -и — вариант флексии -е в заударном конечном открытом слоге (диалект. на *покѣси* ⁵, но на

¹ С. П. Обнорский полагал, что ударное -у могут иметь только существительные собирательные и вещественные. По его мнению, оно южного происхождения.

² В отдельных лексемах в говорах sporadически встречается старая флексия род. п. основ на *-i: *нет дни*, *три рубли* и под.

³ Др.-русск. *днь* первоначально принадлежало к основам на согласный, но рано перешло на основы на *-i-.

⁴ Поскольку в говорах влияние мягкого варианта на твердый, а не только твердого на мягкий, как в литературном языке, весьма значительно, можно предположить, что др. русск. -и из мягкого варианта оказывается более сильным в говоре, тем более что в некоторых говорах, напр., мурм., -и ударное встречается в 2 раза чаще безударного: в *уми*, в *конци*, в *хлеви* и подобные.

⁵ Из других изменений -е в безударном положении здесь, как и в 1 склонении, следует отметить -'а: ворон. в *кафтани*, в *острога*, в *тракторя*. См. главу III, § 6б.

столé мещ.). Может быть, именно эта связь рассматриваемой флексии со многими источниками способствует ее сохранению в диалектах, несмотря на почти полное отсутствие ее в литературном языке, несмотря на большúю продуктивность флексии *-е* в предл. падеже различных типов склонения (см. предл. п. I и III типов склонения; ср. проникнове-ние *-е* даже в такие книжные, церковнославянские по происхождению, формы II склонения, как формы на *-ии*: литерат. *в прошении* — возможное диалект. *в прошение*).

в) Изменение слова *путь*.

В современном литературном языке это единственное слово муж. рода в III, женском, типе склонения (раньше к этому типу склонения — бывшие основы на *-*i* — принадлежали и др. существительные муж. рода: *гусь, медведь, гость, зять, голубь* и т. д.). От слов женского рода данного типа склонения слово *путь* издавна отличала лишь особая форма твор. падежа: *путем, но ночью* (ср. подобные диал. формы в I склонении — *с тятем, с Володем* при литер. *с дядей*). Это единственное существительное муж. рода женского склонения в некоторых диалектах переходит во II тип склонения, о чем свидетельствуют формы: *путя, с путю, к путю, на путе, на путю*, или меняет свой род, что видно по формам твор. п. на *-ью — путью* — и по согласованию типа *эта путь, путь шла лесом, счастлива вам путь*. Первое явление (исторически то же самое было со словами *гость, гусь, медведь* и мн. др.) свойственно южнорусским говорам и части среднерусских, второе (исторически это же произошло со словами *печатъ, гортань* и др.) — северу. По свидетельству С. И. Коткова в западных говорах Орловской обл. *путь* — жен. рода.

г) Изменение существительных на *-мя*.

В литературном языке отличительной чертой склонения этих существительных средн. рода является наращение *-ен* — и изменение в един. ч. по типу *путь*, а во множ. ч. — по II склонению. В говорах у этих существительных возникает целый ряд новообразований, в результате чего их склонение начинает соответствовать одному из основных типов. Чаще всего они изменяются как слово *поле*, наращение утрачивается, при этом форма имен. п. в южных говорах сохраняет конечное *'а* (*имя*), в северных — приобретает конечное *'е* (*име*) или *'о* (*имё*) (некоторым северным говорам присуще колебание конечного *е* и *о*), род не меняется. Возникает парадигма типа архангельского *имё, без имя, по имю, с именем (имям), в име* или брянск. *время, время, времю, во время, врежем (время), о време (времю, времи)*. Такое изменение существительных на *-мя* известно почти на всей русской территории, особенно широко в вологодско-кировской группе говоров (ср. ещё мурм. *време, име, время, имю, време, времём, в берем*) и в переходных говорах. В последних возможен также переход существительных на *-мя* в жен. род и соответственное изменение их по I склонению (наращение отсутствует): *время, времи, време, времю*.

Однако в диалектах суффиксальный элемент *ен* (на севере вместо *ен* под влиянием имен. п. может употребляться *ян*) может сохраниться. В этом случае он закрепляется во всех падежах. Возникают вследствие

этого новые формы имен. п. на *-ень* (*время, пламень, стремя*) или на *-ено* (*стремено, имено, семено*)¹. *Стремено* — существительное средн. рода II склонения, известна такая форма в брянских, орловских, курских, онежских, карельских говорах. Определить род *пламень* обычно затруднительно, ибо такие образования могут изменяться в говорах по II типу склонения (*к времени, во времени* — формы муж. рода), но возможно для них и III склонение (твор. п. *пламенью, племенью* — формы жен. рода). Поскольку и в этом случае литературная форма быстрее усваивается (или сохраняется) имен. п. и медленнее косвенными, при всех формах типа *к теменью* восстановленный имен. п. (в данном случае *темень*) может быть формой чисто теоретической, искусственной.

д) Изменение существительных на *-ат/ят*.

В литературном языке в един. числе наращение *-ат/ят* в настоящее время сохранило лишь слово *дитя* (род. *дитяти*), все остальные существительные этого типа имеют его только во множ. числе, ср. единств. *теленек* (вм. старого *телѣ*), *теленка, жеребенок* (*жеребѣ*), *жеребенка, ребенок* (*роѣбѣ*), *ребенка*, но *телята, жеребята, ребята* и т. д. В говорах старые формы имен. един. ч. и наращение в един. ч. также встречаются крайне редко, при этом закреплены они обычно лишь в поговорах, поговорках, песнях: *у матери дитя, у кошки котя, такое же дитя; овин с овсом, жеребѣ с хвостом; не нашему теляти да волка поймати*, но из закрепившихся новообразований имен. п. *поросенок, теленок, котенок* и др. суффикс *-енок* в говорах переходит и во множ. число. Возникают формы типа заонеж., киров. *теленки, поросенки*. С. П. Обнорский полагал, что новая форма без наращения *-ат/ят* возникает в данном случае из-за стремления обозначить чистую множественность, без оттенка собирательности, поэтому в тех говорах, где наблюдаются колеблющиеся формы, *поросенки* и *поросята*, при числительных обычно употребляется другая форма: *девять поросенков, теленков* и под.

По аналогии с *ягенок, жеребенок* в говорах возможно и *дитенок* (литер. *дитя*). Однако чаще вместо литер. *дитя* находим там *дитѣ* (а рядом и *курѣ, гусѣ*) и *дитя* как существительное муж. и жен. рода I склонения. Но особенно широко распространено *дитѣ* — существительное среди. (иногда муж.) рода II склонения. В первом случае имеем парадигму типа *дитя, дити, дите, дитю, дитею, дите*, во втором — *дитѣ, дитя, дитю, дитѣ, дитѣм, дите*. Резкого территориального разграничения между типами склонения нет, хотя можно сказать, что склонение по II типу особенно характерно для южнорусской области.

е) Изменение существительных мужского рода на *-ло, -ко* или *-ла, -ка*.

Все эти существительные содержат обычно эмоционально-оценочные суффиксы *-енк/-онк, -ушк/-юшк, -ышк/-ишк, -оньк/-еньк* (напр. *мальчонка, мужичонка, бабушка, купчишка, домишко, батенька, тятенька*), в современном литературном языке одушевленные существительные

¹ Следует учитывать, что имен. п. такой формы зафиксирован не от всех существительных на *-мя*.

получают окончание *-а* и изменяются по I' склонению, а неодушевленные — окончание *-о* и изменяются по II типу склонения (ср. *сыншишкой* — *домишкой*).

Севернорусские говоры, в основном, имеют конечное *-о* у всех существительных, которое многими учеными признается за исконное, и соответственно изменение по II склонению (*Гаврило, Данило, зайко, мальчонко, амбаришко, кафтанишко, Иванушко, Степанушко, к дедушке, нет батюшка, батюшкой, к мальчишку, мальчишком, дедушкой*), но есть и формы на *-а* с соответствующим изменением по I типу склонения (*дворишка, батюшка, дедка, батькой, много народишки, к батюшке*).

В южнорусских говорах, в условиях аканья, имен. п. всегда отражается как форма на *-ла, -ка*, и таким образом создается почва для полного перехода данной категории имен в I склонение (*Михайла, к Михайле, Данила, с Ванькой, атаманушкой, у сыншишки, к дедушки, к атаманушке, к домишке*), однако косвенные падежи этих слов представляют собой в южных говорах обычно очень пеструю картину. Наряду с формами, приведенными выше, существуют и *у мальчишка, к мальчишку, с парнишком, перед батюшкой* и т. п. Интересно, что колебание в склонении чаще всего отмечается в формах род. и дат. падежей: *дедушка* и *дедушки, дедушку* и *дедушке*.

Формы на *-а* в севернорусских говорах А. А. Шахматов рассматривал как явление фонетического порядка (редукция конечного гласного *о*); существует и морфологическое объяснение С. П. Обнорского: новые формы возникли под влиянием литературного языка. Оказывая в свою очередь влияние на исконные формы на *-а* жен. рода, они вызывают иногда новообразование типа *книжонко, девчонко, кумушко* и т. д. Формы на *-о* в южнорусских говорах — пережиток старины ¹.

ж) Изменение заимствованных слов, оканчивающихся на гласный звук.

В литературном языке эти слова воспринимаются как существительные средн. рода и не склоняются (ср. *шоссе, на шоссе, у шоссе*). Но диалекты, так же как и просторечие, включают эти слова в общую систему склонения. При этом склонение в говорах обычно хорошо осваивается высокочастотными словами типа *пальто, кино, дено: из кина, много кин калининск., в дено, нет пальта* яросл., ср. такое же изменение сокращенных слов: *нет кила* яросл., *из сельны* моск. и др. Кроме того, наблюдается переход этих существительных в муж. или жен. род. При переходе в жен. род. возникают образования типа *кила, сельна, шаша* (-шоссе), изменяющиеся по I склонению: *у килы, на килу* яросл., *килу, шашу* ворон. При переходе в муж. род. (с изменением по II типу склонения: *от дена, по кину* и т. д.) возможно более значительно видоизменение имен. п. (ср. *желей* вм. желе, *кофей* вм. кофе и др.).

¹ Формально сходные факты представляют существительные, осложненные увеличительным суффиксом *-ище*. Первоначально они оканчивались на *-е*, ср. диалектн. *ножище, ружище, коровище* и литер. *ножища, ружища, коровища*.

§ 82. Третий тип склонения

К III склонению относятся существительные жен. рода с нулевым окончанием в имен. п. един. ч. и основой на мягкий согласный (*кость, соль, грязь*) или шипящий (*рожь, тишь* и др.).

Как известно, в литературном языке существительные муж. рода составляют один тип склонения, а имена существительные жен. рода характеризуются 2-мя типами склонения. Во многих современных говорах это явление осознается как избыточное, и слабейший из двух типов склонения разрушается, уступая место сильнейшему. Последним всегда оказывается I тип склонения. Обобщая наблюдения многих исследователей морфологии современных говоров, можно сказать, что тенденция к объединению в одном склонении всех существительных жен. рода в говорах весьма сильна. Границы между I и III типом склонения нечетки. Некоторые исследователи вообще говорят лишь о двух диалектных типах склонения¹.

Этим объясняется меньший объем диалектного III склонения — к I склонению в говорах может принадлежать ряд слов литературного III склонения: *болезня, вещь, гармония, жизнь, постель, церква, морква* и т. д., во II склонение, меняя род, уходят существительные типа *россыпь, опухоль, степень* и т. д. Это последнее явление наблюдается, например, в некоторых курских говорах, но, наоборот, в мурманских говорах в него входят, меняя свой род, слова типа *лось, лебедь, картофь* (-картофель) (в литер. яз. эти слова муж. рода II склонения). Таким образом, во-первых, лексический состав этого типа склонения, как и двух первых, в разных говорах различен, во-вторых, этот малопродуктивный тип склонения в современных говорах все же пополняется. Пополнение происходит, в основном, за счет слов книжного происхождения, усваиваемых диалектом, типа *весьт, гордость, казнь* или, что бывает редко, за счет собственно местных образований типа *комната* (литер. комната) курск. или *грызь* (литер. грыжа) курск.

А. ОБЩИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ФЛЕКСИЙ III ТИПА СКЛОНЕНИЯ

И. -*ф* — повсеместно

Р. -*и* — повсеместно

-*е* — псковские, новгородские, вологодские говоры

Д. -*и* — повсеместно

-*е* — восточная группа южного наречия, восточные среднерусские говоры, некоторые севернорусские говоры (напр., Кировские)

В. -*ф* — повсеместно

-*у* — южнорусские говоры

Т. -*йу* — повсеместно

¹ См., напр.: С и м и н а Г. Я. Пинежье, очерки по морфологии пинежского говора. Л., 1970, с. 27—28.

-ей/-ейу — верхнеднепровские, восточные среднерусские, воронежские, рязанские, архангельские, вологодские

-ой/-ойу¹ —

-йей — западная группа южного наречия, реже восточно-русские и севернорусские говоры

-йой —

-'уй — верхнеднепровские, восточные среднерусские говоры, рязанские

-йуй — верхнеднепровские, восточные среднерусские говоры, рязанские

П. -и — повсеместно

-е — восточная группа южного наречия, восточные среднерусские и реже севернорусские говоры.

Б. КОММЕНТАРИИ К ФЛЕКСИЯМ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА III ТИПА СКЛОНЕНИЯ

Своеобразие флексий существительных диалектного III типа склонения, в том числе и большое количество параллельных форм, можно объяснить при условии сохранения имен. п. типа *жизнь, лошадь, болезнь*. Из всех отмеченных выше флексий, прежде всего интересны следующие:

а) Флексия -е.

Во-первых, следует отметить возможность этой флексии в дат. и предл. падежах: *на лошаде* ряз., *в грязе*, *на ладоне* яросл., *к лошаде* волог., *в горсте* новг., *к ноце* (-к ночи) пск., *по двери* ворон., *к двери*, *на памяти*, *на площади* тамб. и т. д. Историками языка данные формы единогласно объясняются как результат аналогического влияния слов жен. рода на -а. Однако формы на -е распространены в говорах неравномерно². Очевидно, в некоторых районах эта аналогия поддерживается какими-то иными факторами. С. П. Обнорский к таким способствующим факторам относил характер звука Ъ (которое дало -е в современном литер. I типе склонения) в вологодско-кировских говорах (см. главу III). Современные исследователи замечают связь флексии -е в III склонении с местом и характером ударения. Так, в современных вологодско-кировских говорах флексия -е связана с переходом ударения на окончание: *по очередё*, *к ночё*, *в горстё*, *в шерстё*, *на лошаде*, *на печё*, *в костё*, *в грязё* и пр.

Во-вторых, в род. п. существительные III склонения, при обычном повсеместном -и, также могут иметь флексию -е: *с лошаде* пск., *у при-*

¹ Два варианта флексии в данном случае приводятся потому, что вместо ожидаемых образований с е во многих говорах часто наличествуют образования с о, ср. *осенёй*.

² По свидетельству С. П. Обнорского, они особенно часты в вологодских, Кировских, Пермских говорах, наоборот, они редки, вторичны, напр., в Курской обл. Вторичным считает редкое -е в предл. п. в мурманских говорах и И. С. Меркурьев. По его мнению, в данном говоре они возникли под влиянием более южных говоров, см. Ученые записки Новгородского пединститута, 1966, т. 11.

стане белоз.¹ Наличие этой флексии, возможное, очевидно, в связи с такой же, как и в дат.-предл. падежах, аналогией с формами I склонения (ср. *у снохе, от стене*, рассмотренные выше), восстанавливает прежний синкретизм форм Р — Д — П падежей (ср. литер. *от кости — к кости — о кости* — диалектн. *косте — к косте — о косте*) и при этом соответствует новому синкретизму форм I и II склонений (*от стены/е — к стены/е — о стены/е; от чаю — к чаю — о чаю*).

б) Флексия вин. пад. -у.

В вин. п., наряду с обычным *ф*, у слов, не закрепивших в имен. п. -а, встречается и окончание -у — типичное для слов I склонения: *шалю сарат., шинелю куйб., ржу брянск., лошадю ворон.* и др. Такие формы, вызванные, несомненно, аналогией с *землю, бурю, ношу*, на юге обычны, ср. курск. *знаю старинную жизнью, попроси лошадю*.

в) Флексия твор. пад.

Формы твор. п. прежде всего свидетельствуют о диалектном разнообразии выражения данного падежного значения: в литературном языке в III типе склонения твор. падеж в настоящее время характеризуется одной флексией -йу, в современных русских народных говорах их, по крайней мере, пять. Это разнообразие является результатом влияния сильнейшего в говорах I склонения. Следует отметить, что формы, представляющие собой результат сближения III и I типа склонений, охватывают как севернорусские, так и южнорусские говоры. К ним принадлежит -ей/-ой, -ейу/-ойу, вологодск. *грязей, лошадей, ночей, дверей*, пенз. *грязей, дверей, ночей, осеней, лошадей, крепостей*, ряз. *грязяй², лошадай, ночай, дверяй, за соляй, кровей*, куйб. *осеняй* и др.³ Флексии -йей/-йой появились в результате слияния флексии -ой/-ей (I тип склонения) и флексии -йу (исконная флексия III склонения): *пуд., осеней, рождей, ноцдей, дочерей, ворон. ночей, матерей* и др.⁴ В III склонении твор. п. имеет и новообразование I типа склонения -уй (*свахуй*, см. об этом выше): *моск. грязюй, костюй, калуж. дверюй, ношюй, ряз. ночюй, грязюй, дверюй, за лошадюй, с солюй. -йуй* — смешение -уй и -йу: *калуж. зеленой, ночьююй, осеньююй, моск. постельюй, за рождюй, радостьюй, зеленой, ночьююй* и т. д.

г) Изменение существительных на -ер.

Существительные *мать* и *дочь* в русских народных говорах, как и в литературном языке, сохраняют остатки старых консонантных основ, т. е. в говорах также существует противопоставление имен. и вин. па-

¹ Ср. также в говорах Колымы *без осте, с груди, до смерти, из части, с волосте* и др.

² В условиях аканья южнорусских говоров.

³ С. П. Обнорский приводит примеры обратного влияния, распространения флексии -йу у существительных I склонения: *банью, неделю, межью; тысячью* стало литературным.

⁴ С. П. Обнорский считал эту флексию яркой чертой вологодско-вятской группы говоров, однако некоторые современные исследователи, напр., З. П. Здобнова, подобных форм не фиксируют. См. З д о б н о в а З. П. Категория имен существительных в русских говорах на восток от Средней Вятки. — «Уч. зап. Казанского университета», 1955, т. 115, кн. 9.

дежей всем остальным: литер. *мать* — *матери*, *матерью* и *ворон.*, напр., *мать* — *матри*, *матерью*.

Однако в говорах это противопоставление выражено значительно слабее, чем в литературном языке, во-первых, в силу наличия во многих говорах новых форм имен. п. типа *матерь*, *дочерь* или *матеря*, *дочеря*; во-вторых, в силу особых форм диалектного вин. п., который может соответствовать старому вин. п. *матерь*, *дочерь* (ср. ст.-сл. *матерь*, *дъщерь*) или представлять собой новообразование типа *матерю*, *матрю*, *матеря*; в-третьих, в силу возможной полной утраты наращение *-ер* в косвенных падежах.

1) Имен. п. *матерь*, *дочерь* в говорах распространен сравнительно широко. Он известен не только в песнях и сказках, но и в живой быденной речи. Чаше всего он встречается в черте свр. говоров (напр., волог. *матерь*, *без матери*, *к матере*, *с матерью*, *по матере*), но возможен и в южных (напр., орл. *дочерь*, *матерь*, ряз. *матерь* и др.). Эти формы появились в имен. п. под влиянием старого вин. п. *матерь*, *дочерь*, усиленным стремлением к выравниванию основ. Параллельно им по той же причине в других говорах распространились новообразования *матеря*, *дочеря*, представляющие собой изменение *матерь*, *дочерь* под влиянием существительных на *-а/-я*¹. *Матеря*², *дочеря* обычно — существительные I склонения (ср. арх. *матеря*, *матери*, *по матере*, *с матерей*).

2) Вин. типа *одел матерь* кировск., *дочерь отдала* ряз. и т. п. свидетельствует о лучшем сохранении в говорах старых форм. *Матерю* (*матрю*) — *матерю видала*, *доцерию не видела* ряз. *матрю ругал* рост. *матрю* ворон. — видоизменение старой формы под влиянием существительных I склонения. *Матеря*, *дочеря* — смешение форм имен. и вин. п., ср. курск. *через матеря*, *бросил матеря*.

3) Полная утрата наращения возможна обычно в языке песен и сказок, слово при этом остается в III склонении: *а мати нету*, *ко мати*, *ко сырой земли*³.

д) Изменение существительных на *-овь*.

Существительные на *-овь* — это существительные старых основ на *-й* (ст.-сл. *боуки*, *црьки*, *любы*, *свекры* и т. д.). В современном литературном языке старый имен. п. таких существительных не сохранился, в говорах изредка встречаются такие формы как ювр. *свекры*. Стремление закрепить наращение во всех падежах привело к появлению новых форм имен. п., или равных старому вин. (ср. ст.-сл. В *свекръвь*, *любъвь*, *кръвь*), или представляющих собой преобразование старого вин. под влиянием существительных на *-а/-я*. Так и в современных говорах, и в современном литературном языке возникли два соотносительных ряда

¹ Ср. также возможное диалектное *доча* (*доца*).

² В наращении возможна редукция гласного, напр., рост. *матря*.

³ Исконные формы имен. п. *мати*, *дочи* (ст.-сл. *мати*, *дъщи*, др. русск. *дъчи*) в какой-то мере сохраняются в севернорусских говорах. В западных говорах широко распространено новообразование типа *доцкя*, *мйтка*. Ср. владими́ро-поволжск. *мати кормила коров*, *доци позаботилась*, в значении вин. п. — *на мати посмотрела*, *мати одну оставила*.

существительных: *церковь, любовь, свекровь, морковь* — существительные III склонения, *буква, брюква, ботва* — существительные I склонения. Однако в диалектах соотношение между этими двумя рядами несколько иное, чем в литературном языке:

1) В диалектах имеют широкое распространение такие формы, как *церква, морква, брова*, изменяющиеся по I склонению (ср. мурм. *церква, церквы, церквы, церкву, церквы*)¹.

2) Рядом с этими формами возникают и получают широкое распространение диалектные новообразования:

- а) на *-ова* — *свекрова, церкова*,
- б) на *-овья* — *свекровья, церковья* (только южное),
- в) на *-вя* — *цервя*,
- г) на *-а* (с отпадением *в*) — *свекра, церка* (на севере неизвестные),
- д) с суффиксом *-к* — *свекровка*, известные и в литературном просторечии.

3. СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

§ 83. Именительный падеж²

А. ОБЩИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ФЛЕКСИЙ ИМЕНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

- ы* — повсеместно (у слов средн. рода *-ы*)
- а* — повсеместно для слов мужск. и средн. рода, в женск. роде *-а* — псковско-гдовские, онежские, калининские, тульские, курские, орловские, рязанские, тамбовские, воронежские говоры
- е* — повсеместно, только у слов мужск. рода.

Б. КОММЕНТАРИИ К ФЛЕКСИЯМ ИМЕНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Формы имен. п. мн. ч. в современных русских народных говорах представляют сложный процесс взаимодействия флексии *-ы/-и*, издавна присущей имен. или вин. п. всех склонений, и флексии *-а/-я*, исконно свойственной только существительным средн. рода, но сейчас возможной уже и в мужск. роде (и в говорах, и в литературном языке), и даже в женск. (только в говорах).

В современных русских народных говорах, в отличие от литературного языка старая флексия *-ы/-и* встречается в следующих случаях:

- а) в мужск. роде в таких словах, в которых в литературном языке

¹ Активность подобных форм поддерживается аналогией со стороны имен существительных с суффиксами *-ва, -тва*, многие из которых более всего распространены именно в народных говорах. Ср. *детва* (дети, собирательное, ворон.), *кряква* (утка, пск.), *осва* (осы, пск.). Ср. также *дратва, бритва, крошва* (крошенная капуста, пск.), *пьява* (олады, калин.), и отглагольные существительные *жатва, клятва, молитва*.

² Флексии множественного числа существительных всех 3-х типов склонений, безусловно, возможно рассматривать совместно, так как унификация склонения существительных всех родов во мн. числе в современных народных говорах выражена значительно последовательнее и резче, чем в литературном языке.

она совершенно вышла из употребления или даже и никогда не употреблялась, ср. смол. *береги, волосы, глаза, луги, холоды, парусы, лёсы*; калин. *учители, погребы, поясы, глаза*; пск. *глазы, потрохи*; волог. *домы*; пудож. *домы*; ворон. *домы, голосы*; рост. *браты* и др. Особенно характерны формы имен. п. множ. ч. на *-ы/-и* для западных и юго-западных говоров, пограничных с белорусским языком. В рязанских, горьковских, ивановских говорах часто встречается *-ы* в имен. п. множ. числа существительных на *-ин, -анин*: *крестьяны, дворяны, горожаны*. В рязанских и нек. др. говорах эта же флексия закрепляется и у существительных на *-ат/-ят*, появляются формы типа *ребята, утяты, телята, котяты* в соответствии с литературными формами на *-а (ребята)*;

б) в словах средн. рода: смол. *болоты, коньты, вёдры, озёры, окны, сёлы*; калуж. *вёдры, яйцы, вороты*; пенз. *озёры*; горьк. *колесы, болоты, сёлы*; ворон. *окны*; сарат. *вёдры, сёлы*; ряз. *креслы*; новг. *письмы* и т. д.¹ При всем этом, правда, в диалектах оказываются возможными и формы *пёрышка, вёдрышка, доньышка, рёбрышка* (волог., пенз., арх., Киров. говоры), так же как и *плеча* в соответствии с современным литературным и исторически закономерным *плечи* (ст.-сл. имен. двойст. числа *плечи*).

С другой стороны, в русских народных говорах в настоящее время отмечена и флексия *-а/-я*, которая встречается в следующих случаях:

а) значительно шире, чем в литературном языке, распространена в мужск. роде (ударение на окончании)²: *рудника, хода, фунта, процента, мозга, моста* (перм.); *плуга, сада, сока, живота, волоса, окуня, стровка* (калин.); *пуця, ветра* (смол.); *стакана, коня, деда* (мещ.); *грома, плотника, мозга, мороза* (пенз.); *воза* (горьк.); *свата* (арх.); *ветра, клуба, кузова, воздуха* (волог.); *столяра, ножа, окуня, дверя, гребеня, свекора* (моск.); *ножика, государя* (брянск.); *выхода, колодезя, ветра* (курск.) и др. Следует отметить, что есть говоры, в которых распространение *-а* в словах мужск. рода приближается к литературной норме. Однако и в них во всех тех случаях, где литературная норма колеблется, отмечено безусловное *-а*. Это, разумеется, не исключает возможности некоторого колебания форм на *-а* и *-ы* в современных диалектах.

Как и в литературном языке, в диалектах есть слова, которые в имен. множ. ч. имеют 1) только формы на *-а*, 2) преимущественно формы на *-а*, 3) формы на *-а* и формы на *-ы*, 4) крайне редкие формы на *-а*;

б) проникает в женск. роде. Это свойственно ювр. и некоторым срвр., а также северо-западным говорам. Флексия *-а* в женск. роде прежде всего захватывает существительные III типа склонения (уда-

¹ В некоторых говорах, напр., в курских и воронежских, наблюдается определенное разграничение форм на *-а* и *-ы* у существительных средн. рода: при ударении на основе возникает *-ы*, при ударении на окончании *-а*: *сёлы, озёры, чёслы, зёрны, яйцы, но деда, стада*.

² В литературном языке эта флексия, зафиксированная с памятников XV в., сейчас охватывает уже более 700 лексем: *тракторá, профессорá, лагеря́, островá* и т. д.

рение на окончании): *волость, матеря, местность* (калин.); *площадь, лошадя, печа, дочеря, матеря, цепя* (ворон.); *степя, вещь, комната* (от *комнать*), *область, площадь* (курск.); *дочеря, матеря* (белг.); *шинеля* (горьк.); *площадь, степя* (калуж.); *лошадя, ноча* (пск.); *ноча, часть* (пенз.); *местность* (ставр.); *дверя, печа, область* (тамб.); *матеря, дочеря, лошадя, ведомость, деревня* (волог.); *должность* (моск.); но в очень небольшом количестве известна и в I: *деревня, роца* (меш.); *мельница* (пенз., ворон.); *деревня* (пск., курск., моск.); *деревня, сборка* (волог.); *ракита* (калин.); *туча, стружка, трава* (смол.) и т. д.¹

в) в словах мужского рода возможна при ударении на основе. Чаше всего безударное *-а* встречается в различных говорах у существительных на *-ин, -анин* в соответствии с литературной и исторической закономерной флексией *-е* (ср. ст.-сл. *господине*): *баяра, татаря, дворяна, горожана, миряна, славяна* и т. д. (вологодск., архангельск., Кировск., онежск., пензенск. говоры) — с твердым конечным согласным основы и *крестьяня, дворяня, горожана, крестьяня* и др.² (костромск., московск., калужск., жиздринск., орловск., курск. говоры) — с мягким конечным согласным основы. Кроме того, безударное *-а* в некоторых русских говорах, напр., архангельских, существует в формах, восходящих к форме имен. п. множ. числа бывших основ на *-*ъ* (ср. ст.-сл. *сынове*): *кумьва, сватьва, сыньва, татярова, царьва* — с твердым конечным согласным основы, и *татярова, паньва* — с мягким конечным согласным основы. Эти формы встречаются в архангельских говорах наряду с немногочисленными старыми образованиями типа *паньве, татярове, дярове*, формами с ударным *-а* — *зятыва, уланьва* — и формами с конечным мягким согласным корня *баярева, дарева*. Наконец, безударное *-а* наличествует в некоторых говорах у существительных на *-ат/-ят*, ср. волог. *медвежата, цыплята, телята, поросята*, разумеется, что под влиянием соответствующих форм литературного языка они могут встретиться в любом говоре;

г) в современных русских народных говорах значительно шире, чем в литературном языке, распространена флексия *-а* (ударная и безударная) с основами, осложненными суффиксом *-j-*: литер. *братья, зятья* — диалектн. *кустья, сватья*. В современных русских народных говорах такие формы возможны у существительных всех трех родов (ср. *колья, кучья, пенья*). Такие формы встречаются и на юге и западе (ср. ворон. *лошадья*, белгородск. *улья*, ростовск. *шубья, лопатья, кабанья*, брянск. *донья*). По происхождению все эти образования не являются собственными формами множественного числа, они восходят к формам имен. п. един. ч. собирательных имен существительных типа др. русск. *братия* (*братия* — существительное с основой на *-*ja-* имело только формы един. числа, однако сказуемое при нем ставилось, согласно смыслу, во множ. числе). Приведем еще примеры: ряз. *же-*

¹ Распространение этих форм, очевидно, задерживается возможным совпадением форм имен. един. и имен. множ. числа, ср. *петля*.

² В условиях аканских говоров такие образования можно рассматривать и как явления фонетического порядка (см. главу III, § 66).

*лудья, волося, кузовья, боровья, матерья, дядья, дружья*¹; волог. *волося, кузовья, стебелья, каменья*; пудож. *мужшинья, каменья, кучья, ручья, женищинья, ямья, косья, молья, щелья, уголья, дровья*; арх. *дубья, спонья, кнутья, медведья, вилья, жилья, грудья, горья*, киров. *дубья*; пенз. *дубья, матерья, дружья, поясья*; куйб. *голосья, амбарья*; белг. *улья*; яросл. *сынья, ручья, барья*; новг. *кустья*; пск. *дружья* и др.;

д) точно так же флексия *-а* (ударная и безударная) в современных русских народных говорах значительно чаще, чем в литературном языке, употребляется в образованиях на *-овья*, где *-ов-* и *-j* — формообразующие суффиксы основы (литер. *сыновья*). Это образование следует рассматривать как смешение старой флексии имен. п. множ. ч. основ на *-й* (*сынове*) и суффикса старых собирательных существительных *-ja*. Естественно, что в говорах подобные формы (теперь уже встречающиеся и у существительных, никогда не принадлежавших к основам на *-й* (ср. *братовья, мужевья*), и, наоборот, старые существительные основ на *-й* в говорах необязательно имеют имен. п. множ. числа подобного типа (ср. при *сыновья, сынья* и *сыны*). Примеры: арх. *братовья, воронья, даровья, дедовья*, киров. *затевья* и т. д. Область распространения этих форм — свр. говоры. Обычно они присущи словам мужск. рода, но возможны и у слов женск. рода (ср. арх. *кучевья*, от *куча*).

Разнообразие форм имен. п. множ. числа в диалектах, как и в литературном языке, иногда связано с семантической дифференциацией слов, ср. *сватовья* — родственники мужа или жены — и *сваты* (литер. *ордена* — *ордены*).

§ 84. Родительный падеж

А. ОБЩИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ФЛЕКСИЙ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

- ф* повсеместно у слов I и II типа склонений, но у слов мужск. рода II склонения встречается очень редко²; отсутствует у слов III типа склонения
- ов* повсеместно у слов I и II типа склонения, у слов I типа *-ов*; отсутствует в III типе склонения³
- ав* повсеместно в I склонении, у слов II типа склонения в онежских, лацких и белозерских говорах; в III типе склонения отсутствует
- ей* повсеместно в I и во II типе склонения у слов женск. рода I типа склонения *-ей* в западнорусских, костромских, владимиropоволжских говорах
- ох* восточные южнорусские и среднерусские говоры.

¹ Параллельно в рязанских говорах встречаются и формы типа *зубьи, карманьи, щетиньи*.

² Можно отметить только существующую во многих говорах (ряз., моск., волог., ворон. и др.) форму род. п. *дён* (старая форма основ на согласный) от *день* и формы *вуб, орех* (= *зубов, орехов*). Изредка встречаются литер. типа *пара сапог*.

³ Если редкие диалектные формы типа куйб. или влад. *болезнев* рассматривать как форму от *болезня*.

Б. КОММЕНТАРИИ К ФЛЕКСИЯМ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

В современных русских народных говорах, как и в литературном языке, в род. падеже представлены флексии *-ф*, *-ов/-ев*, *-ей*. Первая из них — исконная флексия старых основ на **-o/-jo*, **-a/-ja*, основ на **согласный*. Однако эта флексия не во всех случаях была удобна, ибо при наличии этой флексии в мужск. роде основ на **-o/-jo* возникала омонимия форм имен. един. и род. множ. числа (ср. др.-русск. *столѣ* и нет *столѣ* = столов, совр. литер. *сапог* — нет *сапог*). Поэтому уже первые памятники русской письменности фиксируют перенос в склонение основ на **-o/-jo* флексий основ на **-й* (*-овѣ*) и **-и* (*-иѣ* > *-ей*). Так в основном склонении слов мужск. рода оказались три разновидности флексий, и современная литературная норма, имевшая большое количество колеблющихся форм (ср. *килограмм* — *килограммов*, *помидор* — *помидоров* и т. п.), диктует определенные правила употребления *нулевого окончания* и окончания *-ей*, предусматривая наибольшую продуктивность *-ов/-ев*.

Во-первых, в говорах в мужск. роде окончание *-ов/-ев* может быть распространено значительно шире, чем в литературном языке, как в соответствии с литературным (и древним) *нулевым окончанием* (*-ф*) — *сапогов* онеж., *солдатов* волог., пск., *цыплёнков* яросл., *глазов* куйб., *аришинов* калуж., *помидоров* рост., так и в соответствии с литературным *-ей* — *желудев*, *дождев* яросл., *богачев*, *товарищев* пенз., *сторожов* арх., *конев* пск. В этом случае *-ов/-ев* превращается в диалекте как бы в универсальное окончание существительных мужск. рода твердого варианта склонения, а отчасти и мягкого.

Во-вторых, *-ов/-ев* может распространяться в говорах и на существительные других родов:

а) средн. род — *письмов* ряз., *озеров* влад., пск., елец., ворон.; *полев* новг., *средствов*, *растеньев* яросл.; *окнов* волог.; повсеместные *местов*, *делов*;

б) женск. род — *лавков*, *свадьбов*, *картонков* ряз., *вербов* онеж.; *чашков*, *тарелков*, *женщинов*, *машинов* ворон., *лапков*, *старушков* волог.; *козов* куйб.; *свадьбов*, *кучов*, *тапков* моск.; *ошибков* тамб.; *ложков*, *бомбов* новг., *свадьбов*, *грушев*, *песнев* пск.

Флексию *-ов/-ев* в женском роде обычно считают признаком юго-восточных диалектов, но она есть и на севере. Р. И. Аванесов в мещерских говорах обнаружил любопытную закономерность в распределении флексий в род. падеже женск. рода: *-ов/-ев* наличествует при ударении на основе, *-ей* — при ударении на окончании; нулевая флексия непродуктивна, хотя в литературном языке в женск. роде эта флексия самая употребительная.

В случае распространения флексии *-ов/-ев* в средн. и женск. роде она превращается в своего рода универсальное окончание род. п. множ. числа. Следует отметить, что формы на *-ов/-ев* имеют явные преимущества по сравнению с флексией *-ей*: *-ей* ограничена фонетически (возможна только после мягких основ), *-ов/-ев* — нет, *-ей* может быть окончанием других падежей (ср. твор. *песней*), *-ов/-ев* не знает омонимов.

Таким образом, окончание *-ов* свойственно огромному числу существительных мужского рода, однако все же есть говоры, характеризующиеся расширением сферы употребления флексии *-ей* или расширением употребления как *-ов*, так и *-ей*. В этих говорах находим формы типа *зайцей*, хотя в литер. яз. после *ц* употребляется только *-ов/-ев*. Напр., в пудожских говорах при широком распространении *-ов -ей* наличествует после *ц*. Ср. также арх. *молодцей, отцей, палцей, песцей, огурицей*; перм. *зайцей, отцей, месяцев, волосей, зятевей*; новг. *месяцей, внуковой, отцей, огурицей, купцей, концей*; волог. *братовой, мужевей, пальцей*; пск. *дохторей, сыней, друзей, цыганей*; яросл. *братей*; ряз. *комарей* и т. д. — мужск. род; ворон. *вербей*; горьк. *передачей*; яросл. *потерей*; ряз. *картей*; тамб. *курей*; пск. *грушей, трубей, паиной* и др. — женск. род (I склонение)¹. В мужск. роде флексия *-ей* часто встречается в западнорусских диалектах, вологодских, онежских, белозерских, владими́ро-поволжских, реже в восточных среднерусских говорах.

Флексию *-ав*, встречающуюся в южнорусских говорах, можно рассматривать как безударный вариант *-ов*, флексию *-ав* в севернорусских говорах можно считать результатом взаимодействия род. п. с формами Д — Т — П на *-ам, -ами, -ах*. Возможно присоединение этой флексии к основе существительных всех трех родов: *татарав, баранкав, письмав, окнав, избав*.

Флексия *-ов(-оф)* в результате перемены артикуляции согласного *ф* может дать *-ох* (по С. П. Обнорскому), но некоторые ученые объясняют это *-ох* морфологическим совпадением род. п. со старым местным под влиянием двойственного числа, где эти падежи имели одну форму (др.-русс. Р. М. двойств. ч. *столу, коню*).

Флексия бывает как ударной (ряз. *годбх*), так и безударной (пенз. *бабушкох*), чаще она встречается у существительных с основой на твердый согласный, но возможна и после мягких согласных (ср. влад. *родох, комарох, но барышнѣх*). Эту флексию приобретают существительные всех трех родов: мужск. род — *концох, пустокох, женикох* ряз.; *быкох, сынох, домох* рост.; женск. род — *бабѣх* ворон.; *сестрох, свадьбох* рост.; средн. род — *делоx, ряз.*; *местоx, делоx* рост. и т. д.

§ 85. Дательный, творительный и предложный падежи множественного числа

В современном русском литературном языке формы Д — Т — П падежей одинаковы для существительных всех типов склонения, при этом флексии всех падежей объединены одним общим элементом *-а*: *-ам, -ами, -ах*. Это является характерной особенностью современных восточнославянских языков, приобретенной ими в процессе длительного языкового развития (ср. отсутствие *-ам, -ами, -ах*, как единственно

¹ Во всех этих случаях следует учитывать возможность взаимодействия существительных I и III типа склонений.

возможных флексий для абсолютного большинства существительных и в старославянском языке).

Общепризнано, что *-ам*, *-ами*, *-ах* восходят к флексиям старых основ на **-al-ja*, к склонению существительных преимущественно женск. рода, однако современный литературный язык употребляет их очень последовательно: только у некоторых существительных литературного III склонения возможно старое окончание основ на **-i* (ср. *людьми*, *лошадьми*, *дверьми*, *лечь костями*).

В современных русских народных говорах при общей и абсолютной продуктивности *-ам*, *-ами*, *-ах* возможны, однако, и другие окончания. Это связано, во-первых, с наблюдаемым в говорах интересным взаимодействием, слиянием форм дат. и твор. падежей, в связи с чем формы дат. п. могут служить показателями твор. п. и, наоборот, формы твор. п. указывать на дат. п., что, конечно, увеличивает число и разнообразие флексий обоих падежей. Во-вторых, это связано с варьированием в говорах общего элемента всех литературных форм *a*, особенно многообразно такое варьирование в диалектном твор. п. В связи с этим в общем перечне флексий будем исходить лишь из основных показателей, напр., *-ама*, условно считая все остальные, напр., *-има*, вариантами. В-третьих, это связано с возможностью употребления в диалектах особых флексий.

А. ОБЩИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ФЛЕКСИЙ ДАТЕЛЬНОГО, ТВОРИТЕЛЬНОГО, ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖЕЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

- Д. *-ам* — повсеместно
-ом — южнорусские (в том числе орловские, курские и смешанные говоры, прилегающие к белорусской территории (в том числе смоленские); для существительных I склонения не характерна
- Т. *-ами* — повсеместно
-ми — юго-восточные говоры, среднерусские говоры; для существительных II склонения не характерна
-амы — северные и северо-западные говоры, прежде всего говоры вокруг Онежского озера: на севере — до р. Кемь, на западе — до Ладожского озера, на востоке совпадает с границей КАССР, на юге захватывает некоторые районы Вологодской, Ленинградской и Новгородской обл.
-ама — Архангельская обл., КАССР, некоторые говоры Пермской и Кировской обл.
- П. *-ах* — повсеместно
-ав — калининские, белозерские, восточные среднерусские говоры
-ох — южнорусские (в том числе орловские, курские) и смешанные говоры, прилегающие к белорусской территории; для существительных I склонения не характерна:

Б. КОММЕНТАРИИ К ФЛЕКСИЯМ ДАТЕЛЬНОГО, ТВОРИТЕЛЬНОГО,
ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖЕЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

а) Флексии творительного падежа.

Комментируя многообразие в выражении форм твор. падежа множ. ч. в говорах в целом, нужно учитывать прежде всего то обстоятельство, что в любом отдельно взятом говоре используются далеко не все перечисленные флексии: как правило, намечается тяготение к одной или некоторым из них. При этом особый интерес представляют севернорусские говоры, отличающиеся многочисленностью образований форм твор. множ. и своеобразием их сочетаний. В говорах южного наречия в большинстве случаев *-ами* — основной показатель твор. множ., а иногда и единственный показатель этой формы¹. Кроме того, очень важно учитывать определенное распределение в говорах форм на *-ми*, *-мы*, *-ма*, *-м* между различными частями речи: существительными, прилагательными, числительными и местоимениями.

Формы на *-ми* не закреплены за какой-то определенной частью речи (ср. *моими, двумя, новыми, палками* и др.). В современных народных говорах они активны не только в южнорусских говорах, но и средне-русских и северных. Можно сказать, что образования на *-ми* постепенно вытесняют образования на *-мы*, *-ма*, *-м*. Следует отметить, что в говорах, особенно юго-восточных и среднерусских, возможно несколько иное, чем в литературном языке, соотношение флексий *-ами* — *-ми* (*руками, свечми, ягодами, золотми, плечми, ушми*): при общей и абсолютной продуктивности *-ами*, откуда, напр., вологодск., воронежск. *детьми*, наличествует, напр., пензенск. *ночьми*, калужск. *слезми* и т. д.

Формы на *-мы* (*дубамы, грибамы, каменямы, сродникамы, деламы, годамы, конямы, людьмы* и др.) в основном центре своего распространения характерны только для твор. п. имен существительных, но, напр., в Брянской, Курской обл. такие формы зафиксированы во всех группах склоняемых частей речи, что свидетельствует о достаточной активности и устойчивости данных образований. Характерно также, что формы на *-мы* встречаются не только у слов, исконных для говоров, но и вошедших в народную речь лишь в советскую эпоху (ср. *колхозамы, колхозникамы, фашистамы, косилкамы, наукамы, студентамы, машинамы, буксирамы* и т. д.). Формы на *-мы*, очевидно, возникли под влиянием старых форм твор. множ. основ на **-о* (ст.-сл. *съ глаголы*, др.-русск. *съ внуки, съ товарищи*, а отсюда и *съ грамоты, съ сыны* и др.). Следует учитывать, кроме того, возможную контаминацию² *-ми* и старой флексии Д — Т двойственного числа *-ма* (ст.-сл. *рабома*).

Формы на *-ма* (*ягодама, годама, молодухама, женама* и др.) часто встречаются в тех же говорах, что и образования на *-мы*. В этом случае *-ма* обычно является показателем имен прилагательных, однако в со-

¹ См.: Дедюхина Л. Н. Формы творительного падежа множественного числа в современных русских говорах. Канд. дисс. М., 1969.

² Контаминация-скрещение. Взаимодействие языковых единиц, приводящее к их семантическому или формальному изменению или к образованию новой (третьей) языковой единицы. См.: А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов, с. 206.

временных народных говорах, даже онежских, флексия *-ма* проникла и в имена существительные: *десяткама, моторкама, ношама, за брюкама, пудама, темпама*¹. — *Ма* возводят к флексии *Д — Т* падежей двойственного числа, которая в связи с разрушением двойственного числа стала, очевидно, характеризовать категорию имен числительных в целом. Под влиянием последних, а также имен существительных со значением парности *-ма* появилась и в существительных (сначала *ногама, рукама*, затем *берегама*, наконец *с яблокама*)².

В говорах *-ма* у существительных присоединяется к разным основам, наряду с *плотама* встречается *сарафаныма, глупостима, палкыма, окнама, зубома, молодцема, дверма*, другими словами, наряду с *-ама* наличествуют его разновидности *-ыма, -има, -ома, -ема, -ма*. В образовании этих вариантов важную роль играет влияние одних падежных форм на другие, напр., имен. множ. на твор. множ., отсюда *чашкима* (*чашки + ма*), *колхозыма* (*колхозы + ма*). Кроме того, нельзя не учитывать точки зрения А. А. Шахматова, который подобные варианты флексий *-ама* объяснял соотношением с основами древнерусского склонения, не свойственными современному литературному языку. Так, *окно* — слово со старой основой на **-о*, отсюда *окнома, дверь* — старая основа на **-i*, отсюда *дверма* (др.-русс. *Д — Т* двойств. ч. основ на **j* *костьма*) и т. д. Влиянием старых основ на **i* объясняются также и современные диалектные *ягодми, свечьми, людьми*, описанные выше.

б) Взаимодействие форм дательного и творительного падежей.

Совпадение форм *Д — Т* падежей типа *сеют рукам, людьми выходной, а ей нет, они поехали к татарам* отмечается многими исследователями. Оно касается не только имен существительных, но и всех склоняемых слов вообще и приводит к появлению форм дат. п. на *-ми* (по *делами, к людьми, по местами, по яблокыма, к старичкама*) и твор. п. на *-м* (с *тряпкам, с коням, с сапогам, за коням, с граблям, с гвоздям, со слезам, за грибам, с крыльям, с именам, с плугам*).

Твор. п. на *-м* в говорах широко распространен. Он охватывает основные районы севернорусских и среднерусских говоров, sporadически встречается и в южнорусских. При этом основные районы распространения твор. на *-м* — Вологодская, Ивановская, Костромская, Ярославская, Ленинградская, Калининская, Псковская и Новгородская обл. На юге эта форма в какой-то мере свойственна лишь западным и юго-западным говорам (Брянская и Смоленская обл.)³.

Основной причиной возникновения твор. на *-м* принято считать неразличение форм дат. и твор. падежей в двойственном числе. Этой точки зрения придерживался С. П. Обнорский. Интересно, что сербский язык, объединивший эти две формы, в окончании сохранил следы древ-

¹ Об этом свидетельствуют материалы «Диалектологического атласа русских говоров», см.: Д е д ю х и н а Л. Н., указ. соч.

² В настоящее время под влиянием числительных у имен существительных появляется и флексия *-мя*, результат взаимного влияния образований на *-ма*, с одной стороны, и образований на *-ми* — с другой. Ср., напр., смол. *селамя, быкамя, печамя*.

³ Интересно отметить, что твор. на *-м* свойствен говорам Урала и Сибири.

ней формы двойственного числа (*женама*), а русские говоры, в которых это совпадение не очень устойчиво и удерживается лишь в лексически ограниченной группе слов, обязательно знают, напр., *с рукам, с ногам, но с тракторами, с колхозниками*. Однако некоторые другие ученые источник твор. на -м видят в редукции до нуля конечного безударного *и* (П. С. Кузнецов, А. И. Соболевский). При этом утрата конечного *и* могла быть вызвана тенденцией к выравниванию в количественном отношении всех окончаний в парадигме множ. ч. (*са-ды* — 2 слога, *са-дов* — 2 слога, но *са-да-ми* — 3).

Дат. п. на -ми, возможно, закрепился позднее твор. п. новой формы. Л. Н. Дедухина видит в нем результат параллельного существования в говорах диалектных и литературных форм твор. множ. По ее мнению¹, не случайно образования на -ми в дат. п. в материалах к «Диалектологическому атласу», как правило, приводятся с пометой «желал быть (казаться) образованными»².

в) Дат и предл. пад. на -ом, -ох.

В дат. падеже с флексией -ом (*по грехом, к глазом, по делом, по лоша-дѣм, к гостѣм, по сенѣм*) и предл. с -ох (*на санѣх, в дверѣх, в лап-тѣх, в лодѣх, на лошадѣх, в сенѣх, в радостѣх, в кофтѣх*) П. С. Кузнецов видел сохранение старых флексий дат. и местного падежей (напр., -ьмъ, -ьхъ)³. С. П. Обнорский, напротив, относит эти образования к явлениям фонетического порядка. В связи с этим следует отметить, что формы -ом, -ох имеются обычно только в говорах с диссимилятивным аканьем.

г) Предл. пад. на -ав.

Примеры: *в горшкѣв, в стаканѣв* (ряз.), *в сарафанѣв* (влад.), *в избѣв, на рукавѣв, на воздухѣв, в избѣшкѣв, в корчѣгѣв* (яросл.) и т. п. См. комментарии к формулам род. п. множ. ч.

4. ФОРМЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ

§ 86. Формы, употребляемые в диалектах при обращении

В древнерусском языке, как и в старославянском, при обращении употреблялись особые формы — звательные, утраченные русским литератур. языком в XIV—XV вв., но сохранившиеся в украинском и (частично) белорусском языках. Современные народные говоры, по мнению всех исследователей, старой звательной формы (ср. др.-русск. *жено, господине, сыну* и т. д.) не сохранили.

¹ См.: Дедухина Л. Н., указ. соч. автореферат, с. 14.

² Р. И. Аванесов писал: «В результате влияния литературного языка на диалекты, раньше чем диалектная особенность окончательно утратится, нередко появляются новые формы, отсутствующие в литературном языке и не известные ранее также и диалектам» (Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 197).

³ Следует заметить, что П. С. Кузнецов отмечал подобные формы только у существительных III типа склонения. Действительно, формы на -ом, -ох на русской территории — явление довольно редкое (С. П. Обнорский отмечает фольклорное *в зеленых садах, смол.* в ржев. *бернох, панох* он считает результатом белорусского влияния), тогда как -ѣм, -ѣх довольно обычны во многих южных говорах.

Однако в говорах встречаются образования типа *жено*. При этом в одних говорах, напр. калужских, формы на *-о* единичны¹, наличествуют они обычно не в разговорной живой речи, а, напр., в старых народных песнях. В этом случае они, несомненно, являются остатками старых форм. В других же говорах, напр. вологодских, этих форм очень много, произносятся они обычно с долгим конечным гласным, встречаются у слов I типа склонения, употребляются обычно при повторном обращении (ср. пск. *дедкоо*; волог. *бабушкоо*; мурм. *девчонкоо*, *Никоо* и др.). В данном случае будет неправильным видеть в них только остатки старых форм, тем более что в этих же самых говорах обычно наряду с приведенными формами при обращении употребляются формы:

- а) с конечным *-ой* (волог. *Леной*, *Шурой*, горьк. *Санькой*).
- б) с конечным *-яй* (волог. *Митяй*, *Ваняй*),
- в) с конечным *-'эй* или *-ей* (горьк. *Мишей*, *Машей*, волог. *Нюркей*),
- г) с конечным *-оу* (волог. *Галиноу*)²,
- д) с конечным *-у* (волог. *Галю*).

Удовлетворительного объяснения все эти формы пока не находят. Иногда *оу* связывают с преобразованием долгого *о*, но некоторые исследователи, признавая, что чаще всего в современных народных говорах функционирует при обращении особо интонированный имен. п., видят в них развитие новых форм обращения³. По их мнению, в живой ненормированной среде русских народных говоров тенденции языкового выражения звательности не только не утратились, но даже закрепились. При этом в некоторых говорах слова обращения и воззвания приобретают усиленное звучание основы при помощи различных дифтонгов (*ай*, *эй*, *ой*, *оу*) или путем интонационного продления конечного лабиализованного гласного *о* или *у*, в других — новые звательные формы представляют собою, как некогда и старые звательные формы, чистую основу слова: *Оль*, *Кать*, *мам*, *Петь*, *папаш*, *старух* и т. п. Эти последние известны и северу (ср. кировск. *бабуш*, *сестриц*, *мам*, *Галин*) и югу (ср. ростовск. *мам*), кроме того, они общи для говоров и городско-просторечия.

5. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Обзор формальных категорий имени существительного (категорий рода, числа и падежа) свидетельствует как о большей общности диалектной и литературной языковых систем в их современном состоянии, так и о том, что диалектная система имеет свои специфические черты, хотя в настоящее время, по сравнению с архивным материалом XIX — начала XX в., наблюдается приближение всей диалектной системы именных форм к литературной. В настоящее время влияние литературного языка на диалекты в области морфологии вообще весьма зна-

¹ По свидетельству Н. П. Гринковой (см. библиографию).

² См. также иркутск. *Танеу*, *мамоу*.

³ См. работу Чумаковой О. М. «К вопросу о категориях звательности существительных» («Уч. зап. Каршинского пединститута», 1964, вып. 14).

чительно, но разные говоры представляют различные ступени этого процесса.

Разумеется, в современных русских народных говорах существует немало флексий, известных и литературному языку (-а в им. п. един. ч., -ы в род. п. един. ч., -е в дат. п. един. ч. у существительных I типа склонения; -а, -у в род. един. ч., -е, -у в предл. един. у существительных II склонения, -и в род., дат. и предл. падежах един. ч. у существительных III склонения, -ов, -ам, -ами, -ах соответственно в род., дат., твор. и предл. падежах множ. ч. и т. д.), однако ряд диалектных флексий не находит соответствия в литературном языке (-е в род. п. существительных I склонения — *от сестре*, -е в дат. п. един. ч. существительных III склонения — *к лошаде*, -ом в дат. п. мн. ч. существительных III склонения — *лошадём* и др.). Важно подчеркнуть, что пояснения при этом требуют не только флексии второго вида, но очень часто и первого, ибо их место в системе диалектного и литературного склонений не всегда одинаково (ср. разное соотношение в диалектном и литературном склонении флексий им. п. множ. ч. -ы и -а, флексий род. п. множ. ч. *ф*, -ов и -ей и т. п.).

Современная диалектная система содержит флексии, одновременные по своему происхождению и употреблению в литературном языке. Одни диалектные флексии, несомненно, являются праславянскими. К ним относятся -а в род. п. един. ч. слов II склонения, -и в род. п. един. ч. слов III склонения, -у (из -ѣ) в вин. п. слов I склонения, -е (из -ѣ < *oi) в предл. п. един. ч. существительных I и II типа склонений, -а в имен. множ. слов среднего рода II склонения и т. д. Другие же можно рассматривать уже только как общевосточнославянские по происхождению (напр., флексии -ам, -ами, -ах в дат., твор. и предл. падежах множ. ч.), третьи диалектные флексии — типичная черта собственно русских говоров (ср. -а в имен. п. множ. ч. у слов мужск. и женск. родов I, II и III типов склонения). При этом, с одной стороны, диалекты могут иметь флексии — разные по происхождению, — давно утраченные литературным языком (напр., -ом и -ох в дат. и предл. п. существительных II и III типов склонений — *к людём*, *у дверёх*). Диалектное склонение прочнее, чем литературный язык, сохраняет связь с древнерусским склонением (в разных диалектах — разную). Следует только отметить, что среди сохранившихся архаических элементов есть такие, которые свойственны большому количеству слов (напр., флексия -е в род. п. слов I склонения), однако другие являются приметой лишь отдельных групп слов (ср. старые формы у существительных на -ам/-ят, -ф в род. п. множ. ч. и т. п.). С другой стороны, нельзя не отметить, что очень часто унификационные процессы в области склонения в говорах более сильны и последовательны (пример тому диалектный род. п. множ. ч., где -ов — значительно более универсальное окончание, чем в литературном языке; сокращение числа разносклоняемых существительных под влиянием сильных типов склонения, какими в говорах являются, несомненно, I и II склонения; ср. также более последовательное в говорах взаимодействие I и III типов склонений и т. д.).

Таким образом, специфика диалектной системы флексий основана как на лучшем сохранении элементов архаического строя языка и большей тенденции к дальнейшему развитию и упрощению, так и на особом соотношении собственно диалектных и литературных флексий.

РАЗДЕЛ II

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 87. Общие замечания

Современные русские диалекты характеризуются богатой и разветвленной системой флексий имени прилагательного. При этом значительная часть диалектных флексий совпадает с соответствующими флексиями литературного языка (ср. флексии прилагательных жен. рода *-ая, -ой*, флексии прилагательных муж. и сред. рода *-ый, -ой, -ого, -ому*, флексии множ. числа *-ые, -ых, -ыми* и др.), другая часть представляет собою явления узкодиалектного характера (ср. возможные в муж. и средн. роде *-эй, -эго, -эму*, во множ. ч. *-ых, -ым, -эх* и т. п.). Объяснения, однако, требуют оба типа флексий, так как, например, соотношение между флексиями *-ой* и *-ый* в имен. п. един. ч. муж. рода в говорах и литературном языке не совпадает.

Ряд диалектных форм представляет более старые этапы создания флексий местоименного склонения (процесса общевосточнославянского, а иногда и общеславянского), ср., напр., *-ыми* в твор. п. множ. числа, старое *добры+ими, -ые* в род. п. един. ч. жен. рода, старое *добры+eVъ* и т. д., другие же являются результатом более частных изменений, ср., напр., флексию вин. п. ед. ч. жен. рода *-уйа*, старое *добрѣ+ѣ*.

Обычно диалектное местоименное склонение характеризуется, во-первых, наличием нескольких вариантных форм одного и того же падежа (напр., могут сосуществовать имен. падежи един. ч. муж. рода *-ый, -ой, -эй*, предл. падежи *-ым, -ом, -эм*).

Во-вторых, известным синкретизмом форм, который в разных диалектах бывает различным. В литературном языке в муж. роде в един. числе совпадают формы имен. и вин. падежей (у неодушевл. существительных) или вин. и род. падежей (у одушевленных существительных), в средн. роде совпадают формы имен. и вин. падежей.

Мужск. род неодушевл.
и средн. род.

И. + В.	Р.	Д.	Т.	П.
---------	----	----	----	----

Мужской род одушевл.

И.	Р. + В.	Д.	Т.	П.
----	---------	----	----	----

¹ Схема соответствует парадигме *красный, красного, красному, красный, красным, красном.*

² Схема соответствует парадигме *красный, красного, красному, красного, красным, красном.*

Для говоров — это максимальное различие падежей. Кроме этого, может быть еще совпадение форм твор. и предл. падежей, напр., мужск. род неодуш., средн. род

И. + В.	Р.	Д.	Т. + П.
---------	----	----	---------

В женском роде в единственном числе литературный язык имеет синкретическую форму род., дат., твор., предл. падежей. Для говоров — это минимальное различие падежей. Часто в говорах различаются 4 падежные формы

И.	В.	Т.	Р. + Д. + П.	или	И.	В.	Р.	Д. + Т. + П.
----	----	----	--------------	-----	----	----	----	--------------

часть говоров (к юго-западу от линии Псков — Старая Русса — Рыбинск — Калинин — Владимир — Касимов — Саранск) характеризуется, как и литературный язык, тремя падежными формами, но в них объединяется твор. + вин. и род. + дат. + предл.

В-третьих, диалектное местоименное склонение характеризуется во многих говорах наличием стяженных форм. Они могут быть в ед. числе в имен.-вин. падежах женск. и средн. рода, во множ. числе — в имен. падеже (*картошка крупна, убогаа избушка, чисто небо, одеяло тканое, хорошеньку девочку, ватнуу подушку, носки суконны* и т. д.). Стяженные формы прилагательных отличаются от кратких форм ударением: ср. *водá холодна, зимá крепка, крупно зерно, рубáшки широки* — ударение такое же, как и в полной форме, и *холоднá, крепкá* и т. д. Стяженные формы встречаются в говорах, которым вообще свойственна утрата интервокального *j*, уподобление и стяжение гласных¹.

В-четвертых, диалектное местоименное склонение характеризуется специфическим взаимодействием твердого и мягкого вариантов. Прежде всего, может быть не одинаковая с литературным языком исходная форма, ср. диалектные прилагательные мягкого варианта склонения — литературные твердого — *скотный, холодный, голодный, ватня, пустячня*, возможные диалектные прилагательные твердого варианта — литературные мягкого — *нижний, теперешный, зимная, посторонной*. В результате этого взаимодействия, что очень важно, становятся возможными такие формы, как *лётней урожай, сйней платок, к лётнему дню*, подобно местоименным формам *моёй, твоёй, моих, моем*, с одной стороны, *тых, тым* — с другой.

Другие грамматические категории имен прилагательных в русских народных говорах замечаний не вызывают, но, поскольку дальше речь пойдет только о формах полных прилагательных, следует

¹ Стяженные формы характерны, в частности, почти для всех сибирских говоров. Там наблюдаются следующие явления: нестяженные формы, проникая в говор, употребляются в предикативной функции (ср. *она большая была*), стяженные — в атрибутивной (ср. *друеу землю, первая мода была такая*).

отметить, что, во-первых, в говорах притяжательные прилагательные ведут себя по-разному. В литературном языке в их склонении объединяются формы именные и местоименные (ср. *отцов, отцову* и *отцовым, лисий, лисья* и *лисьего*). В диалектах, с одной стороны, притяжательные прилагательные (об их употреблении, так же как и об употреблении кратких прилагательных вообще, см. главу V) чаще имеют окончания полных прилагательных, напр., волог. *тётниновой сестры, колиновому другу*, брянск. *батьковского ружья*, ср. также просторечные *отцового стола, отцовому столу*; с другой стороны — могут иметь именные формы в тех случаях, когда это совершенно невозможно в литературном языке, напр. волог. *рыбья жиру, с мужовы стороны* и др. Сохранение подобных форм свидетельствует о том, что процесс утраты краткими прилагательными форм склонения, начавшийся еще в древнерусском языке XII—XIII вв., в говорах не завершился окончательно, по-видимому, и до настоящего времени.

Во-вторых, краткие формы прилагательных муж. рода имен. п. множ. ч. в некоторых говорах сохраняют старое окончание основ на *-*o/-jo*, ср. ряз. *виновати, сыти, ради, кари глаза*, рост. *пьяни, богати, сыти* и др. (ст.-сл. имен. мн. *раби*). Много форм на -*и* в орловск. и калужск. говорах.

1. СИСТЕМА ФЛЕКСИЙ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ. ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 88. Флексии мужского и среднего рода полных имен прилагательных типа *толстый, толстое, синий, синее*¹

А. ОБЩИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ФЛЕКСИЙ

И.	-ый	— повсеместно
	-ой	— повсеместно
	-эй	— онежские, западные, граничащие с белорусским языком
Р.	-ого	— повсеместно
	-эго	— онежские, западные, граничащие с белорусским языком
Д.	-ому	— повсеместно
	-эму	— онежские, западные, граничащие с белорусским языком
В.	-ый, -ого	— повсеместно
	-ой, -ого	— повсеместно
	-эй, -эго	— онежские, западные, граничащие с белорусским языком, горьковские.
Т.	-ым	— повсеместно

¹ Формы прилагательных средн. рода типа *толстое, худое, синее* отличаются от форм муж. рода лишь окончаниями имен.-вин. падежей, которые в говорах представляют собой различные фонетические разновидности исконного и литературного *-ейе* (*-ейе*).

-ом	— ярославские
-эм	— горьковские
-ыим	— новгородские, владими́ро-поволжские, калининские, кострoмские, ивановские
П. -ом	— повсеместно
-эм	— горьковские
-ыим	— северо-западные, пензенские, западные говоры, граничащие с белорусским языком

В. КОММЕНТАРИИ К ФЛЕКСИЯМ МУЖСКОГО И СРЕДНЕГО РОДА

а) Именительный падеж

В имен. падеже литературному языку свойственно следующее соотношение форм: в твердом варианте в безударном положении *-ый* (по происхождению образование старославянское, *ы* из *ѣ*), под ударением *-ой* (по происхождению образование чисто русское, *о* из *ѣ*), в мягком варианте *-ий*. В говорах, с одной стороны, *-ой* может быть не ограничено ни местом ударения, ни качеством последнего согласного основы, ср. волог.: *дёрзой мужик, старой дуб, хорбишой хмель, мёртвой человек, летней урожай, синей платок, колючей ёри*; может иметь соответствующую флексию мягкого варианта *-ей*, ср. брянск.: *синей* (произносится как *-ай*), ряз.: *летней* (*-ай*). В этих говорах *-ий* обычно встречается редко, очевидно, его можно объяснить влиянием литературного языка. С другой стороны, употребление *-ый* может быть также не связано с безударным положением, западное брянское: *боевой, сухой, косой, другой*.

Флексию *-эй* (волог.: *добрэй, старэй, большэй, худэй*) обычно объясняют влиянием местоименных форм типа *тэй* (-тот); *-ей* (волог. *зимней, господней*) в данном случае является вариантом *-эй*. По той же причине находим *-эи* в имен. п. множ. числа (*худэи, эли, большэи*) и окончания косвенных падежей с гласным *э* (*худэго, худэм* и т. д.). Предположить влияние местоименных форм вполне естественно, ибо исторически склонение членных прилагательных во всех славянских языках испытало очень серьезное влияние со стороны склонения личных местоимений. (Ср. историю окончания род. п. *-ого* во всех восточнославянских языках: *добра + Юго > добраго > добрааго > доброаго* и под влиянием *того, доброго* то же в род. ед. жен. рода, дат. ед. муж. и средн. рода и т. д.)

б) Родительный падеж

Окончание род. п. *-ого*, возможное и в мягком варианте, по говорам имеет разнообразные формы. Это разнообразие связано с различием согласного и гласных звуков в фонетически слабой позиции.

На севере есть говоры; где это окончание имеет *г взрывное* (архангельские, некоторые карельские, ср. пудоожское: *сырого, варёного, летнёго, лешёго* и т. д.). Однако на территории Карелии (преимущественно в районе Онежского озера и к западу от него) встречаются формы с *г фрикативным* (*γ*) — *крестноуо*. В архангельских говорах, в говорах Поволжья широко распространены флексии род. п. без согласного

звука *-oo*: *доброо, молодоо, сухоо, красноо*, хотя самостоятельной флексией *-oo* признать нельзя, ибо оно встречается наряду с *-ого*. Наконец, рассматриваемая флексия в основной массе севернорусских говоров имеет согласный *в* — *красново*. При этом в очень многих северных говорах наличествует не *-ово*, а *-ова* (новг. *хорошова, худова, синёва, краснова, глухова* и т. д.).

На юге это окончание (произношение гласных не принимается во внимание) представлено лишь в двух вариантах: в большинстве южных говоров встречается *-оуо* (*малогоу, одногоу, живогоу, доброуо*), в части южных диалектов — *-ово* (ср. орловское: *молодово, сырово, старово* и т. д.).

Такое разнообразие форм давно привлекало внимание исследователей. Оно имеет несколько объяснений, наиболее распространенным и принятым из них считается фонетическое объяснение М. А. Колосова, И. А. Бодуэна де Куртене, А. И. Соболевского, к которым присоединились в свое время А. Мейе, Н. Ван-Вейк и многие другие. По этому объяснению *-ово* возникло из *-ого* в результате фонетического ослабления согласного в окончании. Первоначально ослабление согласного привело к превращению *-ого* в *-ору*, следующий этап фонетического преобразования — исчезновение *у*, возникновение окончания *-oo*, наконец, последняя ступень — появление протетического звука *я*, что обусловлено лабиальностью двух оставшихся звуков, *oo* превратилось в *ово*. Таким образом, различные современные севернорусские говоры отражают различные этапы изменения *-ого* в *-ово* (*ого — оуо — oo — ово*). Причем из этого следует, что *-ору* на юге нельзя рассматривать в одном плане с северным *-ору*, ибо на юге нет *-oo* и *-ого*. На юге не имело и не могло иметь места выпадение *у* (см. гл. III)¹. Появление *-ово* в южнорусских говорах многие исследователи склонны считать явлением аналогического порядка, возникшим в результате влияния севернорусских говоров, старого делового языка Московской Руси, современного литературного языка. По крайней мере на юге процесс изменения окончания род. п. не закончен, тогда как во многих северных говорах (вологодско-кировских, владими́ро-поволжских) он завершен.

Окончание *-ова* в северных говорах имеет много объяснений. А. А. Шахматов объяснял его появление редукцией конечного звука, что маловероятно в условиях северных окающих говоров, А. М. Селищев — влиянием существительных (*стола*), однако можно отметить, что это не привело к возникновению окончания *-ога, -ора*; Ф. Ф. Фортунатов видел в этом влияние акающих говоров; П. Я. Черных — влияние притяжательных прилагательных типа *отцов (отцова)*. Любопытно толкование этого окончания в работах А. И. Толкачева², который видит в *-ова* расширение узкого *o* (*-ово > -ова*) в результате дисси-

¹ Распространение *у* на юге не ограничено формами род. п. В этом и заключается основное отличие *у* южного и *у* северного, отмечаемое многими исследователями. См., напр.: Плотникова З. К вопросу об окончании родительного падежа единственного числа местоимений и сложных прилагательных. — Изв. ОРЯС АН СССР, 1922, т. 24, кн. 1.

² Толкачев А. И. Об изменении *-ого, -ово* в русском языке. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960.

миляции двух огубленных звуков (по его сведениям, в некоторых северных говорах встречается окончание *-аво*, т. е. лабиализацию может утрачивать любой из двух огубленных звуков).

в) Творительный падеж

Окончание *-ом*, возможное в некоторых говорах в твор. падеже (ср. яросл.: *с белом солдатом, с большим участком* и т. д.), очевидно, следует рассматривать, с одной стороны, как результат влияния других парадигматических форм (*-ой, -ого, -ому*), с другой стороны, они могут быть объяснены последовательным уподоблением формы в составе словосочетания, построенного на основе согласования (*платком белом*)¹.

В некоторой части говоров известны нестяженные старые формы твор. пад. типа *красным*.

г) Предложный падеж

Предл. п. на *-ым* (*в тонким одеяле, на большом базаре, в волостным правлении, в прошлом годе, в толстым бревне*) известен в разных говорах (напр., во владимирск., псковск., саратовск., брянск.)². П. С. Кузнецов объясняет эту форму предл. падежа фонетическим сближением безударного окончания твор. падежа *-ым* и предл. падежа *-ом* в условиях акающих говоров, что впоследствии привело к сближению этих двух форм и в ударном положении. Важно подчеркнуть, что в настоящее время формы на *-ым* далеко не всегда можно объяснить фонетическими изменениями. Так, произношение не играет никакой роли в образовании форм типа *в большым шкафу, в маленьким дому* и т. д.

§ 89. Флексии женского рода

А. ОБЩИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ФЛЕКСИЙ

И.	<i>-аѣ</i>	— повсеместно
Р.	<i>-ой</i>	— повсеместно
	<i>-ыйе</i>	— вологодские, архангельские, кировские, некоторые брянские
	<i>-оѣе</i>	— некоторые северные говоры
	<i>-эѣ</i>	— юго-западные (мосальские, севские, рыльские), онежские
	<i>-эѣа</i>	— вологодские, белозерские, некоторые брянские
Д.	<i>-ой</i>	— повсеместно
	<i>-эѣ</i>	— юго-западные (мосальские, севские, рыльские), онежские
В.	<i>-уѣу</i>	— повсеместно
	<i>-уѣа</i>	— юго-западные, некоторые среднерусские, воронежские
	<i>-оѣу</i>	— значительная часть говоров на территории к юго-западу от линии Псков — Старая Русса — Рыбинск — Кали-

¹ *-ом* имеет широкое распространение в томских говорах: *с белом платком, с худом, с добром утром, с большим весом*.

² Широко распространен в говорах Сибири, многие исследователи считают его обшесибирским.

нин — Владимир — Касимов — Саранск, коломенские, некоторые северные

- ыйу — повсеместно
Т. -ой — повсеместно
-ойу — юго-западные (верхнедеснинские, мосальские, севские, рыльские)
-ойа — северо-западная часть рязанских говоров
-эй — юго-западные (мосальские, севские, рыльские), онежские
-уй — некоторые великолукские, смоленские, московские, калининские, мещерские
П. -ой — повсеместно
-эй — юго-западные (мосальские, севские, рыльские), онежские.

Б. КОММЕНТАРИИ К ФЛЕКСИЯМ ЖЕНСКОГО РОДА

а) Родительный падеж

Среди отмеченных форм жен. рода следует прежде всего обратить внимание на формы род. падежа. Большинство русских говоров имеет в этом случае такое же окончание, как и литературный язык (*у молодой девушки, нет старой дороги* — белоз., *у старой, от злой женщины, из толстой палки* — рост. и т. д.). Однако некоторые говоры сохранили архаические окончания *-ыйе* и *-ойе* (образование данной формы исторически происходило так: *добры* — род. падеж краткой формы + *ѣ*, причем в образовании принимает участие лишь *ѣ*, дало *добрыѣ* (совр. *-ыйе*), под влиянием указательного местоимения, формы *тоѣ*, возникло *доброѣ* (совр. *-ойе*), ср. белоз.: *у простые женщины, у большие горы, от худые погоды*, арх.: *от молодые бабы*, киров.: *от родимый матушки*, ульяновск.: *от молодоя жены, с большоя овцы* и т. д.

Произошение конечного безударного звука приведено не случайно. Дело в том, что судьба *ѣ* (в тех говорах, где конечный гласный вообще сохраняется) недостаточно ясна. В говорах возможно на месте *ѣ* после *ј* — *е, а, о*, при этом различные гласные наблюдаются порой в одних и тех же говорах, ср. арх. *добрые жены и правыя руки*, волог., киров., перм. *молодые жены, злые собаки* и т. д. Возникают разновидности названных флексий: *-ыйа, ыйо, -ойа, -ойо*. А. А. Шахматов и Н. Н. Дурново объясняли эти образования фонетически. Современные исследователи, например П. С. Кузнецов, сомневаются в этом, хотя недостаточность материала пока не дает возможности сделать положительные выводы.

Кроме того, следует отметить, что в некоторых говорах в род. падеже, а также в дат. и предл. п. встречается окончание *-эй* (с сохранением старого конечного гласного *-эя*): *у сухэй, от молодэй, у злэй собаки, от большэй овцы* и т. д. П. С. Кузнецов объясняет эти формы влиянием форм мягкой разновидности склонения типа *синей*, но следует обратить внимание и на наличие окончаний с *э* в парадигме всего местоименного склонения (в формах ед. числа муж. и средн. рода, в формах множ. числа).

б) Винительный падеж

В вин. падеже наряду с общелитературной флексией *-уйу* (ср. рост.: *белую шкуру, черную шалейку*, волог.: *красную кофту, овчиную шубу* и т. д.) в южных и некоторых среднерусских говорах встречается флексия *-уйа*, как ударная, так и безударная (ряз.: *ночнѣя, младѣя, сазонская невесту*, колом.: *большѣя, легковѣя*, ворон.: *другѣя, дорогѣя* и т. д.). Полагают, что такая флексия могла возникнуть в результате расхождения двух одинаковых гласных, при этом мог претерпеть изменение и первый гласный — *краснаю*, однако если в говоре противопоставляется безударное *сильную лошадь, сильную руку* и ударное *рябю деву, худю стену*, следует рассматривать *-айу* как безударный вариант *-ойу*¹.

-ойу, очевидно, поддерживается другими падежными формами прилагательных женского рода (*-ойе, -ой*). Она же, вернее всего, влияет на широкое распространение в просторечии формы вин. п. на *-ыйу* (*красню, синю*), обычно безударной, ср. киров. *красню деву, белю корову, черню овечку*, ульяновск. *синю полосу*².

в) Творительный падеж

В твор. падеже большинству говоров свойственно односложное окончание *-ой*. Старое двусложное окончание имеют немногие говоры, в основном пограничные с украинским языком. В некоторых акающих говорах полная форма окончания *-ойу*, по мнению Р. И. Аванесова, дает *-уй* (*-ойу* безударное *-ѣуй*; ѣ после заднеязычных и губных превращается в *у*). Материал диалектологического атласа показывает, что появление формы твор. п. на *-уй* ограничено полосой говоров, находящихся на стыке акающих и окающих говоров, где способность ѣ к лабиализации поддерживается влиянием окающих говоров³.

Все эти три вида твор. падежа, а также и окончание *-ѣй*, о котором было сказано выше, у прилагательных одинаковы с существительными I типа склонения, ср. калин.: *краснуй бумагуй, чернуй коркуй* (см. раздел I).

Окончание *-оѣа* встречается в северо-западной части Рязанской области наряду с *-ойу*: *с молодойа, с худойа, с большойа*. Быть может, конечное *а* рассматриваемого окончания возникло в результате диссимляции *о* и *у* в окончании *-ойу*.

¹ Эта флексия фиксируется в русском языке периода становления национальных норм. Так, например, она известна Азовским записным книгам XVIII в. Исследователь этого материала Р. Ф. Титова считает ее по отношению к тому времени просторечным, см. статью «Местоименное склонение имен прилагательных в азовских записных книгах конца XVII века» («Известия Воронежского пединститута», 1956, т. 20).

² В некоторых рязанских говорах зафиксировано рядом с *трикотажнѣя, звеньевѣя* — *хорѣи[ѣя], бутѣрск[ѣя]* и под. Возможно предположить, что *-ѣя* безударный вариант *-оѣа*, контаминации *-уйа* и *-ойу*. Однако примерами на ударное *-оѣа* мы не располагаем, но имеем замечание Р. И. Аванесова о «произношении *-ѣйу* как в соответствии с ударным *-ойу*..., так и с ударным *-уйу* или *-уйа*... в результате ослабления *у* в заударном неконечном слоге и утраты лабиализации» (Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 115).

³ См. об этом у Л. Э. Калнынь в статье «История коломенских говоров» («Труды Института языкознания АН СССР», 1957, т. 7).

2. СИСТЕМА ФЛЕКСИЙ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ. МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

§ 90. Общий перечень флексий

Флексии множ. ч. для всех трех родов в говорах, как и в литературном языке, едины.

- И. *-ийе* — повсеместно
-ии — новгородские, владими́ро-поволжские
-эи — верхнедеснинские, юго-западные (мосальские, севские, рыльские), владими́ро-поволжские
- Р. *-эйе* — часть рязанских говоров, горьковские
-ых — повсеместно
-ыхх — новгородские, владими́ро-поволжские, некоторые калининские, костромские, ивановские
-эх — восточная часть среднерусских окающих говоров
-эих — горьковские говоры
-ыв — говоры к югу от Белого озера
- Д. *-ым* — повсеместно
-ыим — новгородские, владими́ро-поволжские, некоторые калининские, костромские, ивановские
-эм — восточная часть среднерусских окающих говоров
-эим — горьковские говоры¹.
- Т. *-ыми* — повсеместно
-ыими — новгородские, владими́ро-поволжские, некоторые калининские, костромские, ивановские
-эми — восточная часть среднерусских окающих говоров
-эими — горьковские говоры
-ыма — онежские, северная часть северного наречия
-ымы — вологодские, костромские, ленинградские, новгородские, калининские, кировские, говоры юго-западных областей, граничащих с БССР и УССР
-ымя — вологодско-кировские, говоры Архангельской, Костромской, Ленинградской обл., орловские, тульские².
- П. *-ых* — повсеместно
-ыхх — новгородские, владими́ро-поволжские, некоторые калининские, костромские, ивановские
-эх — восточная часть среднерусских окающих говоров
-эих — горьковские говоры
-ыв — говоры к югу от Белого озера.

¹ Формы вин. п. совпадают или с формами имен., или с формами род. падежей.

² Основной центр распространения образований на *-мя* — Урал, говоры Пермской, Свердловской, Курганской обл.

³ Р. И. Аванесов допускает при очень отчетливом произношении, а также на конце фразы, перед паузой *-ывъ*, см.: Русское литературное произношение. М., 1968, с. 141.

§ 91. Комментарии к формам множественного числа

а) Именительный падеж

Флексия *-ые* произносится в современном литературном языке как *-ыи*¹, по говорам трансформируется по-разному: как *-ые* (ср. костр. *злые люди, ясные дни, белые коровы*, яросл. *пузатые*, новг. *небольшие*, кировск. *отрезные, молодые*, онеж. *разные, резвые*), как *-ыйо* (ср. киров. *сильный лошади, тонкий болота*), как *-ыйа* (ср. ряз. *скупья, дорогя*, новг. *сторожевыя, хорошенькия*¹, как *-ыйи* (сарат. *некоторыйи*), ряз. *обручи ржавыйи, уши грязныйи*), при этом может подвергаться редукции и первый гласный окончания, ср. ряз. *бедн[ыйи] бабы, они грязн[ыйи], чист[айи] дома* и т. д.

В части северных говоров встречаются флексии *-ыи*: новгородск. *молодыи*, пудожск. *редкии*, онежск. *вологодскии* и др. В этой флексии, известной с древних времен, видят контаминацию старых форм имен. и вин. падежей (имен., муж. род *-ии*, вин. *-ьѣ*)². Быть может, именно с этой флексией соотносится широко распространенное на юге безударное *-аи* (*старлаи*), *ум[аи]*), поскольку в южнорусских говорах возможна качественная редукция фонемы верхнего подъема *ы*. В результате такой редукции *ы* превращается в *э*, который в свою очередь проявляется в *а*³.

Флексия *-эи* может сочетаться с косвенными падежами типа *-ых, -ым, -ыми*, но может и входить в парадигму типа владимирского *худэх. худэм, худэми, худэх*). Такая парадигма в основном свойственна восточной части среднерусских акающих говоров. Имен. на *-ые* с косвенными падежами типа *-эх, -эм, -эми* не встречается.

В немногочисленных говорах есть флексия *-эе*, ср. ряз. *худэя коровы, большэя дома, сырэя дрова* и т. п., которым в косвенных падежах соответствуют формы типа *-эих, -эим, -эими*. Она представляет собой контаминацию *-эи* и *-ые*.

б) Косвенные падежи

Род., дат., твор. и предл. падежи характеризуются сохранением в некоторой части говоров нестяженных старых форм типа *старых, старым, старыми*, в немногих говорах типа *старэих, старэим, старэими, старэих*, ср. ульяновск. *молодых, молодыим, молодыими, о молодых*.

Значительная часть северных и среднерусских говоров характеризуется синкретизмом или смешением форм дат. и твор. падежей, ср. арх. *с добрым людям, под осиновым дровам*, мурм. *над больным старикам, над больным людям* и т. д. (см. также раздел I). Очень небольшая часть говоров во множественном числе имеет синкретическую форму родит. (вин.) и предл. падежей на *-ыв(-ыф)*: белоз.: *от худыва, без родныв, о старыв*. Все подобные формы подробно объяснены в разделе I.

¹ Ряз. *-ыйа* — результат редукции, новгородск. *-ыйа*, очевидно, — результат особого изменения конечного старого *ѣ* перед *й* (*е* в *-ые* из *ѣ*, старое *молодыѣ*).

² В архангельск. говорах sporadически встречается старая флексия имен. -вин. падежей муж. и жен. рода мягкого варианта склонения *-ее* (старое — *ѣѣ*), обычно стяженная: *волосы чёрне*.

³ См. об этом: А в а н е с о в Р. И. Очерки по русской диалектологии. М., 1949, с. 115—116, а также гл. III.

Твор. пад. на *-ми*, единственно возможный в литер. языке, в говорах сочетается, кроме того, с творительным на *-мы*, *-ма*, *-мя*¹. Как уже отмечалось, твор. п. на *-мы* у прилагательных возникает под влиянием существительных и получает широкое распространение (напр., мурм. *с черными, с белыми, с большими*). Твор. п. на *-ма*, напротив, возникнув первоначально у имен числительных, закрепился у прилагательных раньше, чем у существительных. Поэтому и сейчас твор. на *-ма* (арх. *со старыма родителями, с золотыма, горючыма* и т. д.) очень часто является показателем частей речи, выступающих в роли атрибута. Твор. м. на *-мя* в Европейской части СССР, в основном, характерен для имен числительных, при этом во многих северных говорах, особенно вологодско-кировских и архангельских прослеживается перемещение образований на *-мя* из прилагательных в числительные. Это объясняется влиянием литературного языка, которое выражается, с одной стороны, в замене диалектных форм на *-мя* литературными, с другой — в распространении показателя *-мя* на имена числительные в тех говорах, которым раньше твор. на *-мя* свойствен не был.

Формы на *-мя* возникли в результате контаминации форм на *-ма* и *-ми*, возможной в принципе и у числительных (ср. старое *двѣма, трѣми*), и у прилагательных (ср. старое *синими* — твор. множ., *синима* — твор. двойственного). Однако памятники письменности свидетельствуют о том, что у имен прилагательных твор. на *-мя* появился по аналогии с именами числительными.

Таким образом, современным русским народным говорам свойственно своеобразное перераспределение разных показателей твор. п. множ. числа между отдельными частями речи (*-мы* — обычно показатель существительных, *-ма* — прилагательных, *-мя* — числительных), однако последовательно это распределение проводится очень редко, кроме того, образования на *-ми* и *-м* за определенной частью речи не закреплены.

Следствием отмеченного распределения показателей твор. п. множ. числа является очень последовательное в северных говорах расхождение флексий имен существительных и слов, их определяющих: *за своима за сродникамы, со своима студентамы, с наукамы большима, целыма кипам, с большима детьми, с добрыма друзьями, с малыма робетишками*.

В настоящее время влияние литературного языка на говоры, несомненно, все усиливается, диалектные формы твор. п. множ. числа неуклонно вытесняются, однако они не сразу заменяются литературными формами на *-ми*, формы на *-ма*, *-мы*, *-мя* могут, например, быть заменены образованиями на *-м*. Другими словами, рассматриваемый процесс в области форм твор. п. множ. числа имен прилагательных, безусловно, далеко не прямолинеен². Следует учитывать, что частным проявлением этого процесса является и постепенное нарушение отмеченной диссимилации окончаний в диалектных атрибутивных сочетаниях.

¹ Основной вид прилагательных в анализируемой форме — образование с элементом *-ы(-и)* перед показателем формы: *белыма, молочныма, божымы, с худым, с добрыми*, в этом отношении имена прилагательные в диалектах серьезно отличаются от имен существительных.

² Подобные выводы подтверждаются материалами к «Диалектологическому атласу русского языка» (см.: Де д ю х и н а Л. Н., указ. соч.).

3. ФОРМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ¹

§ 92. Общий перечень суффиксов сравнительной степени

В современных русских народных говорах отмечены следующие суффиксы, образующие формы сравнительной степени:

- ейе* — повсеместно
- ей* — юго-западные говоры вдоль западной границы РСФСР, особенно великолукские, смоленские, брянские
- айе* — север Европейской части РСФСР, говоры вологодские,
- II -*ай* онежские, архангельские, Кировские, владимирские

- ё* — к востоку от Москвы, север Владимирской обл., Горьковская обл., Чувашская и Мордовская АССР, Ульяновская обл.
- ейше* — говоры к западу и юго-западу от Москвы, верхнеднепровские, верхнедеснинские, псковские, великолукские, смоленские, брянские, калужские, западные курские, реже ярославские, владимирские, калининские, московские
- айше*
- еше* — русские говоры к западу и юго-западу от Москвы
- еиче* — говоры к западу и юго-западу от Москвы, верхнедеснинские, верхнеднепровские, псковские, великолукские, смоленские, брянские, калужские, западные курские, реже ярославские, владимирские, калининские
- еиче* и
- ейче*
- ше* — повсеместно, чаще в южной, западной и центральной части РСФСР
- шей* — юго-западные говоры Европейской части СССР
- е* — повсеместно
- че* — в некоторых говорах Костромской, Ивановской, Горьковской, Кировской обл., не составляет территориального единства
- оше* — западные русские диалекты, псковские, великолукские ².

¹ В большинстве современных русских народных говоров встречаются только сложные формы превосходной степени, при этом в разных говорах оформлены они по-разному. Так, в говорах Липецкой области сложные формы превосходной степени образуются, как и в литературном языке, при помощи местоимения *самый*, образование же типа *дуже высокий, добре, дуже большой* выражает, как правило, только высокую степень качества вне сравнения с другими предметами. Однако в калужских говорах, напр., эти же образования могут иметь значения превосходной степени. Простые формы превосходной степени на *-ейш-*, *-айш-* для говоров не характерны, но в архангельских, новгородских говорах, напр., заменяют превосходную степень формы с суффиксами эмоциональной оценки типа *бедовующий, большущий*, см. § 109.

² Столь четкий ареал диалектных форм сравнительной степени позволяет наметить работы Б р о м л е й С. В. «Формы сравнительной степени в русских говорах в свете данных диалектологического атласа» (Материалы и исследования по русской диалектологии, новая серия, т. I. М., 1959), Ф и л и п п о в о й И. С. «Образование сравнительной степени в говорах русского языка» (Канд. дисс. М., 1955) и др.

§ 93. Комментарии к формам сравнительной степени¹

Таким образом, 1) современные русские диалекты отличаются многообразием форм сравнительной степени; 2) современные русские говоры сохранили оба общеславянских суффикса сравнительной степени, ибо отмеченные суффиксы *-ейше*, *-ей*, *-айше*, *-ейше*, *-айше*, *-ейше*, *-ейше* генетически восходят к **-ejšs-(*-ejšes-)*, а *-е*, *-ше*, *-че*, *-оше* — к *-jbs-(*jes-)*; 3) ряд суффиксов, а именно *-ейше*, *-ей*, *-е*, *-ше* общи говорам и литературному языку, однако большая часть суффиксов сравнительной степени, отмеченных в русских диалектах, в литературном языке отсутствует (ср. *-айше*, *-ейше*, *-оше* и др.); 4) общие литературному языку и диалектам суффиксы не всегда дают образования, соответствующие литературной норме, хотя многие диалектные образования и совпадают с литературными, ибо специфика форм сравнительной степени диалектного языка заключается не только в многообразии формальных элементов: говоры обнаруживают в известной мере особое перераспределение отмеченных суффиксов между основами. Процессы перераспределения формантов между определенными основами являются живыми процессами диалектного языка. На разных территориях их интенсивность различна, при этом последовательно они ни в каком диалекте сейчас не проведены. Строгого разграничения в употреблении суффиксов не наблюдается. Поэтому в говорах часты случаи образования сравнительной степени от одного и того же прилагательного в речи одного и того же лица при помощи двух-трех суффиксов (*тяжелыше*, *тяжелее*, *тяжеле*; *красивше*, *красивей*; *хуже*, *хужей*). Кроме того, в отдельных случаях говор характеризуется особым соотношением основ исходной формы и сравнительной степени.

Основные модели образования сравнительной степени в современных диалектах таковы:

1. основа на сонорный или губной + *-ейше* (исконная модель) — *сильнее*;

2. основа на шипящий, чередующийся с заднеязычным или зубным, + *-е* (исконная и вторичная модели) — *ближе*²;

3. основа на сонорный + *-ше* (модель исконная, образования лексически ограничены) — *тоньше*.

¹ Следует отметить, что произношение звуков в суффиксах сравнительной степени связано с фонетическими особенностями соответствующего говора: ср. белозерск. *скорше*, *смелше*, где суффиксальное *-и* и *-ь* в положении между мягкими согласными под ударением, произношения *-ейши* как *-ейци* в говорах, знающих цоканье, *потоня* (-потоньше) в южнорусских говорах и т. д. Все подобные разновидности суффиксов по отмеченным выше (см. § 70 раздела I) причинам, разумеется, не учитываются. Однако в некоторых случаях фонетические изменения в составе звуков того или иного суффикса могут привести к появлению нового суффикса. Напр., *-ей*, несомненно, фонетический вариант *-ейше* (редукция конечного безударного *е*), но есть говоры, где встречается *-ей*, но нет *-ейше*, а это — несомненный показатель известной обособленности форм на *-ей* от исходных форм на *-ейше*.

² Если эта форма сравнительной степени, как и многие другие, в предложении является обстоятельством, то она соотносится уже не с прилагательным *близкий*, а с наречием *близко*.

Как видно, они не противоречат основным моделям данных образований в литературном языке. Но в говорах кроме этого наблюдается, во-первых, определенное количество старых образований, не соответствующих указанным моделям (по мнению современных исследователей, они деградируют); во-вторых, большая продуктивность отдельных суффиксов (на определенных территориях) вне установленных выше границ их распространения.

-ей Как уже отмечалось, этот суффикс чаще всего присоединяется в диалектах к основам на сонорный и губной (основная модель), но вполне возможно и его присоединение к основам на зубной и заднеязычный. *-ей* распространен повсеместно, однако обычно образования такого типа сосуществуют с образованиями на *-ей* (в восточных областях преобладает *-ей*, в западных *-ей*), *-е*, *-ше*. Ср. следующую систему форм сравнительной степени, псковские говоры —

-ей — *хужей, ловчей, посолоней*

-ей — *быстрее, потеплее*

-е — *пошире, повыше*

-ше — *покрепше, раньше*

-ей — вариант *-ей* возник сначала в безударном положении, в ударное проник по аналогии, в некоторых говорах Великолукской, Смоленской, Брянской областей сравнительная степень может быть образована только при помощи *-ей*, ср. смол. *скушней, горячей, большей, жарчей, ближей, ширшей*. В этих областях образования на *-ей* возможны даже с ударением на основе, что противоречит общей акцентологической системе сравнительной степени — *бóлей, мéней, ближэй* и т. д.

В ряде говоров в результате взаимодействия *-ей* форм с *-е* и *-ше* исчезает *-е*, ср. ряз. —

-ей — *болей, ширей, крепчей, дешевлей, хужей,*

-ше — *ширьше, крепше, тяжелыше;*

в некоторых говорах подобное взаимодействие приводит к полному отсутствию *-ше*, брянское —

-ей — *молодей, старей, ближей, лутчей, меней*

-е — *боле*

Иногда при использовании этого суффикса наблюдается выравнивание основ: *толстей, молодей, крутей, узей, жидей*.

-айе — возникновение этого суффикса связано с фонетическими закономерностями общеславянского языка, переходом Ъ.

-ай в а после исконно мягких согласных (шипящих и *й*), ср. подобное изменение в глагольной основе: *дых + Ъ + ти > дыши + Ъ + ти > дышити*. В современных северных говорах ¹ *-айе* может присоединяться к разным основам. Однако древние условия образования этого суффикса находят свое отражение в том, что не все говоры свободно пользуются суффиксом *-айе*: в некоторых говорах он встречается только после шипящих — *крепчае, хужае*; в других — возможен в любом положении —

¹ Произношение форманта сравнительной степени как *-айе* или *-ай* на юге не имеет ничего общего с северным *-айе*, оно объясняется особенностями безударного вокализма.

сушае, скоряе, кручае, желтяе, крупняе, грязняе; в третьих — употребляется только после нешипящих — *скоряе, добряе*.

Чаще всего он встречается рядом с другими суффиксами, ср. волог.:

- ае — *тощае, скоряе*
- ей — *жальчей, кольчей*
- ее — *посушее, здоровее*
- е — *плоше, слабже*
- ше — *старше, мельше*.

Довольно редки говоры, в которых сравнительная степень образуется только при помощи *-ае*. По данным материалов диалектологического атласа к таким говорам, например, относится говор Черевковского района Архангельской области. Там встречаем: *тишае, легчае, ловчай, удобняе, скоряе* и т. д.

-é — *добрé, веселé*. Исконный суффикс сравнительной степени *-е* всегда был безударным (*хуже, мёнше* и т. д.); *-é* ударное — результат фонетических изменений, стяжение *-ейе*. Обычно образования с этим суффиксом и встречаются в говорах, знающих или знавших утрату интервокального *j* и стяжение гласных.

-ейше — чаще всего прибавляется к основам на сонорный и губной (исконная модель, в неисконных образованиях распространение *-ейше* ограничено). Возможен после зубных после *д, т* (так было и в древности) — *моложейше, твержейше, хужейше, худейше, погордейше, богатейше*. Из остальных образований представлено *густейше* (после *ст*). Очень редко присоединяется к основам на заднеязычный — *должейше, жарчейше, крепчейше*.

-айше — употребление этой разновидности *-ейши* лексически ограничено. Обычно *-айше* соединяется с двумя основами: *худ-* и *близхужайше, ближайше*.

Как показывают исторические данные, в живом языке великорусской народности членные формы с суффиксом *-ейш* отсутствуют. Поэтому как во многих говорах, так и в литературном языке нет этого суффикса в нечленных формах сравнительной степени. Таким образом, закономерно предположить, что на той территории русских говоров, где имеются несогласуемые формы на *-ейше*, могут употребляться сейчас или в недалеком прошлом соответствующие членные формы, напр. *пойте другиш песни веселейше* (= более веселые).

-еше — фонетическая разновидность *-ейше* (утрата *j*) — *холоднеше, беднеше*. Зафиксирована в немногих пунктах. Употребляется рядом с *-ейше*, самостоятельность суффикса сомнительна.

-еиче вариант *-ейче* употребляется в тех же случаях, что и *-ейше*, но более редко (к основам на зубные, например, не присоединяется). Существует два объяснения возникновения данного образования *добрешче, сильнешче*. Одни исследователи рассматривают его как фонетическую разновидность *-ейше*, поскольку в некоторых говорах наблюдается мена *ч* и *ш*, откуда возможна и обратная мена *ш* на *ч* (ср. цоканье — чоканье). Именно в этих говорах встречается *-ейче*. Другие исследователи обращают внимание на то, что чаще встречается *-еиче*, а не *-ейче*, а такой формы у *-ейше* нет, так что нет оснований сопоставлять *-еиче*

(-ейче) с -ейше. -ейче считается контаминацией -ейе или -ей и частицы *че* (ср. *давече, тепериче, нынче*), первоначальное значение последней — усилительное.

-ше — чаще присоединяется к основам на сонорные (исконная модель), повсеместно *меньше, больше*. Формы на -ше от разных основ продуктивны лишь в определенных областях, например, в центральных областях РСФСР встречается *тяжелше, дешевше, длинше, здоровше, слабше, красивше, крепше, ширше* и др.

-шей — нужно рассматривать как контаминацию -ше + ей; наиболее распространено в районах продуктивности -ей — *меньшей, дальней, большей, ширшей* и др.

-е тенденция подравнивания по этому типу образования действует и в современных говорах. Есть области большой продуктивности -е, там встречается *веселе, здорове, богате, живе, румяне, тяжеле, красиве, голодне, тоне* и др. Почти повсеместно *боле, мене* (основа на сонорный), *дешевле* (основа на губной), хотя типичная модель, как уже было сказано, — основа на заднеязычный или губной + -е.

-че в некоторых говорах встречается в сравнительной степени суффикс -че — *бельче, весельче, тяжельче, раньче, спорче* и др. Очевидно, он возник под влиянием соединений суффикса -е с основами на заднеязычный *к* (*мельче, жальче, жарче*). Территория его распространения не представляет определенного единства.

-оше — пск.: *глагоше, крепоше, ловоше, прямоше, тоноше* и др.; однако они нигде не являются единственным способом образования сравнительной степени (рядом с *крепоше* употребляются *крепче, крепче*). Одни исследователи считают эти образования результатом контаминации *легоче, крепоче* (от *легок, крепок*) и *легше, крепше*. Другие полагают, что причины их возникновения более сложны и, прежде всего, отмечают, что область их распространения совпадает с областью распространения второго полногласия (*долоше* = *дольше, тверёже* = *тверже, толоше* = *толще*). Затем сопоставляют модели *молод* — *моложе, долог* — *доложе* и *крепок* — *крепше*. *Моложе, доложе* дают (креп)о — *крепше* дает (крепо)ше.

Такова система образований сравнительной степени в современных диалектах, достаточно сложная и своеобразная, т. к. в ней находят отражение результаты закономерностей древних эпох и настоящего времени, но не отделенная непроходимой стеной от системы образования сравнительной степени современного литературного языка.

Литература

Аванесов Р. И. Очерки диалектологии рязанской Мещеры. — В кн.: *Материалы и исследования по русской диалектологии*, т. 1, 1949.

Высокый С. С. Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы. — «Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР», 1948, вып. 1.

Гринкова Н. П. Заметки о калужских говорах. — В кн.: *Материалы и исследования по русской диалектологии*, т. 1, 1949; е е ж е. Средний род в русских диалектах. — «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», 1948, т. 59.

Котков С. И. Из истории изучения орловских говоров. — «Уч. зап. Орловского пединститута», 1951, т. 5, вып. 2.

Кузнецов П. С. Русская диалектология. М., 1960; его же. Очерки морфологии системы пильмасозерского говора.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 2. М., 1949.

Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Единственное число. Л., 1927; вып. 2. Множественное число. Л., 1930.

См. также всю литературу, указанную в сносках и посвященную подробному анализу отдельных вопросов морфологии имени.

РАЗДЕЛ III

МЕСТОИМЕННИЯ

§ 94. Общие сведения

В русских народных говорах представлены те же разряды местоимений, что и в литературном языке. Однако в говорах наблюдаются значительные отличия от литературного языка в составе этих местоимений и в их значениях. В современном литературном языке, как известно, местоимения характеризуются предельно обобщенной семантикой — это самые общие слова, заключающие в себе все бесконечное разнообразие реального мира, понятия общего и единичного. В говорах же местоимения в значительной степени сохраняют следы своей былой конкретности, отражают конкретные (пространственные, временные и т. п.) отношения говорящего к указываемым предметам. Отсюда проистекает большее разнообразие местоимений в говорах, их многочисленность, богатство словообразовательных моделей.

В диалектных системах в большей мере сохранились следы архаических форм местоимений, например, образования от основ *тоб-, соб-,* личных местоимений (*тобе, себе*); *кой, ин, сей, он, ов* в самостоятельном употреблении и в производных словах — наречиях (*севогда, овидень, оногда, иноко* и др.). Отмечается и наличие новых форм, свидетельствующее о дальнейшем самостоятельном развитии системы местоимений в том или ином живом диалекте. Например, образование притяжательных местоимений от форм 3-го лица (*егов, ейный, евоный, ихний* и т. п.), неопределенного типа: *кто-нись* (-кто ни есть), *что-нить* (-что ни будь); указательных сложных местоимений типа: *тот там, тот вот, нутот* и т. п. Все это создает своеобразие диалектных местоимений, отличает народные говоры от литературного языка, а также дифференцирует частные диалектные системы.

§ 95. Местоимения, не имеющие форм рода (местоимения-существительные)

К местоимениям-существительным относятся личные и возвратные местоимения (*я, ты, мы, вы, себя*), вопросительно-относительные (*кто, что*), отрицательные (*никто, ничто*) и неопределенные (*кто-то, что-то, кто-ли, что-ли, кто-сь, что-сь, кто-нись, что-нись, кто-нить,*

что-нить и т. п.). Эти местоимения изменяются по падежам и числам и не изменяются по родам.

1) Личные местоимения

Образцы склонения:

И. я, ты, мы, вы.

Р — В. *меня, тебя, себя; миня, тибя, sibя; мене, тебе, себе; (у) мня, тя, ся; мине, тибе, сибе; тобе, собе; тея, сея; нас, вас.*

Д — П. *мне, тебе, себе; мине, тибе, сибе; мене, тебе, себе; тобе, собе; мни, теби, себи; тья, ся; тее, сее, нам, вам.*

Т. *мною, тобой, собой, нами, вами, нама, вама.*

Склонение личных местоимений во многих своих формах совпадает с литературным языком. Основные диалектные различия форм личных местоимений представлены в окончании род.-вин. (Р — В) и дат.-предл. падежей (Д — П)¹. Для северновеликорусского наречия характерна форма Р — В *меня, тебя, себя*, варьирующаяся в частных диалектных системах: *миня, тибя, sibя* (отмечено в части поморских, псковских и нек. др.); *мене, тебе, себе* (отмечено в части архаических архангельских говоров); в конструкциях с предлогом возможны формы: *у мня, у тя, у ся* (в значении вин. пад. эти краткие формы не отмечены).

Для южнорусских говоров обычна форма Р — В с окончанием *-е*: *мене, тебе, себе, тьябе, сябе, табе, сабе.*

В переходных среднерусских говорах наблюдается большая пестрота: наряду с формами Р — В *тебя, меня, себя, мня, мни* представлены и формы с выпадением звука «б»: *тея, сея.*

Диалектные особенности отмечаются и в формах дат.-предл. падежей. В севернорусских говорах наряду с обычной формой *мне, тебе, себе* широко употребительны *минe, тибe, сибe* или *мене, тебе, себе*. В современных говорах еще представлены в архаическом типе формы *тобе, собе*; выходит из употребления и краткая форма: *те* (отмечена только в словосочетаниях приветствия типа: *здорово те*); в некоторых говорах северо-западной зоны представлены формы *мни, теби, себи* наряду с общераспространенными *мне, тебе, себе* (см. говоры новгородские, тихвинские).

В южнорусских говорах общеупотребительны литературные формы Д — П *мне, тебе, себе*; однако имеют место и архаические образования от древнерусских основ: *табе, сабе* (отмечаются повсеместно, кроме тульских говоров) изредка употребляются и в варианте: *тае, сие* (см. рязанские говоры). В среднерусских говорах представлены образования без звука «б» в основе: *тее, сее*, а также *мни, тие, сие.*

2) Вопросительно-относительные местоимения.

Вопросительно-относительные местоимения (*кто, что*) имеют только формы единственного числа. И. *кто* (чаще *хто*), *что* (в вариантах: *што, штё, шо, що*); Р — В *кого* (в вариантах: *куго, коуо, ково, чего, ничего*); И—В. *что* (*чело, для чео, ничо*); Д. *кому* (*куму*), *чему*; Т. *кем, чем*; П. (о, на, в) *ком, чём*. В большинстве среднерусских диалектов ударение на окончании: *никого, ничего.*

¹ Формы род. и вин. падежей у личных местоимений всегда одинаковы; так же обобщены и формы дат.-пред. падежей.

В отличие от литературного языка в диалектах своеобразно употребление и значение вопросительно-относительных местоимений: кроме указания на лицо (*ты у кого живёшь?*), в говорах местоимение *кто* употребляется и в обобщенно-личном и в неопределенно-личном значении: *кто знает, кака это трава? мужика-то нет у нас, нать звать кого*. Диалектная особенность проявляется и в употреблении местоимения *кто* в значении неодушевленного предмета: *пароход ли кто ли прошол, ушол кто-то; да нет тут никого, никакой мошкары; кого ты варил? — Рыбу варил; ране скотного двора не было, никого не было. Кто шумит, кто эка-то пролетел? — Самолёт.* (севернорусские говоры).

§ 96. Местоимения, имеющие формы рода

В разряд родовых слов включаются все остальные местоимения: лично-указательные (местоимения 3-го лица), собственно-указательные, притяжательные, определительные.

1) Лично-указательные местоимения

Местоимения 3-го лица сложились исторически из указательных (*он, иже*), поэтому они изменяются не только по падежам и числам (как личные местоимения), но и по родам (как местоимения неличные):

Т а б л и ц а 5

Падеж	Единственное число			Множественное число
	Мужской род	Средний род	Женский род	
И.	<i>он, йон, йен</i>	<i>оно, йоно</i>	<i>она, йона, йена</i>	<i>они, оне, оны, йоны, йены</i>
Р.	<i>его, еґо, йово, йево</i>		<i>ей, ейо, ейе</i>	<i>их, у их</i>
Д.	<i>ему, йому</i>		<i>ей, кей</i>	<i>им, к им, има</i>
В.	<i>его, еґо, ево</i>		<i>ею, йейо, йейе, йей</i>	
Т.	<i>им</i>		<i>йейу, с ей, с йой, йай</i>	<i>има, с има, с нима, с имами, с ими</i>
П.	<i>на йом, об йом</i>		<i>об йей, на йей, йей</i>	<i>в их</i>

Диалектные различия прослеживаются в формах имен. падежа ед. и мн. числа по наличию или отсутствию у них начального йота: формы с йотированным начальным *о* отмечены как в севернорусском наречии (в северозападных говорах), например в Вытегорском районе Вологодской обл. в ладого-тихвинских говорах, онежских говорах, так и в некоторых говорах южнорусского наречия, например в рязанских говорах, йотация начального *о* имеет место и в белорусском языке. Надо полагать, что йотация начального звука *о* произошла в результате выравнивания основ, под влиянием косвенных падежей,

имеющих начальный йот: *йего, йему* и т. д. В других говорах эти процессы выравнивания основ отражаются непосредственно. Причиной может служить более долгое сохранение местоимения *он* (*онный, оного, оному* и т. п.) в указательном значении; следовательно, практиковалось употребление *он* и не только в парадигме с косвенными падежными формами личного местоимения (*йего, йему* и т. д.).

Диалектно различны и формы множественного числа именительного падежа: с окончанием *и* (*они*), *-е* (*оне*), *-ы* (*оны*). Для западной зоны севернорусского наречия характерны формы на *-ы*: *оны, одны* (в ед. числе у них йотация — *йоны*); в некоторых среднерусских говорах тоже отмечено произношение *оны* и *йоны*. В восточной зоне севернорусского наречия преобладают формы *оне* и *они* (без йотации начального *о*). В южнорусском наречии отмечено преобладание форм *они*, наряду с более редкими *оне* и *оны*.

В твор. падеже мн. числа в большинстве севернорусских говоров употребительна форма на *-ма*: *има* (след двойственного числа, см. склонение прилагательных), в южнорусском наречии подобных образований не отмечено.

От форм литературного языка диалектные формы отличаются тем, что в предложных конструкциях почти не употребляются образования с начальным приставным *н*, типа: *с ним, к нему, за ней* и т. п., обычно — *с им, к ему, за ей*.

2) Собственно-указательные местоимения

По говорам формы основного указательного местоимения *тот* разнообразны.

Трудно установить какие-либо закономерности в соотношении этих форм, дать четкие изоглоссы употребления тех или иных вариантов данных местоимений, так как еще недостаточно собрано материала, и картина представляется довольно пестрой. Однако можно отметить некоторую дифференциацию частных диалектных систем: в тех говорах, в которых употребляются односложные формы (нечленные): *тот, та, то* и форма мн. числа не осложнена постпозитивным членом: *те*, а не *теи* или *тые*. Говоры, характеризующиеся употреблением членных форм местоимений: *той, тая, тое*, имеют и во множественном числе формы типа: *тыи, тые*. Наибольшее распространение имеют формы первого типа (*тот, та, то, те*). Членные формы местоимений представлены в говорах западных областей севернорусского наречия, отмечены они и в некоторых южнорусских говорах (в Курской, Орловской областях, в верховьях Десны и Днепра). Формы косвенных падежей с гласным *ы* (*тых, тым, тыми, тыма* и т. п.) возникли под влиянием форм полных прилагательных (типа: *красных, красным, красными* и т. п.), подобные образования представлены в некоторых говорах Вологодской обл. (например, Вытегорском районе, ладого-тихвинских говорах, онежских и нек. др.). Форма же имен. пад. мн. ч. *ты* образовалась в результате выравнивания основ, под влиянием косв. падежей.

Падеж	Единственное число			Множественное число
	мужской род	средний род	женский род	
И.	<i>тот, той, тэй, тый,</i>	<i>то, тое, тое тые</i>	<i>та, тая, тыя, тыя</i>	<i>те, теи, тыи, ты, тые</i>
Р.	<i>того, того, того</i>		<i>той, тоё, тыё, тые</i>	<i>тех, тых</i>
Д.	<i>тому</i>		<i>той</i>	<i>тем, тым</i>
В.	<i>тот, той, тэй, той, тоё, тое, того, того, того</i>	<i>то, тое, тое, тоё, тые</i>	<i>ту, тую, тоё, тыё</i>	<i>те, теи, ты, тые, тех, тых</i>
Т.	<i>тем, тым</i>		<i>той</i>	<i>теми, тема, тыми, тыма</i>
П.	<i>том, в тем, в том</i>		<i>в той</i>	<i>тех, тых</i>

По материалам говорков отчетливо прослеживается семантическая дифференциация указательных местоимений: одни указывают на предмет (явление или время и т. п.) ближайший к говорящему, другие — на предмет отдаленный. Выражаются эти разнообразные значения местоимением *тот* в его различных вариантах. Особенно многочисленны формы указательных местоимений в севернорусских говорах. Для указания на ближайший предмет употребляются местоимения: *тот, нутот, сеи, этот*: указание на отдаленный предмет осуществляется сложением *тот там*. Склоняется при этом только собственно местоимение *тот*, к нему добавляется частица *там*, относящая указание в перспективу, более далекую: *тот там*. Это местоименное сложение, очень употребительное во всех севернорусских говорах, является живой формой.

И. *тот там, то там, та там, те там*

Р. *того там, той там, тех там*

Д. *тому там, той там, тем там* и т. д.

Особенно разнообразны по говорам местоимения, указывающие на близкий к говорящему предмет (явление или время); они отчетливо дифференцируют частные диалектные системы: в одних севернорусских говорах указание на ближайший предмет осуществляется местоиме-

нием *тот* (или *тот вот*), в других говорах употребительным является местоимение *нутот*¹.

Указательное местоимение *сей* выходит из употребления в современных говорах, сохраняются только следы его в застывших словосочетаниях: *на сей свете; не в тех, не в сех*; при противопоставлении: *тот год и сей тоже; не о севежном нать говорить* и т. п.

Местоимение *этот* вошло в употребление во всех современных русских говорах, представлено оно и в речи жителей отдаленных территорий Севера. Однако в северном наречии местоимение *этот* не является исконным, а проникло в диалект под влиянием литературного языка, в его литературных формах и значениях.

В говорах южнорусского наречия местоимение *этот* сложилось исконно. Там оно выступает в вариантах: *энтот, ээот, эстот, эхтот* и т. п. (См. рязанские, орловские, курские говоры), что свидетельствует о живом словотворческом процессе образования предельных конструкций с этим местоимением: *э* (указательная частица) + предлог *на, в, с, к* + местоимение *тот*. Именно так возникали живые для южнорусских говоров формы: *энтот, ээот, эстот, эхтот*, в которых отражены фонетические процессы (ассимилятивные и диссимилятивные).

В диалектных системах, в которых отмечено употребление указательно-утвердительной частицы *ну* и указательных местоимений типа: *нута, нутот, нутого, нутому* и т. п., с этой частицей образуются местоимения и от других основ. Частица *ну* препозитивно соединяется с вопросительно-относительным местоимением *кой*: *нукой, нуко, нука, нуки*, в результате чего образуется местоимение с указательным значением, равны литературному *такой, такое, такая, такие*. И. *Нукой самовар, нука изба, нуко имя; нуки долги волосы; нукой мужык нехороший*; Р. *нукого званья, нукого дикаря, нукой синици; нуких домов; нонь не любят нуких-то, добрых-то*; Д. *нукому человеку (нукой избе)*; В. *в нуку-ту избу, в нуко-то время, нуки песни пою*; Т. *нуким потиралом тру, нукой накрывшкой, нукими рядками, нукими словами*; П. *в нуком сертуке, в нукой избе, на нуких пряхках*.

Местоимение *кой* широко употребительно во всех говорах и без частицы *ну*: *в коем годе, в кои веки* и т. п. Возможно и сложение его с другими указательными частицами: *э* + *кой*: *экой зловердный парень, эко крыльцо высоко, шапка эка тёпла; экой жар стоял, глазка узеньки эки*; Р. *моды нет экой; нет экого места; эких-то бомбов*; Д. *к экой-ту некрасивой; эким дуракам*; В. *эку некрасишшу хто возьмёт; эких-то только и любят*; Т. *дудочками экими, дудочкой экой, эким берёстышском*; П. *на эком гнезде*. Местоимение *экой* употребляется наряду с другим указательным — *эдакой*: *эдакой дож, эдака рыба; эдаки опорки; чудом эдаким; в эдаких рубахах* и т. п.

¹ Местоименное сложение *тот вот* отмечено в говорах Красноборского района Архангельской области: *заведующий тем вотым хозяйством; те воты сети я сам вязал; не та, а та вотя конструя* и т. п. Местоимение *нутот* широко употребительно в говорах Верхней Пинеги: *Я нутого не знаю мужика, а того там знала; в нутом сафане не баско* и т. п.

Усматривается, однако, некоторое семантическое своеобразие указательных местоимений, образованных с частицей *э*: они употребляются не столько в указательном значении, сколько в функции оценочного слова и в конструкциях восклицательных предложений, тогда как образования с частицей *ну* обычно выступают в стилистическом нейтральном значении, чисто указательном.

§ 97. Притяжательные местоимения

В склонении и употреблении притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица в русских народных говорах отмечается почти полное сходство с литературным языком; те же местоимения: *мой, твой, наш, еаш* (к ним же можно по форме отнести местоимение *свой* и вопросительно-относительные *чей, кой*). Отличается от литературного языка только характерное окончание твор. пад. множ. числа: в западной части севернорусских говоров наблюдается совпадение форм дат. и твор. падежей (*со своим детям*); в большинстве севернорусских говоров представлена форма на *-ма* (*со своими детьми*).

Диалектное своеобразие проявляется в образовании притяжательных местоимений 3-го лица (*йегов, ейный, евоный, ихний* и т. п.). В качестве словообразовательного источника их выступают местоимения 3-го лица в форме род. падежа, т. е. притяжательные местоимения литературного языка: *его, её, их*. К этим основам в говорах присоединяются суффиксы прилагательных, образуются родовые слова: *егов, егова, егово; ейный, ейная, ейное* и т. п. Наблюдается прикреплённость определенных суффиксов к определенным местоименным основам: к основе *его* (с *г* взрывным) присоединяется только наращение *-ов* (*егов*). И. *егов брат, егово слово, егова жонка; еговы годы*.

Имеют место и полные формы этих притяжательных местоимений: *это еговый мальчонко; по еговому слову сделано; у еговой бабушки*.

Местоимения типа *егов* (*егоф*) могут выступать в качестве производящей основы для сложений с суфф. *-н-*: *еговна лапа; еговна сеть; еговной топор* и т. п.

Для образований местоимений от основы *ево* (с интервокальным *е*) используется суффикс *-нн-*: *евоная мать, по евоной силы, евонна пожня, евонной дом* и т. п.

Основа *ей* требует суффикса *-н-*:

И. *ейной, ейно, ейна, ейны; ейная*

Р. *ейного мужа, ейной дочки; ейных*

Д. *ейному свёкру, ейной матери; ейным*

В. *ейного мужа, ейной платок; ейно гнездо; ейну масти; ейны очки*

Т. *с ейным братом, с ейной сестрой; с ейныма ребятами*

П. *на ейном крыльце, в ейной юбке, в ейных письмах*

От основы *их* образуется притяжательное местоимение с суфф. *-н-*: *ихний, ихной*; иногда бессуффиксно: *ихой*.

И. *ихний дом, ихно житьё, ихна деревня; ихны леса, ихи мужыки*

- Р. *ихнего, у ихного двора, ихних слов*
 Д. *ихнему парню, по ихному житью; по ихним делам*
 В. *ихний, ихной, ихну, ихны, ихного*
 Т. *ихным отцом, ихним одеялом, ихныма делами*
 П. *в ихном житье, на ихном гувне, на ихних хлебах.*

Подобные формы широко отмечены не только во всех территориальных говорах русского языка, но и в просторечьи и получили отражение в речевых характеристиках персонажей в литературных произведениях. Дело в том, что конструкции с несогласуемым определением (например, *это их дом*) чужды живому народному языку; все русские говоры игнорируют этот не свойственный их языковому строю оборот с род. падежом принадлежности. Выражение притяжательности в диалектах по-прежнему осуществляется конструкциями с согласованными определениями (притяжательными прилагательными или местоимениями). В число указательных местоимений, выступающих в функции согласованного определения, входят и образования от местоимения *ин*: *инокой: тот человек такой, а другой инокой; у иноких рыб много в брюхе наедено мелкой рыбы; ин год серой хлеб, а инокой — белой.*

Имеют место в диалектных системах и образования от местоимений со значением количества и тоже преимущественно в родовых формах: *колькой, сколькой: вот уш колькой стакан пью; тебе сколькой год? колькой год вы учитесь? С Ивана Постного косить начинаю, (с) сколького он живёт?*

По материалам говоров отмечается значительно большее сближение местоимений с прилагательными, чем в литературном языке. Так, в севернорусских говорах представлены прилагательные местоименного происхождения типа: *колькорый, сколькорый: а егова жонка-то за колькорых (скольких) уш она выходила? — За третьего уж; оне уш колькоры посылки посылали ей; колькорым они приехали в гости-то? — Шестёрым и т. п.*

Имеется ряд прилагательных, образованных от наречий местоименного происхождения: *там, сик, завсё, досель, вон* и т. п.: *коноплё на пресла повесят, всю зиму он там весне до сиковой поры (июль месяц); с тамной стороны двери заложили (=оттуда); с тамного бережку принесите водички, черпаните; это у меня завсёшны списники (=полотенца, которыми пользуются всегда); я досельных-то песен не знаю, ранешных-то; досевольных-то; с вонной стороны лодку отёшом (=с наружной); может в той жизни, в ковдышней, и было это, а не теперь (севернорусские говоры).*

Широко употребительны образования от местоимения *всяк*: *всяковатый: Какова сношка-то? — Да всяковата; мати-то у ей тожо всяковата была.* Отмечено и своеобразное местоименное прилагательное *моевонный*: *што он ходит у моевонного-то двора?* Подобные образования не являются единичными, случайными, они отражают существенную особенность диалектной системы: тенденцию выравнивания форм, функционирующих в языке как определения, обобщения их по модели прилагательного.

Литература

- Иванова В. А. Употребление склоняемых форм местоимения *кто* вместо *что* в русских говорах. — «Уч. зап. Бийского пединститута», 1957, вып. 1, с. 81—96.
- Скобликова Е. С. Диалектные особенности в падежных формах личных местоимений. Автореферат канд. дисс. Саратов, 1951.
- Черных П. Я. Очерки по географии русского языка. Местоимение *что* и его варианты. — «Известия Иркутского пединститута», 1935, вып. 2, с. 102—113.
- Черных П. Я. Местоименные формы *этот* и *этиот*. — «Доклады и сообщения филолог. факультета МГУ», 1949, вып. 8, с. 50—57.

РАЗДЕЛ IV

ГЛАГОЛ

§ 98. Общие сведения

В системе глагольных форм русские говоры имеют ряд особенностей, которыми они отличаются друг от друга и от литературного языка. Такие особенности могут наблюдаться, во-первых, в самой морфологической структуре глагольных форм (например, наличие или отсутствие Т В 3 л. ед. и мн. числа и др.); во-вторых, целый ряд особенностей в системе спряжения является результатом действия в говорах тех или иных фонетических закономерностей (например, неразличение флексий 1 и 2 спряжений в глаголах с безударными окончаниями в акающих говорах и др.); в-третьих, по говорам наблюдаются различия в словообразовательных и формообразовательных моделях глаголов отдельных групп (например, *рисовать* — *рисоваво*). Наконец, некоторые, правда, очень незначительные, отличия имеются в самой номенклатуре глагольных форм. Так, например, некоторые говоры сохранили утраченную литературным языком форму давно прошедшего времени — плюсквамперфекта.

В целом же глаголу в диалектах свойственны те же категории, что и литературному языку: время, лицо, наклонение, залог, вид, а для некоторых форм — род, число.

§ 99. Настоящее (будущее простое) время

В говорах, как и в литературном языке, все глаголы делятся на 1 и 2 спряжения. Глаголы 1 и 2 спряжений различаются между собой: 1) гласной фонемой в окончаниях; 1 спряж. характеризуется гласными фонемами *e* или *o*, 2 спряж. — фонемой *и* (ср. *несёшь* — *говоришь*); 2) окончаниями 3 лица мн. ч. (ср. *несут* — *говорят*). Глаголы с ударным окончанием достаточно четко распределяются между первым и вторым спряжением во всех говорах. Глаголы с безударным окончанием в тех говорах, где сохраняется в заударном положении различие фонем *e* (*o*) и *и* (т. е. тех фонем, которыми различаются 1 и 2 спряжения), также могут быть отнесены либо к первому, либо ко второму

спряжению. Но в говорах ювр. наречия в соответствии с закономерностями безударного вокализма на месте ударенных *e* и *и* в заударном слоге после мягких согласных произносятся один гласный. Поэтому в этих говорах безударные флексии 1 и 2 спряжений не различаются в своем произношении: [л'эз'ыш] (*лезешь*) — [пѡмн'ыш] (*помнишь*). В 3 лице мн. ч. также происходит смешение флексий, но здесь господствующей оказывается флексия 1 спряж. — *ут, ют* (*лезут, помнят*) — (см. § 103 табл. 3, п. VII). Таким образом, в ювр. говорах, не различающих в заударном положении фонемы *e* и *и*, нельзя обнаружить четкого деления глаголов на 1 и 2 спряжения.

Рассмотрим некоторые явления, специфические для ряда говоров и отличающие систему формообразования глагола в этих говорах от литературной нормы.

1. Особую группу в ряде говоров составляют глаголы, имеющие в основе *й* (*делать* — *делай-у, знать* — *знай-у, уметь* — *умей-у, обуть* — *обуй-у* и под.). В этих глаголах происходит утрата интервокального *й* с последующим уподоблением и стяжением гласных (*играйеш* → *играэш* → *играаши* → *играиш*) (см. образцы спряжений, § 103, табл. 9). Утрата *й* и стяжение гласных обнаруживается в различной степени на территории почти всех говоров, но особенно характерны для восточной части среднерусских говоров, где глаголы с основой на *й* имеют следующие личные окончания: *-у/-ю, -и, -т, -м, -те, -ут/-ют*¹.

<i>думаю/дую</i>	<i>думам</i>
<i>думаешь</i>	<i>думаете</i>
<i>думат</i>	<i>думают/думут</i>

В говорах свр. наречия стяженные формы выступают, как правило, с нестяженными формами тех же глаголов. Нередко также представлены формы, отражающие различные стадии процесса, например, утрату *й*, но отсутствие стяжения (*играэш*).

2. Глаголы с основой на задненебные согласные *г* и *к* в литературном языке и в говорах образуют формы настоящего времени с исконным чередованием *г — ж, к — ч*. Это чередование согласных наблюдается во всех лицах, кроме 1 л. ед. и 3 л. мн. ч.

<i>могу — можешь — может — можем — можете — могут</i>
<i>пеку — печешь — печёт — печём — печёте — пекут</i>

Литературная норма представлена в настоящее время во всех говорах. Однако в ряде говоров глаголы на задненебные *г* и *к* обнаруживают некоторую специфику в образовании форм настоящего — будущего времени, а именно: чередование *г — ж, к — ч* может отсутствовать или наоборот, обнаруживаться во всех лицах, включая 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.

При отсутствии чередования *г — ж, к — ч* может наблюдаться сохранение твердых *г* и *к* во всей парадигме (*пеку, пекошь, пекот...*).

¹ Глаголы, имеющие в основе *й* и обнаруживающие его потерю и стяжение гласных, иногда выделяются в особое, III спряжение. См., например: Русская диалектология. Изд. 2. М., 1965, с. 149—151.

Этот тип представлен в говорах Вологодской и Кировской областей и во Владимирско-Поволжской группе среднерусских говоров. В парадигме, не имеющей чередования *е — ж*, *к — ч*, может быть представлена мена твердого и мягкого задненебного: *к — к'*, *е — е'* (*пеку*, но: *пек'ошь*, *пек'от...*, *берегу* — но: *берег'ошь*, *берег'от...*) Чередование *к — к'*, *е — е'* можно встретить в говорах как свр., так и ювр. наречий, а также в среднерусских говорах. Особенно же характерно это чередование для говоров западных районов.

Следует иметь в виду, что в пределах одного говора могут совмещаться различные типы парадигмы глаголов на задненебные и могут быть глаголы или группы глаголов, выпадающие из характерной для говора парадигмы. Например, в говоре Холмогорского р-на Архангельской обл. представлен тип с чередованием *к — к'*, *е — е'*; (*пеку* — *пек'ошь...*, *стерегу* — *стерег'ошь...*) и только глагол «мочь» сохраняет чередование *е — ж*, получая его даже в 3 л. мн. ч.: (*могу* — *можешь* . . . *можут*). В говоре Городецкого р-на Горьковской обл. (владими́ро-поволжская группа) в пределах парадигмы наблюдается и отсутствие чередования (*к — ч*, *е — ж*) и чередование твердого и мягкого задненебных *к — к'*, *е — е'*; *пёку*, *пекёшь*, *пекёт* . . . , но *пеком*¹.

Формы с отсутствием чередования возникли в говорах как результат стремления к выравниванию парадигмы. Это стремление дает в говорах и иные результаты: наличие шипящих согласных во всех лицах, включая 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., где чередования *к — ч* и *е — ж* не должно быть (*бежу* — *бежишь* — *бежит* . . . — *бежат*). Этот тип парадигмы представлен, главным образом, на территории окающих говоров, за исключением вологодской и владими́ро-поволжской групп.

Особенно широки по распространению соответствующие формы от глагола *лечь*: *ляжу*, *ляжешь*, . . . *ляжут*. Подобные формы на задненебные можно встретить и в просторечии.

3. Выравнивание основы в результате аналогичного воздействия одних форм на другие имело место не только в глаголах с основой на задненебный. Глаголы 2 спряжения, имеющие в конце основы переднеязычный или губной согласный, в литературном языке характеризуются различными чередованиями (*т — ч*, *д — ж*, *с — ш*, *з — ж*, губно-губной + *л*; *колочу* — *колотишь*, *вожу* — *возишь*, *вожу* — *водишь*, *ношу* — *носишь*, *люблю* — *любишь* и т. д.).

В ряде говоров эти чередования отсутствуют, и во всех формах наблюдается один согласный, например: *колотою* — *колотишь*, *пустю* — *пустишь*, *любю* — *любишь*. Это явление наблюдается в некоторых говорах свр. наречия (в отдельных р-нах Архангельской, Вологодской, Кировской, Пермской обл.), но более характерным его следует считать для говоров южного наречия (Курск., Орловск., Воронежск., Калужск, Рязанск. обл.). Отсутствие чередования губно-губной + *л* наблюдается, кроме того, в среднерусских говорах, в частности в московском:

¹ Самойлова Д. И. Система глагольных форм в говоре Городецкого р-на Горьковской области. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, вып. 9. М., 1959.

дремлю/дремлю
дремлешь
дремлет

дремим
дремите
дремют

(ворон. и моск.)

(см. также образец II, табл. 9, § 103).

4. В говорах глаголы 1 спряжения могут иметь в ударных окончаниях 2 и 3 л. ед. ч. и 1 и 2 л. мн. ч. фонему *o* или *e*: *несешь* или *несёшь* [н'ес'эш — н'ес'бш], *несет* или *несёт* [н'ес'эт — не'с'бт], *несем* или *несём* [н'ес'эм — н'ес'бм], *несете* или *несёте* [н'ес'эт'е — н'ес'бте]. См. табл. 9, § 103, образцы I, VII и др. Соответствующие отношения в литературном языке очень просты: современный язык знает под ударением лишь гласный *o* (*несёшь*, *несёт* . . .).

В древнерусском языке старшего периода этот тип спряжения был представлен формами с фонемой *e* (*несещи*, *несеть*...). Но к XIII — XIV вв. в результате действия общего фонетического процесса перехода *e* в *o* после мягких согласных перед твердыми в парадигме настоящего времени фонема *e* сменилась фонемой *o*.

[н'ес'эш'и > н'ес'эш' > н'ес'эш > н'ес'бш]¹; [н'ес'эт'ь > н'ес'эт > н'ес'бт]²; [н'ес'эмъ > н'ес'бм].

Условия для перехода *e* в *o* (положение после мягкого согласного перед твердым) существовали во всех формах, кроме 2 л. мн. ч., где фонема *e* находилась перед мягким согласным. Но и во 2 л. мн. ч. переход *e* в *o* осуществлялся под воздействием остальных форм [н'ес'эт'е > н'ес'бт'е]. Однако еще до XIX в. в литературном языке сохранялись глагольные формы с фонемой *e* в окончаниях. Например: *расселись*, *начали квартет*, *Он все-таки на лад нейдет*. (Крылов). *Птичка летает*, *птичка играет*, *птичка поет*, *птичка летала*, *птичка играла*, *птички уж нет*. (Жуковский).

Рассматриваемое явление по данным русских диалектов очень сложно. Наличие фонемы *o* или *e* в окончаниях глаголов ведет к появлению в говорах различных типов спряжения.

а) Говоры с фонемой *e* во всех формах распространены, в основном, в пределах ювр. наречия (в Курской, Орловской, Воронежской, Рязанской и др. обл.). В пределах свр. наречия такие говоры имеются в районах, примыкающих к Ладожскому и Онежскому озерам.

б) Тип спряжения с фонемой *o* принадлежит свр. и среднерусским говорам. В черте ювр. наречия этот тип встречается островками в пределах Тамбовской, Тульской, Калужской и Рязанской областей.

в) Кроме того, в говорах представлены типы спряжения, имеющие и фонему *o*, и фонему *e* в окончаниях. Например, в некоторых говорах как ювр., так и свр. наречия встречаются парадигмы, где только форма 1 л. мн. ч. имеет фонему *o*. В остальных формах фонема *e*: *несешь*, *несет*, *несете*, но *несём*.

¹ В результате редукции конечного *и* и отвердения *ш* форма — н'ес'эш'и и н'ес'эш', где в соответствии с условиями фонема *e* > *o*.

² Характерная для древнейшей поры форма 3 л. на *-ть* в более поздний исторический период сменялась формой на *-т* твердое, перед которым *e* > *o*.

Как видно из табл. 8 (§ 101), личные окончания настоящего-будущего (простого) времени по говорам достаточно единообразны. Отличия от литературной нормы незначительны и имеют принципиальный характер только в 3 лице ед. и мн. чисел.

В последующих параграфах даются комментарии к ряду личных форм настоящего - будущего (простого) времени (образцы спряжения см. § 103).

§ 100. Комментарии к формам 1 и 2 лица

В 1 лице ед. числа повсеместно распространена флексия *-у, -ю* (*несу, знаю, говорю*). Но у глаголов с основой на *й* в некоторых говорах свр. наречия и в восточной части среднерусских говоров флексия *-у* опускается, в результате чего являются формы *«знай», «не умеи»* и под.

В 1 лице множ. ч. кроме повсеместно распространенных флексий *-ем (ём), -им* в некоторых говорах, в настоящее время уже в единичных случаях, можно встретить флексии *-емо, -имо* (*несемо, говоримо*).

В образовании 2 л. мн. ч. яркой диалектной чертой свр. наречия (главным образом сев.-вост. диалектной зоны) и некоторых районов среднерусских говоров является наличие у глаголов I и II спряж. флексий *ите — итѣ* с конечным ударением. I спряж.: *неситѣ/неситѣ, стоитѣ/стоитѣ; знаитѣ/знаитѣ*. II спряж.: *помнитѣ/помнитѣ*.

Во многих говорах обе эти формы сосуществуют (*неситѣ, неситѣ*). Но формы на *-тѣ* более распространены, чем на *-те*. Данные говорят о полном отсутствии форм на *-тѣ* лишь в говорах Архангельской обл. и Карельской АССР. С другой стороны, формы на *-тѣ* являются полностью господствующими в Костромской группе свр. наречия.

В говорах ювр. наречия в результате изменения безударного *е* в *а* в окончаниях 2 л. мн. ч. образуются формы на *-тя*: *говоритя, несѣтя*. Такие же формы встречаются в ладого-тихвинской группе северного наречия и в районе Онежского и Белого озер. Это явление отмечено А. А. Шахматовым¹ как достаточно широкий фонетический процесс перехода неударного *ѣ* в *а* после мягких согласных. Подобные явления прослеживаются в памятниках русского языка с XIV века.

§ 101. Комментарии к формам 3 лица

В диалектах формы 3 л. ед. ч. и множ. ч. могут выступать с фонемами *т* или *т'* в окончании, а также без фонемы *т (т')*: *он (а, о) несѣт, несѣть, несѣ/несе*; они *говорят, говорятъ, говоря*. Твердое *т* в формах 3 л. характеризует говоры свр. наречия и окающие среднерусские, мягкое *т* — говоры южного наречия и акающие среднерусские. Формы без *т* свойственны почти всей ювр. акающей территории, кроме того, ограниченным частям северного наречия. В свр. наречии они представлены в архангельских и олонецких говорах, частично

¹ Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии. 1915, вып. 2, § 225.

в новгородских (на западе). Среднерусские говоры знают формы без *t* лишь на западе (например, псковские).

Следует иметь в виду, что в очерченных границах формы без *t* не являются безраздельно господствующими. Напротив, они чередуются с формами на *t* (*t'*) в пределах одного говора, и в настоящее время употребление их сокращается.

Парадигмы глаголов в говорах по признаку наличия или отсутствия *t* могут представлять различные типы. В одних говорах формы 3 л. могут выступать без *t* в ед. и множ. числе всех глаголов (он *сиди* — они *сидя*), в других — с *t* в ед. числе при отсутствии *t* во множ. числе (он *сидит* — они *сидя*) и наоборот, с отсутствием *t* в ед. числе при наличии его во множ. числе (он *сиди* — они *сидят*). Следует иметь в виду, что отсутствие *t* в 3 л. множ. числа более характерно для глаголов II спряжения, чем для глаголов I спряжения, так как у последних формы без *t* частично совпадают с формами 1 л. ед. ч. (я *несу* — они *несу*).

В настоящее время наиболее полно изучена употребительность форм без *t* в пределах ювр. наречия. Эти формы встречаются во всех южнорусских говорах, но все же основная территория их распространения лежит восточнее примерной границы: Малоярославец — Калуга — Миценск — Поньры — Курск — Суджа. Кроме того, формы без *t* обнаружены на территории Брянской области западнее линии Суджа — Унеча — Почеп — Трубчевск. В указанных пределах глаголы I спряжения в ед. числе очень широко употребляются без *t*; во множ. числе, наоборот, практически всегда с *t*, так как отсутствие *t* в 3 л. множ. числа привело бы к совпадению с формой 1 л. ед. числа. У глаголов II спряжения употребительность форм без *t* связана с ударностью и безударностью окончания: формы без *t* широко представлены в ед. числе у глаголов с неударным окончанием, а во множ. числе у глаголов с ударным окончанием.

По признаку наличия или отсутствия *t* в формах 3 л. говоры могут быть объединены в следующие группы (табл. 7).

Таким образом, *t* твердое в 3 лице настоящего и простого будущего времени характерно для свр. наречия, окаяющих среднерусских говоров и является нормой литературного языка. В южнорусских и акающих среднерусских говорах флексия 3 лица выступает с *t'* мягким. Спорадически на всей территории русских говоров встречаются формы 3 лица без *t*.

Такова в самых общих чертах картина флексий 3 л. ед. и мн. ч. настоящего (будущего) времени. Встает вопрос о причинах, породивших столь сложное состояние языка в отношении форм 3 лица как в русском, так и в иных славянских языках. Изучению этой проблемы в историческом и современном планах посвящена большая литература (см. библиографию).

Как известно, в старославянском языке преобладают формы на *t* твердое, хотя спорадически встречаются формы на *t'* мягкое и с отсутствием *t*. 3 лицо ед. и множ. ч. настоящего (будущего) времени в древнерусском языке старшего периода (до XIII — XIV вв.) харак-

Наличие или отсутствие *т* в 3 л. ед. и мн. числа *

№ гр.	Число	I спряжение		II спряжение	Район распространения	Примеры форм без <i>т</i> **
I	ед. мн.	<i>т</i> <i>т</i>		<i>т</i> <i>т</i>	Литературная норма. Подавляющее большинство говоров	
II	ед. мн.	— <i>т</i>		<i>т</i> <i>т</i>	На территории свр. наречия	(он) <i>несё, покупáе</i> (волог.)
III	ед. мн.	с ударным окончанием	сбезударным окончанием	<i>т</i> <i>т</i>	На территории ювр. наречия в пределах тульской и елецкой групп говоров	(он) <i>кáже, покупáя</i> (тульск.)
		<i>т</i> <i>т</i>	— <i>т</i>			
IV	ед. мн.	—, <i>т</i> <i>т</i>		с ударным окончанием <i>т</i> <i>т</i> , —	В восточной части ювр. наречия (Рязанск., Липецк., Тамб. обл.)	(он) <i>пройдё, сн́ме, п́ляя</i> (ряз.) (они) <i>гаря́, браня́, сидя́, улядя́</i> (ряз.)
				сбезударным окончанием — <i>т</i>		
V	ед. мн.	— <i>т</i>		<i>т</i> —	Небольшие островки на территории, занятой группой III, главным образом, на периферии этой территории и на сев.-зап. в р-не оз. Ильмень	(он) <i>идё, вязё</i> (ряз.) (они) <i>ру́бя, лежа́, ядя́, сля́</i> (ряз.)
VI	ед. мн.	— <i>т</i>		— —	Некоторые говоры псковской группы и в р-нах к юго-вост. от Ладожского оз.; в Заонежье, в Ряз. Мешере	(он) <i>несё, люб́и, пекё</i> <i>б́де</i> (пск.), (они) <i>сидя́, х́дя, люб́я</i> (пск.)
VII	ед. мн.	— —		— —	Незначительная группа говоров на территории к востоку от Чудского озера, а также между Тихвином и Ладожским озером	(он) <i>плáче, п́ше, бывáя, сто́й, х́ди</i> (тихв.) (они) <i>беру́, горя́, гру́зя, едя́</i> (тихв.)

* Таблица составлена на основе данных, приведенных в следующих работах: Русская диалектология. Изд. 2. М., 1965; В а с ю к о в а Г. П. Формы настоящего времени глаголов в современных южнорусских говорах. Автореферат канд. дисс. М., 1956; С м о л и ц к а я Г. П. Некоторые условия употребления глаголов. 3. л. без *т* в современных южнорусских говорах. — «Филологические науки», 1959, № 2; Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

** Примеры форм без *т* взяты из кн. С. П. Обдорского «Очерки по морфологии русского глагола» (М., 1953).

теризовалось окончанием *ть* при наличии также отдельных форм без *т*. В северной части русских говоров *т'* мягкое сменяется *т* твердым. Эта смена отражается в северных русских памятниках, не затронутых церковнославянским влиянием, начиная с XIII века.

Смену *т'* мягкого *т* твердым, осуществившуюся, несомненно, уже после падения редуцированных, одни ученые объясняют фонетически, другие морфологически. Объяснение, данное А. А. Шахматовым¹, сводится к признанию вторичности форм на твердое *т*, которые возникли фонетически в процессе отвердения конечного согласного после эпохи падения редуцированных, т. е. в XIII—XIV вв. Неясным остается вопрос, почему процесс отвердения согласных оказался активным лишь в черте севернорусского наречия.

Морфологические объяснения (но различные) предложили П. Я. Черных² и С. П. Обнорский³. По мнению П. Я. Черных, *т* твердое установилось в окончании 3-го лица вместо *т* мягкого в результате стремления говорящих различать формы 3 л. ед. ч. и формы инфинитива, где также установилось *т'* в результате редукиции конечного *и* в формах древнего инфинитива (*красити* > *красить*). Но непонятно, почему *т* твердое в 3 л. для отличия этой формы от формы инфинитива появилось в северных говорах, где инфинитив дольше сохранял и даже сейчас сохраняет конечное *ти*, и, следовательно, отличался от формы 3-го лица. С. П. Обнорский полагает, что формы без *т* являются древнейшими. Глубокую древность форм без *т* отмечали также А. М. Селищев, П. С. Кузнецов. К такому выводу исследователи приходят на основании того, что формы без *т* представлены и в старославянском, и в древнерусском языке, и в целом ряде современных славянских языков, а также спорадически на территории почти всех говоров русского языка. С. П. Обнорский полагает, что *т* твердое является по происхождению указательным местоимением (древнее указательное местоимение: *ѣъ* м. р.; *та* ж. р.; *то* ср. р., *ѣи* — мн. ч. м. р.), которое присоединялось к первичным формам без *т*. По мнению С. П. Обнорского, указательное местоимение играло при этом как бы роль определенного члена, и формы с *т* являлись первоначально определенными, т. е. указывали на предмет известный, формы без *т* — неопределенными. Указательное местоимение могло присоединяться в форме им. п. ед. ч. муж. р. — *ѣъ* — и это приводило к образованию флексии с *т* твердым или в форме им. пад. мн. ч. м. р. *ѣи* > *ѣт*, что приводило к образованию флексии с *т* мягким. Процесс этот, как полагает С. П. Обнорский, начался в очень ранние эпохи и привел к различию и разнообразию флексий 3 л. в старославянском, древнерусском и современном языке.

¹ Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии, с. 320—321.

² Черных П. Я. Очерки по истории и диалектологии северновеликорусского наречия. 1 житие протопопа Аввакума, им самим написанное, как памятник северновеликорусской речи XVII столетия. Иркутск, 1927.

³ Обнорский С. П. Образование глагольных форм 3 л. настоящего времени в русском языке. — «Изв. ОЛЯ», 1941, № 3.

Личные окончания настоящего-будущего (простого) времени

	Единственное число			Множественное число		
	окончание	образец формы	район распространения	окончание	образцы формы	район распространения
1 лицо	-у -ю	несу ¹ говорю знаю	повсеместно	-ем, -ём I спр. -им II спр. -м I спр.	несём, знаем говорим знам	Повсеместно В гов., где представлено стяжение гласных в глаг. с <i>й</i> в основе
2 лицо	-ешь, -ёшь I спр. -ишь II спр. -ш I спр.	несёшь, знаешь говоришь знаешь	повсеместно В говорах, где представлено стяжение гласных в гл. с <i>й</i> в основе	-ете, -ёте I спр. -ите, II спр. -ите -ите I и II спр. -те	несёте знаете говорите несите несите, знаи- те/знаите говорите/гово- рите знате	повсеместно в говорах свр. наречия в гов., где представлено стяжение гласных в глаг. с <i>й</i> в основе
3 лицо	-ет, -ёт I спр. -ит II спр. -еть, -ёть I спр. -ить II спр. -т I спр. -е I спр. -и II спр.	несёт, знает говорит несёт, знает говорит знает несе/несё говори знае/зна	свр. наречие и окающие среднерусские говоры. Как литературная нор- ма — повсеместно Ювр. наречие и акающие среднерусские говоры В говорах, где представ- лено стяжение гласных с <i>й</i> в основе спорадиче- ски на территории раз- личных говоров	-ут, -ют I спр. -ат, -ят II спр. -уть, -ють I спр. -ать, -ять II спр. -у/-ю I спр. -я II спр.	несут, знают говорят несут, зна- ют говорять несу, знаю, говоря	свр. наречие и окающие среднерусские говоры. Как литературная нор- ма — повсеместно ювр. наречие и акающие среднерусские говоры спорадически на терри- тории различных говоров

¹ Примечание: в перечне флексий и в образцах форм не учитываются варианты, образованные позиционными изменениями безударных гласных, например, *еш* > *ыш*, *иш*, *ет* > *от*, *ит* и т. п.

Можно предположить, что очень редко встречающиеся в современных говорах и явно сходящие на нет формы 3 л. на *-то, -та*, представляют собой случаи стабилизации местоимения в форме сред. и жен. рода (а не только муж. рода ед. и множ. числа). Например, 3 л. ед. ч. *идето, беретю, носито, идета, летита* (Новг., Арх.) 3 л. мн. *торяюта, одеваюта* (Ряз.).

Возможность воздействия указательного местоимения принимал и А. А. Шахматов, на первый план выдвигавший фонетическое объяснение.

По наблюдению некоторых исследователей — В. И. Чернышева, Ю. В. Петровской, Г. П. Смолицкой — в современной диалектной речи, по крайней мере в говорах ювр. наречия, существует ряд условий, способствующих употреблению форм без *т*. К таким условиям можно отнести: а) положение на конце слова или перед паузой, что связано с некоторыми особенностями интонационного рисунка предложения; б) употребление глагола в функции связки или вспомогательного глагола (в первую очередь это касается гл. *быть, становиться, мочь, хотеть* и нек. др.); в) удаленность ударения от конца слова.

§ 102. Особенности в спряжении отдельных групп глаголов

Описанные изменения касались системы форм того или иного говора в целом. Остановимся теперь на некоторых отдельных глаголах и группах глаголов.

В говорах большая часть глаголов имеет то же соотношение основы инфинитива-основы настоящего времени и так же распределяется по глагольным классам, как и в литературном языке, например,

игра-ть — играй-ут
говори-ть — говор'-ат
пе-ть — пой-ут
жа-ть — жм-ут
ста-ть — стан-ут

и т. д.

Однако ряд глаголов продуктивных и непродуктивных классов могут обнаруживать по говорам отличные от общерусских норм соотношения основ инфинитива и настоящего времени и образуют формы настоящего — будущего простого времени по специфичным для них формообразовательным моделям.

1) гл. *дуть* — *ду-л — дуй-ут*
                   — *ду-л — ду-ут*
 гл. *брить* — *бри-л — брей-ут*
                   — *бри-л — брой-ут*
                   — *бри-л — бр'-ут*
                   — *бри-л — брий-ут*
 гл. *знать* — *зна-л — зон'-ат*
                   — *зна-л — знай-ут*
 гл. *шить* — *ши-л — шй-ут*
                   — *ши-л — шой-ут*

2) Глаголы на *-овать, -евать* в диалектном языке дают некоторое количество образований основы настоящего времени не на *-уй*, как в литературном языке (*рисовать — рисую*), а с сохранением суффиксов *-ова, -ева*.

требую (арх., волог.), *ночевую* (волог., киров., новг., влад., курск: и др.).

радованось (курск., ряз., калужск. и др.).

пользуються, пожалованось (моск. и др.).

3) В русском языке два глагола — *дать* и *есть* (в значении кушать) представляют особенности в спряжении настоящего времени. В то время как все другие глаголы в I лице ед. числа оканчиваются на *у* (*ю*), эти глаголы имеют окончание *-м* (*дам, ем*). Это окончание является остатком древней системы спряжения глаголов нетематического класса, к которому принадлежали глаголы — *дать* и *есть*. Во втором лице в литературном языке они имеют окончание, подобное окончаниям остальных глаголов — *дашь, ешь*. В некоторых говорах Крайнего Севера наблюдаются сохранившиеся от древнего состояния формы 2 л. ед. ч. на *-си*: *даси, еси* (ср. старосл. и древнерусск. *даси, гаси*).

4) Широко распространена мена гласных *о* и *а* у ряда глаголов, связанная с изменением места ударения

платишь, плотишь — олон.

плочу, плотишь — новг.

пасодим — моск.

плотишь, котишь, содишь — пск.

§ 103. Будущее время

В говорах форма простого будущего времени не отличается от соответствующей формы литературного языка: *придет, сделает, сгорит* и под.

Будущее время сложное состоит из спрягаемых форм вспомогательного глагола и инфинитива. В большинстве говоров роль вспомогательного глагола так же, как и в литературном языке, выполняют только формы глагола *быть*: *буду говорить, будем сеять, будут работать*. В некоторых говорах свр. наречия вспомогательными могут быть и формы других глаголов. Так, на территории Великолукской, Новгородской, Кировской, Вологодской и Костромской областей в составе сложных форм будущего времени могут выступать формы глагола *имать* — *иму, имешь, имет* и т. д.: *Иму робить* (великолук.), *иму курить, имём играть* (череповецк.), *что имем говорить* (волог.).

Спорадически отмечается употребление в составе сложных форм будущего времени глагола *стать*. Этот глагол, сочетаясь с инфинитивом, не вносит лексического значения начала действия, как в подавляющем большинстве говоров и в литературном языке, а употребляется как такой же вспомогательный глагол, как и «*быть*»: *стану спать; стану косить; виткой дуть стану* (веткой бить буду) (Волог. обл. Никольский р-н). Как очень редкое явление можно отметить

Образцы спряжения глаголов *

	Инфинитив	I спряжение				II спряжение		
		ударное окончание	безударное окончание	основа на <i>ј</i>	основа на <i>з, к</i>	ударное окончание	безударное окончание	
		<i>нести</i>	<i>лести/лести</i>	<i>знать/знати</i>	<i>печь/печи/пекти/пекцы</i>	<i>сидеть/сидети</i>	<i>помнить/помнити</i>	
Говоры северновеликорусского наречия	I	Холмогорский р-н Архангельской области	<i>несу́</i> <i>несёшь</i> <i>несёт/несёт</i> <i>несём</i> <i>несите́</i> <i>несу́т</i>	<i>лэзу</i> <i>лэзёшь</i> <i>лэзёт</i> <i>лэзём</i> <i>лэзитё</i> <i>лэзут</i>	<i>знаю́</i> <i>знашь</i> <i>знат</i> <i>знам</i> <i>знайте́</i> <i>знаю́т</i>	<i>пекю́</i> <i>пекёшь</i> <i>пекёт</i> <i>пекём</i> <i>пеките́</i> <i>пеку́т</i>	<i>сидю́</i> <i>сиди́шь</i> <i>сиди́т</i> <i>сиди́м</i> <i>сидите́</i> <i>сидя́т</i>	<i>по́мню</i> <i>по́мнишь</i> <i>по́мнит</i> <i>по́мним</i> <i>по́мните́</i> <i>по́мнят</i>
	II	Верховинский р-н Кировской области	<i>несу́</i> <i>несёшь</i> <i>несёт</i> <i>несём</i> <i>несёте/несите́</i> <i>несу́т</i>	<i>лэзу</i> <i>лэзёшь</i> <i>лэзёт</i> <i>лэзём</i> <i>лэзитё</i> <i>лэзут</i>	<i>знаю́</i> <i>знашь</i> <i>знат</i> <i>знам</i> <i>знайте́/знаю́т</i>	<i>пекю́</i> <i>пекёшь</i> <i>пекёт</i> <i>пекём</i> <i>пекоте́</i> <i>пеку́т</i>	<i>сидю́</i> <i>сиди́шь</i> <i>сиди́т</i> <i>сиди́м</i> <i>сидите́</i> <i>сидя́т</i>	<i>по́мню</i> <i>по́мнишь</i> <i>по́мнит</i> <i>по́мним</i> <i>по́мните́</i> <i>по́мнят</i>
	III	Пудожский р-н КАССР	<i>несу́</i> <i>несёшь</i> <i>несёт</i> <i>несём</i> <i>несите́</i> <i>несу́т</i>	<i>лэзу</i> <i>лэзёшь</i> <i>лэзёт</i> <i>лэзём</i> <i>лэзитё</i> <i>лэзут</i>	<i>знаю́</i> <i>знашь/знаёшь</i> <i>зна</i> <i>знам</i> <i>знайте́</i> <i>знаю́</i>	<i>пёкю́</i> <i>пекёшь</i> <i>пекёт</i> <i>пекём</i> <i>пеките́</i> <i>пёкю́т</i>	<i>сидю́</i> <i>сиди́шь</i> <i>сиди́т</i> <i>сиди́м</i> <i>сидите́</i> <i>сидя́</i>	<i>по́мню</i> <i>по́мнишь</i> <i>по́мнит</i> <i>по́мним</i> <i>по́мните́</i> <i>по́мня</i>
Западные среднерусские окаящие говоры	IV	Старорусский р-н Новгородской области	<i>нёсу́</i> <i>несёшь</i> <i>несёт/несёт</i> <i>несём</i> <i>несёте</i> <i>нёсу́т</i>	<i>лэзу</i> <i>лэзишь</i> <i>лэзит</i> <i>лэзим</i> <i>лэзите</i> <i>лэзут</i>	<i>знаю́</i> <i>знашь</i> <i>знат/знаё</i> <i>знам</i> <i>знайте</i> <i>знаю́т</i>	<i>пёкю́</i> <i>пекёшь</i> <i>пекёт</i> <i>пекём</i> <i>пекёте</i> <i>пекю́т</i>	<i>сидю́</i> <i>сиди́шь</i> <i>сиди́т</i> <i>сиди́м</i> <i>сидите́</i> <i>сидя́т</i>	<i>по́мню</i> <i>по́мнишь</i> <i>по́мнит</i> <i>по́мним</i> <i>по́мните</i> <i>по́мню́т</i>

		Инфинитив	I спряжение				II спряжение	
			ударное окончание	безударное окончание	основа на /	основа на е, к	ударное окончание	безударное окончание
			<i>нести/нести</i>	<i>лести/лести</i>	<i>знать/знати</i>	<i>печь/печи/пекти/пекти</i>	<i>сидеть/сидети</i>	<i>помнить/помнити</i>
Восточные среднерусские окаящие говоры	V	Городецкий р-н Горьковской области	<i>несу</i> <i>несёшь</i> <i>несём</i> <i>несите</i> <i>несут</i>	<i>лэзу</i> <i>лэзёшь/лэзёшь</i> <i>лэзёт/лэзёт</i> <i>лэзём/лэзём</i> <i>лезите</i> <i>лэзут</i>	<i>знаю</i> <i>знаё</i> <i>знаём</i> <i>знайте</i> <i>знают</i>	<i>пекю</i> <i>пекёшь</i> <i>пекём</i> <i>пеките</i> <i>пекют</i>	<i>сидю</i> <i>сидишь</i> <i>сидят</i> <i>сидим</i> <i>сидите</i> <i>сидят</i>	<i>помню</i> <i>помнишь</i> <i>помнит</i> <i>помним</i> <i>помните</i> <i>помнят</i>
Восточные среднерусские акающие говоры	VI	Дер. Лека Московской области	<i>несу</i> <i>несёшь</i> <i>несё</i> <i>несём</i> <i>несёте</i> <i>несут</i>	<i>лэзу</i> <i>лэзёшь</i> <i>лэзё/лэзэ</i> <i>лэзем</i> <i>лезите</i> <i>лэзут</i>	<i>знаю</i> <i>знаёшь</i> <i>знаё</i> <i>знаём</i> <i>знайте</i> <i>знают</i>	<i>пекю</i> <i>пекёшь</i> <i>пекё</i> <i>пекём</i> <i>пекёте</i> <i>пекют</i>	<i>сидю</i> <i>сидишь</i> <i>сидят</i> <i>сидим</i> <i>сидите</i> <i>сидя/сидят</i>	<i>помню</i> <i>помнишь</i> <i>помнью/помнют</i> <i>помним</i> <i>помните</i> <i>помня/помняют</i>
Говоры южновеликорусского наречия	VII	Воронежская и Липецкая области	<i>несу</i> <i>нисёшь</i> <i>нисё/нисётъ</i> <i>нисём</i> <i>нисётя</i> <i>нясуть</i>	<i>лэзу</i> <i>лэзёшь</i> <i>лэзэ</i> <i>лэзем</i> <i>лэзита</i> <i>лэзуть</i>	<i>знаю</i> <i>знаишь</i> <i>зная</i> <i>знаим</i> <i>знаитя</i> <i>знають</i>	<i>пекю</i> <i>пекёшь</i> <i>пекётъ/пекё</i> <i>пекём</i> <i>пекётя</i> <i>пекють</i>	<i>сидю</i> <i>сидишь</i> <i>сидят</i> <i>сидим</i> <i>сидитя</i> <i>сидя/сидятя</i>	<i>помню</i> <i>помнишь</i> <i>помня</i> <i>помним</i> <i>помнитя</i> <i>помняютя</i>

Подчеркнутые разности спряжений сосуществуют в говорах со спряжением по литературной норме.

сходящие на нет формы будущего времени со вспомогательными глаголами «*почну*», «*учну*» (*учну реветь*, устюж.).

Диалектные формы сложного будущего времени, включающие вспомогательные глаголы «*имать*» и «*стать*», представляют собой реликтовое явление. В сложных формах будущего времени глагол «*быть*» стал употребляться как вспомогательный относительно поздно, не ранее XVI в. До этого со значением будущего времени использовались конструкции, состоящие из вспомогательных глаголов «*имати*», «*хотети*», «*начати*», «*почати*» и инфинитива. Вытеснение глаголом «*быть*» вспомогательных глаголов «*имати*», «*хотети*», «*начати*», «*почати*» обусловлено рядом причин. Одной из них является семантическая нейтральность глагола «*быть*». В сочетании с инфинитивом гл. «*быть*» передает только значение будущего времени, в то время как глаголы «*имати*», «*хотети*», «*начати*», «*почати*» могли сообщать конструкции дополнительные значения (*хотети* — желательности, *начати*, *почати* — начала действия).

Таблица 10

Формы будущего времени

	Образцы форм	Районы распространения
Будущее простое (от глг. совершен. вида)	<i>сделаю, принесу</i> <i>сделаешь, принесешь</i> <i>сделает, ... принесет, ...</i>	повсеместно
Будущее сложное (от глг. несовершен. вида)	<i>буду (будешь, будет, ...)</i> <i>делать</i> <i>иму (имешь, имет, ...)</i> <i>делать</i> <i>стану (станешь, станет, ...)</i> <i>делать</i>	повсеместно в нек. гов. свр. наречья (Великолукск., Новг., Кировск., Волог. обл.) в единичных говорах Вологодской обл. и sporadически в некоторых других говорах

§ 104. Прошедшее время

В большинстве говоров употребляются общерусские формы прошедшего времени на -л: *пришел* (а, о, и), *сказал* (а, о, и) и т. п.; *пр'ижа́л*, *нѣцава́ла*, *н'а ку́шыл'и*, *выстава́л* (ряз., мещ.), *купл'а́ла*, *врат'и́лас'*, *пр'ин'асл'и́*, *умар'и́лѣс'*, *пла́кѣла* (калуж.), *в'идáл*, *с'вѣт'ил*, *уз'áл* (взял), *уз'б'áл* (вбег) (тул.), *заложи́л*, *ѹм'ерл'и*, *вып'ил'и*, *стр'ѣл'ил*, *обвал'и́лас*, *н'и пособ'и́л* (КАССР. Пильмасозеро).

Теперь уже являются реликтовыми простые формы прошедшего времени со значением быстроты действия, как *сигей*, *прыгей*, *брашей* (*сиганул*, *прыгнул*, *бросил*) (жиздр.), *кидей* (*кинул*) (путивл.)¹.

¹ Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М. — Л., 1953.

В некоторых говорах отмечаются сложные формы прошедшего времени, являющиеся остатками древних форм перфекта и плюсквамперфекта. Как известно, древнерусский перфект, который в своем древнейшем виде включал формы настоящего времени глагола «*быти*» и причастие прошедшего времени на *-лъ*: *Ксмь, еси . . . (неслъ, писалъ...)* стал терять связку уже в XI веке. Как остаток древней формы перфекта можно рассматривать такие единичные диалектные формы, как: *пришел есть, ушел есть* (заонежск.).

Остатком второго сложного прошедшего времени — плюсквамперфекта — являются диалектные конструкции, состоящие из форм на *-л* (а, о, и) глаголов как совершенного, так и несовершенного вида и форм прошедшего времени вспомогательного глагола «*быть*». Формы плюсквамперфекта сохраняют старое значение и, как правило, означают отнесенное к прошлому состояние, являющееся результатом ранее совершенного действия: *и у меня короушка была завязла в этиф тонькаф* (болотах) (новг.), *зимой умерла была* (пуд. КАССР), *ездилла была в Москву-ту* (волог.) *был привел кобылу* (моск.).

В отдельных случаях форма плюсквамперфекта имеет значение действия в прошлом, предшествующего другому действию в прошлом: *У нево ухажорка взамуш вышла. Она ешию не вышла была, я писал ей, дак она говорит, немного таких, которы ждут с армии* (арх.).

В приведенных примерах наблюдается согласование связки с основным глаголом в роде и числе (*был привел, была завязла, были обгорили*). В ряде говоров северного наречия употребляется частица *было*, по происхождению представляющая собой связку прошедшего времени, утратившую формы словоизменения. Она выступает здесь не только для выражения начатого и прерванного действия или дейст-

Таблица II

Прошедшее время

		Образы форм	Районы распространения
Простые формы		<i>делал (-а, -о, -и), сделал (-а, -о, -и), говорил (-а, -о, -и), нес, несла (-о, -и)</i>	повсеместно
Сложные формы	остатки древнего плюсквамперфекта	<i>был (-а, -о, -и) пришел (-а, -о, -и)</i>	спорадически в различных районах, но главным образом в говорах свр. наречия, в западной части среднерусских говоров
	остатки древнего перфекта	<i>есть пришел</i>	реликтовое явление в некоторых говорах свр. наречия

вия с отрицательным результатом (*я хотел было зимой к дочери поехать, да раздумал; я летось было посадила огурцы, а не выросли*), как это свойственно русскому языку в целом, но и для выражения совершившегося в прошлом действия (*год сей корова долго болела*) (арх., пин.).

Употребление сложных форм прошедшего времени — явление, не характеризующееся сколько-нибудь четкой локализацией; оно отмечается спорадически в самых разных местах, но чаще в говорах северного наречия: в Новгородской, Вологодской, Архангельской, Ленинградской областях, а также в западной части среднерусских говоров — в псковских.

§ 105. Наклонение

В общей системе наклонений в диалектах не наблюдается отличий от общерусской литературной нормы. Глаголу свойственны три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное. Изъявительное наклонение возможно в плане настоящего, будущего и прошедшего времени. Эти времена уже описаны. Сослагательное и повелительное наклонения выражают действие не реальное, а предположительное или желательное. Поэтому им чужда категория времени.

Сослагательное наклонение в говорах, как и в литературном языке, выражается неизменяемой частицей *«бы»*, сочетающейся с формой прошедшего времени глагола: *Не была бы здесь школа, ему бы не учиваться* (Вол.); *шитобы собаки не растаскали бы* (КАССР). Иногда в северных говорах, главным образом в пересказах фольклорных произведений, употребляется частица *«было»*, которая может стоять как перед, так и после глагола: *приведет он, шитобы он не было сказал, говорите, што бывало* (КАССР).

Диалектный язык обладает общей с литературным языком системой форм повелительного наклонения. Нормой для литературного языка и для большей части говоров является окончание 2-го л. ед. ч. — *и*, в тех случаях, когда на него падает ударение (ср. *неси, береги*). Безударное *и* наблюдается лишь после сочетания согласных, а также в глаголах с ударением на приставке *вы* — (*тресни, грохни, хлопни, вынеси*). В остальных случаях 2-е л. ед. ч. повелительного наклонения характеризуется нулевым окончанием при мягком конечном согласном основы (ср. *сядь, встань*); если в основе заднеязычный согласный твердый (ср. *ляг*): *выбръс'и* (тул.), *выбрас'и* (курск.), *погл'ад'и* (арх., олон., ряз., курск.), *н'ас'и* (калин.), *н'ис'и* (вятск.), *клад'и* (курск.), *воз'м'и* (арх., олон., новг., киров., калуж., тул., ряз. и др.), *пойеж'ай*, *уйеж'ай* (арх., волог., моск., влад., калуж., ряз., курск., ворон. и др.), *ложыс'* (КАССР, лен., моск., курск.).

Специфику говоров в области повелительного наклонения определяют не различия в самих формах, в общем весьма незначительные, а различия в составе глаголов с тем или иным окончанием. В значительной части северных говоров, окончание *-и* наблюдается в безударном положении и после одного согласного: *удари* (арх.), *брвси*, *кйни* (волог.), *сяди* (арх.). Эти формы более архаичны, чем формы

с нулевым окончанием: в древнерусском языке старшего периода формы на *и* во 2 л. ед. ч. были нормой для всех глаголов (*неси, кини, дай, читай*), но затем, начиная с XII в. в безударной позиции на основе общей редукции конечных безударных гласных звук *и* исчезал, оставляя след гласного переднего ряда в виде мягкости конечного согласного (*сяди > сядь, кини > кинь*).

В значительной части говоров, главным образом южных, наблюдается нулевое окончание в форме повелительного наклонения 2-го лица в соответствии с ударным *-и* литературного языка и других говоров. Здесь имело место передвижение ударения с окончания на основу с последующей редукцией конечного *-и*, ставшего безударным: *пот', пак'иш, пал'иш, зб'он'* (калуж.), *гл'ан', пот'* (тул.), *не р'иш, в'иброс', праг'он'* (орл.), *пак'лон'с'а, пал'л'иш, зас'л'иш* (курск.), *взгл'ан', ат'вор', схар'он', стан'б'ф', слыш* (моск.).

Это явление можно считать живым для Владимиро-Поволжской группы, для восточной части Новгородского края и особенно для ряда говоров южнорусского наречия (Калуж., Орл., Курск., Воронежской обл.)¹.

Своеобразные формы повелительного наклонения наблюдаются по говорам у некоторых глаголов с задненебной согласной фонемой *г*, в основе настоящего времени. От глаголов *лечь, трогать, бежать* почти повсеместно распространены формы с шипящей согласной в конце основы, т. е. *ляжь, трожь, бежи*.

Некоторые особенности в образовании форм повелительного наклонения связаны с отличным от литературного языка соотношением основ настоящего и прошедшего времени у ряда глаголов: *прятать — прятая — пов. прятай, плакать — плакаю — плакай, плевать — плеваю — плевай*.

2 л. множ. числа повелит. наклонения образуется прибавлением форманта *-те* к форме 2 л. ед. ч.: *неси — несите, брось — бросьте, делай — делайте; нис'йт'а*² (тул.), *пр'ин'ес'йт'е* (арх.), *воз'м'йт'а* (орл., тул.), *п'от'т'е* (пойдите) (арх.), *ид'ит'ь* (влад.), *выгон'т'и* (горьк.), *скаж'йт'е* (кировск.), *ск'ач'т'а* (арх.), *нап'йт'е* (арх.), *нап'йт'и* (ульяновск.), *пал'ишт'е* (влад.), *пал'ишт'а* (тул.).

Единичны формы множ. числа, сохраняющие старый способ образования 2 л. мн. ч., с помощью тематического гласного *е* (из Ъ): *раскаж'ет'е, пойд'ет'а* (смол.).

В калужских говорах отмечена своеобразная форма повелительного наклонения 2 л. мн. ч. от гл. пойти: *поиш'лт'е*.

§ 106. Вид

Особенности видового образования глагола в русских говорах изучены исключительно мало, поэтому в настоящее время трудно

¹ Ср. соответствие форм инфинитива: в свр. наречий представлены формы инфинитива и 2 л. ед. числа повелительного наклонения с неударяемым *и* (инф. *кинути — пов. кини*). В говорах ювр. наречия наоборот — отсутствие *и* в обеих формах в соответствии с ударенным и литературного языка (инф. *принести — пов. принеси*).

² Безударное *е* после мягких согласных переходит в *'а* (см. гл. III, § 58).

представить систематическое описание видовой системы глагола в диалектах с точки зрения ее отличия от норм литературного языка. На основе имеющегося материала можно сделать лишь некоторые замечания.

В диалектах, как и вообще в русском языке, имеются два вида: совершенный и несовершенный. Несоверш. вид: *зáfтра кас'út' ит'т'á, а кас' н'ету* (калуж.); *rán'ше д'эфк'и хад'ýл'и платок зав'а-зáfшы ф кружок* (калуж.); *д'ёржыцца, ноц'ева́ла, соб'ерайут, бежý* (КАССР); соверш. вид: *прин'асл'ý йейé г дбхтару* (калуж.); *пыста́в'ил'и л'ен'ёшк'и пашан'ишны́е* (калуж.); *найду́, вырыл'и, пр'ил'ит'út* (ряз.) и т. п.

Оба вида различаются с внешней стороны морфологической структурой глагольной основы: приставками, суффиксами или чередованием гласных. Например, суффикс *-а-* характерен для несовершенного вида, а суффикс *-и-* — для совершенного: *растворять — растворить, стрелять — стрелить, пособлять — пособить, куплять — купить* и т. д.

В категории несовершенного вида в говорах значительно шире, чем в литературном языке, распространены образования с суффиксом — *-ыва, -ива, -ва*, имеющие значение многократного действия: *стреливать, ударивать, отдаивать* (отдавать), *погуливать, баливать, игрывать* и т. д.; *н'е с'ева́ла сама́ про с'еб'á* (т. е. для себя); *я́ н'е ода́ивала (отдавала)*.

Как противопоставление глаголам со значением многократности действия в говорах широко представлена группа глаголов на *-ону-ть, -ану-ть* со значением мгновенного, энергичного и сильного действия. Иногда употреблением такого глагола подчеркивается неожиданность, внезапность действия: *грохануть, бодануть, дыхануть* (при «дыхать»), *репануть, мелькануть, шепануть*.

Глаголы на *-ану-ть, -ону-ть* образуются главным образом от основ на *-а*, обозначающих простые конкретные действия: *пужать (пужануть и под.)*. В большом числе случаев в говорах представлено тройкое соответствие: глагол несовершенного вида и 2 глагола совершенного вида с суффиксами *-ну* и *-ану(-ону)*: *хлеба́ть — хлебну́ть — хлебану́ть (хлебану́ть), черпа́ть — черпну́ть — черпану́ть (черпону́ть)* и под.

Употребление глаголов со значением многократности на *-ыва-ть, -ива-ть* и со значением внезапности действия на *-ану-ть, -ону-ть* территориально не ограничено и представлено в различных говорах как свр., так и ювр. наречий. Отсюда рассматриваемые глаголы проникли в просторечие.

В говорах формы совершенного вида отличаются от форм несовершенного вида наличием приставок: *с-, на-, за-, о-, по-, при-* и др. Перечень приставок, как можно заметить, не отличается от соответствующего перечня в литературном языке, но в говорах наблюдается образование совершенного вида ряда глаголов по моделям, не характерным для общерусской нормы. Например, в говоре около озера Пильмас КАССР П. С. Кузнецовым отмечены следующие приставочные образования совершенного вида: *с-(со-) — думать — сдумать (продумать, обдумать), у меня все сдумано; у- — думать — удумать ('приду-*

мать', 'вздумать'); вы — помнить — выломнить (вспомнить); о — брать — обрать (взять), да и обрал жену, т. е. 'взял жену'; при — гореть — пригореть ('сгореть'), всё пригорело, т. е. сгорело; за — спать — заспать ('заснуть').

Видовое значение некоторых глаголов отличается от значения этих глаголов в литературном языке. Например, глагол «класть» в говорах может быть представлен со значением совершенного вида: ну, ён принес там муку, клал на стол (значение законченности действия — «положил») (КАССР)¹. Глагол «сказать» может иметь значение несовершенного вида «говорила»: «скокушка (лягушка) сама и растворяла и скаже Ивану...» (из сказки). В литературном языке этот глагол всегда выступает в значения совершенного вида, но в древнерусском языке глагол «сказати», по данным И. И. Срезневского², мог употребляться в значении несовершенного вида³.

§ 107. Возвратная форма

Особенности залоговых отношений в русских народных говорах в настоящее время не изучены достаточно систематично, и на основе имеющегося материала невозможно дать описание этих отношений с точки зрения отличий их от литературной нормы. Можно отметить только, что ряд глаголов, невозвратных по своей форме в литературном языке, в говорах допускает употребление в возвратной форме, и наоборот, невозвратная форма является на месте возвратной формы: поспешиться (поспешить): она поспешилась делать. повен. (ончук), переночеваться (переночевать): в этой деревне оне переночевались (белоз.), попить (попить) попились мы там и поелись. (дон.), поесть (поесть) поблагодарились, вопиться, воеваться, толковаться, играть и др.; с другой стороны: заблудить (заблудиться): я пошел да и заблудил. дон. осмелить (осмелиться): я не осмелил ей сказать. борович., отчаять ('отчаяться'): отчаял духом. белоз., загордеть (загордиться), понравить (понравиться), проснуть (проснуться), сомневать (сомневаться)⁴.

Что касается выразителя возвратной формы — частицы -ся, то здесь накоплен достаточный фактический материал, который показывает, что возвратные формы глаголов представляют по говорам большое разнообразие.

В литературном языке возвратная частица обобщилась в виде -ся после согласных: купалс'а (по старым орфоэпическим нормам после согласных с твердое: купалса); -сь — после гласных: уч' ус' (старая нор-

¹ Кузнецов П. С. Очерк морфологической системы Пильмасозерского говора. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 1, 1949, с. 115.

² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 3. СПб., 1903.

³ Кузнецов Н. С. Очерк морфологической системы Пильмасозерского говора. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 1, 1949, с. 115.

⁴ Материал приводится по кн. С. П. Обирского «Очерки по морфологии русского глагола». М., 1953, с. 63—68.

ма — *уч' ѱс*)¹. В ряде говоров мы находим другие варианты этой частицы: *-се(-сѣ), -си*. В результате отвердения эти основные варианты привели к образованию разновидностей с твердым *с*:

се > сз > со; си > сы, ся > са

Территории распространения различных вариантов возвратной частицы в общих чертах следующие:

Вариант *-се, -сѣ, -со* представлен в северной части свр. наречия (арх., олон.). Некоторые свидетельства из других областей, например, из Новгородской обл. единичны: *боюсе, воротилсе, дралисе, годиссе, родилсѣ* (арх.); *поклонюсе, бросясе, сошилсе* (олон.); *испужаласе, дожидалсе, боиссѣ, боиццо, деремсѣ, смотриссѣ, деруццо, боиццо* (волог.).

Вариант *-си* характерен для всей полосы средне- и южнорусских говоров. На территории свр. наречия эти формы оазисом встречаются в районе Прионежья: в Петрозав. р-не, в Пудожском р-не: *ударилси, стугалси, боимси* (пск.), *ни ругайси, боимси, звалси, осталси, кормимси* (моск.), *ни балуйси, жалуйси, боялси* (пенз.), *испужалси, запрягаимси* (калуж.), *ушибси, нарядилси* (орл.), *женилси* (курск.).

Формы на *-сы* относительно редки. В окающих говорах они встречаются главным образом в Новгородской области в формах инфинитива (*кататисы, гретисы*), формах 3 л. ед. ч. (*вертисы*) и формах прошедшего времени (*дралсы, охотилсы, боялси*) (новг.). Свидетельства о формах на *-сы* в полосе акающих говоров единичны: *напилсы, радилсы, апустилсы* (калужск.), *лажилсы* (курск.).

Формы на *-са, -с* характерны для восточных среднерусских говоров как окающих, так и акающих и для владими́ро-поволжской группы свр. наречия. Свидетельства из Новгородской и Кировской областей имеют случайный характер: *останюса, учюса, годисса, садис, не балуйса, перепекса, женилса, не сумлевайса* (костр.), *остануса, пѣдомилиса,*

Таблица 12

Варианты возвратной частицы

Разновидности возвратной частицы	Район распространения
<i>ся</i>	повсеместно, норма литературного языка
<i>се сѣ</i>	
<i>со</i>	
<i>си</i>	
<i>сы</i>	северные районы свр. наречия
<i>са</i>	среднерусские и южнорусские говоры. На территории свр. наречия в р-не Прионежья
	Редко. Гл. образом в новгородских говорах
	восточные среднерусские говоры (как акающие, так и окающие)

¹ В формах 1 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. настоящего времени и повелительного наклонения, в прошедшем времени в формах ж. и ср. р. ед. ч. и множ. ч., где возвратная частица следует после гласных.

срвалис, боисса, гордишса (казан.), умываемса, одделилса, стьжусса (яросл.), боялса, не связывайса, испугалес, удалса, учус (влад.), соглашалса, путаисса, приходилса, постаралса, состарилса, свалисса, сделайса (моск.).

Такое разнообразие объясняется тем, что возвратная частица по происхождению представляет собой безударную форму возвратного местоимения и восходит к различным падежам этого местоимения — к винительному, в древнерусском языке имевшему форму *ся*, и к дательному, в древнерусском имевшему форму *си*.

Некоторые особенности по говорам представляет возвратная форма с точки зрения ассимиляции согласного возвратной частицы и конечного согласного личного окончания глагола. В некоторых говорах во 2 л. ед. числа сочетание *ис*, сохраняющееся без изменения в литературном языке [*см'е'јис'а*], ассимилируется в долгое *с*; *смейсси*, *дерёсси*. Это наблюдается во многих северных и особенно южных говорах.

В ряде северных говоров (в некоторых говорах Северо-Востока) с возвратной частицы ассимилируется с предшествующим *и* 2-го лица, и в результате является *и* долгое, например: *смейишиа*, *дерёишиа* и т. п. В 3 л. ед. и мн. ч. в литературном языке *т* и *с* сливаются и дают одну долгую африкату *ц*. Такая ассимиляция наблюдается и во многих говорах с последующей заменой *ц*, если в соответствующем говоре *ц* подвергается изменению: *смейоцца*, *смейчча*. В других говорах ассимиляции нет: *смейтса*, *смейтси*.

Вследствие слияния возвратной частицы и личного окончания последнее в некоторых говорах становится недостаточно выразительным, в результате чего на возвратную форму 3-го лица может наслаиваться еще окончание 3 л. и является такая форма, как *придѣтциут* (*придется*). Такие формы засвидетельствованы в северной части южных говоров, а также в некоторых среднерусских на восток от Москвы (см. табл. 13).

§ 108. Неопределенная форма

Неопределенная форма глагола в древнерусском языке старшего периода оканчивалась на *-ти* (*дати*, *коупити*, *любити* и т. п.), а у глаголов с основой на заднеязычные *г*, *к* в результате сращения *г*, *к* основы с суффиксом *-ти* появлялись формы на *-чи*: *печи*, *беречи* и т. п. В дальнейшей истории (XII—XIII вв.) при ударении на основе конечный гласный *-и* редуцировался (*дати* > *дать*, *коупити* > *коупить* и т. п.), а у глаголов, имевших ударение на суффиксе неопределенной формы, сохранялось конечное *-ти*, не подвергаясь редукции. Такое положение сохраняет современный литературный язык. Однако в диалектах картина значительно сложнее. В говорах мы находим употребление форм с *-ти* при ударении на основе (*лѣзти*, *дѣти*), форм с *-ть* на месте ожидаемого *-ти* (*несть*). Диалектный язык сохранил форму на *-чи*, которой совсем не знает литературный язык. Формы на *-чи* предстают в различ-

Образы глаголов в возвратной форме

Район распространения	После гласных 1 л. ед. ч.	После согласных (кроме т и ш) прошедш. время, ед. ч.	3 л. ед. и мн. ч., инфинитив	2 л. ед. ч.
Холмогорский р-н Архангельской обл.	<i>сь, се боюсь, боюсе</i>	<i>си женилси</i>	<i>т + си → $\bar{ц}ы$, т + ся → $\bar{ц}а$ смеюцы смеюца</i>	<i>ш + си → $\bar{с}и$, ш + са → $\bar{с}я$ боиси боися</i>
Старорусский р-н Новгородской обл.	<i>сь, ся, си боюсь, боюся, боюси</i>	<i>си, ся, сы женилси женился женилсы</i>	<i>т + ся → $\bar{ц}а$ смеюца</i>	<i>ш + ся → $\bar{с}и$ ш + ся → $\bar{ш}я$ боиси боишя</i>
д. Лека Москов- ской обл. (ранее Рязанской обл.)	<i>сь боюсь</i>	<i>си, ся женилси женился</i>	<i>т + си → $\bar{т}цы$, т + ся → $\bar{т}ца$ смеятыцы, смеятца в д.: смеятцы смеятца смеютцы</i>	<i>ш + си → $\bar{с}и$ ш + ся → $\bar{с}я$ боиси боися</i>
Мещерские говоры Пензенской обл.	<i>сь боюсь</i>	<i>ся, си женился женилси</i>	<i>т + ся → $\bar{ц}ъ$ смеяцъ смеяцъ (инф.)</i>	<i>шс → $\bar{с}ь$ боись</i>
Говоры Калуж- ской обл.	<i>сь боюсь</i>	<i>ся женился</i>	<i>т + са → $\bar{ц}а$ смеюца</i>	<i>ш + ся → $\bar{ш}я$ боишя</i>

Формы инфинитива

Характер основы (по нормам литературного языка)	Формы инфинитива	Образцы форм	Районы распространения
безударные основы (ударение на суффиксе инфинитива)	<i>ти</i> <i>ть</i>	<i>нести́, плести́,</i> <i>нести, плести</i>	Повсеместно. Норма литературного языка Говоры ювр. наречия и нек. среднерусские говоры (моск., новг., калужск., тамбовск., орл., ряз., воронежск.) ладог.-тихв. гр. свр. наречия
ударные основы	<i>ть</i> <i>ти</i>	<i>брати́, лезти́</i> <i>брати, лезти</i>	Повсеместно. Норма литературного языка Говоры свр. наречия и некот. среднерусские говоры (арх., волог., тихвинск., яросл., калининск., новг.)
основы на <i>з, к</i>	<i>чь</i> <i>чи (ци)</i> <i>ючи, гчи</i> <i>кти, гти</i> <i>тчи</i> <i>чти</i>	<i>печь, мочь</i> <i>печи, мочи</i> <i>пекчи, моччи</i> <i>пекти, мочти</i> <i>петчи, мотчи</i> <i>печти, мочти</i> <i>печчи, моччи</i> <i>пекть</i> <i>печть</i> }	Повсеместно. Норма литературного языка Говоры свр. наречия. Нек. гов. свр. наречия: арх., волог., Кировск., яросл., владимир., а также в новгородск. гов. Нек. гов. свр. наречия: арх., костр., а также в новгор. говорах Нек. говоры горьковск. и казанск. обл. В нек. говорах восточной части влад.-поволжск. группы говоров В отдельных населенных пунктах
преимущественно от гл. <i>идти</i> и производных	<i>ти + ть</i> (т. е. с наращением <i>ть</i>)	<i>идти́ть, придти́ть,</i> <i>разойти́ться</i> и т. д.	спорадически—повсеместно, чаще в Моск. обл.
любые основы	<i>ти</i>	<i>выбира́т, ката́т, пахат</i>	очень ограниченно в Петрозаводск., Волог. обл.

ных вариантах: *печи, пекчи, пекти, печчи, петчи, печти, пекть, печь*¹. См. табл. 14.

Мы видим, таким образом, что глаголы с ударением на основе оканчивающейся на *-ти* составляют особенность свр. наречия. Например в Кировской области до недавнего времени такие формы были нормой, но сейчас они начинают уступать место литературной форме инфинитива. Среднерусским говорам, тем более акающим южным, эти формы чужды. Напротив, форма инфинитива на *-ть* (вместо *-ти* по литературной норме) представлена по преимуществу в ювр. наречии и в отдельных пунктах среднерусской территории. В свр. говорах подобные формы инфинитива отмечаются лишь спорадически.

Форма инфинитива на *-кчи, -гчи, -тчи, -чти* является вторичной по отношению к форме на *-чи*. Согласный *ч* исторически развился из сочетания *кт, гт* перед гласным переднего ряда. Формы на *-кчи* — комбинаторное образование из основной формы на *-чи*, скрестившейся с основой настоящего времени: *пекчу* и т. д. *при печи* → *пекчи*.

В настоящее время картина распространения одной и другой разновидности форм инфинитива основ на *г, к* (*-чи* с одной стороны, *-кчи, -гчи* — с другой) осложнена в результате взаимодействия говоров. Формы на *-чи* повсеместно употребляются в говорах свр. наречия, а также в новгородских и владими́ро-поволжских говорах. Формы на *-кчи, -гчи* шире распространены в архангельских, олонецких говорах, особенно же в Вологодской и Кировской областях. Формы на *-тчи, -чти* имеют незначительную сферу распространения на юго-востоке Горьковской области. Своим происхождением они обязаны фонетическому процессу переходного смягчения задненебных согласных, по которому *к* переходит в *т*. Инфинитив на *-чи* полностью отсутствует в акающих говорах.

Формы, осложненные добавочным элементом *-ть* (*идти́ть, найти́ть, взойти́ть, разойти́ться*) лишь у некоторых глаголов известны в повсеместном употреблении; главным образом, это глаголы с корнем *ид-*.

Инфинитив с несмягченным *т* на конце встречается в говорах редко (петрозав., тотемск. и некоторые другие). Вследствие малочисленности данных трудно с достоверностью говорить о происхождении этих форм. Может быть, они являются результатом отвердения конечного *т*, или возникли под влиянием древнего супина.

§ 109. Причастие

Русскому языку, как известно, свойственны действительные и страдательные причастия настоящего и прошедшего времени (*несущий, несший, несомый, несенный*). Страдательные причастия прошедшего времени имеют полную и краткую формы: *сделанный, -ая, -ое, -ые; сделан, -а, -о, -ы*. Из четырех причастных форм три для диалектного

¹ См. ст.: Сологуб А. И. Формы инфинитива в русских говорах. — «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1969, т. 28, вып. 4.

языка не характерны. Действительные причастия настоящего времени лишь изредка отмечаются по говорам как в значении причастия, так и в значении прилагательного: *немудрящий, нестоящий, завалиющий, работающий, летущий, плакущий* и под.

Суффиксы действительных причастий наст. времени (-ащ-, -ящ-, -ущ-, -ющ-) в говорах получили широкое распространение для оформления превосходной степени прилагательных: *краснящий, новящий, злеющий, предобреющий, громаднущий, надоедущий* и под.

Причастия прошедшего времени с суффиксами -ш-, -вш- употребляются также достаточно редко и обычно в застойной форме входят в состав сказуемого (см. гл. V, § 138): *Он пошел абуфигый, Лех спать ни раздефшей, Я ни паела ничево, пашла ни ефигый*¹. (ворон.).

Причастия страдательного залога настоящего времени в говорах не представлены, отдельные образования с суффиксами -им и очень редко -ем выступают только как прилагательные: *родимая* (плодородная) *земля, знаемый* (знакомый) *человек, непроходимая чаща, любимая дочка*.

Лишь страдательные причастия прошедшего времени широко представлены в говорах. Страдательные причастия прошедшего времени употребляются как в краткой, так и в полной форме, причем последние могут выступать и в функции определения, и в функции сказуемого: определение: *надень замаратый хфартук* (ряз.); *Как же мыца в нетопленной-то байне* (волог.); сказуемое: *Вся крыша разломана, Тот дом давно заколоченый* (арх.).

Страдательные причастия прошедшего времени в говорах образуются главным образом от основ переходных глаголов совершенного, реже несовершенного вида, что совпадает с нормой литературного языка. Однако в диалектах, главным образом в говорах свр. наречия, возможно образование страдательных причастий прошедшего времени от непереходных глаголов (*хожено, гуляно, болено*). В говорах на территории восточной части КАССР формы страдательных причастий прошедшего времени образуются даже от глаголов с грамматическим показателем непереходности — частицей -ся: *расстроенось, снятось, ученось, женёнсь*. (*У него женёнсь — он женился, женат.*)

Страдательные причастия в говорах образуются с помощью тех же суффиксов, что и в литературном языке: -ен(-енн), -н(-ин), -т, но распределение их по разрядам глаголов, кроме суффикса -ен(-енн), в говорах иное.

В говорах ювр. наречия и в восточной части среднерусских говоров наблюдается расширение образований с суффиксом -т, который может участвовать в образовании причастий от всех основ инфинитива на гласный звук; особенно распространены причастия с суффиксом -т от глаголов с основой инфинитива на -а: *выгнать — выгнат(ый), собрато — собрат(ый), сломать — сломат(ый), ткать — ткат(ый), убрать — убрат(ый)*. Основа на -и: *ранить — ранитый, похоро-*

¹ Примеры взяты из кн.: С о б и н н и к о в а В. И. Простое предложение в русских народных говорах. 1961.

нить — похоронить, переполнить — переполненный (цулók пра-рвйтэй; дбцыри эь баўтыми аддаты (пенз.). В говорах свр. наречия такие формы встречаются в незначительном количестве. Северным говорам, наоборот, больше, чем южным, характерны причастные образования с суффиксом -н. Причастия на -н могут образовываться от основ инфинитива на -о- (*выполоть* — *выполон(ый)*), *пороть* — *порон(ый)*), *смолоть* — *смолон(ый)*), *колоть* — *колон(ый)*); с осн. инфинитива на -е-: (*одеть* — *оденый*), *спеть* — *спеный*); на основ на -ну- (*выдернуть* — *выдернён(ый)*), *закинуть* — *закинен(ый)*), *примкнуть* — *примкнёный*), *гнуть* — *гнён(ый)*).

Причастия на -н, чуждые литературной норме, можно встретить также в среднерусских и ювр. говорах. В первую очередь это причастия от основы инфинитива на о. В ряде случаев отмечается образование страдательных причастий прошедшего времени также от основы настоящего времени. Особенно распространено такое образование от глагола *дать* (осн. наст. вр. *дад-*: *даден*, *даденый*...). По аналогии с *дать* причастия на -ден- образуются и от глаголов *брать*, *взять*: *даденый*, *дадено*, *отдаден*, *брадена*, *взяден* (волог., лен., калин., яросл., иван., горьк., ульяновск., моск., смол., брянск., калуж., тул., орл., курс., ворон., ряз. и др.).

§ 110. Деепричастие

Категория деепричастий в говорах представляет интерес и с точки зрения образования форм, и с точки зрения синтаксических функций. В диалектах так же, как и в литературном языке, употребляются деепричастия настоящего времени с суффиксами -а, -учи, образованные от основ настоящего времени глаголов несовершенного вида (*делая*, *неся*, *стуца*, *будучи*, *идучи*, *живучи*, *умеючи*). Образования на -учи в литературном языке представлены только формой «будучи». В диалектах деепричастия на -учи распространены главным образом в говорах северного наречия, но и здесь они составляют лексически ограниченную группу. Чаще других, по-видимому, употребляются деепричастия на -учи от глаголов: *идти* — *идучи*, *ехать* — *едучи*, *жить* — *живучи*, *умети* — *умеючи*.

Деепричастия с суффиксом -а, -учи в говорах встречаются сравнительно редко. Так же, как и в литературном языке, они легко переходят в наречия: *я лежа есть не умею*, *фстать нада* (волог.).

Деепричастия прошедшего времени употребляются в диалектах достаточно широко. Они образуются от основ прошедшего времени: а) от основ на согласный с помощью суффикса -ши; *несши*; б) от основ на гласный — с помощью суффиксов -вши, -миши, -тиши, -лиши: *уехавши*, *уехавшиши*, *уехавшиши*, *уехалиши*: *ни емиши*, *разумшиши*, *разделиши*, *ни жанамиши*, *закрымиши* (пенз.), *уехавши*, *слёгши* (новг.), *оставиши*, *выпишиши* (КАССР), *выехавши*, *сделавши*, *купивши* (волог.). Суффикс -вши имеет повсеместное распространение, остальные — территориально ограничены (см. табл. 15).

Образование и распространение деепричастий настоящего и прошедшего времени

Время	Тип основы	Суффикс деепричастия	Образец формы	Район распространения
Настоящее	От основ настоящего времени	<i>а/я</i> <i>учу/ючи</i>	<i>делаю,</i> <i>стуча</i> <i>живучи,</i> <i>знаючи</i>	Повсеместно, но представлены очень мало. Литературная норма. В литературном языке от ограниченной группы глаголов. В говорах повсеместно, но тоже от ограниченной группы глаголов
Прошедшее	От основ прошедшего времени на согласный на гласный	<i>ши</i> <i>виши</i> <i>миши</i> <i>тиши</i> <i>лиши</i>	<i>несши</i> <i>делавши</i> <i>делавиши</i> <i>делавиши</i> <i>делавиши</i>	повсеместно повсеместно в большей части говоров ювр. наречия и части среднерусских sporadически в разных говорах свр. наречия только в части говоров Великолукской области

Широко распространенной диалектной чертой является образование деепричастий от возвратных глаголов с опущением частицы *-ся*: от гл. *опоясаться* — *опоясавши*, *наглядеться* — *наглядевши*, *вернуться* — *вернувши*, *рассердиться* — *рассердивши*, *обуться* — *обувши*, *одеться* — *одевши*, *не выспаться* — *не выспавши*, *а двма была остайфши двц'ка* (белоз.). *Я выехал уже сонце закатифши* (петрозав.).

От гл. «идти» и однокоренных приставочных глаголов в говорах возможны разнообразные формы деепричастий: *ушотци* или *ушетци* (сев.-зап. территории), *ушотчи* или *ушетчи* (юго-зап. территории), *ушомиши* (sporadически на большей части территории ювр. наречия и части среднерусских говоров), *ушот* (около г. Гдова), *ушотсы* (около г. Старая Русса), *ушовиши*, *ушотиши* или *ушетиши* (почти повсеместно. Нет только в районах, где встречается форма на *тици*).

Деепричастия в говорах, как и в литературном языке, могут обозначать добавочное действие, и в этом случае являются обстоятельством. Но в ряде говоров деепричастия, от основ прошедшего времени, могут означать главное действие и являться сказуемым: *а он был остайфши* (КАССР) (см. гл. V, § 141).

* * *

Таким образом, в говорах глаголы характеризуются в общем единой системой форм и обнаруживают те же грамматические категории, что и в литературном языке. Специфически диалектными являются

лишь немногочисленные формы плюсквамперфекта и перфекта, а также причастные образования на *-вши*. Эти формы выражают такие оттенки прошедшего времени, для которых в современном литературном языке нет специального формального выражения.

Ограниченные возможности образования и употребления причастных форм также существенно отличает глагол в говорах от норм литературного языка.

Вид и залог глагола в говорах изучены далеко не достаточно, поэтому описание глагола с точки зрения значения и формального выражения этих категорий в настоящее время не может быть достаточно полным.

Характер глагольной основы и особенности глагольного словообразования также требуют дальнейшего изучения.

Литература

Васюкова Г. П. Формы настоящего времени глаголов в современных южнорусских говорах. Автореферат канд. дисс. М., 1956.

Земская В. В. К истории деепричастий в южнорусских и среднерусских говорах. Автореферат канд. дисс. Челябинск, 1950.

Касвин Г. А. Основы настоящего времени глаголов 2-го спряжения.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 3. М., 1949.

Кузнецов П. С. Очерк морфологической системы Пильмасозерского говора.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 2. М., 1949.

Ломтев Т. П. [Рец. на кн.:] Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола.— «Русский язык в школе», 1954, № 5.

Ломтев Т. П. [Рец. на кн.:] Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология.— «Вопросы языкознания», 1954, № 5.

Макарова Л. И. Некоторые особенности образования и употребления страдательных причастий прошедшего времени в русских народных говорах.— «Уч. зап. Балашовского пединститута», 1957, т. 2.

Марецкая А. Ф. Говоры Старорусского р-на Новгородской области. Фонетика и морфология. Автореферат канд. дисс. Л., 1953.

Обнорский С. П. Образование глагольных форм 3 л. настоящего времени в русском языке.— «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1941, № 3.

Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Перевозчикова Ф. Д. Морфологический очерк говора северной части Уржумского р-на Кировской области. Автореферат канд. дисс. М.— Л., 1952.

Пирогова Л. И. О глаголе в говоре Холмогорского р-на Архангельской обл.— «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1959, т. 134, вып. 9.

Самойлова И. Д. Система глагольных форм в говоре Городецкого р-на Горьковской области.— «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1959, т. 134, вып. 9.

Светлова В. Н. Особенности глагольных форм в некоторых говорах восточных районов Свердловской обл.— «Уч. зап. кафедры русского языка Тюменского пединститута», 1960, вып. 1.

Селищев А. М. [Рец. на кн.:] Дурново Н. Очерк истории русского языка.— «Изв. ОРЯС», 1927, т. 32.

Симонов В. В. Очерк морфологической системы говоров Верховинского р-на Кировской обл. Автореферат канд. дисс. Казань, 1956.

Смолицкая Г. П. Некоторые условия употребления гл. 3 лица без *т* в современных южнорусских говорах.— «Филологические науки», 1959, № 2.

Сологуб А. И. Формы повелительного наклонения в русских говорах.— «Труды Ин-та языкознания», 1957, т. 7.

Сологуб А. И. Формы инфинитива в русских говорах.— «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1969, т. 28, вып. 4.

Титовская В. В. Личные формы глагола в современных южновеликорусских говорах (на материале некоторых сел Воронежской и Липецкой обл.).— В кн.: Материалы совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности. Воронеж, 1959.

Фортунатов Ф. Ф. Старославянское ть. в 3-м лице глаголов.— «Изв. Академии наук», 1908, т. 13, кн. 2.

Чагишева В. И. Формы прошедшего времени в говорах Кадуйского р-на Вологодской обл.— «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1957, т. 130.

Черных П. Я. Очерки по истории и диалектологии северновеликорусского наречия. 1. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, как памятник северновеликорусской речи XVII столетия. Иркутск, 1927.

ГЛАВА V

СИНТАКСИС

§ 111. Общие сведения

Синтаксический строй русского языка в его говорах характеризуется меньшим числом ярко диалектных различий, чем его морфологический и фонетический строй. Удельный вес необщераспространенных синтаксических явлений в диалектах в общем невелик. Это прежде всего своеобразные, не свойственные литературному языку, способы выражения сказуемого, способы построения словосочетаний, а также довольно большой набор диалектных служебных слов, по преимуществу союзов и частиц, выражающих различные синтаксические отношения. Все эти собственно диалектные черты являются либо архаизмами, восходящими к древнерусскому или еще более ранним историческим состояниям языка, либо продуктами относительно позднего внутрдиалектного развития, и представляют поэтому чрезвычайно интересный интерес с точки зрения истории русского языка.

Различительные черты следует, разумеется, усматривать и в тех свойственных лишь части территориальных диалектов синтаксических элементах, которые отвечают норме литературного языка, например в конструкции с инфинитивной формой вин. пад. жен. рода на *-а (-я)* *«надо носить воду»*, малоупотребительной в тех северных говорах, где последовательно употребляется оборот *«надо носить вода»*; или в конструкции с переходным глаголом совершенного вида *«она уже привыкла»*, полностью замещаемой в части говоров оборотами *«у нее уже привыкнуто»* или *«она уже привыкла»*.

В главе рассматриваются лишь некоторые наиболее значительные из таких несобственно диалектных различительных синтаксических элементов. Наконец, в ней почти не отражены те весьма существенные черты синтаксической структуры диалектов, которые характеризуют

всякую разговорную речь и речь диалектную как «наиболее разговорную» — в особенности (например, выражение основных синтаксических отношений с помощью интонации и ритма речи; пропуск слов, подразумеваемых на основании ситуации или контекста; всякого рода перебивы; переименование структурных планов; незаконченность построений; вставка в предложение слов, словосочетаний или целых предложений; повторение отдельных частей высказывания; повторение предлогов; вольное расположение членов синтаксической конструкции и т. д.). Подобные особенности, чуждые книжно-письменной форме литературного языка, обусловлены самой природой устной речи. Они свойственны всем диалектам и поэтому не являются дифференциальными¹.

Вместе с тем в главе не могли быть обойдены некоторые наиболее заметные из тех общераспространенных синтаксических явлений, которые отличаются в говорах большей продуктивностью, чем в разговорной литературной речи. В таких случаях сама интенсивность употребления предстает как черта диалектная.

Вследствие крайне недостаточной изученности синтаксиса русских народных говоров зачастую бывает трудно установить, является ли тот или иной синтаксический элемент территориально варьирующим, различительным, или это принадлежность сфер просторечных, «полу-диалектных», промежуточных между языком диалектов и литературным языком. Не способствует такому установлению и чрезвычайная неопределенность изоглосс многих синтаксических явлений, «расплывчатость» и большая величина их ареалов.

В главе два раздела: «Простое предложение» и «Сложное предложение» (последний — в сокращенном варианте).

Диалектное своеобразие в выражении сказуемого, в функции которого часто выступают не свойственные или мало свойственные современному русскому литературному языку отдельные глагольные формы (личные формы, причастие, деепричастие, инфинитив), а также особые формы имен, уже само по себе предполагает несложное и вместе с тем очень естественное подразделение имеющегося в говорах множества структурных разновидностей простого предложения на крупные, но весьма выразительные группы. Принятая схема позволяет более или менее последовательно рассмотреть отдельные диалектные различия в этой области синтаксиса. По такому же простому плану (определение, дополнение, обстоятельство) рассматриваются и наиболее существенные диалектные особенности в выражении второстепенных членов предложения.

---

¹ Языковые средства, связанные со спецификой говорения, присущи, разумеется, и устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка. Однако, развиваясь в пределах последнего, они все более приобретают черты своеобразной, мало знакомой языку диалектов типизации и системной упорядоченности.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
И ЕГО СТРУКТУРНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ1. КОНСТРУКЦИИ С ЛИЧНОЙ ФОРМОЙ ВЕЩЕСТВЕННОГО
ГЛАГОЛА В СОСТАВЕ СКАЗУЕМОГО§ 112. Опущение местоимения-подлежащего
при глагольном сказуемом

В русских народных говорах, как, впрочем, и в разговорной литературной речи, наблюдается довольно явственная тенденция не употреблять личных местоимений (прежде всего это касается форм I лица) в функции подлежащего при спрягаемой форме глагола, если такое употребление не является особо необходимым: *(слышу как чего-то лопнуло, лежу, испугалась, операции-то боюсь, ницего не питалась, сейчас-то хоть еще ем, лекарства не хочу, не хочу дак и не запихавшь; как-то дали пиллюлю, глотаю, а она в горле катается, уж и руками двину штобы проглотить-то, а она опять на верех — (арх.).*

Как полагают наблюдатели, указанная тенденция проявляет себя в языке диалектов, в частности в ряде говоров олонецкой и архангельской групп, более заметно, чем в устно-разговорной разновидности литературного языка, что, однако, не является еще фактом вполне доказанным и ждет своего подтверждения в новых исследованиях синтаксиса разговорной и диалектной речи.

В то же время во многих говорах свр. и ювр. наречий отчетливо прослеживается (и это представляет как бы обратную сторону данного явления) употребление личных местоимений либо при их логическом подчеркивании, либо с целью противопоставления субъектов: *Я позади иду.* (Имеется в виду, что другое лицо идет впереди или сбоку.)

§ 113. Конструкция с формой аналитического
давнопрошедшего (*был приехал*)

Значительной части говоров свр. наречия и некоторым ювр. говорам (например, рязанским, брянским, воронежским) знакома конструкция, предикативный член которой состоит из прошедшего на -л — вещественного глагола и совпадающего с ним по форме вспомогательного глагола *быть*: *у меня того лета сын был приехал*¹; *их три брата-то были в Питер ходили.* Как уже отмечалось в разделе морфологии (см. выше, стр. 192) образования типа «*был приехал*» являются своеобразными формами прошедшего сложного (давнопрошедшего), которое, как свидетельствуют памятники, было важным элементом системы глагольных времен в древнерусском языке: *есмь былъ пришесть.*

¹ Все примеры, приведенные в данном параграфе, записаны в Архангельской области.

В современных говорах эти формы используются не только в функции давнопрошедшего, т. е. для выражения значения действия, имевшего место в отдаленном прошлом, но также и в качестве своеобразного «предпрошедшего». Последнее может выражать как состояние субъекта, отнесенное ко времени, предшествующему моменту речи (в этом случае употребляются обычно формы совершенного вида: *сейчас бригадир был захал; вся згорода была завалилась*), так и действие, предшествовавшее в прошлом другому действию: *песни была пела, танцевала была, а когда замуж вышла — нет: дети пошли, некогда было*¹.

Сказуемое данного типа выступает чаще в двусоставном предложении, но оно может быть структурной основой также и односоставных (неопределенно-личных, безличных) конструкций, сохраняя ту же временную семантику: *меня в подпечек закрыли были, чтоб я околела, чтоб я угорела* (из рассказа о детстве); *всю пожню затопило было*.

В литературном языке и в большей части русских народных говоров, прежде всего в ювр. и свр. говорах, указанные оттенки временного значения выражаются формами на -л. Однако в говорах Северо-Запада на большой и довольно компактной территории они имеют и некоторые другие, специальные способы выражения (см. §§ 134—141).

§ 114. Конструкция с глагольным сказуемым, выражающим начатое, но не осуществленное действие (*был приехал, была приехал*)

В некоторых ювр. говорах, например в говорах Брянской области, оборот «был приехал» обозначает действие, которое началось, но было прервано: *ён был обещался приехать, но не приехал; отец был остался, а потом перешел к нам*). В литературном языке данное значение передается, как известно, сочетанием глагольного сказуемого на -л с частицей *было*, не чуждым также большинству русских говоров (*он было приехал*).

В некоторых воронежских говорах слово *было* в конструкциях подобного типа имеет форму *былка* (по-видимому, *былка* < *было* как): *былка только зажили, ды вот война*.

§ 115. Диалектное своеобразие конструкции с глагольным сказуемым, выступающим при частице *бывало*

Для обозначения действия, имевшего место в отдаленном прошлом, почти во всех русских говорах употребляется сказуемое, состоящее из частицы *бывало* и личной формы глагола. В некоторых свр. говорах, в частности на территории Карельской АССР, глагол прошедшего времени при этой частице может быть употреблен не только в несовершенном (как в литературном языке), но и совершенном виде: *бывало прово-*

¹ Форма на -л вещественного глагола, уже давно превратившаяся в русском языке из причастия в личную глагольную форму, очевидно, и в данном обороте уже не осознается как форма неличная. Поэтому нет оснований рассматривать его в ряду конструкций со сказуемым-причастием.

дила сына в солдаты ды так и не увидала; бывало я родила парня. Ср. также не свойственные литературному языку конструкции с формами глагола *быть*: *бывало за деревней часовня была деревянна*.

§ 116. Конструкция с формой простого прошедшего на -л, имеющей различительный характер

К синтаксическим явлениям данного типа относятся конструкции, где сказуемое на -л, образованное от непереходного глагола совершенного вида, имеет перфектное значение, т. е. обозначает результат действия, совершившегося в прошлом: *я уже привыкла; во как устала (лошадь)!*; *жонка уж не молодка, уж постарела; а Василия дома нет, он уехал; смотри: Дуня-то нарядилась* и т. п.

Широко употребительные во многих говорах поморской, восточной и владими́ро-поволжской групп свр. наречия, а также в ювр. говорах, конструкции указанного структурного типа очень непродуктивны в большинстве говоров Северо-Запада (в говорах псковских и новгородских, отчасти в русских говорах Карельской АССР, где в роли сказуемого в данном случае выступают обычно иные, неличные формы глагола; см. §§ 134, 138). И поэтому их не следует безоговорочно относить к общераспространенным явлениям.

§ 117. Разновидности конструкций с глагольным сказуемым не бытийного значения при родительном субъекта (*людей набегут*)

В говорах бытует своеобразный, не знакомый литературному языку, тип односоставных предложений, в которых главный член, выраженный непереходным глаголом в форме 3 л. мн. ч., распространен родительным падежом существительного мн. ч., выступающего в роли субъектного дополнения: *к йим всегда людей набегут, дак яблоку некуда упасть; комаров налетят* и т. п.

Значительно более распространены в говорах, особенно в северно-великорусских, сходные по структуре с рассмотренным типом спрягаемо-глагольные безличные предложения, где в функции главного члена выступает непереходный глагол либо в форме 3-го л. ед. ч., либо в прошедшем времени: *к осени студентов наедет; мурашей набезжит; косарей пошло*. Подобные обороты не чужды и речевым звеньям, переходным от диалектной к разговорной литературной речи, хотя их активность здесь заметно снижена.

§ 118. Конструкция с глагольным сказуемым бытийного значения при родительном субъекта (*есть дров*)

Довольно часто главный член безличного предложения с родительным субъекта выражается в говорах глаголами бытия *быть*, *быва́ть*: *есть у меня дров, на зиму хватит; и на том поле позёму было; волков тоже бывает*. Этот архаичный тип безличных конструкций свойствен

прежде всего говорам свр. наречия, особенно в северо-восточной части Новгородской области, значительной части Ленинградской области, а также на территории Карельской АССР и западной части Архангельской области. В других говорах и литературном языке ему соответствуют двусоставные обороты типа: *есть дрова; волки бывают* и т. п. Маловероятно, однако, чтобы последние в какой-либо части говоров полностью замещались конструкциями рассматриваемого типа.

В роли дополнения при глагольной форме выступают существительные либо множественного, либо единственного числа (из тех, которые обозначают понятия, допускающие мысль о каком-то расчленении, измерении, счете, и которые обычно не имеют форм множественного числа). Впрочем, в некоторых северных говорах собирателями также отмечены отступающие от этого правила конструкции типа: *а отца-то у тебя есть?*

По-видимому, данный оборот появился в языке по аналогии с отрицательной конструкцией: *неть молока; не бѣ хлѣба*, которой еще в общеславянском языке был присущ родительный разделительный. Фиксируемые в некоторых русских говорах, например в ярославских и костромских, конструкции с двойным отрицанием: *там грязи-то не нет; не нет дураков на свете* подтверждают возможность подобного развития.

§ 119. Конструкция с глагольным сказуемым, включающим форму *есть* бытийного значения и спрягаемую форму другого глагола (*есть сидят*)

Во многих говорах свр. наречия (в говорах Карельской АССР, Новгородской, Ленинградской, Калининской и Ярославской областей, а также западных районов Вологодской и Архангельской областей) и сопредельных с ним западных районов среднерусской полосы знаменательное слово *есть* может сочетаться как самостоятельный предикат с личными глагольными формами изъявительного наклонения, как правило, наст. или прош. вр. с перфектным значением, образуя своеобразные сложные формы сказуемого: *там уж есть сидят какие-то; и в Алексеевке есть с города приехали; в Ленинграде наши деревенски тоже есть бывали*; Ср. в безличном обороте: *туды к лесу есть столбы завалило*.

Оборот подобного типа характеризуется обычно неопределенностью значения подлежащего или отсутствием последнего (он приобретает в таком случае неопределенно-личный характер) и представляет собой как бы два слившихся простых предложения: *есть приехали=есть такие, которые приехали*. Возникновение конструкции рассмотренного типа следует, по-видимому, объяснять свойствами разговорной речи, для которой вообще характерна тенденция к простому соположению соотносящихся предложений и слабая оформленность служебными словами связи между ними. Препозиция слова *есть* по отношению ко второму глаголу является в данном случае преобладающей. Сказуемое обозначает здесь не только действие или его результат, но также и реальное существование самого действителя в момент говорения.

§ 120. Конструкция с предикатом, включающим форму *есть* бытийного значения и неличную форму глагола (*есть насушено*)

Слово *есть* с вещественным (бытийным) значением может сочетаться аналогичным образом (т. е. так же, как в конструкции *«есть сидят»*) и с неличными временными формами глагола (причастными или деепричастными предикатами, см. §§ 127—133, 138), поскольку они в большинстве говоров, упомянутых в предыдущем параграфе, присоединяются к глагольной парадигме как особые временные формы перфектного типа: *в магазине шапки есть привезён; грибов-то у ей тоже есть насушено; и у Лизы есь какой-то дачник приехавши*.

Лишь на ограниченной территории свр. наречия, главным образом в говорах Прионежья (на западном берегу Онежского озера), а также в некоторых ювр. говорах установлено употребление слова *есть* в свободных (не фразеологизированных) конструкциях также и в функции отвлеченной связки. Это подтверждается, в частности, тем, что здесь возможны не только обороты с глагольными формами, рассмотренные в данном и предшествующем параграфах, но и двусоставные конструкции с именным сказуемым (и что особенно важно — с существительным в качестве предикативного члена: *она есть веск* и т. п.), в составе которого слово *есть* уже не может считаться знаменательным (см. § 159), тем более если подлежащее обозначает о п р е д е л е н н ы й предмет. Личное местоимение в последней конструкции является таким подлежащим. Если при подлежащем — личном местоимении сказуемым является причастие или деепричастие, то уже нет гарантии того, что *есть* представляет здесь связку. Ср., например, возможность в говорах следующих конструкций с экзистенциальным *есть* при подлежащем — личном местоимении: *я тоже есть в войну сфотографирован, найти надо* (смысл: *есть фотокарточка*); ср. также: *я где-то съёмши есть*. Наличие конструкций типа *она есть веск* позволяет допустить, что отвлеченная связка *есть* может в указанных говорах входить также в состав конструкций с формами причастия и деепричастия, т. е. усматриваться в существующих рядом конструкциях: *дом есть построен; волосы есть посивеши*. Однако такая интерпретация значения слова *есть* в этих последних случаях, даже в говорах, о которых идет речь, — далеко не беспорна.

§ 121. Конструкция с формой *есть*, имеющей значение «пребывания» (*где ты есть?*)

Во многих говорах, преимущественно южновеликорусских (в частности, в брянских, курских, воронежских), знаменательная глагольная форма *есть* с бытийным значением употребительна также в значении «пребывать», «находиться». Однако этот оборот несколько фразеологизирован — ограничен главным образом вопросительными конструкциями или дополнительными придаточными предложениями, в том и другом случае — с местоименным наречием *где*: *а где они есть? а иде*

ентот жених есть? посмотри где он есть и т. п. Он характерен также для языка населения старшего и среднего возраста, исконно проживающего в городах южной полосы. Рассмотренное употребление слова *есть* фиксируется в южнорусских памятниках XVIII в. Современному же литературному языку, даже его разговорной форме, это явление как стилистически нейтральный факт в общем не свойственно.

§ 122. Конструкция с глагольным сказуемым, включающим кроме спрягаемой формы глагола форму *есть*, лишенную вещественного значения (*работал есть*)

Рассмотренные выше конструкции с самостоятельным предикатом *есть* и в особенности конструкцию типа *есть сидят*, *есть приехали* (§ 119) следует отличать от встречающихся в северных говорах (архангельских, вологодских, олонечских и некоторых говорах Северо-Запада) диалектных структур типа: *я съездила есь в город*; *Василий работал естя*; *матка говорила есь*; — *где Коля? — там внизу есь сидит*. В подобных оборотах слово *есть*, входящее в состав сказуемого и свободно выступающее не только в пре-, но и в постпозиции к глаголу, лишено какого-либо вещественного значения.

Вопрос о генезисе этой конструкции остается пока открытым. Одни исследователи возводят сочетания *«есть»*+форма на *-л* к древнерусскому перфекту, другие усматривают здесь результат того же развития, которое привело к образованию конструкций типа *есть сидят*.

Так или иначе слово *есть* близко в данном случае по своему характеру к частице. Привносит ли эта частица в конструкцию некий утвердительно-усилительный смысл, как полагают некоторые исследователи, или она, как думают другие ученые, вообще не несёт никакой функции и является «пустой», избыточной с точки зрения грамматической системы современных говоров — пока достоверно не выяснено.

§ 123. Конструкция с глагольным сказуемым, включающим две одинаковые личные формы глагола (*сохнут стоят*)

По-видимому, ту же природу, что и формы сказуемого типа *есть стоят* (§ 119), имеет наблюдаемый в ряде говоров обоих русских наречий оборот, сказуемое которого состоит из двух грамматически одинаковых или сходных личных форм глагола: *дерева сохнут стоят*; *он все стонет ходит*; *девчонка спужалась сидит*; *назябся стоит*.

Сказуемое данного типа обозначает неразрывное единство двух действий, которые совершаются одновременно или последовательно. При этом входящий в состав сказуемого глагол движения (состояния) выступает в ослабленном лексическом значении, получая одновременно значение, близкое к грамматическому. Данный оборот свойствен также сферам просторечным и, в известной степени, устно-разговорной форме литературного языка, однако в диалектной речи он отличается большей продуктивностью.

§ 124. Диалектная специфика конструкции с глагольным сказуемым, осложненным глаголом *взять*

Весьма распространены в говорах формы глагольного сказуемого (всегда совершенного вида) с глаголом *взять*, который дополняет основное значение сказуемого значением внезапности, неподготовленности действия, часто с оттенком быстро принятого решения. При этом, в отличие от литературной нормы, где подобное сказуемое обычно включает в себя союзы *и, да, да и*: *взял да и ушел*, в говорах как свр., так и ювр. часто наблюдается отсутствие союза: *а Филипп взял уши ему надрал; Вася не дурак, взял убег оттуль; а он взял убралси*. Этот факт (так же, как и конструкции, рассмотренные в §§ 119, 123) следует, по-видимому, объяснять самой спецификой диалектной речи как речи «наиболее разговорной» и в силу этого — наиболее тяготеющей к паратактическим построениям¹.

§ 125. Конструкции с диалектными формами повелительного наклонения (*пошел неси, нехай идет*)

Некоторым ювр. говорам свойственны своеобразные, не знакомые литературному языку формы повелительного наклонения. Так, в брянских говорах употребительны конструкции, в которых глагольное сказуемое в форме повелительного наклонения 2-го лица осложняется глагольной формой *пошел*, утратившей способность изменяться по родам и приблизившейся по своей функции к побудительной частице: *мам, пошел неси спок*.

Сочетанием глагола 3-го лица с частицей *нехай* в ряде смоленских, курских, воронежских и тамбовских говоров образуется диалектная форма повелительного наклонения того же лица: *нехай уходит; нехай они в колхозе работают*. Эта форма, отмеченная также в некоторых сврр. и свр. говорах, свойственна белорусскому и украинскому литературным языкам.

§ 126. Конструкция с глагольным сказуемым, согласующимся с подлежащим «по смыслу» (*народ стоят*)

Как в северных, так и в южных говорах, широко распространено употребление глагольного сказуемого, согласованного с подлежащим не формально, а семантически, «по смыслу». Так, при подлежащем, выраженном собирательным существительным, глагольное сказуемое часто имеет форму множественного числа: *молодежь на сўпрядку собирались, с прялкам: ихня рода (родня) в городе живут; что-то народ у магазина стоят*.

Известно, что употребление сказуемого в форме множественного числа при подлежащем-местоимении *кто, никто* (даже, если такое местоимение обозначает не одно, а несколько лиц) является наруше-

¹ Паратаксис (<греч. *parataxis* выстраивание рядом) — способ выражения синтаксических отношений путем простого соположения элементов.

нием нормы литературного языка. В диалектной речи такое употребление довольно обычно: *никто вчерась не пришли* и т. п.

Согласование «по смыслу», получившее широкое отражение в древнерусских памятниках, представляет, по-видимому, и на современном этапе развития русского языка живую закономерность. Оно отмечается также и в просторечии и даже в разговорной форме литературного языка.

2. КОНСТРУКЦИИ С ПРИЧАСТИЕМ В СОСТАВЕ СКАЗУЕМОГО

§ 127. Конструкция с кратким страдательным причастием, согласованным с подлежащим, как различительное явление

Наиболее употребительным в русских народных говорах структурным типом простого предложения с предикативным членом, выраженным кратким страдательным причастием, является, как и в литературном языке, двусоставная конструкция, в которой причастие-сказуемое от переходного глагола при связке или без нее согласуется с подлежащим в роде и числе. Она свойственна говорам обоих наречий: *сын весь выранен; была труба с избы налажена, крѹгла, с осины, вытесана, выскоблена была осина; палки кладены на стог.* (Ср. употребление данного предиката при родительном субъекте с предлогом *у*: *это у меня ведро взято*, о чем см. § 135 ¹.)

Данный тип правомерно характеризовать не только как наиболее продуктивную в языке диалектов конструкцию с кратким страдательным причастием (даже в тех северных говорах, где степень употребительности диалектных страдательно-безличных оборотов — см. §§ 130—134 — оказывается наивысшей), но и как черту дифференциальную, поскольку он неупотребителен в некоторых говорах Северо-Запада, в частности в ряде говоров Псковской и Новгородской областей.

§ 128. Конструкция с неизменяемым страдательным причастием, застывшим в форме мужского рода (*травя скошен*)

В упомянутых только что говорах рассмотренному выше структурному типу соответствует развившаяся, по-видимому, уже в поздний период конструкция с несогласуемым кратким страдательным причастием, как бы застывшим в форме мужского рода: *туды к берегу вся травя скошен; дровишки слава богу распилен, ведро принесен.* Со связкой: *щетка куда-то была запихан.* (Ср. возможность употребления в данном обороте субъектного дополнения — сочетания родительного падежа с предлогом *у*: *а овцы-то у меня не загнан, бежать надо.* См.

¹ В ювр. говорах и части срвр. говоров, где данный структурный тип наиболее распространен, формы женск. и средн. рода причастий звучат одинаково, так как форманты *-но, -то* в условиях акающих говоров произносятся как *-на, -та*.

§ 135). Любопытно, что неизменяемая форма причастия муж. рода последовательно употребляется в этих говорах лишь при подлежащем жен. и ср. рода или множ. числа. При формах же подлежащего муж. рода более обычным является здесь координирующееся с ним в роде и числе предикативное ч л е н н о е страдательное причастие (см. § 129). Краткое страдательное причастие в форме муж. рода выступает в тех же говорах и в безличном употреблении: *с полудённика обложен* («обложило» тучами), *буде дождь; только мыла (пол)* — *опять грязь наношен* (Ср. аналогичные обороты с причастием на *-но, -то*, §§ 130, 131.)

Установлено, что в части указанных говоров вообще отсутствует изменяемое краткое причастие страдательного залога. Т. е. единственная имеющаяся в языке диалектов форма краткого страдательного причастия предстает здесь как форма неизменяемая, что не характерно для литературного языка. Неизменяемость сближает причастие в указанных говорах с так называемыми предикативами¹: предикативным наречием, предикативным деепричастием. Интересно, что территория наибольшего распространения деепричастия-сказуемого (ср. § 138) включает в себя ареал рассматриваемого оборота и что оно тоже представляет собой уже неизменяемое, застывшее в форме женского рода, древнее краткое причастие, только иного, действительного залога.

§ 129. Конструкция с членным страдательным причастием, имеющим значение перфекта (*билет уже купленный*)

Известно, что в современном русском литературном языке в системе глагольных времен, в частности в роли выразителей перфектного и плюсквамперфектного значений, не могут выступать полные формы причастий (эти временные значения выражаются здесь либо глагольными формами на *-л*, либо краткими причастиями). Такое употребление причастий (как правило, при подлежащем муж. рода) характерно, однако, для многих русских говоров, в частности для ювр. наречия. Особенно оно свойственно некоторым свр. и западным сврр. говорам, в том числе и тем, которым знакомо неизменяемое краткое причастие на *-н, -т* (см. § 128): *а сегодня гляжу: еще один столоб выкопаной; весь день зря потраченный; билет уже купленный*. При связке: *белый (хлеб) тоже был вчера привезённый*.

Конструкции рассматриваемого типа — это единственный в своем роде случай в русском языке, когда членная форма страдательного причастия употребляется в функции временной формы глагола. Оно имеет здесь обычно значение прошедшего актуального, т. е. перфекта (см. §§ 134, 138), или, при связке, — своеобразного предпрошедшего. (Ср. также возможность употребления данного предиката при субъектном дополнении, выраженном посессивным сочетанием (*y*+родитель-

¹ Одной из наиболее заметных общих тенденций в развитии славянских языков является формирование категории неизменяемых предикативов («категории состояния»).

ный падеж): *мешок-то у его в чулан затащенной*. О значении, которое привносится в этом случае в конструкцию, см. §§ 134, 135).

Возникновение рассмотренной особенности, по-видимому, связано с широким развитием в диалектах и просторечных сферах предикативного употребления членных форм прилагательного (ср. § 157), хотя оба эти явления нельзя смешивать.

§ 130. Страдательно-безличный оборот с причастием переходного глагола в его абсолютном значении (там огорожено)

Весьма продуктивным в языке русских диалектов структурным типом является безличная конструкция с кратким страдательным причастием, образованная от переходного глагола совершенного вида в его абсолютном (непереходном) значении: *брусника растет большие на порубках, где вырублено; за скотным огорожено, а вы в прогон идите; оны здесь зимой не живут, заколочено*. Со связкой: *на горы летось было распахано*.

Рассматриваемый оборот свойствен также разговорной разновидности литературного языка. Однако круг глаголов, способных образовывать причастие, представляется в ряде свр. говоров, например в говорах западной, олонецкой и поморской групп, значительно расширенным, отчасти благодаря большей, чем в литературном языке, способности глаголов к абсолютивизации. Поэтому кроме вышеприведенных конструкций возможны в говорах и такие: *в той тарелке тоже съедено; заготовлено уж, дак...; и с той кучи у кого-то взято* и т. п. В данном обороте, как видно из последнего примера, может присутствовать реальный субъект действия, выраженный посессивным сочетанием «у + родительный падеж» (см. §§ 134, 135).

Степень безличности в подобных случаях бывает различной. Если, например, безличный характер конструкции *там огорожено* вряд ли может вызвать сомнение, то конструкция *оттуда взято* уже не столь бесспорна, так как здесь с большим основанием может быть допустима неполнота, а стало быть и двусоставность¹.

---

¹ Т. е. можно допустить, что, употребляя конструкцию *оттуда взято* и под., говорящий все же удерживает в мысли нечто в качестве грамматического субъекта (подлежащего), являющегося в то же время реальным объектом действия (чем и должно быть подлежащее при страдательном причастии-сказуемом). Подтверждение этому как будто находим в возможности слишком легкой подстановки в этот оборот любого из множества тех слов с неконкретным значением, за которыми в русском языке закрепилось значение среднего рода и каждое из которых может здесь мыслиться как подлежащее, например местоимений *всё, это, то, что-то, кое-что; оттуда (кое-что) взято* или неопределенно-количественных числительных (часто представляющих в речи эллиптические неопределенно-количественные сочетания) *немного, немножко, малость, много, столько* и т. п.: *оттуда (немножко) взято*.

**§ 131. Страдательно-безличный оборот с причастием
переходного глагола при родительном части
(воды принесено)**

К рассмотренному выше типу близок другой, в котором, однако, переходность причастия сохраняется благодаря наличию родительного части: *шишек насобёрено, так и стоит мешок; ряпушки наловлено; воды принесено*. Со связкой: *с окошком вровне нартыто было снегу*. В обороте подобного типа также возможно выражение действителя посредством предложно-падежного посессивного сочетания: *корьё берут возами, во корья-то у его надрано* (подробнее о посессивном значении см. §§ 134, 135).

Данный тип широко распространен в говорах свр. наречия и при-мыкающих к ним с Юго-Запада срвр. говорах. Он не является ярко дифференциальным, так как в основной своей части свойствен и полу-диалектам, и даже разговорной форме литературного языка. Выработанные в этих сферах нормативы данного оборота характеризуются известной четкостью¹. Они хотя и не отражают целиком норм употребления данной конструкции в диалектах (ср., например, возможность в говорах подобных предикатов с двойной приставкой *пона-*: *у крота ям понакопано*), однако приблизительно им соответствуют.

Страдательно-безличный оборот рассмотренного типа в упомянутых выше диалектных системах (это касается и структуры, рассмотренной в § 130) заметно отличается от норм разговорной литературной речи прежде всего и н т е н с и в н о с т ь ю употребления. Это значит, что диалектоноситель Севера или Северо-Запада скорее, чем говорящий на литературном языке, предпочтет предложениям: *они уже напилили (дров), он уже наколол (дров)* конструкции со страдательным причастием-перфектом: *у них уже напилено (дров), у него уже наколото (дров)*².

**§ 132. Страдательно-безличный оборот с причастием
переходного глагола при винительном прямого дополнения
(пряжу нарядено)**

Другим структурным типом безличной конструкции с кратким страдательным причастием, сохраняющим переходное значение, является ярко диалектный (и как полагают — архаичный) оборот с винительным

¹ Лексический фонд сказуемого-причастия данного типа существенно ограничен. Наиболее значительная из составляющих его глагольных групп — глаголы совершенного вида с приставкой *на-*, обозначающей распространение действия на какую-то часть вещества или на неопределенное число конкретных предметов (причастия в вышеприведенных диалектных конструкциях отвечают этой норме).

² Страдательно-безличная конструкция с родительным части взаимодействует в диалектных системах с двусоставными оборотами, в которых подлежащее выражено количественно-именным сочетанием и легко переходит в них: *у ей горюшка (много) по-принято*. Поэтому конструкции с родительным партитивным при безлично-предикативном страдательном причастии очень близки к тому, чтобы их характеризовать как неполные двусоставные. При такой интерпретации конструкций родительный части — не что иное, как грамматический субъект (подлежащее), точнее, часть его, так как субъектом является все синтаксически неразложимое сочетание *горюшка много*.

прямого дополнения, обычно при причастии совершенного вида: *озеро теперь небольшое, куда-то эту воду спущено; два года в углу лежал, контужено его; пряжу напрядено; со связкой: руку тоже было смято; реже — при причастии несовершенного вида: у волков тут корову йидено.*

Этот тип предложения, известный в украинском и западнославянских языках, свойствен лишь некоторым свр. говорам, в частности говорам Архангельской, северной части Вологодской областей и некоторым русским говорам Карелии. Нерегулярное его употребление отмечается, впрочем, в говорах Новгородской и Псковской областей, а также северной части Калининской области. В ряде случаев бывает затруднительно отличить безличную конструкцию с прямым дополнением при страдательном причастии от двусоставной конструкции. Интерес в этом отношении представляет следующий структурный тип.

§ 133. Конструкция с кратким страдательным причастием на *-но, -то* при именительном падеже существительного (*байня срублено*)

В ряде свр. говоров, в частности в говорах Вытегорского района Вологодской области, а также Пудожского и Медвежьегорского районов Карельской АССР, возможно употребление неизменяемого страдательного причастия на *-но* и *-то*, в котором есть основания усматривать сказуемое двусоставного предложения: *сахарница куда-то дёвано; тепло ему, рубашка надето дак*; в том числе с посессивным сочетанием — выразителем реального субъекта действия: *байня у его самого срублено* (о посессивном значении в оборотах с причастием см. §§ 134, 135).

Причастие в конструкции данного типа представляет собой, по видимому, результат той же тенденции некоторых русских диалектов развивать неизменяемые отпричастные предикативы (не только в односоставных, но и в двусоставных предложениях), которая привела к образованию неизменяемых отпричастных форм в оборотах типа *трава скошен* (ср. § 128) или *он уехавши* (ср. § 138 и след.).

Обороты с причастием на *-но, -то* остаются по своей природе весьма неясными. Трудность отграничения двусоставных предложений от безличных обусловлена прежде всего тем, что прямое дополнение, выраженное именем II склонения, в тех же говорах часто употребляется (и не только при инфинитиве) в именительном падеже (см. § 164). Отсутствуют четкие критерии для установления того, каким членом предложения является существительное *байня* в конструкции *байня срублено*, — подлежащим двусоставного предложения при несогласованном сказуемом (такое допущение сделано выше) или прямым дополнением при главном члене безличного предложения ¹.

¹ Взгляд на подобные конструкции как на двусоставные подкрепляется спорадическим употреблением в тех же говорах оборотов, в которых именительный падеж существительного не может мыслиться как дополнение. При этом в одних случаях причастие выступает как образование от непереходного глагола: *он уехано*, в других оно имеет при себе прямое дополнение: *он техникум кончено*.

Неопределенность критерия сохраняется в подобных конструкциях и в том случае, если неодушевленное имя существительное относится к другим типам склонения, которые, как и в литературном языке, характеризуются омонимией окончаний именительного и винительного падежей: *кирпич положено; у Гриши заборик поставлено.*

**§ 134. Страдательно-безличный оборот с причастием
непереходного глагола, или «северный посессивный перфект»
(у него уехано)**

Яркой различительной особенностью большой группы свр. говоров (в том числе говоров поморской, вологодско-вятской, олонечкой и отчасти западной групп) является безличная конструкция с чуждым литературному языку кратким страдательным причастием от непереходного (как невозвратного, так и возвратного¹) глагола: *у ей замуж выдено четырнадцать лет уж; у него в город уехано; столько годов работала в больницы-то, у меня привыкнуто; у Аньки-то у дочери разойдёнось, Анька-то приехала домой, а у него уж пожененось, два раз на недели женилси; во как у меня ударенось.* Реальный субъект действия в таком обороте выражается сочетанием предлога *у* с родительным падежом.

Оборот имеет своеобразное временное значение. Так, в конструкции: *во как у меня ударенось* говорящий в большей степени сосредоточивает внимание на имеющемся у него в данный момент ушибе, т. е. на состоянии и действователя в момент высказывания, чем на имевшем место ранее ударе, т. е. действии, в результате которого возникло данное состояние. Эта причастная форма соответствует в литературном языке форме на *-л*: *вот как я ударилась*. Оборот *у них на работу уйдено* означает *они ушли на работу, и их нет сейчас дома*. При этом особо подчеркивается именно последнее (§ 116).

В подобном обороте причастие выражает состояние субъекта в настоящем, возникшее в результате действия, совершенного (испытанного) им в прошлом. Само же действие остается как бы на втором плане. Такое значение форм прошедшего времени называют перфектным.

Основная масса глаголов, производящих данную форму, — глаголы совершенного вида. Образования несовершенного вида типа *у меня долго лежано*, где временное значение близко к имперфектному, встречаются реже.

Перфектность значения свойственна страдательному причастию не только в обороте данного типа. Она присуща почти всякому краткому страдательному причастию совершенного вида как в диалектах, так и в литературном языке, независимо от того, является ли это причастие главным членом безличного предложения или сказуемым двусоставной конструкции. Так что формами перфекта можно считать

¹ Формы страдательных причастий от глаголов с частицей *-ся* имеют, по-видимому, более узкую территорию распространения, чем образования от других непереходных глаголов. Особенно употребительны они в говорах восточной части Карельской АССР.

все причастия-сказуемые, описанные выше, в §§ 127—133 ¹. Однако указанный оборот должен быть все же выделен как особый вид перфекта по следующим причинам: 1) это подчеркнуто дифференциальная разновидность перфекта, совершенно не свойственная ни литературному языку, ни даже речевым сферам, переходным от литературного языка к диалектам; 2) реальный производитель действия в этом обороте, как было указано, находит своеобразное выражение в сочетании предлога *y* с родительным падежом имени.

Данный структурный тип принято называть в лингвистической литературе «посессивным перфектом», поскольку, благодаря посессивному сочетанию (*y*+род. п.), состояние, обозначаемое причастием, мыслится как бы принадлежащим субъекту действия ².

§ 135. Конструкции с обязательным и факультативным значением посессивности

Русский посессивный перфект находит свое наиболее последовательное воплощение в обороте, рассмотренном в предыдущем параграфе, поскольку выражение реального субъекта посредством посессивного сочетания (*y*+родит. п.) является нормой только при причастии, образованном от непереходного глагола. Лишь в этом случае отсутствие посессивного сочетания почти всегда означает синтаксическую неполноту конструкции: *с утра уйдено*. (Реальный субъект опущен, но он подразумевается, и непременно в форме упомянутого посессивного сочетания.)

Выраженная указанным способом «посессивность» не является принадлежностью только данного оборота. Она свойственна также структурным типам, охарактеризованным выше, в §§ 130—132, т. е. безличным оборотам с причастием переходных глаголов. Но здесь она факультативна. Оборот *там закрыто* (ср. § 130), при употребительности в том же диалекте параллельного *y нее там закрыто*, является конструкцией синтаксически полной. Реальный субъект действия здесь может быть исключен, что, как правило, невозможно в конструкциях только что рассмотренного типа.

Также и в конструкциях с родительным партитивным (ср. § 131), который может выступать только при переходной форме причастия; выражение реального субъекта посредством сочетания (*y*+род. п.) не обязательно, хотя и возможно. Так, в конструкции: *В канаву (y кого-то) брёвен навалено* употребление посессивного сочетания является частным случаем для данного структурного типа и может быть опущено. Выражение фактического действителя с помощью указанного

¹ Эти же формы, употребленные с личной или безличной формой глагола *быть* в прош. вр., в каждом случае образуют ту или иную разновидность «предпрошедшего», соотносительного с данной формой перфекта: *y него было уйдено; трава была скошена; билет был купленной* и т. д.

² В других языках этому посессивному сочетанию может соответствовать предикативное сочетание подлежащего с формой вспомогательного глагола *иметь*. Ср., например, оборот *y меня выпито* с немецким перфектом *ich habe getrunken* (в знач. «я выпил», в первоначальном своем значении, буквально: «я имею выпитый»).

предложно-падежного сочетания наблюдается, наконец, и в двусоставных конструкциях со сказуемым—страдательным причастием (ср. §§ 127—129): *дом-от у него прошлой год построен; камень у Петьки, видно, притащенной*. Употребление посессивного сочетания в конструкциях подобного типа не чуждо и разговорной форме литературного языка.

§ 136. Конструкции с субъектным дополнением, не имеющим посессивного значения (*от соседа принесено, медведицей схвачено*)

Реальный субъект действия в конструкциях с предикативным страдательным причастием может выражаться в некоторых говорах, например новгородских, с помощью сочетания предлога *от* с родительным падежом: *так от бога дадено; да от соседа принесено, в онбаре живет* (о кролике). Такое сочетание, именно в субъективном значении, могло употребляться при страдательном причастии в древнерусском языке. Оно сохранялось еще в литературном языке XVIII века (ср. в «Кратком российском летописце» М. В. Ломоносова: «*Был всегда от брата обеспокоин*»). Не обнаружено, однако, говоров, где бы подобный оборот представлял систему.

Фактический действительный субъект в оборотах с предикативным страдательным причастием может выражаться в некоторых говорах и творительным падежом: *молоду женщину схвачено медведицей*. Но такое употребление довольно редко.

В языковых сферах, промежуточных между диалектами и литературным языком, использование творительного субъекта также минимально. Известно, что он более употребителен в разговорной литературной речи.

§ 137. Конструкция с причастным предикатом действительного залога (*был одевшій*)

Как уже упоминалось в главе «Морфология» (см. § 101), действительные причастия почти не свойственны русским народным говорам. Однако в некоторых южновеликорусских, в частности воронежских, говорах употребляются в функции (1) сказуемого или (2) одного из его вещественных компонентов своеобразные, уже ставшие неизменяемыми формы действительного причастия на *-вшій, -мишій*: *он выпимшій; а весной одевшій была, — всю весну; пошли обувшій; пришла раздевшій*. Указанные предикаты близки по своему характеру к деепричастию.

Более употребительна в русских диалектах другая застывшая форма древнего краткого причастия действительного залога — бывшая форма ед. ч. женск. р. на *-вши* (*выпивши, одевши* и т. п.). Эта форма, которую с еще большим правом можно квалифицировать как деепричастие, рассматривается в следующем разделе.

3. КОНСТРУКЦИИ С ДЕЕПРИЧАСТИЕМ В СОСТАВЕ СКАЗУЕМОГО

§ 138. Конструкция с деепричастием-перфектом на *-вши* и его специфика

Одной из наиболее ярких и жизнестойких особенностей синтаксиса русских говоров Северо-Запада является сказуемое употребление деепричастия прошедшего времени в двусоставных конструкциях: *в лесах опять лоси появивши; дочка в семокос уехавши; Гришка побывтевши, бытный такой стал, здоровлюнный*¹.

В этом деепричастии, как и в рассмотренном выше страдательном-безличном посессивном обороте (§ 134) справедливо усматривают особую форму перфекта². Оно имеет грамматически довольно четко очерченную лексическую базу, которую составляют глаголы *приехать, уехать, выйти, уйти, прийти, собраться, помереть, жениться, вырасти, устать, сгореть, привыкнуть, родиться* и многие другие — более тысячи активно употребляющихся в диалекте глаголов. Подавляющее их большинство — глаголы совершенного вида, так как перфект как временная единица связан с законченностью, завершенностью действия. И значение перфекта, свойственное прошедшему на *-л* в современном русском литературном языке, и рассмотренные выше перфекты, выражаемые в формах страдательного причастия (см. §§ 127—136), и данный перфект на *-вши* одинаково заключены в рамки совершенного вида.

Есть и другая грамматическая черта, которая характеризует круг глаголов, производящих предикативное деепричастие: почти все они непереходны³. Поскольку непереходность этих глаголов не является

¹ Речь идет о говорах Псковской, Новгородской, большей части Ленинградской, части Калининской и части Смоленской областей. Сюда же относят обычно русские говоры прибалтийских республик, а также части Карельской АССР (к югу от Медвежьегорска), хотя в этих говорах можно уже наблюдать некоторые отклонения от псковско-новгородской нормы употребления данного предиката. Предикативное деепричастие на *-вши* (*-уши, -мши*) знакомо также многим ювр. говорам (в частности, говорам Калужской, Брянской, Орловской, Воронежской и Тамбовской областей), однако здесь оно ограничено сравнительно небольшим кругом слов (*не евши, не пивши, не спавши, обувши, одевши, раздевши, выпивши* и немногих других) и не представляет собой той системы, какую оно является в северо-западных диалектах.

² Предикативное деепричастие иногда не без оснований именуют «отпричастной формой». Этот термин характеризует его с генетической стороны.

³ Это утверждение действительно, по крайней мере, для говоров Псковской и Новгородской областей — центральных районов ареала систематического употребления северо-западного предикативного деепричастия. Что касается говоров за пределами данного ареала, то в некоторых из них фиксируются образования на *-вши* и от переходных глаголов, не идущие, однако, по степени продуктивности в какое-либо сравнение с северо-западным перфектом, о котором идет речь. Так, в ряде русских говоров (например, калужских) есть обороты с предикативным деепричастием страдательного значения: *лошадь запряжомши, вода вся выпимши; канцелярия заперши* и под., где формы на *-вши* (*-мши*) трудно расценить иначе, как образования от переходных глаголов. Подобные конструкции возможны в говорах Северо-Запада лишь в качестве исключений. В некоторых других говорах, например в русских говорах Латвии, наблюдатели отмечают не характерные для псковских и новгородских говоров обороты с прямым дополнением при деепричастии: *он прочитавши книгу*.

в русском языке непременным условием образования всех других перфектов¹, кроме дееспричастного, то ее можно считать специфической чертой последнего.

Итак, производящими северо-западный перфект на *-вши* являются непереходные глаголы совершенного вида.

Теперь установлено, что дееспричастие-перфект образуют не все глаголы этой грамматической группы, а, как правило, те из них (составляющие, впрочем, значительное большинство), которые способны выражать осуществленное изменение в состоянии или пространственном положении и производителем действия. Такие глаголы называют мутативными (от лат. *mutatio* — изменение). Указанное значение выражается обычно достаточно ярко: *не шумите, она так уставши* (глагол «устать» обозначает осуществлённое изменение в физическом состоянии субъекта); *цыганы приписавши в колхозе* (глагол «приписаться» обозначает осуществлённое изменение в общественном положении субъекта) и т. д.

Те же непереходные глаголы совершенного вида, которые не имеют мутативного значения (а их в данной грамматической группе меньшинство), не образуют северо-западного перфекта. Так, невозможны формы дееспричастия-сказуемого от глаголов *закричать, зареветь, навредить, нагрубить, болтнуть, взглянуть, вздохнуть, глестнуть (скользнуть), здрыгнуть (здогнуть)* и т. п., т. е. неупотребительны в говорах конструкций типа «он *закричавши*», «он *навредивши*» и т. д.

Итак, специфика северо-западного перфекта связана с фактом непереходности производящих глаголов, а также с их мутативностью, категорией, еще более, чем непереходность, связанной с лексикой. Можно, пожалуй, говорить о некоторой лексикализованности дееспричастного перфекта, о его связанности семантикой указанных категорий. Действие, обозначаемое дееспричастием (например, в конструкции «*река замерзши*») не переносится на какой-либо объект (непереходность!), а сосредоточивается на самом субъекте (в данном случае — на «реке»), который, испытав его на себе и претерпев в силу этого известное изменение (мутативность!), становится, таким образом, носителем нового состояния (река в момент говорения находится в «замерзшем» состоянии, покрыта льдом). Последнее подчеркивается в мысли, потому что оно и является здесь результатом действия, существующим в настоящем (т. е. значением перфекта). Или, что то же, результат предстает

---

¹ Известно, что переходные глаголы свободно образуют форму на *-а* с перфектным значением, как в литературном языке: *Посмотри: снег покрыл тротуары...*, так и во всех территориальных диалектах, включая и те, в которых северный possessивный перфект (см. § 134) и данный перфект на *-вши* имеют наибольшее распространение. Известно также, что во всех разновидностях русского языка (в том числе и территориальных) именно переходные глаголы образуют страдательные формы причастия с перфективным значением. Последние доминируют даже в тех говорах, в которых непереходный структурный тип *у него уйдено* получил наибольшее развитие (см. § 127).

не иначе, как в виде нового общего состояния субъекта. В этом нельзя не видеть основной отличительной черты северо-западного деепричастия как формы перфекта ¹.

§ 139. Взаимоотношение деепричастия-перфекта и прошедшего на -л в диалектных системах

Выступая как особая временная форма в системе прошедших времен северо-западных русских диалектов, предикативное деепричастие находится, естественно, в системных отношениях с другими временными формами и прежде всего с формой прошедшего на -л. Хотя употребление этой последней в говорах Северо-Запада, как и в ряде других свр: диалектов, несколько сужено (по сравнению, например, с литературным языком или ювр. говорами) за счет неличных временных форм, в данном случае за счет деепричастия, она и здесь является преобладающей. В самом деле, все глаголы несовершенного вида, с одной стороны, и все переходные — с другой (а это, если учесть группу непереходных глаголов совершенного вида, не образующих перфекта на -вши (§ 138), составляет не менее 3/4 всего запаса глагольной лексики диалекта), дают в прошедшем только формы на -л. Случаи образования предикативного деепричастия и от глаголов названных грамматических разрядов составляют небольшую долю и не могут считаться нормой.

Таким образом, для значительного большинства глаголов в системе прошедшего времени нормы диалектов Северо-Запада и литературного языка совпадают. Более того, формы на -л в говорах, знающих перфект на -вши, вообще не имеют ограничения в отглагольном образовании. В соответствии с нормами диалекта они свободно образуются и от глаголов лексической базы предикативного деепричастия (§ 138). Собственно, в ее пределах и существует на первый взгляд «параллельное» употребление этих форм. Но формы эти потому здесь и параллельны, что выполняют различные временные функции.

Временное значение форм на -л в данных рамках можно было бы определить как очень близкое к аористическому, при котором прошедшее действие представляется как мгновенное, независимо от того, как продолжительно оно было на самом деле. Такое временное значение не включает в себя значения последующего состояния, возникшего в результате действия, и этим отличается от перфектного значения, свойственного деепричастию. Приведем те редкие, но наиболее показательные случаи, когда функции обеих форм, образованных от одного и того же глагола, прослеживаются в одной фразе: *хлеб у их весь проросши, пророс еще на полосу; у ее сын моблизовавши, ноне весной моблизовался* (следует понимать: «демобилизовался»); *председателя нет*,

¹ Употреблявшиеся в древнерусских текстах краткие причастия действительного залога прошедшего времени, к которым предположительно возводят данное деепричастие, не обнаруживают значения перфекта подобной специфики и обусловленности. Это свидетельствует об относительно позднем становлении деепричастия-сказуемого как видо-временной формы в ее современном виде.

уехавши, не знаю куды, сел на лисанет и уехал. (В литературном языке и в говорах за пределами Северо-Запада в каждом случае были бы употреблены две формы на -л.)

Функциональная дифференциация обеих форм (на -л и на -вши) представлена в речи носителей псковских и новгородских говоров еще достаточно последовательно, что объясняется чрезвычайной устойчивостью северо-западного перфекта — формы, в сущности, весьма удобной. В тех случаях, когда лексически параллельные деепричастно-перфекту (т. е. образованные от глаголов его лексической базы) формы на -л перестают восприниматься говорящим как аористические и получают перфектное значение, чаще всего следует усматривать факты литературного влияния. Процент употребительности таких форм по сравнению с деепричастием-перфектом всегда чрезвычайно мал и лишь незначительно меняется, в зависимости от степени «стёртости» говора. Известно, однако, что в русских диалектах за пределами Северо-Запада, а также и в литературном языке непереходные формы на -л с перфектным значением чрезвычайно употребительны. В северо-западных же говорах деепричастие в огромной мере подменяет собой эти формы, являясь таким образом цельным звеном в системе прошедшего времени диалекта.

§ 140. Взаимоотношение деепричастия-перфекта и форм страдательного причастия в диалектных системах

Деепричастие-сказуемое в русских говорах Северо-Запада состоит в системных отношениях не только с формами на -л, но и с теми элементами в системе прошедших времен, которые выступают в виде различно оформленных страдательных причастий и тоже обладают перфектным значением (см. §§ 127—136).

Особый интерес представляет взаимоотношение северо-западного перфекта на -вши с северным посессивным перфектом, т. е. с оборотами типа: *у него уйдено, у него женёнось.* Установлено, что на большей части территории систематического употребления деепричастия на -вши в роли сказуемого (в говорах Псковской и большей части Новгородской области) нет, как правило, форм посессивного перфекта, входящих в лексическую «сферу» северо-западного перфекта, т. е. как раз тех образований, в которых русский посессивный перфект представлен наиболее выразительно (см. § 134). Вполне очевидно территориальное размежевание последних с предикативным деепричастием. Их ареалы тяготеют в разные стороны (первый — к северу от центральных областей, второй — к западу) и в очень малой степени накладываются друг на друга. Лишь в местах соприкосновения ареалов (на территории Карельской АССР, главным образом в говорах Заонежского полуострова) можно наблюдать случаи «сосуществования», а скорее географически объяснимого столкновения этих форм (т. е. употребления одним и тем же диалектоносителем лексически «параллельных» форм обоих перфектов: *он женивши и у него женёнось; она привыкши и у неё привыкнуто.*)

Что касается взаимоотношения северо-западного перфекта с другими разновидностями перфекта — кратким страдательным причастием-сказуемым двусоставного и односоставного предложения (см. §§ 127—133), которое во всех этих случаях тоже выступает, как правило, в совершенном виде, то здесь разграничение производящих глаголов пожалуй, еще более определено: первая форма образуется обычно от непереходных глаголов, вторая — от переходных.

§ 141. Конструкция с аналитическим предпрошедшим (*был уехавши*)

Если северо-западное предикативное деепричастие без связки является формой перфекта, то сочетание его со связкой *был* (*была, было*): *прошлый-то год и хлеб рано был выколосивши; дома ей не было, в поле была уехавши; мальчика сейчас был прибежиши* можно квалифицировать как аналитическое предпрошедшее («прежде прошедшее»), как своеобразный плюсквамперфект. Эта форма, как и перфект, обозначает общее состояние субъекта, явившееся в результате свершения в прошлом сосредоточенного в субъекте действия. Только состояние это предстает как утраченное к моменту действия, независимо от давности этой утраты (ср. последний пример) ¹.

Наличие этой формы обуславливает неупотребительность в северо-западной диалектной речи конструкций с прошедшим несовершенным на *-л* в плюсквамперфектном значении. Вместо употребляющихся обычно в литературном языке конструкций типа: *он вчера приходил* или *она сейчас прибежала* говорят: *он вчера был пришедши, она сейчас была прибежиши*.

Почти полное отсутствие глаголов несовершенного вида в лексической базе данной формы отражает более строгое, сравнительно с деепричастием-перфектом, соответствие ее новым нормам ² и подкрепляет мнение о более позднем становлении северо-западного плюсквамперфекта как временной формы (в сравнении с перфектом на *-вши*).

§ 142. Конструкция с формами прошедшего сложного (*бывши уехавши, бывал уехавши*)

Наиболее многообразны типы конструкций с предикативным деепричастием в псковских говорах. В гдовском говоре, например, есть своеобразные малопродуктивные типы прошедшего сложного, развившиеся, очевидно, на базе северо-западного перфекта, которому они лексически соответствуют. К ним относится оборот, в котором связ-

¹ Термин «аналитическая форма» употребляется, конечно, применительно к подобной конструкции весьма условно, так как последняя сохраняет многие черты составного сказуемого и достаточно далека в своем развитии от идеальной аналитической конструкции.

² Некоторые подобные формы в оборотах без связки, например, *бывши, живши* и *шюши*, в ряде псковских говоров отличаются чрезвычайной частотностью употребления.

кой при деепричастии является деепричастие *бывши*: *я говорю, кто же, не Шурка ли здесь бывши пришивши*¹; *мы полоскались, а он (вертолёт) на островах севши бывши, я ижна голову перекорнула (нагнула), убо-лася*.

Встречающаяся в этих же говорах аналитическая форма со связкой *бывал* характеризуется добавлением к значению плюсквамперфекта значения кратности: *бывали и до того доживши, что ни лошади, ни коровы; которы деревенски бывали в Ленинград уехавши, жили там*.

§ 143. Конструкция с предикативным деепричастием при форме настоящего времени глагола *бывать*

В роли связки при деепричастии в некоторых говорах Северо-Запада (например, в гдовских) выступают иногда формы настоящего времени глагола *бывать*: *тамочка сосна есть одна, от молоны расщепивши, березы тоже коли (кое-когда) расщепивши бываю, которы дак от старости; Филипп редко рассердивши бывае, всегда смирный, повольцистый (покладистый)*. Значение обычной формы деепричастия-перфекта *береза расщепивши, Филипп рассердивши* осложняется здесь значением кратности действия, а соответственно и состояния как его результата.

§ 144. Конструкция с предикативным деепричастием при глагольной форме *есть (есть уехавши)*

Довольно употребительны в псковских и новгородских говорах обороты, сказуемое которых состоит из предикативного деепричастия и глагольной формы *есть*: *на берегу есть валобой (водоросли) набивши; и свекла е оставши в бабах (у баб); сгнивши е картошка тоже, во кака картофина сгнивши*. Толкование синтаксической структуры подобных оборотов уже давалось выше, в связи с характеристикой предикатов, включающих в свой состав знаменательную форму *есть* с бытийным значением (см. § 120). Форма *есть* в подобных случаях имеет вполне определенное значение «наличествует», «имеется», что делает затруднительным признание в ней пережиточной связки при деепричастии. Деепричастие же, являясь компонентом сказуемого, несет в себе здесь в то же время более или менее явственный оттенок значения атрибутивности.

Впрочем, в отдельных свр. говорах, в частности в говорах Прионежского района Карельской АССР, зафиксированы сходные конструкции, в которых элемент *есть*, по-видимому, лишен упомянутого вещественного значения и может быть истолкован как связка: *он есть уехавши; сестра-то тоже.есть посиевши*. Ср. возможность употребления в тех же говорах отвлеченной связки *есть* в составе именового сказуемого (§ 159).

¹ В §§ 142—148 в качестве иллюстративного материала приводятся факты, записанные в Псковской области.

§ 145. Конструкция с аналитическим будущим (будет уехавши)

В псковских и новгородских говорах наблюдаются случаи употребления предикативного деепричастия при связке *буду*: *а как я-то приду, дык будет ли там кто приходчи?; будешь ты убивши до смерти с этой игрой.*

Это образование, так же как и деепричастный перфект, обозначает общее состояние (или пребывание) субъекта как результат свершенного действия. Только состояние это (как правило, вместе с его причиной — действием) мыслится в момент высказывания как предстоящее, «имеющее наступить» в будущем. Данную форму можно было бы характеризовать, таким образом, как своеобразное «будущее второе», «прошедшее-будущее», наподобие латинского *futurum exactum*. Однако, при всей выразительности своего временного значения, она в говорах малопродуктивна и не представляет собою в особой северо-западной системе глагольных времен живого звена, подобного аналитическому предпрошедшему (см. § 141).

§ 146. Конструкция с предикативным деепричастием в описательных формах сослагательного и повелительного наклонения

Наряду с обычным для составного сказуемого способом выражения сослагательного наклонения — с участием связки *был*: *он был бы вставши* в псковских говорах наблюдается также способ, внешне тождественный способу выражения того же наклонения глагольных форм на *-л*: *дети мехают (мешают) ей, а то б ёна давно ушоццы от ево; леная горазд, а то давно выучивши б.* Возможность опущения формы прошедшего времени глагола *быть* в данном случае лишней раз свидетельствует о неполноценности деепричастия как составного сказуемого и об известной близости его к глагольной форме на *-л*.

В псковских говорах встречается деепричастие и в описательной форме повелительного наклонения (с собственно повелительным или долженствовательным значением): *а вы одевши будьте, коли будут вопеть (звать), дык и ступайте; и я вишь ли будь не спавши, умный горазд.*

§ 147. Разновидности конструкции с предикативным деепричастием, выступающим в функции связки в составе сказуемого

Предикативное деепричастие довольно активно выступает в северо-западных говорах (в особенности в говорах Псковщины) в функции связочного элемента многих видов составного сказуемого, что обуславливает, в частности, наличие в указанных говорах следующих ярко диалектных структурных разновидностей простого предложения.

1) Обороты с деепричастием в роли полнознаменательной связки

составного глагольного сказуемого: *нонец яны боле сдаты обявавшы; быдто дождь переставиши лететь, давеча сильный был;*

2) обороты с деепричастием в функции связки сказуемого с однотипным деепричастием в качестве присвязочного члена: *мальчонка-то тоже посиневиши пришовиши; которы поближы к заслоны та (о караваях хлеба) дык так и оставиши не пропекиши;*

3) обороты с деепричастием от глагола *быть* в функции связки сказуемого с причастием в качестве присвязочного члена: *всё бывиши, деньги бывиши закапован, только народ бедно жили; пришел велетинар, у тебя (корова) бывиши выпущена вон, она простудилась;*

4) обороты с деепричастием в функции отвлеченной или знаменательной связки именного сказуемого. При этом именной частью могут быть: а) существительное в именительном падеже: *уголь то каменный... это дерево бывиши, бывиши лес...; видела его, совсем нежилец сделавши;* б) существительное в творительном падеже: *в тэ рецку войну ён бывиши старинным офицером; больший-то внук выучивши преподавателем;* в) полное (или стяженное) прилагательное в именительном падеже: *ветер большой бывиши, картошку-то развихлял; наша-то эта избенка цела оставиши в войну;* г) полное прилагательное в творительном падеже: (дед о внучке) *бессовестной* (тв. ед. ж. р.) *ставиши;* д) краткое прилагательное: *он вот таким манером и оставиши жив;* сравнительная степень прилагательного: *Псков теперь красивей сделавши;* е) предложно-падежное сочетание: *больший-то помер, хороший был, в отца был уродивиши.*

Деепричастия, употребляемые в функции связки составного сказуемого, сохраняют как временные формы перфекта свою специфику и выразительность.

§ 148. Разновидности односоставных конструкций с главным членом, выраженным деепричастием

Значительно меньший удельный вес в синтаксической системе северо-западных говоров имеют односоставные конструкции с деепричастием в функции главного члена или его части. Среди них:

1) Неопределенно-личные конструкции: *счас и в церкву мало ходют, заленивши; в Ленинграде-то говоря под Невой катаются, до чего токо не додумавши;*

2) Безличные конструкции: а) деепричастие в функции главного члена: *потерли ты, што те (тебе) так загоревши; северик подул, в той стороны нахмуривши.* В псковских говорах зафиксирован оборот *у него уехавши*, представляющий любопытную контаминацию северного посессивного и северо-западного перфектов (см. §§ 134—138); б) деепричастие в функции связки главного члена, выраженного причастием или наречием: *так и скляпывано, сварки, видимо, не бывиши применёно* (речь идет о найденном старом колесе); *бывиши ли раньше так жарко, второй месик дожджа нет;*

3) Инфинитивные предложения: *побегла на ночь-то глядя, быть завтра не спавиши!; куды ж ты к пролубы то? Быть вваливши!*

4. КОНСТРУКЦИИ С ИНФИНИТИВНЫМ СКАЗУЕМЫМ

§ 149. Конструкция с независимым инфинитивом, выражающим необходимость действия (*ему скирдовать*)

Одной из наиболее употребительных в говорах конструкций с предикатом-инфинитивом является безличный оборот, в котором независимый инфинитив имеет модальное значение долженствования, точнее— значение субъективно осознанной необходимости совершения обозначенного им действия. Реальный субъект действия выражается в таких случаях дательным падежом имени, который иногда может лишь подразумеваться: *пусть лежит, ему завтра скирдовать; мне еще козу доить; три грядки еще полоть* (подразум.: *мне*). Данная конструкция, по-видимому, не является территориально ограниченной и не чужда литературному языку, особенно его разговорной форме. Однако в языке диалектов она представляется все же более продуктивной.

Как в разговорной, так и в диалектной речи, возможно употребление независимого инфинитива с данным модальным значением также при связке *было*: *вчера Цветкову было дежурить, а сегодня мой черёд*. В некоторых свр. говорах такое употребление отличается меньшей скованностью, чем в речевых сферах, приближающихся к устно-разговорной разновидности литературного языка.

§ 150. Конструкция с независимым инфинитивом, выражающим намерение совершить действие (*пойти поглядеть*)

Чрезвычайно широкое распространение получил в говорах безличный (инфинитивный) оборот с главным членом, выражающим намерение, волю говорящего к собственному действию, которое представляется необходимым. Обозначающему это действие инфинитиву обычно сопутствует другой (как правило, глагол движения: *пойти, сбегать, съездить* и т. п.), также являющийся компонентом главного члена: *что-то куряты раскудахтались, пойти поглядеть; пойти коня спутать; Яшку сбегать попросить, у его наверно дак с задком приготовлена (телега)*.

Лексическое значение глагола движения в подобных конструкциях несколько ослаблено (ср. возможность в говорах предложений типа: *пойтишь сходить домой*). Глагол является здесь основным носителем модального значения самопобуждения, намерения совершить действие (обычно с оттенком большей или меньшей нерешительности). Последнее всегда относится к лицу говорящему, поэтому дательный субъекта в подавляющем большинстве случаев отсутствует.

Рассмотренный оборот не является дифференциальным, возможен в разговорной форме литературного языка, однако несравненно более активен в речи диалектной.

§ 151. Конструкция с диалектной формой независимого инфинитива, выражающей неизбежность действия (*быть пропасть*)

В некоторых говорах Новгородской, Псковской, Орловской и Брянской областей употребляется безличный оборот, главный член которого выражен инфинитивом *быть* в сочетании с инфинитивом значимого глагола: *быть пропасть ни за что; быть ему век служить; бегом бежишь, а быть опоздать; хотелось не хотелось, быть ехать с тобой; быть тебе проглезнуться (проскользнуться)*. Это, безусловно, наиболее яркая диалектная особенность среди инфинитивных конструкций. Она встречается и в народно-поэтической речи (ср. «*Быть склонить сердце девицы*»).

В современных диалектах эта конструкция выражает категорию долженствования, подобно тому как иные сложные формы глагола выражают категорию времени и наклонения (ср., например, конструкции, рассмотренные в §§ 141, 145, 146). Произносимая с особой интонацией и фразовым ударением, она обнаруживает (см. примеры в начале параграфа) отчетливое модальное значение неизбежности, объективной необходимости, характерное, впрочем, и для весьма употребительных в современной разговорной литературной речи инфинитивных оборотов с глаголом *быть*, сочетающимся с дательным падежом субъектного дополнения: *быть гроз!* (Ср. уже утраченное в современном языке сочетание *быть убиту!*)

Рассмотренный оборот возник, по-видимому, в то время, когда славянский инфинитив еще представлял собою форму дательного падежа имени или, по крайней мере, еще не полностью эволюционировал в неличную глагольную форму.

§ 152. Конструкция с инфинитивно-предикативным словом (*ему видать*)

Совершенно особый вид сказуемого представляют в говорах так называемые инфинитивно-предикативные слова (отмечены только два: *видать* и *слыхать*): *часовню-то и отсель хорошо видать; на зени уже нет снега, стаявши, уже земля видать; во дом-то ихний видать, белые окошки; ну, Вася, что там слыхать?*

Эти образования, употребляющиеся также при безличных связках *было(бы)*, *будет* (показателях времени и наклонения) и детальном субъекта: *сзади сидела дак плохо мне было видать*, могут быть признаны инфинитивами лишь с генетической точки зрения и мало чем отличаются от предикативных наречий *видно*, *слышно*. С этим связана меньшая, по сравнению с литературным языком, употребительность последних в тех говорах, где упомянутые формы наиболее активны, например в некоторых псковских говорах. Инфинитивно-предикативные слова отмечены также во многих говорах свр. и ювр. наречий. Гораздо более употребительны в диалектах инфинитивно-предикативные слова при отрицании: *а теперь быдто не видать жуликов-то; с молоком не видать, ужо с обеда поедут; а и не слыхать, где он теперь* и т. п., которые, по-

видимому, в отличие от положительных форм, не имеют территориальной локализации и, стало быть, не являются различительными. Не случайно, эти формы с частицей *не* квалифицируются обычно в толковых словарях как просторечные.

Конструкции с инфинитивно-предикативными словами характеризуются некоторой структурной неоднородностью. Если односоставность и безличность оборотов типа *часовню видать, не видать жуликов* является очевидной, то вопрос о характере конструкций типа *земля видать, дом видать*, которые иногда оценивают как двусоставные, нельзя считать окончательно решенным. Не выяснено достоверно, чем является в подобных случаях имя существительное, подлежащим или дополнением. Возможно, в них следует усматривать конструкции переходного характера.

§ 153. Форма выражения инфинитивного сказуемого двусоставной конструкцией (*был колоть*)

В некоторых русских говорах Северо-Запада (прежде всего в говорах Псковской области и Карельской АССР) сказуемое двусоставного предложения выражается иногда сочетанием инфинитива (обычно несовершенного вида) с формой глагола *быть* прошедшего времени на *-л*, согласующейся с подлежащим в роде и числе: *я был щук колоть, иду домой, а ён встречу идё; а был ли там кто еще с вам запас-то (рыболовную сеть) тягать?; я вчера была рожь жать*.

В литературном языке такому сказуемому соответствует форма прошедшего на *-л*: *я колол щук; я вчера жала рожь* и т. д.

В период, когда инфинитив не утратил еще своей именной природы, глагол *быть* в указанных случаях имел, по-видимому, чисто вещественное значение (подобные конструкции могли осмысляться примерно так: *был для колотья, была для жатья* и находился на пути превращения в отвлечённый глагол.

Однако усматривать в данном обороте аналитическую форму прошедшего времени, очевидно, нет оснований, поскольку глагол *быть* (в отличие, например, от глагола *иму* в описательном будущем, см. гл. IV, § 109) сохраняет здесь явственный оттенок вещественного значения (нахождения, пребывания).

В. КОНСТРУКЦИИ С ИМЕННЫМ СКАЗУЕНЫМ

§ 154. Конструкция с творительным предикативным без связки (*сын сплавщиком*)

Одной из существенных особенностей синтаксиса русских народных говоров, как северных (в частности, вологодских, архангельских), так и южных (рязанских, орловских, воронежских), является употребление в предикативной функции имени существительного в творительном падеже, отсутствие связки при котором выступает как показатель настоящего времени. Как правило, такое сказуемое обозначает назва-

ние должности, занятий: *а Костя уже который год трактористом в колхозе; ейный сын сплавщиком; один на скорой помощи фершелом; не помню, не дояркой ли она...*

Эта конструкция еще в XVIII веке была свойственна литературному языку, в настоящее время ее заменили конструкции со связками — образованиями настоящего времени от глаголов *являться, служить, работать* и т. п. Однако некоторый регресс в развитии данной конструкции, характерный для книжно-письменной разновидности русского литературного языка¹, не означает, что указанная черта противоречит общим тенденциям развития русского национального языка. Она продолжает, правда довольно ограниченно, использоваться в его разговорных стилях и несколько более активно — в сферах, переходных от литературного языка к диалектам. В последних употребление творительного предикативного без связки (которое, впрочем, уже трудно объяснить заимствованием) достигает наибольшей степени интенсивности.

§ 155. Конструкция с именительным предикативным при связке (*он был объездчик*)

Творительный предикативный при связке *был, будет* в значении лица, занимающего должность, заменил именительный предикативный (*Он был объездчик > Он был объездчиком*); это является общерусской тенденцией. Ее отражают, в основном, и народные говоры. Однако употребление данного сказуемого в говорах характеризуется большей непоследовательностью, чем в разговорной литературной речи. Это позволяет расценивать именительный предикативный в указанном значении при связке: *в лужковской бригады он конюх был, а теперь на мельницы работает; этот через три года буде инженер* как черту более характерную для территориальных микросистем (в частности, для архангельских, вологодских, рязанских, воронежских говоров), чем для литературного языка. То же следует сказать и об аналогичных конструкциях с полузнаменательными глаголами-связками: *называться, считаться, доводиться, бывать* и нек. др.: *она считалась ударница; ее отец племянник доводится мне*. В этом случае речь идет о формах, употребляющихся во всех трех временах.

§ 156. Конструкции с предикативными предложно-падежными сочетаниями

В ряде русских народных говоров в роли присвязочного члена именного сказуемого выступают особые, не свойственные в данном синтаксическом значении литературному языку предложно-падежные сочетания.

¹ Творительный предикативный без связки в высоких стилистических сферах квалифицируется обычно как синтаксический полонизм, проникший в русский язык с конца XVII века. См., например: Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века. М., 1964, с. 64 (автор раздела Н. Ю. Шведова).

В некоторых ювр. говорах, в частности, воронежских, возможно сказуемое, представляющее сочетание творительного падежа имени с предлогом *под*: *я уже под годами; он тоже под именем*.

В олонечких, архангельских, московских, пензенских, воронежских и некоторых иных говорах наблюдается значительно расширенное, по сравнению с литературным языком, употребление предикативного сочетания предложного падежа с предлогом *в*, указывающего на должность, род занятий и выступающего при глаголах-связках *быть* (в значении настоящего времени — без связи), *жить*, *служить* и т. п.: *отец был в лесовых; внук-то в матросах; два лета в Питере в копорках жила* («копорка» — огородная работница); *в учителях живёт; ейный дед в извозчиках служил*. Это сказуемое представляет собой древнюю особенность, поскольку отмечено в древнерусском: *азъ прииель ёсмь в сторожах* — (Лаврентьевская летопись), старославянском и других славянских языках.

Диалектную черту еще более древнего происхождения представляет собой предикативный член, выраженный предложным падежом имени с предлогом *об*: *кормысел-то он тож об двух концах; и сейчас (он) об одной ноге* и т. п.

Конструкции с предложно-падежным сочетанием в роли сказуемого, не раз отмечавшиеся наблюдателями в олонечких, вологодско-кировских, а также ряде срвр. и ювр. говоров, известны также старославянскому, сербскому, чешскому, польскому, украинскому и другим славянским языкам.

Во многих русских говорах в функции сказуемого последовательно употребляется сочетание родительного падежа существительного с предлогом *с* для обозначения отношения или происхождения субъекта, в соответствии с аналогичным сочетанием с предлогом *из* в литературном языке: *кто они, не знаю, с эмтееса что ли; парень тот с Ярцева; а вы с Воронежа?*

В говорах, соседствующих с белорусскими и украинскими говорами, данное предикативное сочетание полностью замещается родительным с предлогом *з*: *он з Клинцов*. Ареалы обоих рассмотренных явлений (сочетаний с предлогами *с* и *з*) совпадают, в основном, с территорией распространения подобных непредикативных предложно-падежных сочетаний (см. § 163).

§ 157. Конструкция с членной формой прилагательного в функции сказуемого (*он виноватый*)

Важной особенностью синтаксической системы языка диалектов в целом по сравнению с синтаксической системой литературного языка является более активное употребление в функции сказуемого членных форм, как причастий, так и прилагательных. Те и другие выполняют совершенно различные функции, и их не следует смешивать. Диалектное своеобразие членных причастий состоит в том, что они выступают в качестве особой формы перфекта, то есть в функции, совершенно чуждой аналогичным формам литературного языка (см. § 129).

Что касается членных прилагательных, то более широкое (относительно литературной нормы) их употребление в роли сказуемого обусловлено, в частности, включением в их число значительной группы качественных прилагательных со значением состояния (*живой, голодный, сытый, здоровый, виноватый, готовый, пьяный, довольный, женатый* и т. д.). Состояние мыслится как временный признак, либо присущий грамматическому субъекту в момент высказывания (в сказуемом без связки: *а быдто не здоровой!* — ответ на вопрос: *а здоров ли он сейчас?*; *я-то сытый, а как вы?*; *я одна, а вы пьяный,* — *я вас не пущу; ты сама виноватая* и т. п.), либо отнесенный в план прошлого или будущего (в сказуемом со связкой): *отец еще тогда живой был; уж и не знаю, будешь ли довольный.*

Согласно норме литературного языка прилагательные указанной группы принимают в этих случаях краткую форму¹.

Территориальной локализации рассмотренного синтаксического диалектизма пока не обнаружено: ареал его практически совпадает с территорией распространения русского языка. Естественно поэтому, что данная особенность (кстати сказать, заметно прогрессирующая в русском языке в последние столетия) воспринимается в настоящее время как просторечная.

Таким образом, речь идет о чрезвычайно своеобразном синтаксическом явлении, которое, с одной стороны, представляет отклонение от норм литературного языка (в том числе и его разговорной разновидности, что особенно любопытно), с другой — черту территориально не ограниченную, общераспространенную, характерную для просторечных языковых сфер.

§ 158. Конструкция с краткой формой прилагательного в функции сказуемого

Рассмотренное в предыдущем параграфе не отвечающее норме литературного языка предикативное употребление членных форм прилагательных со значением качественного состояния субъекта не означает, однако, что в тех же говорах не могут выступать в той же синтаксической функции и лексически параллельные членным краткие формы. Их употребление здесь также фиксируется, и нет, по-видимому, оснований всегда видеть в этом результат литературного воздействия. В ряде случаев употребление кратких прилагательных в говорах особым образом мотивировано. Чаще всего они указывают на сильную степень

¹ Краткие формы данной группы прилагательных в литературном языке уже не являются на настоящем этапе развития полностью соотносительными в смысловом и грамматическом отношении с членными формами. Степень смыслового расхождения между теми и другими неодинакова. Но и при наименьшем расхождении краткие формы, в отличие от полных, специализировались здесь в выражении признака, не просто присущего грамматическому субъекту, но, в дополнение к этому, подчеркнуто соотношенного с определенным моментом прошлого, настоящего или будущего. При отсутствии связки — с моментом, современным высказыванию: *жив ли ты?*; *я вполне сыт* и т. п. Этот и некоторые другие оттенки значения передаются в говорах полными формами, что и создает данное диалектное отличие от нормы литературного языка.

качества, приобретая при этом оттенок экспрессивности, эмоциональной окрашенности: *весной река широка горазд; бабка старá; ох, рыба хорошá; сапог велик дюже*. Не исключено также употребление кратких форм, не имеющих данного оттенка значения: *сытá ли я, голоднá ли я — никто не знает*. В таких случаях бывает затруднительно отличить диалектное употребление от литературного, все более проникающего в настоящее время в речь диалектоносителей.

§ 159. Конструкция с формой *есть* отвлеченного значения в функции связки именного сказуемого (*она есть веск*)

Существенной особенностью выражения именного сказуемого в некоторых говорах является употребление в его составе в функции связки настоящего времени незначительного (лишенного вещественного значения) слова *есть*, утратившего значение 3 лица. В качестве присвязочного члена может при этом выступать прилагательное, местоимение и, что особенно важно, — существительное¹: *она есть веск; они есть сестры; кот е злэй; ведро мое есть* (ср. возможность использования в тех же говорах отвлеченной связки *есть* при безлично-предикативном слове — главном члене односоставного предложения: *вам есть холодно*).

Сказуемое данного типа, о котором уже частично говорилось при рассмотрении оборотов с элементом *есть*, обладающим вещественным значением (§ 120), отличается довольно узкой локализацией. Оно особенно распространено без каких-либо структурных ограничений в небольшой части говоров к западу и юго-западу от Онежского озера, и его не следует смешивать с другими, имеющими более широкую территорию распространения предикатами, в состав которых входит знаменательное слово *есть*, например в конструкции *у Жаровых тоже два (стога) есть накошено* (см. § 120).

Впрочем, именное сказуемое с отвлеченной связкой *есть* в некоторых фразеологизированных оборотах не чуждо большей части русских говоров, свойственно также полудиалектным и просторечным языковым сферам. Речь идет о вопросительных и придаточных предложениях (дополнительных, подлежащих), где оно выражается по преимуществу местоимениями и иногда местоименным предикативным наречием *откуда*: *а кто они есть, эти, приехали-то к Тане?; а чий вы есть? и не понимаю, с чего они есть эти сапожки; какая она есть мать? все знают, какой ты есть; а откуда же ты есть родом-то?* Подобные конструкции проникают и в литературно-разговорную речь, правда, приобретая, при этом особую экспрессивно-стилистическую окраску. Территория наибольшего распространения данного явления в говорах относится к южной полосе и совпадает, в основном, с ареалом оборотов со знаменательным *есть* типа *где ты есть?* (§ 121), сходных с рассмотренными

¹ В случае с существительным, в особенности при подлежащем—местоимении, полностью исключается возможность интерпретации элемента *есть* как знаменательного.

структурами в отношении модальности и словорасположения. Возможно, повышенная употребительность местоименного сказуемого со связкой в стилистически нейтральных конструкциях поддерживается здесь влиянием украинского языка, идущим через соседние украинские говоры.

§ 160. Конструкция с предикатом, включающим членную форму прилагательного и инфинитива (*народ дорогой нанять*)

В отдельных русских говорах Северо-Запада встречается своеобразный тип именного сказуемого, выраженного именительным падежом полной формы качественного прилагательного с примыкающим инфинитивом, который может быть как субъектным: *заяц ловкой бегать*; *Танин петух бедовый драться*; а *Мишка, тот леной работать*, так и несубъектным: *народ дорогой нанять*; *день сегодня жаркий косить*, а *идти надо*.

Инфинитив предстает здесь как компонент сказуемого, хотя и обладает (особенно во втором случае) более или менее заметным оттенком целевого значения. Последний осложняет значение качественного состояния, которое выражается прилагательным, несущим на себе логическое ударение и представляющим, естественно, основную часть сказуемого.

Происхождение этих конструкций, в особенности оборотов с несубъектным инфинитивом, еще достоверно не установлено. Следует ли видеть причину их возникновения в специфике разговорной речи (ср. находящие именно такое объяснение обороты типа: *есть стоят* или *назябся стоит*, см. §§ 119, 123)? Или взаимоотношение инфинитива с основным словом предиката находится здесь в определенной связи с развивающимися в русском языке предикативами, так называемой «категорией состояния»? Применительно к случаям с субъектным инфинитивом это почти не вызывает сомнений (ср. сочетания с инфинитивом предикативных наречий и кратких прилагательных в оборотах типа: *для меня дорого нанять... или он рад увидеть...*). Не исключено, что оба упомянутых фактора имеют здесь силу.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 161. Общие замечания

Диалектные особенности в области выражения второстепенных членов предложения свойственны по преимуществу тем из них, которые связываются с господствующим членом по способу управления.

Именно управление как вид синтаксической связи характеризуется в русском языке (как, впрочем, и в других индоевропейских языках) чрезвычайным многообразием, в то время как согласование и примыка-

ние отличаются неизменностью в соотношении форм главной и зависимой частей словосочетания. Таким образом, различия, о которых идет речь, сводятся, в основном, к особенностям в построении словосочетаний, выражающих объектные, обстоятельственные или атрибутивные отношения. Зависимая часть таких словосочетаний (как правило, это не свойственная литературному языку в данном сочетании падежная форма, например: *косил трава* или, чаще, предложно-падежное сочетание: *ушла по ягоды, приехал с городу*) и является обычно в предложении второстепенным членом в его своеобразном диалектном выражении.

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ

§ 162. Согласованное определение

Существенных различительных черт в способах выражения определений в диалектной речи нет. Можно отметить лишь некоторое своеобразие в употреблении отдельных видов определений, выражающееся, как правило, в их большей или меньшей продуктивности сравнительно с литературным языком, в их необычном расположении относительно определяемого слова. Так, притяжательные прилагательные в большинстве русских говоров как северного, так и южного наречий, выступают в функции согласованного определения гораздо более свободно, чем в литературном языке: *отцов брат, а мне дядя; женихова мать — крёстная сваха* и т. п. Сохраняется также атрибутивное употребление числительного *оба* в форме множественного числа: *обои столы убраны*. Причастия в функции определения в говорах, в отличие от литературного языка, малоупотребительны, а в некоторых ювр. говорах вообще отсутствуют.

Диалектное своеобразие в выражении определений связано в ряде ювр. говоров с заменой среднего рода женским, что, будучи особенностью существительного, отражается синтаксически и на согласуемых с ним определениях: *у большой села* и т. п.

Особенностью согласованных определений в языке диалектов является также более частое, чем в литературном языке, постпозитивное (по отношению к определяемому слову) положение: *мужчины сибирки носили ватные с борам; ды были занавески холстинные* и т. п. В данном случае можно, по-видимому, говорить о сохранении в говорах черты, характерной для более раннего исторического состояния русского языка. Известно, что еще в недалеком прошлом, в языке XVIII — первой половины XIX в., постпозиция прилагательных допускалась в русском литературном языке более свободно, чем в современную эпоху.

§ 163. Несогласованное определение

В некоторых северных говорах, а также в ряде говоров ювр. наречия (калужских, брянских, курских, орловских, воронежских) продолжает сохраняться вышедший из употребления в русском лите-

ратурном языке дательный падеж со значением принадлежности: *хозяин дому; вот саду хозяйка* и т. п. Дательный принадлежности отмечается в говорах как черта реликтовая и непродуктивная. Ее утрате, как полагают, способствует омонимия падежных форм дательного и родительного, широко использующего в говорах флексию *-у* (особенно характерную для белорусского и украинского языков), а также недостаточная четкость значения принадлежности, легко переходящего в значение объекта отношения¹. Гораздо большей продуктивностью, чем в литературном языке, во всех русских говорах отличается родительный принадлежности с предлогом *у*: *там у мене сын живет*.

Естественно, что многие из описанных выше диалектных предложно-падежных сочетаний, выступающих в функции присвязочного члена составного сказуемого (см. § 156), могут быть также употреблены и в синтаксическом значении несогласованного определения: *есть (плюг) об трех колесах; вон парень со Пскова* и т. п.

В северо-западных говорах изредка фиксируются атрибутивно употребленные неизменяемые отпричастные формы на *-вши*, находящиеся в пределах лексической базы предикативного деепричастия (ср. § 138): *нашел ёну во хлеве заржавевши; куды ж мне такую разваливши* (подразум.— *телегу*). Несогласованные определения подобного типа восходят, по-видимому, к древней форме второго винительного падежа краткого причастия действительного залога. Употребление деепричастия, близкое к атрибутивному, возможно и в позиции бывшего родительного: *там никого нет оставши*.

В качестве несогласованного определения в русских народных говорах, как северных, так и южных, нередко выступает независимая падежная форма, связанная с определяемым словом только по смыслу: *потом суконная ануча называется, белая, своё изделия* (*своего изделия*). Это явление, отмечавшееся в древнерусских памятниках, не чуждое также некодифицированным сферам современного русского литературного языка, должно быть, по-видимому, объяснено спецификой устной речи, тяготеющей к паратактическим построениям (ср. выше некоторые явления в области выражения сказуемого, имеющие ту же природу §§ 119, 120, 123).

---

¹ По мнению А. А. Шахматова, сочетания типа: *какая она мужу хозяйка* (значение объекта отношения) вызвали устойчивые сочетания типа: *мужу хозяйка*, отсюда *хозяйка мужу* стало употребляться вместо *хозяйка мужа* (значение принадлежности). См. Синтаксис русского языка. Л., 1941, с. 318.

2. ДОПОЛНЕНИЕ

§ 164. Конструкция с именительным прямого дополнения при инфинитиве (*земля пахать*)

Наиболее яркой особенностью в области выражения дополнений является в русских народных говорах употребление именительного падежа существительного на *-а* в значении прямого объекта при независимом или зависимом инфинитиве переходного глагола: *завтра байня топить; вода-то носить, дак нам близко; этой грабилкой хорошо черника-то брать*. Значительно реже встречается именительный прямого дополнения при других формах глагола: *а рыба-то уж мы как любим; неделя пропустя* и т. п. Отмечены случаи употребления именительного падежа вместо родительного части: *трава накоси телёнку*.

Данная конструкция свойственна большинству говоров свр. наречия (в частности, говорам восточной половины новгородской группы, олонецким, архангельским и вологодско-вятским) и спорадически отмечается в других северо-западных говорах, включая псковские, а также в говорах Смоленской и Брянской областей. Она засвидетельствована памятниками древнерусской письменности с XIII в. (новгородскими и смоленскими) и широко представлена в памятниках XIV в. и позже. В древнерусском языке независимый инфинитив выражал вполне определенное общее модальное значение необходимости в его вариантах, в частности — значение обязательности действия вследствие распоряжения, обязательства или приказа. Данная конструкция особенно характерна для языка деловых памятников. Ее, например, можно считать специфической чертой языка московских приказов.

Форма имени на *-а(-я)* при независимом инфинитиве в древнерусском языке уже обозначала прямой объект. Однако раньше, когда инфинитив не определился еще в языке как глагольная форма¹, он представлял собой, по-видимому, в конструкции типа: *трава косити* своеобразный член предложения (близкий, впрочем, к сказуемому), выражавший цель, а возможно и необходимость действия: *трава косити = трава предназначена для кошения* или даже *трава должна коситься*. Имя же на *-а(-я)* могло осмысливаться в таком случае, как грамматический субъект (подлежащее).

Таким образом, синтаксически обусловленное совпадение формы аккузатива слов на *-а(-я)* с формой номинатива в говорах вряд ли является очень древней особенностью. В настоящее время уже есть достаточно свидетельств, что она не является чертой общеславянской. Между тем конструкция с именительным прямого дополнения при различных формах глагола, как показали последние исследования, знакома также балтийским и прибалтийско-финским языкам, где она, впрочем, тоже не является общераспространенной, а предстает как синтаксический диалектизм, своего рода языковая аномалия. Этот

¹ Полагают, что инфинитив (в древнерусском языке он оканчивался на *-ти*) по происхождению представляет собой отглагольное существительное типа *кость*, застывшее в форме дательного, а по мнению некоторых языковедов — местного падежа.

факт оставляет почву для сомнений относительно происхождения данной конструкции на восточно-славянской основе. Нельзя поэтому не считаться пока с мнением и тех лингвистов (Б. А. Ларин), которые видят в ней черту, пришедшую из балтийских или западнофинских языков (речь, конечно, в таком случае могла бы идти только о заимствовании, так как предположение о едином славяно-балто-западнофинском генетическом источнике рассмотренного явления еще более сомнительно). Трудно во всяком случае отрицать роль финских диалектов в сохранении этой конструкции в северных и северо-западных русских говорах.

§ 165. Конструкция с именительным прямого дополнения при безлично-предикативном слове (*надо шапка*)

Во всех говорах свр. наречия, а также в некоторых говорах Псковской, Смоленской, Калужской и Брянской областей широко распространены именительный прямого дополнения при безлично-предикативном слове *надо*¹: *рыбка к празднику надо; мне надо шапка*². Ср. возможность сочетания именительного падежа с другими предикативными наречиями: *откуда-то изба видно; рука больно* и т. п.

Вопрос о происхождении данной конструкции, как и конструкции *земля пахать*, не решен окончательно. В соответствии с изложенной выше (§ 164) точкой зрения на происхождение конструкции *земля пахать*, предполагающей превращение существительного из подлежащего в дополнение, конструкция типа *надо шапка* испытала сходную эволюцию. То есть именительный падеж существительного являлся в древнем языке выражением подлежащего, а *есть надобѣ* — сказуемым. С превращением этого наречия в безлично-предикативное слово существительное стало дополнением.

Конструкцию, о которой идет речь, следует, по-видимому, рассматривать в тесной связи с конструкцией типа *земля пахать* (есть, впрочем, и противное мнение В. Л. Георгиевой). Не случайно обороты типа: *вода стереть надо, опеть байня надо топить*, как показывают последние исследования, отличаются в языке диалектов наибольшей частотностью среди конструкций с именительным прямого дополнения при инфинитиве, не зависящем от личной формы глагола.

§ 166. Диалектное своеобразие в употреблении одушевленных существительных множественного числа в функции прямого дополнения (*кони поить*)

От рассмотренных выше конструкций следует отличать употребление в функции прямого объекта формы именительного падежа одушевленных существительных (как правило, названий животных, редко —

¹ Слово *надо* по происхождению представляет собой сочетание предлога с существительным: *на добѣ*, от *доба* — «польза».

² Толкование конструкций типа: *рыбка надо* как сочетаний с именительным падежом прямого дополнения не является общепринятым. Некоторые ученые усматривают в таких случаях в именительном падеже падеж подлежащего (см. например: Кузнецов П. С. Русская диалектология, М., 1960, с. 124, 125).

лиц) во множественном числе: *надо козы кормить; а домашние зайцы кроликами зовут; дуга кони запрягать; кони поить*. Конструкция такого типа свойственна прежде всего говорам примыкающих к БССР районов Смоленской и Брянской областей и лишь спорадически встречается в русских говорах за пределами этой территории.

Эта особенность имеет морфологическое происхождение, так как она связана с необычной для русского литературного языка дифференциацией существительных имевшей место в процессе становления грамматической категории одушевленности (см. гл. IV, § 79). В указанных русских говорах, также как в украинском и белорусском языках, существительные — названия лиц и существительные — названия животных оказались в разных группах. Лишь для первых в винительном падеже утвердилось форма родительного падежа. Для вторых же (как и для существительных, обозначающих неодушевленные предметы) сохранилась старая форма винительного падежа (*kozy, зайцы*), с которой впоследствии совпала форма именительного падежа.

Будучи по происхождению морфологическим, данное явление предстает все же в современных говорах как синтаксическое. Так, словоформы *kozy, зайцы, кони* и т. п., кроме случаев употребления в роли подлежащего, могут выступать лишь в функции прямого дополнения, в других же случаях винительный падеж совпадает с родительным: *смотреть на коз, охотиться на зайцев* и т. п. Возможно, сочетания типа: *кони поить* поддержаны существованием в диалектах конструкций типа: *земля пахать и надо шапка*.

§ 167. Особенности выражения дополнений формами косвенных падежей

Некоторые особенности выражения объектных отношений представляют результат более последовательного, чем в литературном языке, проявления в диалектах новых тенденций, свойственных русскому языку. Так, винительный падеж при отрицании в целом ряде говоров как северного, так и южного наречий, в большей степени, чем в литературном языке, захватил позиции родительного падежа: *а одну девочку я умру не забуду; он мои слова не послушал* и т. п.

В ряде говоров западной части ювр. наречия для выражения объектных отношений используются уже утраченные литературным языком беспредложные конструкции без отрицания, в которых переходный глагол управляет родительным падежом: *дай мне топорика; я беру ножа; у сел партизанских семей знали*. В говорах, сопредельных с территорией украинского языка, подобные конструкции могут быть объяснены влиянием последнего. Впрочем, наблюдатели (например, Л. М. Чистякова) отмечают аналогичное употребление родительного падежа при некоторых переходных глаголах также и в районах, отдаленных от территории украинского языка, что вынуждает более осторожно подходить к вопросу о происхождении этих конструкций.

Во многих говорах обоих русских наречий для обозначения объекта, к которому направлено действие, выраженное непереходным глаголом

движения, используется дательный беспредложный: *телевизор ей пошли смотреть; поехали дубу; пошла сестре; пошел Таньки* и т. п.

Объективные отношения могут также передаваться в говорах не свойственными или малосвойственными литературному языку предложными конструкциями. Выразительной особенностью ряда ювр. говоров является, например, употребление винительного падежа с предлогом *на* при обозначении объекта речи, мысли или аффекта: *она говорит на его(-ему); смеется на его(-над ним)*. В некоторых ювр. и переходных говорах при глаголе *смеяться* возможно также дополнение в форме родительного падежа с предлогами *для, дли, гли*: *для тебя народ смеются; около, коло, кол: смеется коло евоной шляпы; с, з: а чево ж ты с меня смеешься?* Любопытно, что южнорусское *смеяться з кого* представляет литературную норму белорусского языка.

В южных же говорах отмечено смешение родительного и предложного падежей множественного числа дополнений, вызванное, как полагают, воздействием согласуемых определений, совпадающих по форме в этих падежах: *об матерей и не думайте; уехали на лошадей; от дитях слушаешь* и т. п. (О диалектном выражении близких к объектным объектно-целевых отношений см. § 171.)

3. ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

§ 168. Обстоятельство времени

Диалектное своеобразие способов выражения обстоятельств времени проявляется главным образом в не свойственном литературному языку употреблении в этой синтаксической функции падежных форм и предложно-падежных сочетаний. В ряде архангельских и вологодских говоров, а также в говорах олонечкой группы, в указанной функции выступает имевший широкое распространение в древнерусском языке родительный падеж существительного: *Аня того же лета и уехала в Ярославль*.

Не менее широко распространен в говорах в той же функции винительный без предлога. Активно, например, употребляется в общо-бытовой речи как северных, так и южных диалектов типичная для древнерусского языка конструкция с винительным падежом, обозначающая не полностью занятое время: *зиму баба куды ж она ходит; ту зиму венцов много было; то лето два раза там была*. (Ср. не утраченный еще литературным языком винительный со значением полностью охваченного времени: *всю зиму ходит*.)

Различные оттенки временной характеристики действия выражаются в говорах также существительными в форме косвенных падежей с предлогами. Наиболее яркие из этих синтаксических диалектизмов, свойственные говорам как северной, так и южной полосы: — употребление родительного падежа с предлогом *против* (чаще в значении «накануне»): *антоновку против Покрова сымают*, а также с предлогами *середь, сзади, промежду* и нек. др.; — употребление предложного падежа

с предлогом *о*, *об* для обозначения временного ориентира, около которого совершается действие: *об святой ходил в церкву*.

Отмечается в говорах и более широкое, чем в литературном языке, использование в функции обстоятельства времени дательного падежа с предлогом *по*. Так, в некоторых ювр. говорах эта конструкция употребляется с дательным единственного числа: *по заре вставали; по всей ночи гуляли*. В литературном языке временная конструкция «по+дательный» сохраняется только при обозначении повторяемости действия во времени существительным множественного числа (*по временам, по ночам, по праздникам*).

§ 169. Обстоятельство места

Во многих ювр. говорах, а также в говорах западной части свр. наречия, в данной синтаксической функции при глаголах движения выступают сочетания родительного падежа имени с предлогом *до*, обозначающие объект, к которому направлено движение: *пойду до доктора*. Подобное употребление предлога *до* отмечено в древнерусских памятниках письменности. Оно является нормой украинского и белорусского языков, знакомо также другим славянским языкам.

Родительный падеж с предлогами *супротив*, *насупротив*, *супроти* в говорах обоих русских наречий обозначает предмет, прямо перед которым находится кто-то или что-то: *заходят молодые насупротив отца и матери*. В ряде свр. говоров в данном синтаксическом значении выступают архаические сочетания предлогов *подле*, *возле*, *мимо* с винительным падежом существительного: *шел мимо лес* и т. п.

Одной из характерных особенностей некоторых ювр. говоров является использование предлога *обанол* в значении *около* с родительным падежом имени: *обанол Дону, перевозу — курень; обанол матери сидели*. Этот предлог зафиксирован в речи представителей только старшего поколения. Предмет, около которого совершается действие, может также обозначаться в северных русских говорах винительным падежом существительного с предлогом *о*, *об*: *о реку дом большой*.

Для обозначения места, откуда начинается движение, в ряде русских говоров (в говорах, примыкающих к БССР западных районов Брянской и Смоленской областей) употребляется сочетание родительного падежа существительного с необычным для литературного языка предлогом *з*: *приехал з Рогачева*. В литературном языке ему соответствуют предлоги *с* или *из* (употребление их строго дифференцировано), функции которых в указанных говорах он полностью замещает. Предлог *з* является принадлежностью белорусского и украинского языков. В других русских говорах, также не знающих предлога *из*, рассмотренному сочетанию функционально полностью соответствует аналогичное обстоятельственное сочетание с предлогом *с*. Оно имеет более широкий ареал¹. Сюда относятся, в частности, говоры Ленинградской, Новго-

¹ В сравнении, разумеется, лишь с той частью ареала сочетаний с предлогом *з*, которая размещена на территории, занимаемой русским языком.

родской, Псковской, зап. части Калининской, вост. части Смоленской и зап. части Калужской областей. В говорах к востоку от указанной территории предлог *с* в обстоятельственных сочетаниях данного типа, как и в литературном языке, разделяет свои функции с предлогом *из*. Однако это функциональное разграничение далеко не во всех говорах соответствует литературной норме. Все сказанное о географии сочетаний с предлогами *з*, *с*, *из* имеет отношение и к аналогичным предложно-падежным сочетаниям в предикативной функции (ср. § 156).

Специфическую черту многих говоров, в частности поморских, вологодско-вятских, владимиристо-поволжских и курско-орловских представляют выступающие в функции обстоятельства места предложно-падежные сочетания с двойными предлогами, указывающими одновременно и место и направление движения, например сочетания творительного (иногда винительного) падежа с предлогами *по-за*, *по-под*, *по-над*: *журавли полетели по-над берегом*.

§ 170. Обстоятельство причины.

Среди диалектных способов выражения обстоятельств причины видное место занимает форма творительного беспредложного: *она умерла голодом*, широко представленная в памятниках древнерусской письменности и сохраняющаяся ныне во многих свр. говорах. В некоторых говорах в данной синтаксической функции выступает сочетание родительного падежа с предлогом *за*: *за сына поседела*.

Как в южных, так и северных (олонецких, архангельских) говорах, есть родительный причины с предлогом *для*: *собираемся для скуки*, который был еще известен русскому литературному языку первой половины XIX столетия. В говорах на берегах Онежского озера употребительны предложно-падежные сочетания причинного значения с двойным предлогом *для-ради*: *для-ради тебя пошла*.

Большой употребительностью, чем в литературном языке, отличается в говорах обоих русских наречий родительный причины с предлогом *с*: *отец у мене с вина помер*. Известный литературному языку родительный того же значения с предлогом *из* отмечен в некоторых южных говорах в необычном для литературной речи употреблении — при выражении обстоятельств существительными не с отвлеченным, а с конкретным значением: *я летося ездил, из дочки ездил; и они из денег здають квартиру*.

§ 171. Обстоятельство цели

В свр. и примыкающих к ним с юго-запада сврр. говорах в данной синтаксической функции распространен творительный беспредложный: *бабушка пришла делом* (тв. ед.); *а ён спрахывае: ты каким делам тут?* (тв. мн.).

Большой части свр. говоров (в том числе архангельским, кировским, большинству вологодских, костромским, горьковским) и в значительно меньшей степени ювр. говорам (некоторым говорам Калуж-

ской, Брянской, Орловской и Курской областей) свойственно употребление винительного цели с предлогом *по*: *девки по черницу пошли*. Данному объектно-целевому сочетанию соответствует во многих других говорах и литературном языке творительный падеж с предлогом *за*. Отраженная в памятниках древнерусской письменности, в том числе и южнорусских, конструкция с предлогом *по* была, очевидно, утрачена многими говорами уже в поздний период.

В псковских говорах и некоторых говорах южной полосы (например, смоленских) в указанной синтаксической функции употребляется сочетание винительного мн. ч. с предлогом *в*: *летось ходили в грибы, в ягоды; в дровы сходила*. В том же объектно-целевом значении при глаголах движения выступает в отдельных ювр. говорах родительный беспредложный: *надо воды сходить; ходи комсы; пойду травы* и т. п.

В ряде свр. говоров используется архаическое сочетание винительного с предлогом *про*, обозначающее цель действия или лицо, для которого данное действие совершается: *про них не будешь стоять*.

§ 172. Обстоятельство меры и степени

Эти обстоятельства в говорах находят выражение в многочисленных количественно-определятельных наречиях, включающих в свой состав множество синонимов, а также общенародных и диалектных вариантов отдельных наречий (ср. например большое разнообразие наречий, указывающих на незначительность проявления действия: *малость, маленечко, чуть, чуточку, чудак, почудочки, трохи, трошки, трошечки, потрошечки*). Данное синтаксическое значение выражается и в целом ряде беспредложных и предложных конструкций. Ср., например, употребление творительного в значении меры: *рыба лодками возили* (в знач. «целыми лодками»).

Ярко диалектную особенность выражения обстоятельств меры и степени в некоторых ювр. говорах, в частности воронежских, представляет собою употребление прилагательных особого лексического значения: *я вобще ужасная беспамятная; у нас народ рабочий огромный*. Прилагательные в этом случае как бы втягиваются в категорию качественных наречий. Его флексия утрачивает свое значение.

§ 173. Обстоятельство образа и способа действия

В русских диалектах эти обстоятельства выражены как наречиями (при этом среди них немало собственно диалектных, ср. в воронежских говорах *одинно* в знач. «одинаково», *всякость* в знач. «по-всякому» и т. п.), так и падежными формами без предлогов и с предлогами. Диалектную особенность представляет употребление творительного падежа существительного с предлогом *с* при указании на средства передвижения: *приехал с поездом*.

Значительно шире, чем в литературном языке, используется в говорах в данной функции творительный беспредложный: *сено катушками котим; она самоучкой все учится*. Подобное употребление творительного

образа действия связано, очевидно, с процессом онаречивания (см. последний пример).

В функции обстоятельства образа действия в говорах нередко выступает деепричастие прошедшего времени на *-вши*. Оно обозначает действие, либо сопутствующее главному: *разогнала мыралейник [муравейник] в огороде половishi; я потом и плясавishi вымою (пол)*, либо предшествующее ему: *боронuem, забороновавishi пахать, зерно сеять начинаем; вытяжавishi, расстелишь на пожню (лен)*. В последнем случае деепричастие имеет оттенок значения обстоятельства времени.

Представляя собой явление общерусское (обстоятельственная функция — основная синтаксическая функция деепричастия в современном русском литературном языке), деепричастие-обстоятельство проявляет себя, однако, в диалектах как черта различительная. Как явление довольно заметное в синтаксической системе оно распространено на значительной, тяготеющей к западу, части территории ювр. наречия, а также (с меньшим лексическим ограничением) в северо-западных говорах, в частности в говорах Калининской, Новгородской и южной части Псковской области, где формы на *-вши* систематически выступают также и в другой, предикативной функции (ср. § 138). В диалектах же за пределами указанной территории такое употребление деепричастия либо отмечается спорадически, либо совсем отсутствует.

В говорах тех же, очерченных выше, районов встречается и иное, не соответствующее норме литературного языка обстоятельственное употребление формы на *-вши*, при котором субъект действия, выраженного деепричастием, не совпадает с субъектом действия, выраженного глаголом: *конь не бегит не бивishi; мыши съели пальто лежавishi; не садивishi, выросли волчьи ягоды*. В литературном языке содержание таких конструкций могло бы быть передано сложноподчиненными предложениями с разными субъектами действия в главной и зависимой частях: *конь не бежит, если его не бить; мыши съели пальто, которое лежало* и т. п.

Для многих из упомянутых говоров, в особенности северо-западных, характерны также конструкции, в которых деепричастие на *-вши* представляет своеобразную переходную стадию от обстоятельного к предикативному значению: *Вася лежит заболевishi; ходили все обувishi, окрутивishi; жар у его, пришел с лесу продрогishi* и т. п.¹

ЧАСТИЦЫ В СТРУКТУРЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 174. Постпозитивная частица *то (от, ту, те, ти, ты, та)*

Широкое распространение в русских диалектах, особенно в говорах поморской и вологодско-вятской групп северного наречия, получила постпозитивная частица *-то*. Она характеризуется здесь необычной

¹ В говорах, где есть деепричастие с перфектным значением (§ 138), форма на *-вши* в конструкциях типа *пришёл продрогishi* может быть воспринята не как обстоятельство, а как второй (присвязочный) компонент сказуемого.

для большинства ювр. и сввр. говоров (можно добавить: и для литературного языка, которому она также не чужда) частотностью употребления. Ср. пинежскую запись: *нынче-то на большой-то дороге ручей-то у байни-то у Павла-то дома не текё сей год*. Эта частица, а также другие, менее употребительные в говорах постпозитивные частицы *от, ту, те, ти, ты, та*, имеют местоименное происхождение. В ряде говоров можно еще наблюдать остатки былого согласования частицы с предшествующим именем в роде: *отец-от, изба-та, ведро-то*, реже — в числе и падеже: *мальчики-ти, воду-ту*. (Ср. не имеющие отношения к этим реликтам случаи «гармонизации» с предшествующим слогом: *дому-ту, на реке-те, с работы-ты*).

Долгое время языковеды были склонны усматривать в постпозитивной частице род артикля, подобного болгарскому или греческому, или во всяком случае нечто очень близкое к нему. Развитие древнего указательного местоимения в направлении превращения его в определенный артикль, по-видимому, действительно имело место в русских территориальных диалектах. Однако, как показывает накопленный ныне огромный фактический материал, оно не нашло своего последовательного завершения.

В современных русских говорах обоих наречий постпозитивный элемент употребляется не только при именах (как это должно было быть в соответствии с «концепцией артикля»), но и при других частях речи — глагольных формах (особенно инфинитиве), наречиях, безлично-предикативных словах, и выполняет функцию своеобразной выделительной, усилительной частицы. Это касается и тех свр. говоров, в которых случаи пережиточного согласования данного элемента с именем (примеры см. выше) отмечаются более или менее регулярно (один из важных моментов, способствующих толкованию рассматриваемого служебного слова не как частицы, а как члена). Последовательность в подобном согласовании отмечается при поверхностном знакомстве с говором, при детальном исследовании, как правило, не находит подтверждения. Дело в том, что во всех свр. говорах преобладает нейтральный вариант частицы (почти везде *то*, в средне- и южновеликорусских говорах *-та* или с редукцией гласного: *тэ*), который в той или иной мере колеблет упомянутую последовательность. По свидетельству наблюдателей, чуть ли не в каждой микросистеме свр. наречия оказываются неодинаковыми пропорции употребительности разных вариантов постпозитивного элемента (нейтрального, «согласуемых», «гармонизирующих») при различных грамматических формах имен и глаголов. Поэтому картина его употребления в самом свр. наречии представляется настолько пестрой, что чрезвычайно трудно наметить ареалы этой особенности, тем более с учетом ее парадигматических вариаций¹ и пропорций.

В настоящее время установлено, что постпозитивный элемент *то* в некоторых северовеликорусских говорах, например, в пинежских,

---

¹ Речь идет о степени употребительности постпозитивного элемента в его разных вариантах при различных формах отдельных частей речи.

выполняет вместе с «выделительной» функцией или без нее вполне определенную функцию средства связи предложений (иногда их групп) в особого рода сложное целое (§ 187).

§ 175. Частицы *а, да, да и, дак* и др.

Значительное место в синтаксической системе диалектов занимают частицы, вносящие в речь различные добавочные оттенки смысла и придающие ей большую полноту, ясность, выразительность, экспрессивность. Нередко они представляют собой своеобразные частицы-союзы, союзное значение которых, в зависимости от конкретных условий может либо уменьшаться, либо усиливаться.

Чрезвычайно употребительна, особенно в некоторых свр. говорах, частица *а* близкая по своей функции к союзу. В начале предложения она выполняет, так же как и в разговорной литературной речи, присоединительную или (в восклицательных и вопросительных предложениях) присоединительно-усилительную функцию. В ряде свр. говоров, например в олонецких, архангельских и вологодских, частица *а*, вводящая простое предложение, характеризуется необычайной активностью, что с точки зрения литературного языка (его разговорной формы), не всегда представляется мотивированным. Присоединительное значение бывает в таких случаях значительно ослаблено: *а Васька опеть в магазин пошёл; а мамка-то на городах живёт, в Ленинграде; а ты-то пошла в богато житьё, так уж не жальси*, хотя и здесь частица *а* указывает, как правило, на то, что говорящий ставит данное высказывание в ту или иную связь со сказанным ранее, а иногда просто со своими мыслями или чувствами, не выраженными в речи. Можно отметить, что и союз *а*, выражающий противительно-сопоставительные отношения, предстает в говорах как значительно более употребительный, чем в литературном языке (ср. § 180).

Частица *да* (реже *да и*) употребляется во многих свр. говорах (в русских говорах Карелии, говорах Архангельской, Вологодской, восточной части Ленинградской и северо-востока Новгородской областей) не только в начале предложения (употребление, характерное и для литературного языка), но и в конце его: *она порядочная из себя да; куды не поглядя, везде лес кругом да; вместе отобедали да и*. Функция частицы в подобных случаях заключается, по-видимому, в том, чтобы сблизить завершенность высказывания и как-то закрепить его содержание. Замыкающая предложение частица *да* часто завершает собой ряд повторяющихся постпозитивных *да* при однородных членах, выступая после последнего из них: *а эта внука Марьюшка да, Аннушка да, Катеринушка да; конь-то был у нас хороший да, молодой да*. Ср. аналогичное употребление *да и, и: со снохой да и, с сыном да и; соху вынёс и ладит и ладит и*.

Да, да и, и, стоящие после однородных членов, служат, по-видимому, не столько для их соединения (функция союза), сколько для выделения, «психологического» подчеркивания этих членов (функция

частицы). В замыкающем элементе функция частицы предстает значительно усиленной по сравнению с союзной.

Еще более отчетливое выделительное значение имеет в русских народных говорах (особенно в свр. и западных сврр. говорах) частица *дак* (*дык*)¹. Она обычно предпосылается члену предложения, требующему особого выделения. Этим членом, который употребляется не в начале предложения, и лишь после какой-то его части, нередко в конце его, может быть и сказуемое: *Иван дак знает* и второстепенный член предложения: *девчоночка-то здесь приехала дак днем*. В основе подобного выделения лежит своеобразное смысловое противопоставление сообщаемого факта другому факту, не получившему словесного выражения в данной конструкции. (Смысл вышеприведенных конструкций примерно таков: «Иван знает, а другие не знают»; «девчоночка приехала днем, в то время как обычно приезжают вечером».)

Элемент *дак* (*дык*) в описанном случае может быть соотнесен с постпозитивной частицей *-то* (одной или более) в предшествующем ему отрезке предложения. Последняя выделяет (см. § 174) слова второстепенной значимости, тем самым как бы оттеняя и усиливая последующее выделение прелозитивным *дак* (*дык*) наиболее важного для говорящего слова или словосочетания: *тая большая-то овца, сестра-то барану-ту, дык не обгулялась*. Элемент *дак* (*дык*) в рассмотренном случае и коррелят *дак* (*дык*), организующий сложное целое (ср. § 187; ср., в частности, отмеченные здесь случаи соотносительности коррелята *дак* с постпозитивным элементом, участвующим в построении сложного предложения), следует, по-видимому, расценивать как результаты единого процесса и явления одного порядка.

Довольно употребительна частица *дак* и в конце предложения, где она имеет «усилительно-заключительное» значение: *топерь, худо здоровье дак; выдал всего дак; никого дома нет дак*. Нередко однако, употребление частицы *дак*, замыкающей простое предложение, бывает связано с той ролью, какую она играет в организации сложного целого. (Ср. § 186) иные случаи употребления «замыкающего» *дак*, уже в структуре сложного предложения.

Весьма продуктивны в говорах частицы-союзы *и*, *ведь*, *тоже*; указательно-усилительные частицы *вот* (*во*, *зво*, *от*), *вон* (*он*), *звон* (*звонно*), *это*; выделительно-усилительная частица *тах-то* (характерна для ювр. говоров); частица *оно* (*она*), выступающая чаще в безличном предложении и придающая высказыванию оттенок неполной уверенности (*оно тёпло в избе*); частица *ну*, выражающая побуждение, несогласие, выступающая также в некоторых северных говорах, например в архангельских, в качестве особой утвердительной частицы: — *ты его знаешь? — Ну.*; уступительно-усилительная частица *хоть* (*хош*, *хуч*) и некоторые другие.

¹ В разговорной форме русского литературного языка данному элементу обычно соответствует элемент *так* (*тэк*): *а он так совсем не видел этого*, который, впрочем, в не меньшей степени знаком в данном значении различным сферам народной разговорной речи, а также некоторым русским говорами.

§ 176. Особенности диалектного употребления отрицательной частицы *не*

Диалектное своеобразие употребления частицы *не* связано с наличием в части русских диалектов (в ряде свр. и срвр. говоров западных территорий, спорадически — в ювр. говорах) особого структурного типа отрицательных конструкций — с непарным отрицанием, т. е. таких, где при отрицательном местоимении или наречии отсутствует частица *не*: *дома-то никто есть; никто его тронет; нигде возьмешь* и т. п.

Этим конструкциям в других говорах и литературном языке соответствуют предложения с двумя отрицаниями, т. е. с использованием частицы *не*.

Конструкции с одним отрицанием свойственны и другим индоевропейским языкам. Они были принадлежностью также древнецерковно-славянского языка. Влиянием последнего, а также латыни некоторые языковеды объясняют длительное сосуществование в русском литературном языке конструкций типа: «*никто же не похулит*» и «*никто же похулит*». Накопленный ныне диалектный материал свидетельствует о том, что конструкция с непарным отрицанием была свойственна части древнерусских диалектов как явление самостоятельное, аналогичное той же особенности в западноевропейских языках. Не исключается поэтому возможность проникновения в прошлом данной конструкции в литературный язык непосредственно из народных говоров.

РАЗДЕЛ II

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 177. Общие замечания

Синтаксис сложного предложения в русских народных говорах характеризуется многими чертами, обусловленными самой спецификой разговорной речи, яркой разновидностью которой является речь диалектная. Речь диалектоносителя обусловлена задачами непосредственного общения. Высказывание строится в процессе речи, без какого-либо предварительного обдумывания. Поэтому диалектной речи в меньшей степени свойственна та внутренняя упорядоченность, завершенность форм сложного предложения, какая наблюдается в литературном языке (особенно в его книжно-письменной форме). Для нее характерны незаконченные построения, смешения структурных перспектив, вставки, эллипсисы и т. п. Чрезвычайно важную роль играет использование ритмомелодических средств, а также лексический (а отчасти и морфологический) параллелизм или противопоставление частей сочетаемых предложений.

Диалектные различия в русском языке в этой области синтаксиса в целом незначительны. Большинство из них выражается в своеобраз-

ном использовании в говорах элементов, не чуждых и литературному языку (союзов, союзных слов, соотносительных частиц).

В данном разделе рассмотрим лишь наиболее существенные различительные черты в области организации сложносочиненного и сложноподчиненного предложений.

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 178. Особенности в области выражения соединительных отношений

В сложносочиненном предложении для выражения соединительных отношений, осложненных обычно указанием на одновременность или последовательность действий (в последнем случае — также оттенком причинно-следственного значения), во всех диалектах широко используются общерусские союзы *и, да*.

В ряде говоров, особенно южновеликорусских, наблюдается чуждое норме литературного языка более или менее последовательное замещение союзом *да (ды)* союза *и* в его соединительной функции: *там поезд остановился да вон слез*. (Ср. еще более интенсивное употребление союза *да* в предложениях с однородными членами. см. § 175.) Что же касается характерных для устно-разговорной разновидности литературного языка предложений с союзом *да*, выражающим присоединительные и следственные отношения, то они, напротив, значительно ограничены здесь в своем употреблении (см. § 186).

§ 179. Особенности в области выражения разделительных отношений

Некоторым своеобразием характеризуются в русских народных говорах способы выражения разделительных отношений. Вместо типичного для литературного языка союза *или* употребляются его диалектные варианты: союзы *ли* (как правило, в свр. говорах), *али* (характерен больше для ювр. и сврв. говоров): *мы ли туды в Самино, оны ли к нам, всяко быват* (волог.); *щас пойду узнаю, придет она али нет*.

В вопросительных конструкциях в ювр. говорах, а также в некоторых говорах средней полосы и свр. наречия (например, в новгородских) используется союз *ай*: *придѣт сегодня на супрядку то, ай не хочет идти?*

Те же синтаксические отношения, уже без видимых территориальных ограничений, выражаются повторяющимися элементами: наречиями *где — где, когда — когда, коѣ — коѣ*: *коѣ школу проходил, коѣ война*; деформированными глаголами *хоть — хоть, хош — хош*: *хош намазывать, хош лошкой хлебай...*

§ 180. Особенности в области выражения сопоставительно-противительных отношений

Наиболее значительной особенностью выражения сопоставительно-противительных отношений в языке русских диалектов является, в отличие от литературного языка, очень малая употребительность противительного союза *но*. Отсутствие последнего в говорах отражает, по-видимому, общую тенденцию в развитии славянских языков. Известно, например, что утрата союза *но* уже имела место в некоторых славянских языках (польском, чешском).

В ряде ювр. говоров союз *но* замещается союзом-частицей *ну*: *ды козов не раз воровал (волк), ну толька какие под лесом*.

Малопродуктивность союза *но* связана с повышенной активностью в ряде говоров союза *а*, который еще в древнерусском языке был одним из самых употребительных союзов сложносочиненного предложения. В некоторых ювр. говорах, например в курских, используется союз *ано* со значением резкого противопоставления: *ды она ждала их всех ано никто не пришел*.

Типичные для литературного языка противительные союзы *а*, *то*, *только*, *да* в не меньшей мере присущи и территориальным диалектам, однако не представляют собой различительных явлений¹.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

1. СОЮЗНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ

§ 181. Особенности построения сложного предложения с придаточным определительным

В свр. и западных сврр. говорах основным, господствующим союзным словом, вводящим определительное придаточное предложение, является относительное местоимение *который*: *а который парень вчерась-то приходил, дак ему верно уж тридцать*². Местоимение *какой* допускается здесь, как правило (как и в литературном языке), только в тех сложноподчиненных предложениях рассматриваемого типа, где придаточная часть дает качественную характеристику предмета: *у его такая усадьба, какой в селе нет*. В разновидности предложений, где придаточная часть имеет указательно-выделительное значение: *старша-то котора — в Середке жила сестра* используется только слово *который*.

¹ В настоящей главе не рассматриваются способы организации в диалектах бессоюзных сложносочиненных предложений, поскольку заметных специфически диалектных явлений в этой области синтаксиса пока не обнаружено.

² Препозитивное употребление придаточного определительного, включающего в себя определяемое имя, характеризует один из ранних этапов развития союзного подчинения (ср. *А которые плотники по моему указу присланы были из вотчин моих к Москве, и те все плотники с Москвы в вотчины мои отпущены*. — Хозяйство боярина Морозова, Грамота приказчикам 1659 г.). В современных говорах такое употребление предстает как явление довольно обычное.

Иное наблюдается в ювр. говорах. Здесь возможно употребление относительного местоимения *какой* также и в сложном предложении с указательно-выделительным значением придаточного (обычно при соотносительных словах *этот, энтот* в главном предложении): *енти вот, какие с наседкою, так енти дикие*. Вообще в этих говорах есть тенденции к утверждению в роли союзного слова одного местоимения *какой*¹.

§ 182. Особенности построения сложного предложения с придаточным дополнительным

Сказанное выше об особенностях употребления местоимений *какой* и *который* в известной мере относится и к сложным предложениям с придаточным дополнительным. В ряде ювр. говоров это проявляется в недостаточной разграниченности обоих союзных слов. Оба могут быть, например, употреблены при обозначении выбора одного из нескольких предметов, в конструкциях типа: *угадай, который твой женишок*. В разговорной форме литературного языка в подобных случаях преобладает относительное слово *который*.

Союзы и союзные слова, вводящие придаточное дополнительное, в некоторых говорах, особенно южновеликорусских, имеют диалектную огласовку *что — што (шту, що)*, в винительном падеже союзное слово *что* может принимать форму *чего; чтобы — штобы (штуб, щоб, щобы); когда (када); куда (куды), где (иде); откуда (откыда)*.

Три последних союзных слова вводят также придаточное предложение места.

§ 183. Особенности построения сложного предложения с придаточным времени

Значительной диалектной особенностью сложноподчиненного предложения с придаточным времени можно считать использование в нем союза *как: они (камни) как нагорячатся, плюхнешь воды и пойдё пар, добро*. В то время как в свр. и некоторых сврр. говорах союз *как* в указанной функции (в предложениях со значением общей одновременности и последовательности действия) прочно сохраняется, оставаясь одним из наиболее продуктивных подчинительных союзов; во многих говорах южных областей его в значительной мере замещает союз *когда*. Еще 3—4 столетия назад союз *как* был характерен для всего русского языка, в том числе и для ювр. диалектов, о чем свидетельствуют памятники письменности. Таким образом, в ювр. говорах он явно идет на убыль. Литературный язык почти полностью утратил союз *как* со значением общей одновременности и последовательности.

В ряде северо-западных говоров и некоторых ювр. говорах в той же функции употребителен архаический союз *коли*.

¹ Об этом свидетельствуют южнорусские памятники недалекого прошлого (XVII—XVIII веков), отразившие в известной степени живой разговорный язык того времени.

Несколько диалектных вариантов имеет очень продуктивный в говорах временной союз *пока* (*покуль*, *покель*, *покеда*, *покуда*, *покудова*, *покыда*).

Важной особенностью говоров обоих русских наречий является употребление в сложном предложении с придаточным времени коррелятивных частиц, среди которых господствующее положение (по крайней мере в свр. говорах) занимает частица *дак* (*дык*), часто в соединении с частицей *и* (*дак и*). Вводя главное предложение, она может соотноситься с любым из упомянутых временных союзов: *как рыбы принесё, дак и можно варить*; *покуль наростую* (3-е л. мн. о снетках), *дык с икром* и т. п. Эта же частица широко употребительна в тех же говорах при бессоюзной связи (ср. § 186).

§ 184. Особенности построения сложного предложения с придаточным условия

Большую употребительность в свр. говорах (по сравнению с южно-великорусскими) союза *как* в еложных предложениях с придаточным условия можно характеризовать как черту диалектную. В ювр. говорах он ограничен в своем употреблении, поскольку отмечается обычно лишь в одном из видов условного предложения, привнося в него сопоставительный оттенок: *как гребень большой, красный, так петух*. Ср. выше аналогичное соотношение по продуктивности временного союза *как* в свр. и ювр. говорах (§ 183).

Менее свойствен ювр. говорам и архаический условный союз *коли*, весьма употребительный в русских говорах Северо-Запада: *потом грабя сувалы, коли недосохиши — немного в копны складашишь* (пск.).

Довольно продуктивным в некоторых говорах южной полосы является условный союз *ежели* (*ежли*), не чуждый также и говорам Севера.

Среди диалектных условных союзов могут быть названы также бытующий в рязанских говорах древний союз *ели* (в вариантах *лели*, *лель*), в говорах, пограничных с украинским и белорусским языками — союз *нехай* (*бы*).

Употребление частицы *так*, *дак* (*дык*, *дэк*), вводящей главное предложение и соотносящейся с тем или иным условным союзом: *квас сильно дёрзкий, как попьёшь, дэк сморщишься* (пск.), представляет характерную особенность говоров обоих русских наречий. Однако в некоторых ювр. говорах, например в воронежских, доминирующей соотносительной частицей в сложном предложении с придаточным условия следует все же признать частицу *то*, утвердившуюся также в литературном языке.

§ 185. Особенности построения сложного предложения с придаточным причины

Диалектные способы соединения предложений характерны также для сложноподчиненных предложений с придаточным причины, которое может присоединяться такими уже утраченными литературным

языком союзами, как для того что, что, как: *его-то угости, как он хороший мужик* (новг.), просторечно-диалектными потому, через того или собственно диалектными из того что, для того и др.

2. БЕССОЮЗНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ

§ 186. Бессоюзно-коррелятивное подчинение как особенность диалектного синтаксиса

Подчинительные отношения выражаются в говорах и без участия специальных союзов, вводящих придаточные предложения. Однако развитие собственно бессоюзного подчинения¹ в наибольшей степени характерно для разговорных стилей русского литературного языка².

В территориальных диалектах подчинительная связь предложений без использования специальных (дифференцирующих ее) союзов развивалась особым образом, в основном, по пути сохранения и совершенствования бессоюзно-коррелятивной связи. При этом вводящая главное предложение частица *так*, чаще *дак* (в вариантах *дык*, *дѣк*), нередко в соединении с частицей *и* (*так и*, *дак и*) утвердилась во многих диалектах свр. наречия и говорах западной части среднерусской полосы как почти универсальный коррелят при бессоюзном подчинении. При ее участии в бессоюзных сложных предложениях могут выражаться следующие отношения:

а) временные: *прошлу-то зиму они приезжали дак я связала Олечки носки*³; *страда-то придё, дак в избу не идём, всё в поле*;

б) условные: *их на серёдки реки залило, поперёк бы-то волны-то поплыли дѣк сразу переехали б*;

в) уступительные: *грибы-ти недалёко дак я ведь не хожу*;

г) целевые: *двери-ти покрасить дак белил мать*;

д) локальные: *это в саду-то Екатерина-то велика дак оны ходили смотрели там*;

е) определительные: *вот или-то мы, жонка-то окошко-то открывала верхне-то, дак вот я брана в той дом*;

ж) характерные для различных типов придаточных изъяснительных: *с Ленин-то града приедут утром в Шотову Гору, дак вечером все знают; вертолёт-ти в деревне садятся дак видим*;

з) причинно-следственные (особенно часто): *зимой-то не отопиться дак поневоле в одну собѣремся избу; у учителя-то колубливая лодка, тѣк колубается, я боюсь... на моторе-то больша-то лодка дак ни духа не боишься*.

Следственная часть при данном типе бессоюзного подчинения может предпосылаться причинной части. При этом элемент *дак* остается в пост-

¹ Многие языковеды предпочитают этому термину выражение «бессоюзная связь предложений».

² Собственно-бессоюзное подчинение имеет место и в русских народных говорах, однако оно не отличается существенными диалектными чертами и поэтому не рассматривается в настоящей главе.

³ В данном и следующем параграфах использованы примеры, записанные в Архангельской области.

позиции к последней, как бы отрываясь от главной (следственной) части, которую он обычно вводит, и замыкая собою сложное предложение. Его функция (выражение причинно-следственных отношений), несмотря на указанный «отрыв», остается здесь той же, что и в предыдущем случае: *много нать (надо) дров-то, ночь-то больша дак; кукурузовый кисель скусной, много сахару-то положили дак.*

Коррелятивная частица участвует также в выражении отношений присоединительного характера. В таких случаях подчинительная связь либо совсем отсутствует, либо очень ослаблена: *мы паспорт меняли в Архангельском-то(в Архангельске) дак там в архиве все сказано, отец, мать кто; а у Настасьи-то Ефимовны были, дак во крепка старуха.*

§ 187. Роль постпозитивных частиц придаточной части в построении сложноподчиненного предложения

При бессоюзном подчинении определенную функцию средства связи предложений выполняют уже рассмотренные выше (§ 174) выделительные постпозитивные частицы. При этом имеется в виду не только употребление частицы *то* при собственно бессоюзной (бескоррелятивной) связи подчинительного характера: *а парень, вчера-то приходил, супротив живёт*, но в еще большей степени — участие этой частицы в построении бессоюзно-коррелятивных сложноподчиненных предложений.

Сохраняя, как правило, в этом случае свою обычную выделительную функцию, частицы препозитивного придаточного предложения оказываются в то же время противопоставленными последующей коррелятивной частице (*дак, дык, дак и, так, так и*), вводящей главное предложение: *у попа-то, поповска-то дочка отдана за простого, на Покишенги-то, тот-то дом у реки-то, у щельи-то, отдана-то была, дак после свадьбы попадьа сколько раз приходила к нам* (пин.).

Очевидно, основная функция элемента *то* заключается здесь не столько в том, чтобы логически выделить, подчеркнуть слова *попа, поповска, Покишенги, тот, реки, щельи, отдана* как слова особо значимые (хотя значение «выделительности» в обычном понимании — ср. § 174 — здесь также есть), сколько в том, чтобы послужить лучшему скреплению, лучшей сочетаемости частей всего бессоюзного сложного предложения, важнейшая из которых (для говорящего) вводится частицей *дак*. Именно с этой последней, хотя возможно и не в одинаковой мере, соотносится каждый из семи употребленных здесь постпозитивных элементов.

Можно полагать, что в каждом из приведенных примеров на бессоюзно-коррелятивное подчинение (см. § 186) постпозитивные частицы (а они, как правило, имеются в придаточной части) выполняют, наряду с выделительной, также и данную («гипотактическую») функцию.

Литература

Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.

Георгиева В. Л. Синтаксические конструкции, образованные сочетанием именительного падежа с инфинитивом или наречием *надо* в современных русских

говорах.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 3. М.—Л., 1949.

Денисевич Г. В. К научным основам синтаксиса территориальных диалектов.— «Уч. зап. Курского гос. пединститута», 1966, т. 25. «Краткие очерки по русскому языку», № 2.

Доля Т. Г. Синтаксические особенности говора Заонежья Карельской АССР.— В кн.: Лингвистический сборник, вып. 1. Петрозаводск, 1962.

Зелепукина Л. А. Синтаксические особенности севернорусских говоров Сосновоборского района Пензенской области.— В кн.: Вопросы русской диалектологии. Куйбышев, 1965.

Иванова В. А. Простое предложение в говорах Брасовского района Брянской области. Автореферат канд. дисс. Л., 1953.

Котков С. И. Конструкция типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров.— «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1959, т. 18, вып. 1.

Кузнецов П. С. К вопросу о сказуемости употребления причастий и деепричастий в русских говорах.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 3. М.—Л., 1949.

Кузьмина И. Б. и Немченко Е. В. К вопросу об употреблении «есть» в русских говорах.— В кн.: Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Кузьмина И. Б. и Немченко Е. В. О различительных явлениях русских говоров в области предложных словосочетаний.— «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1964, т. 23, вып. 4.

Кузьмина И. Б. и Немченко Е. В. О типах синтаксических различий русских говоров.— «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1961, т. 20, вып. 4.

Ларин Б. А. Об одной славяно-балто-финской изоглоссе. Л., 1963.

Лосева Л. М. Организация сложного предложения в курских говорах. Автореферат канд. дисс. Киев, 1953.

Макарова Л. И. Некоторые особенности образования и употребления страдательных причастий прошедшего времени в русских народных говорах. Автореферат канд. дисс. Саратов, 1956.

Мансикка В. В. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда.— «Изв. ОРЯС», 1914, т. 19, кн. 3.

Мансикка В. В. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии.— «Изв. ОРЯС», 1912, т. 17, кн. 2.

Матвеев В. А. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, новая серия, вып. 2. М., 1961.

Мешковская Н. М. Синтаксические явления в моршанских говорах Тамбовской области. Автореферат канд. дисс. М., 1950.

Никольский А. А. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Душанбе, 1964.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970.

Ожегов С. И. Об одной форме долженствования в русском языке.— «Доклады и сообщения философ. ф-та МГУ», 1947, вып. 2.

Петрова З. М. Особенности сказуемого употребления страдательных причастий прошедшего времени в псковских памятниках письменности и современных псковских говорах. Автореферат канд. дисс. Л., 1960.

Сироткина О. Б. Синтаксис говоров Алгайского района Саратовской области.— «Уч. зап. Саратовского ун-та», 1957, т. 48.

Скитова Ф. Л. К изучению синтаксиса русских народных говоров. Из наблюдений над синтаксисом верхневшерских говоров Пермской области.— «Уч. зап. Пермского ун-та», 1959, т. 15, вып. 1.

Собинникова В. И. Проблемы диалектного и исторического синтаксиса (на материале воронежских говоров и памятников письменности). Доклад по выпол-

ненным и опубликованным работам, представленным к защите на соискание ученой степени доктора филолог. наук. М., 1969.

Собинникова В. И. Простое предложение в русских народных говорах (по материалам говоров Воронежской области). Воронеж, 1961.

Собинникова В. И. Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского района Воронежской области). Воронеж, 1958.

Филин Ф. П. Заметки о записях материалов по синтаксису.— В кн.: Бюллетень диалектол. сектора Ин-та русского языка АН СССР, вып. 4. М.—Л., 1948.

Филин Ф. П. Из истории синтаксиса восточнославянских языков. О форме именительного падежа имен. жен. рода на *-а (-я)* в значении аккузатива.— «Вопросы языкознания», 1969, № 3.

Филин Ф. П. Из наблюдений над синтаксисом северо-западных говоров.— «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1948, т. 69.

Чистякова Л. М. Некоторые особенности употребления падежей и предлогов в говорах восточной Брянщины.— «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1968, т. 325.

Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953.

Шулене О. Синтаксис русского говора Зарасайского района Литовской ССР (простое предложение). Автореферат канд. дисс. Вильнюс, 1965.

ГЛАВА VI

ЛЕКСИКА

§ 188. Общие замечания

Словарный состав говоров можно разделить на две неравные части. Большая часть — это лексика, общая с литературным языком: *рука, голова, ходить, белый, тепло, ты, пять* и т. п. Меньшую часть составляет лексика специфическая, диалектная, неизвестная литературному языку. Здесь могут встретиться слова, свойственные только данному говору, данной группе говоров: *гамзу'ля* «неряха, плохая хозяйка» (пск.), *мани'ть* «ждать, медлить» (арх.), *люба'вина* «нежирное мясо» (ряз.), *борша'ть* «ворчать» (волог.), *зуби'ща* «десны» (брянск.) и слова, широко распространенные во всех говорах свр. или ювр. наречия и даже выходящие за пределы одного наречия: *вёдро* «ясная погода», *баско'й* «красивый», *губы* «грибы», *паха'ть* «подметать пол», *шуме'ть* «кричать, звать», *зв'бка* «детская колыбель».

Промежуточную группу между этими основными частями лексики диалектов составляют слова, имеющие в словарях литературного языка помету «просторечное» (реже «разговорное»): *брю'хо* «живот», *де'вка* «девушка», *бреха'ть* «лгать», *бедо'вый* «бойкий» и под. В литературном языке употребление этих слов ограничено, они допускаются лишь в качестве ненормативных эмоционально окрашенных синонимов, несущих определенную стилистическую нагрузку. В диалектах подобные слова — общеупотребительная лексика, как правило, нейтральная в стилистическом отношении: *пошто' строи' л рыбу ф'цый?* — *нищэ, в брю'хе фсе' перемеша'еице* (печ.); *яво'ная дачка* — *харо'шая де'фка* (пск.).

§ 189. Основные признаки диалектного слова

Исследователи диалектологи изучают главным образом специфическую часть словарного состава говоров, изменение и развитие слов, входящих в нее. Для того, чтобы правильно определить предмет исследования, необходимо знать, что такое диалектное слово, каковы его характерные особенности.

Основным признаком диалектного слова является его употребление на ограниченной территории, иначе говоря, «наличие у слова изоглоссы

в пределах территории, которую занимает язык»¹. Поэтому неверно относить к диалектизмам слова, обозначающие специфические явления старой крестьянской жизни (этнографизмы) или местной природы: *сени, клеть, зипун, ланти, онучи, коврига, буерак*; специальные термины общерусского распространения: *стан, челнок, уток, бердо* — термины ткацкого дела; разговорно-просторечную лексику, а также искаженные варианты иностранных слов, вошедших в речь носителей говоров в течение последних десятилетий: *ахтобус, гроном, деколон, фершал, кястр, полуклиника*. Все эти слова не ограничены локально в своем употреблении, не связаны с определенными группами говоров. По определению Ф. П. Филина, «диалектным словом является слово, имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка (в любую его разновидность)»².

В специфической лексике говоров можно наметить следующие наиболее общие группы диалектизмов в соотношении с лексикой литературного языка.

§ 190. Типы лексических диалектизмов

1. Собственно-лексические диалектизмы.

Местные слова, корни которых отсутствуют в литературном языке, или производные от корней, представленных в литературном языке, имеющие в говорах свои особые значения: *ве'кша* «белка» (пск.), *лоні* «в прошлом году» (арх.), *рогози'ться* «озорничать» (пск.), *сапе'тка* «корзина» (донск.), *оболы'рищик* «обманщик» (пск.), *кона'ться* «просить» (печ.), *лопоти'на* «одежда» (томск.), *ва'быль'* в самом деле, действительно' (новг.), *поско'тина* «пастбище» (арх.), *назём* «навоз», *меси'льница'* квашня' (пск.), *горбу'ша'* род косы' (арх.).

2. Лексико-словообразовательные диалектизмы. Слова, отличающиеся от соответствующих им эквивалентов литературного языка своим морфологическим составом; слова с теми же корнями и имеющие то же лексическое значение, что и в литературном языке, но с другими аффиксами: *оди'ново* «однажды» (арх.), *бо'лько* «больно» (волог.), *вы'зрыдью* «навзрыд» (пск.), *переста'н* «остановка, перерыв» (пск.), *глуна'рь* «глупец» (пск.), *пету'н* «петух» (смол.), *плакида* «плакса, нытик» (пск.), *остареть* «состариться» (арх.), *вы'рваться* «разорваться» (арх.), *деру'н* «драчун» (пск.), *вдо'и, вдво'х, вдвои'х* «вдвоем» (пск.).

3. Фонематические диалектизмы. Слова, совпадающие по значению с соответствующими словами литературного языка и отличающиеся от них одной фонемой, причем эти фонематические различия не связаны с существующими в современных говорах фонетическими и морфологическими закономерностями; в этих словах произошла лексикализация какого-нибудь фонетического явления: *аржа-*

¹ Филин Ф. П. Проект Словаря русских народных говоров. М.— Л., 1961, с. 20.

² Там же, с. 22.

но'й «ржаной», вы'шня «вишня», па'хмурный «пасмурный», кома'рь «комар».

4. Семантические диалектизмы. Слова, которые имеют одинаковый морфемный состав с соответствующими словами литературного языка, но отличаются от них своими значениями: паха'ть «подметать пол» *«Не пахано ешио, поря'доцьку нет»* (арх.); зали'ться «утонуть» *«Вясн'ой мой брат в о'зири зали'лся»* (пск.); опали'ть «заморозить (траву, злаки)» *«У нас рано моро'зы-те падаюот — вон траву-ту опали'ло»* (арх.); оро'мный «умелый, знающий» *«Ен агро'мнай рыба'к был»* (пск.); прозра'чный «образованный, просвещенный» *«Като'рыи прозра'чныи лю'ди, фсе' понимают в газе'тки»* (пск.); клочо'к «кочка на болоте» *«Где на клоцёк ско'циши, где — на дере'фце»* (печ.); вздох «легкое» *«Фси вздо'хи адби'ты»* (пск.); несколько «много» *«А наро'ду на я'рманки не'скалька, не'скалька наро'ду!»* (пск.); ми'мо «сразу, тотчас» *«Я ска-за'ла, а она ми'мо и записа'ла»* (печ.); чуять «слышать» *«Ты не цю'яла: оба до'ма — те про'дань»* (арх.); ро'дный «крупный, большого размера» *«Дош пашол... ро'дной дош-та, ро'дной да страсти»* (ряз.).

§ 191. Семантические группы диалектных слов

Лексика диалектов богата словами, отражающими своеобразие природных условий той или иной местности, особенности хозяйственной жизни и быта населения. Лексика говоров в этой области детализирована, особенно в той части, которая относится к ведущей отрасли хозяйства.

Земледелие. Многообразны наименования различных земельных участков и угодий: пахоти'на «пахотная земля» (перм.), по'жня «луг, сенокосное угодье» (арх.), парени'на «земля под паром» (яросл.), жни'твина «сжатое поле» (перм.), кошени'на, «место, где косят» (арх.), ржи'ще, (овси'ще, ре'пище) «поле, засеянное рожью (овсом, репой)» (арх.); частей поля, в зависимости от характера их обработки: гон, пере'езд (перм.) «часть поля, захватываемая пахарем от поворота до поворота», лан (вор.) «большая полоса пахотной земли», по'стать «полоса поля, которую захватывает жнец, проходя с серпом» (пск.), проко'с (пск.), проко'сиво (перм.), поко'сиво (яросл.) «прокошенная полоса в ширину взмаха косы»; взмёт «земля, вспаханная один раз» (пск.). В этой семантической группе лексики мы находим архаизмы, связанные с подсечным земледелием на Руси, когда земледельцы вырубали и сжигали лес, корчевали пни, чтобы расширить луга и посеять; наименования участков, расчищенных из-под леса для пахоты: гарь, палени'на, пальники', вы'горки (перм.) «место, где лес выгорел или выжжен человеком», чищени'на, ро'счисть (перм.), расчи'стки, расте'рб (пск.), «расчищенный и раскорчеванный участок». Многие из этих слов в современных говорах выпали из активного словарного запаса и сохранились только в топонимике (ср. пск. *дор, те'реб*) или изменили свою семантику (*ля'да, ляди'на* первоначально «участок в лесу, годный для обработки или обрабатываемый подсечным способом под поле», в современных говорах — еще и «участок леса» (волог.), «высокое су-

хое место в лесу» (волог.), «поляна в лесу» (моск.) и др.). Дифференцированы в говорах названия частей старых сельскохозяйственных орудий: *россо'ха* (арх.), *коко'ра* (пск.) «основная деревянная часть сохи», *сошкинй* (арх.), *ра'льники* (перм.), *лемешй* (пск.) «металлические наконечники на развилках сохи», *о'бжи* (арх.), *рогачй* (яросл.) «оглобли сохи», *держа'лка* (моск.), *ка'дца* (пск.) «рукоять цепа», *би'ло*, *тяпе'ц*, *валёк* «ударная часть цепа» (пск.), *пу'тце*, *приуэ* (пск.) «ремешок, соединяющий обе части цепа»; названия укладок снопов, сена, соломы: *стоя'нка*, *сусло'н*, *бабу'рка*, *ба'бка*, *ба'бочка* «малая укладка снопов» (пск.), *одо'нок* (пск.), *заро'д* (арх.), *кладу'ха* (вятск.) «большая укладка сена, соломы», площадки для молотбы: *доло'нь* (печ.), *ладо'нь* (яросл.), *токовня* (пск.) и многие другие.

Ж и в о т н о в о д с т в о. Хозяйственные функции домашних животных разных возрастов определили детализацию возрастных наименований лошади: *сеголёток*, *селёток* (арх.), *сосу'н* (яросл.) «до года», *лошиа'к* (арх.), *стригу'н* (яросл.), *молодя'шка* (пск.) «от года до двух лет», *третья'к* (ворон.), *боро'нка* (пск.), *учка* (яросл.) «от двух до трех лет», *четверта'к* (ворон.), *соха*, *в со'ху* (пск.) «от трех лет»; коровы: *моло'шник*, *пово'дчик* (яросл.) «теленка до года», *полу'денник* (яросл.), *подтёлок* (дон.), *ле'тошник* (пск.) «от года до двух», *мяки'нник*, *коло'сови'к* (яросл.) «от двух до трех». Детализированы названия животных и птиц по их использованию в хозяйстве: *кно'роз* (смол.), *по'роз* (пск.), *хряк* (ворон.) «самец свиньи, производитель», *ббров* (пск.) «холощенный кабан»; *пару'нья* (яросл.), *сиду'ха* (пск.), *куру'шка* (калуж.) «наседка», *цыпоту'ха*, *цыпля'тница* (яросл.) «курица, которая водит цыплят»; *куря'та* (пск.), *си'льки* (вятск.), *пискля'та* (ворон.) «цыплята».

Рыболовство, охота; лесные промыслы. Лесные и водные богатства нашей страны способствовали широкому развитию охоты и рыболовства — основного занятия населения на многих территориях Крайнего Севера и Сибири. Отсюда различные названия рыболовных и охотничьих угодий, снастей и приспособлений: *зана'с* (пск.), *поря'дня* (арх.) «общее название набора сетей», *мерёжа* (печ.) «рыболовная сеть на обручах», *бродни'к* (новг.), бредень, *вёрша*, *наро'т* (пск.) «конусообразная ловушка для рыбы», *сику'ша* (пск.) «блесна»; *пу'тик* (арх.) «лесная охотничья тропа», *пасть* (печ.) «капкан на пушиного зверя», *подзаро'дник* (печ.) «ловушка на горностая». В говорах рязанской Мещеры, где одно из основных занятий населения — лесные промыслы, богата терминология этой отрасли хозяйства: *пи'льня* «опилки», *игли'шник* «хвоя, иглы хвойных деревьев», *се'ча* «вырубленное место в лесу», *поло'м* «место, на котором выжигают уголь», *сухле'ц* «засохшее на корню дерево», *пенёшник* «кто занимается корчевкой пней»; в сибирских говорах многообразна лексика кедрового промысла.

Постройки, их части. Различия в названиях жилых и хозяйственных построек по говорам часто связаны с этнографическим различием реалий. На севере, где характерным типом постройки является дом-двор, т. е. и жилое помещение и хозяйственные пристройки находятся под одной крышей, разнообразны названия частей

этого комплекса: *мост* 'крыльцо, сени', *изба* «комната в доме», *пбд-волока* «чердак», *вышка* «жилое помещение на чердаке», *кут* «часть избы за печью»; *пове́ть* «сеновал над хлевом», *взвоз*, *звоз* «отлогий бревенчатый настил, по которому завозят сено на сеновал» *ста'я* «холодное помещение между хлевом и сенями», *жи'ра*, *жи'рка* «выгородка в хлеву для мелкого скота». На юге помещение для скота строится отдельно: *заку'та*, *коту'х*, *омиа'ник*. Особые названия в говорах имеет помещение для сушки снопов: *рей* (пск.), пристройка к гумну для хранения мякины: *мяки'льница* (арх.), *припу'нек* (пск.), разные виды изгородей: *огоро'да* (арх.), *изгоро'да* (пск.) «изгородь из длинных жердей», *барка'н* «забор из толстых кольев» (пск.), *заплёт*, *косоплёт*, *косоты'н*, *чastoплёт* «разновидности плетня» (пск.).

Названия предметов домашнего обихода. Эта семантическая группа включает названия домашней утвари, посуды: *дежа* «квашня» (ворон.), *коре'ц* «ковш» (арх.), *се'льница* (арх.), *ночёвка* (смог.) «деревянное корытце для муки», *махо'тка* (ряз.), *столбу'н* (калуж.) «глиняный сосуд для молока», *наби'рка*, *песте'рь*, *зо'бня*, *плету'ха* (яросл.) «виды корзин», *рога'ч* (курск.) «ухват», *клякá* (арх.) «кочерга; кушаний и продуктов питания: ва'ря (арх.) «жидкая горячая пища», *щти* (арх.) «суп с крупой», *пышо'ха*, *затиру'ха*, *мучни'ца* (пск.) «каша из муки»; *квас* (пск.) «окрошка», *баба'хи* (пск.), *ша́ньги* (арх.), *кали'тки* (арх.), *коко'ры* (пск.) «выпечные изделия из муки», *сыроква'ша*, *простоки'ша* (пск.) «простокваша»; *воло'га* (арх.) «жир, масло», *дряни'на* (пск.) «нежирное мясо»; одежды и обуви: *синя'к* (пск.) «сарафан из набойки», *панёва* (курск.) «женская поясная одежда», *вязёнки* (калуж.), *испо'дки* (арх.), *дя'нки* (пск.) «вязаные рукавицы», *гужо'вики*, *крутицо'вики* (пск.) «веревочные лапти», *ка'танцы* (пск.), *пимби* (яросл.) «валяная обувь», а также и другую лексику бытового характера: *питу'ха* (арх.) «пирушка», *вла'зимы* (пск.) «новоселье».

Названия предметов и явлений окружающей природы. Детализация наименований связана с особенностями местного ландшафта. На Севере и Северо-Западе обилие лесов, болот и водоемов отражается в лексике: *ра'да*, *са'хта*, *ка'лтус* (арх.), *багно́* (пск.) «разновидности болот», *лы'ва* (волог.) «большая лужа, озеро», *ви'ска* (арх.) «ручей, проток», *сузе'мье* «густой лес», *во'рга* (печ.) «тропинка в тундре»; население, живущее у больших рек, озер различает разновидности льда: *ча*, *икра́* (вл.-пов.), *стани'ца* (арх.) «большие льдины», *мятёж*, *мяти'к* (печ.) «мелкий лед, ледяная крошка», *заберега* (арх.) «первый лед у берегов». Богата названиями местная флора и фауна: *ба'га'н*, *багу'н*, *бобовня'г* (пск.), *пьяни'шник*, *дурнишник* (ряз.) «багульник», *дурни'ка* (брянск.) «голубика», *аве'рья'нка* (пск.), *одоле'нь* (ряз.) «валериана», *говору'шки* (ряз.) «опята», *бык*, *гук*, *гу'кало* (пск.) «выпь», *долби'лко* (печ.), *долбя'к* (сев.-уральск.) «дятел», *ушка'н* (арх.) «заяц», *орда́* (арх.) «бурундук».

Кроме лексики, называющей различные предметы, реалии, в диалектах много так называемой непредметной лексики: глаголы, прилагательные, наречия, различные служебные слова. Непредметная

лексика говоров изучена в меньшей степени, однако, чтобы убедиться в ее многообразии, рассмотрим некоторые тематические группы.

Глаголы говорения — эта группа широко представлена во всех русских говорах. Диалектные глаголы могут называть процесс говорения как таковой: *ба'ять* (арх., пермск.), *гомони'ть*, *шуме'ть*, *бала'кать* (пск.); характеризовать темп речи, манеру говорить, особенности процесса речи: *таранти'ть* «говорить быстро», *лопота'ть* «говорить, не умолкая», *пу'кшит'ь* «говорить себе под нос», *мырнуть* «сказать сердито, недовольно», *гунда'вить* «говорить в нос» (пск.), *борша'ть* «ворчать» (волог.), *зая'киваться* «заикаться» (перм.); отражать содержание речи, ее направленность: *сука'ть* (пск.), *ко'новать* (печ.) «сплетничать», *бала'сничать*, *борозди'ть*, *лоскота'ть* (пск.) «говорить попусту, болтать», *глода'ться* (ссориться, браниться) (пск.), *вопи'ть* (пск.), *реве'ть* (печ.) «звать, подзывать».

Глаголы передвижения также многообразны в говорах. Ограничимся примерами из псковских говоров: *блуди'ть*, *блuka'ться*, *лука'ться* «ходить, бродить», *мерля'ться*, *шалыга'ться* «ходить без дела, шататься», *барля'ть*, *ты'пать* «ходить, идти медленно», *базыля'ть*, *зыкать* «бегать, спасаясь от оводов (о скоте)», *гуртова'ть* «ходить вокруг», *глыздат'ься* «скользить», *шмурыга'ть* «идти, ехать быстро», *крепя'ться* «взбираться», *вы'караться* «выбраться с трудом», *води'ть* «возить».

Наречия времени. Большинству свр. говоров известна группа наречий с общим значением прошедшего времени: *ле'тось*, *зиму'сь*, *весну'сь*, *осене'сь*, *у'трось*, *ноче'сь* «минувшим летом (зимой, весной и т. п.)», а также наречия *сей' год*, *се' году* «в этом году», *селе' то* «этим летом». В тех же говорах с указанием на неопределенное время действия в прошлом употребляются наречия *оногды*, *оногды'сь*, *ономе'дни*, *да'вень* «недавно, на днях».

Прилагательные, относящиеся к характеристике человека, многочисленны в говорах. Эти слова дают представление о внешнем облике человека, его уже и душевных качествах, чертах характера и т. п. Например, в псковских говорах: *ща'пный* «красивый», *каля'ный* «здоровый, крепкий», *ди'кий*, *мля'вый*, *моде'лый*, *мо'зельный* «худой, тощий», *плеша'тый* «плешистый», *карзу'бый* «беззубый», *лестли'вый* «ласковый», *оц'сливый* «вежливый», *нату'рный* «упрямый», *скре'мный* «скупой», *памят'ный* «обладающий хорошей памятью», *зату'льчивый* «застенчивый» и др.

§ 192. Историческое развитие диалектного словаря

Словарный состав говоров складывался на протяжении многих веков, в нем есть напластования, относящиеся к различным историческим эпохам.

В лексике говоров немало слов древнего происхождения, восходящих к эпохе общеславянского языкового единства и сохранившихся в большинстве славянских языков. Общеславянская лексика в говорах — это наименования явлений природы, процессов и орудий

производства и др. Например: *вѣдро* 'ясная погода', *ба'гно* «болото», *гу'ба* «гриб», *ку'ропоть* «куропатка», *ряб* «рябчик», *ез* «запруда в реке для ловли рыбы», *ора'ть* «пахать», *лехá* «гряда», *кут* «часть избы у печи», *заво'р* «проезд в изгороди, закладываемый жердями», *соци'ть* «искать», *има'ть* «ловить, хватать», *лонí* «в прошлом году».

В говорах представлена богатая терминология родственных отношений. Эти термины восходят еще к эпохе родового строя, отражают структуру большой семьи. Кроме общепотребительных названий степеней родства: *отец*, *мать*, *брат*, *сестра*, *сын*, *дочь*, *свекровь*, *тесть*, *деверь*, *шурин*, *золовка* (последние, хотя и являются общерусскими, в современном литературном языке малоупотребительны), в говорах распространены более детализированные наименования: *бра'тка* «старший брат», *ня'нька* «старшая сестра», *брата'н*, *брате'ник*, *братѣльник* «неродной брат, двоюродный или более дальнего родства», *сестре'ница*, *сестря'нка*, *брата'ница* «двоюродная или троюродная сестра», *свесть*, *све'ся*, *своя'чина* «сестра жены», *ятро'вка* «жена брата мужа», *большу'ха* «старшая невестка». Во многих говорах наименования, отражающие родство по крови: *родники*, *сро'дники*, *сро'ственники*, *ро'да*, *приро'да*, противопоставлены наименованиям, отражающим родство по браку (свойство): *свои*, *свойки*. Как видно из примеров, описательным наименованиям семейных отношений в литературном языке в говорах соответствуют однословные термины родства (поразному оформленные в разных диалектах). Одному литературному слову в говорах может соответствовать несколько детализирующих наименований. Так, в пермских говорах различаются *сноха́* «жена брата» и *сноше'ница* «жена деверя» (в литературном языке для выражения этих отношений используется слово *неве́стка*), *па'сынок*, *па'дчирица*, *па'дчерка* «дети вдовца по отношению к мачехе» и *приведе'нник*, *приведе'ница* «дети вдовы по отношению к отчиму» (в литературном языке в обоих случаях употребляется *па'сынок*, *па'дчирица*).

Говоры сохраняют ряд утраченных литературным языком общеславянских слов с восточнославянскими полногласными сочетаниями, а также с начальными *ро-*, *ло-*: *огоро'да* «ограда, изгородь», *ро'бить* «работать, делать», *су'морошный* «пасмурный». По своей семантике это в большинстве случаев слова с более узким, конкретным значением, чем параллельные им, старославянские по происхождению, слова литературного языка: *ве'ред* «нарыв, фурункул», *вереди'ть* «ушибить, поранить», *оболока'ть* «надевать», *оболока'ться* «одеваться», *бере'мя* «ноша, охалка», *мо'рок* «туман», «низкое темное облако» (ср. литературные *вред*, *вредить*, *облекать*, *бремя*, *мрак*).

§ 193. Архаические элементы диалектной лексики

Наличие в диалектах древнейших элементов словарного состава русского языка, отраженных в памятниках древнерусской письменности, но не сохранившихся до наших дней в литературном языке (иногда эти слова сохранились в других славянских языках), позволяет

использовать данные диалектов для уточнения значения и территории распространения ряда слов, употребленных в древнерусских памятниках. В современных псковских говорах есть глаголы *осябри'ться* 'остаться жить, поселиться, пристроиться': *блудил на све'ту, тяпе'рь тут асябри'лся; аня фсе' хадил, до'ма у ней нет, асябри'лася у нас, так ы жыла и усябриться* 'пристроиться, приладиться': *там уш усябри'лся спать*. Эти производные сохранили в своей семантике связь с древнерусским с я б р ь «сосед, член одной общины».

В «Русской Правде» употребляется слово в и д о к ь «свидетель», это же слово живет до сих пор в печорских говорах: *застрели'лсе Тимофе'й в лесу, не зна'ют за што' и пошто' — видока не'было*. Вологодское *изнури'ться* «разориться, истратиться»: *свездила, ницево' не изнури'лася—доць де'нѣк-то на доро'гу далá* — сохраняет древнее значение (ср. др. р. *изнурити* «истратить, издержать»). В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского *прокудити* «повредить, нарушить»; *оскорбить*; «уничтожить, истребить»; *прокудливый* «злой, склонный к ссоре», а в современных псковских говорах *напрокудить* «напортить, навредить», *иску'дный* «упрямый, своевольный». В вологодских говорах *челядь* «дети»: *пло'хо вам у мѣня жыть; це'леди людно* (много), *криця'т*. Сравните др. р. *челядь* «слуги, рабы, дети», а также украинское диалектное *челяди'н* «взрослый сын», *челяди'на* «взрослая дочь, девушка».

В архангельских говорах *глаза'* «окна дома по фасаду»: *суды' глаза' ми дом, с'ю'га захот; я не быва'ла ба'йны, как она' стоит, куды' глаза' ми?* (печ.). В древнерусском языке г л а з ь к ь «шарик», польск. *glaz* «камень», *glazik* «камень, голыш». Исследователи считают слово *глаз* в славянских языках заимствованием из древнегерманских языков (нем. яз. *Glas* «янтарь, стекло»). *Глаз* в значении «окно, отверстие для света» свидетельствует об очень древнем употреблении этого слова.

Одно из значений слова *буи* в псковских говорах — «открытое, возвышенное место». Только в Псковских летописях засвидетельствовано употребление слова б у й в значении «возвышение, насыпанное для возведения церкви». Сопоставление этих материалов позволяет предположить, что в древнерусском языке б у и и его производное б у я н ь могли иметь значение «горушка, холм», и нам становится понятным текст в «Молении Даниила Заточника»: *дивья за буяном кони паствяти...*, т. е. хорошо (безопасно) за горой коней пасти.

Комментаторов и переводчиков Псковской судной грамоты затрудняло слово и з н е в е с т и: «а которой человек кому заклад положит в чем, грамоты или иное што в серебри, да изымает своего исца изневести». Это слово было записано в современном употреблении на Псковщине: *меня спужа'л изне'вести; изне'вести повали'лся, не знал, а повали'лся*, т. е. «неожиданно, внезапно». Можно предположить, что в Псковской судной грамоте то же значение, и текст следует переводить: «...вызывает к ответу своего истца неожиданно».

В диалектах, как и в литературном языке, есть заимствованные слова. В свр. говорах это слова, заимствованные из языков соседних финно-угорских и северных народов, преимущественно лексика, отражающая особенности северной природы, местного ландшафта, названия зверей и рыб, водящихся на Севере, охотничье снаряжение и способы ловли. Свр. говоры заимствовали из балтийских и финских языков слова: *курья* «залив, рукав реки», *ла'йда* «песчаная отмель», *са'хта* «поросшая кустарником болотистая местность», *ра'да* «моховое болото», *мя'нда* «мелкослойная болотная сосна», *рю'жа* «вид рыболовной сети», *ки'бас* «грузило на неводе», *меэв'а* «мелкая рыба», *лох* «семга после метания икры»; из коми языка: *вис'ка* «ручей, проток», *ва'дега* «глубокое с тихим течением место на реке», *во'рга* «тропинка в лесу или тундре», *ня'ша* «жидкая грязь, ил», *гы'мга* «верша, сплетенный из прутьев рыболовный снаряд», *кул'ма* «западня на пушных зверей», *луза'н* «охотничья накидка», *орд'а* «бурундук», *кычк'о* «собака»; из ненецкого языка: *лапта* «ровное место в тундре», из языка саами: *тев'я'ка* «тюлень», *чу'нки* «легкие санки охотника».

Оленеводству русские научились у северных народов (ненцев, чукчей), отсюда ненецкие слова в архангельских говорах: *пы'жик* «олений теленок до 2-х месяцев», *пенду'к* «оленок двух-трех месяцев», *небл'ой* «молодой олень до года», *сови'к* «длинная во весь рост неразрезная одежда из оленьей шкуры, шерстью вверх, с капюшоном», *си'ма*, *сю'ма* «капюшон малицы, совика», *липты* «чулки из оленьей шкуры, шерстью внутрь».

В ювр. говорах встречаются заимствования из тюркских языков: *бирю'к* «волк», *турлу'к* «род изгороди». В русских говорах Юго-Востока, где русское население находится в тесном общении с казахами, башкирами, татарами, названия некоторых видов одежды, предметов домашнего обихода, кушаний, орудий труда тюркского происхождения. Например, в оренбургских говорах: *чиги'рь* «простейшее сооружение для подачи воды на огороды», *уцу'г* «проволочная сетка, которой перегораживают реку», *арья'н* «кислое молоко, разведенное водой», *маха'н* «вареное мясо», *сурпа*, *шурпа* «мясной бульон», *турсу'к* «кожаный мешок», *куп'а* «зимнее ватное пальто».

Таким образом большинство иноязычных заимствований в русские говоры обозначает новые понятия и не имеет русских синонимов. Если же заимствованное слово обозначает понятие, имеющее в говоре лексическое выражение, может происходить семантическая и стилистическая дифференциация слов-синонимов. Так, приведенное выше оренбургское *маха'н* означает «вареное мясо», а не мясо вообще, в печорских говорах *ря'мга*, *рямки'* (из балтийско-финских языков) говорят только о тряпичных лохмотьях, противопоставляя эти слова исконным *тряпка*, *тряпица*: *это уш не трепи'ця, а ря'мга*. Заимствованная лексика пополняет разряд экспрессивных слов: оренбургское *муйна'к* «грубый, нахальный человек» (в казахском языке — «собака»).

§ 195. Семантические связи слов в говорах

Развитие диалектной речи определяется тремя основными факторами, имеющими большое значение для языковых процессов в диалектах: функциональной спецификой диалектной речи — существованием ее только в форме устной разговорной речи, взаимодействием соседних говоров между собой и все возрастающим влиянием литературного языка.

Лексика диалектов — сложный комплекс, в котором проявляются разного рода системные отношения. В лексике говоров, как и в лексике литературного языка отражается многообразие семантических связей слов: есть слова однозначные и многозначные, синонимы и омонимы, слова активного употребления и пассивного запаса, нейтральные и стилистически окрашенные, богатая фразеология.

§ 196. Полисемия диалектной лексики

Диалектам, как и литературному языку, свойственно явление полисемии. Многие диалектные слова обладают большой семантической емкостью, развивают производные, прямые и переносные значения. Например, пск. *прапа'сный* 1. Дырявый, рваный: *эти ни прапа'сныи сапаги, вади ни п'падет; пла'тья прапа'сная, фсе прапа'сная, но'зва нет.* || Испорченный, неисправный; *ни павязли лес — машы'на прапа'сная*. 2. перен. Большой, слабый: *зруди'на бали'т и галава бали'т, така'я я прапа'сная, ня на'да бы'ла басико'м хадит'ь*. Глагол *жить* в срвр. говорах, кроме общерусских значений 'существовать', 'проживать где-н.', 'вести какой-н. образ жизни', употребляется в значениях: 'бывать, случаться': *радуга-то по'сле дождя жыёт; здесь моро'зы жыют большы; 'находи'ться': в байны бы до'лго жыла да голова не позвола'ет; у ней ло'тка на острову жыёт; 'иметься': ф тундры моро'шки жыёт мно'го; 'бодрствовать, не спать': фсю ночь жыу, фсю ночь пошто-то сну нет.* (Все примеры записаны в русских поселениях на р. Печоре). В архангельских говорах слово *ме'сто* обнаруживает большую детализацию значений по сравнению с литературным языком. Кроме общего литературному языку и диалектам значения «определенная часть какого-н. предмета, точка поверхности чего-н.», выделяются значения «часть тела»: *фся я осла'бла, ка'жно ме'сто у меня опа'ло; «опухоль, большое место»: у ней на лице тако'е же ме'сто, как у тебя, родово'е (о родимом пятне)*. Значение «постель; перина, тюфяк»: *не вале'йси на ме'сти, на сту'льчик сечь; ко'йку до'цке купи'ла, ме'сто-то не'куда деть; ф цюла'н — дак отсыре'т; ме'сто* проявляется и в производном *заме'стница* «женщина, которая стелит постель новобрачным». В значении «часть, доля, кусок» *ме'сто* и его производные употребляются по отношению к различным предметам: *ры'бы хо'чет, она дала от серетки большо' ме'сто; я кусо'чек колбасы съе'ла, ма'ленько ме'стецько отрв'зала*. Широкий круг сочетаемости у этого слова в значении «отдельная вещь, отдельный предмет»: *како п'етро ме'сто, на ю'пку мо'жно бы (о куске материи); кипетку нали'ть*

ис того *ме'ста* (из кувшина). Это слово может употребляться применительно не только к различным предметам одежды, утвари, орудиям, но и к веществу, жидкости: *напила'се, спасибо, сла'ткого ме'ста*; к песне, словам: *круго'м ёлоцьки ходя, да е'то ме'сто-то пою'т*; к событию, происшествию: *я вам расскажу одно ме'сто* и т. п.

Производные значения возникают в результате переноса названия с одного предмета на другой на основе сходства признаков (метафора): *бакла'га* (пск.) «сосуд для дегтя» и «тучный человек, толстяк», *балабо'нить* (пск.) «звякать, брэнчать» и «говорить, что вздумается, болтать», *ва'жить* (пск.) «иметь какой вес, тяжесть» и «иметь значение, быть важным», *поло'ник* (брянск.) «разливательная ложка» и «головастик»; на основе смежности, пространственной и временной: *забе'рега* (печ.) «первый лед у берегов» и «полоса воды у берега перед вскрытием реки», *кошени'на* (арх.) «место, где косят, луг» и «скошенная трава», *выть* (печ.) «пора еды» и «количество пищи, употребленной за один раз»; на основе общей функции, назначения предметов: *вя'зка* (томск.) «бечевка» и «соломенный жгут, которым перевязывают снопы», *асве'р* (пск.) «колодезный журавль» и «гибкий шест, на котором подвешивается к потолку детская колыбель», *запо'р* (печ.) «запруда для ловли рыбы» и «затор во время ледохода»; при переносе названия с целого предмета на его часть: *ме'сто* (арх.) «постель» и «перина, тюфяк», *бабу'рка* (пск.) «малая укладка снопов» и «сноп ярового хлеба», *подволо'ка* (томск.) «лыжа с подбосом из оленьей шкуры» и «подбой у лыж»; при переносе названия с части на целое: *шульт'а* (печ.) «левая рука» и «левша».

Изменение семантики диалектных слов происходит и под влиянием литературного языка и соседних диалектов. Появляются новые, вторичные, значения и оттенки значений: в современных вологодских говорах *го'лбец* употребляется не только в значении «ход в подполье», но и «подполье»; в говорах саратовского Заволжья слово древнего лексического фонда *ба'ять* «говорить» развивает производные значения «говорить попусту, не о деле, болтать»: *мы не ба'ем, а говорим, чай для исто'рии это ну'жно*. В Поволжье слово *бир'юк* «волк» имеет производные частные значения «крупный волк», «волк-самец», «волк-одиночка» и переносное — «нечто страшное, чем пугают детей, бука».

Служебные слова в говорах также обладают многозначностью. Приведем один пример из печорских говоров: Бат — вводное слово. 1. Может быть, возможно: *кто вы' ломал гармо'шку у тя, бат, ы сам вы'ломал? Фцера'сь ходи'ла, ешиб, бат, зайд'у*. 2. Наверно, по-видимому: *а у них занаве'ски до'лго закры'ты бы'ли, спа'ли, бат*. 3. Значит, стало быть: *по старика'м, бат, хо'дите вы, па'ря; себодня сол'нышко сади'ция вон как; бат, за'фтра вед'рие бу'дет*.

§ 197. Омонимия диалектной лексики

В лексико-семантической системе говоров наблюдается явление омонимии. Омонимы возникают при столкновении на одной территории, в одном говоре диалектного и общерусского слова: *вал* ¹ «волна»

и вал² «кочан капусты» (Гдовский район Псковской области), враг¹ «недруг» и враг² «овраг» (Саратовское Заволжье), мост¹ «сооружение для перехода через реку и мост² «крыльцо» (русские говоры в низовьях Печоры); при столкновении нескольких диалектных слов: баран¹ «птица бекас» и бара'н² «ворот, вал» (Островский район Псковской области). Постоянным источником омонимии служат словообразовательные процессы в говорах: зи'мник¹ «дорога, проезжая только зимой» и зи'мник² «животное, родившееся зимой» (томск.), ве'треница¹ «ветряная оспа» и ве'треница² «одна из двух веток, которые кладутся на верх стога, чтобы сено не разносило ветром» (уральск.), белу'шка¹ «блондинка» и белу'шка² «белка, белочка» (пск.). Совпадение образований от разных корней может произойти в результате фонетических изменений слов: дупля'нка¹ «улей» и дупля'нка² «рукавица из дубленой кожи» — производное от дуби'ть (томск.). Таким образом омонимы в диалектах, как и в литературном языке, появляются в результате совпадения в одной звуковой форме слов разного происхождения (гетерогенные омонимы): гай¹ «отходы льна при сортировке; мятая солома» и гай² «гомон, крик» (пск.) мо'рда¹ (животного) и мо'рда² «рыболовный снаряд из прутьев» (уральск.) — заимствование из финских языков, и в результате распада полисемии (гомогенные омонимы): ба'бка¹ «бабушка, старуха», ба'бка² «укладка снопов», ба'бка² «наковаленка для отбивания кос» (пск.).

§ 198. Синонимия в диалектной лексике

Многие исследователи лексики русских народных говоров отмечают богатство и разнообразие синонимической лексики диалектов. Диалекты в силу своей функциональной специфики не имеют строго фиксированных норм, нормируются только внутренними законами своего развития и обладают, по сравнению с литературным языком, большей свободой выбора средств для выражения различных смысловых, стилистических и эмоциональных оттенков речи. Однако проблема синонимии в диалектах является одной из мало разработанных и дискуссионных проблем нашей науки. Отсутствует единое определение диалектного синонима, нет четкости в различении синонимов и вариантов слова в говорах. Поэтому в дальнейшем изложении синонимами будем считать слова в пределах одной грамматической категории, близкие или тождественные по значению, если они распространены в одном говоре или в территориально близких говорах. Синонимы в диалектах могут различаться оттенками значения, эмоционально-экспрессивной окраской, частотой употребления, сочетаемостью с другими словами. Так, например, в печорских говорах употребляются слова зама'тка и позора́ «хлопоты, беспокойство»: *на што ты принесла́ эту́ ўтку, на зама'тку на онну́; ли́хо мне тереби́ть да вари́ть; ой, робя'та, така́ с ва'ми позора́!* Эти слова различаются оттенками значения, позора́ выражают большую интенсивность действия, не просто «хлопоты», а «мучительные хлопоты». В говоре дер. Деулино Рязанской

области наряду с нейтральным *нае'ться* существуют экспрессивно окрашенные: *набу'заться*, *навары'заться*, *намо'жниться*, *намулы'ндаться*. Особенно широк круг подобных синонимов в названиях, содержащих отрицательную оценку: *балабо'лка*, *шалабо'лка* (пск.) «болтун, пустомеля»: *балта'ит бес то'лку*, *балабо'лка*, *шалабо'лка така'я*; *абана'т*, *неслуш* (пск.) «упрямец, неслух»: *ах, ты, абана'т, не'слуш тако'й!* Многообразны синонимы среди слов, выражающих категорию усиления, увеличения: *ди'вно*, *мо'дно*, *гру'дно* (перм.) «много»: *ди'вно налови'л ры'бы-то*; *вон сколь наро'ду мо'дно*; *та'мока гру'дно камне'й*; *гру'дно коро'в идёт*. Употребляемость подобных слов-синонимов и их лексико-фразеологические связи могут быть неодинаковыми: в говоре дер. Деулино для выражения понятия «очень большой, значительный по величине, силе проявления» используются синонимы *несосве'тный*, *ненаказа'нный*, *неугаси'мый*, *неприви'дный*, причем первое слово обнаруживает наиболее широкую сочетаемость: *клопá несосве'тная*, *глубина' несосве'тная*, *пьяню'шка несосве'тная*, *пыля' несосве'тная*, *зме'и несосве'тные*, *бра'нь несосве'тная*, *омишарá несосве'тная*, *крик* (по покойнику) *несосве'тный*.

Лексика современных говоров характеризуется наличием большого числа абсолютных синонимов (дублетов). Дублеты в говорах могут возникать в результате внутреннего развития диалекта, когда в названиях отражаются разные признаки называемого предмета, в результате взаимодействия соседних диалектов и языков, а также влияния литературного языка на говоры. Например, псковские *квас* и *хлебня́* «окрошка»: *хлябню́ zde'лаю*, *квас*, где первое слово указывает на основной составной компонент кушанья, а во втором отражен существенный признак — жидкое кушанье. В русских говорах низовой Печоры употребляются слова *курева́* и *тонзе́р* «снежная буря, метель»: *курева́ кака́*, *так ы' кури'т*, *снек несёт шы́лко-от*; *ой-ой, куды' пое'деш*, *како'й тонзе́р*, *снек несёт си́льно!* Здесь *курева́* — исконное для диалекта слово, а *тонзе́р* — заимствование из языка коми. Ненормативность диалектной лексики способствует возникновению синонимов и дублетов в производственной терминологии: *скороди'ть* и *боронов'ать* (курск.), *пле'ти* и *соло'ма* «стебли гороха» (саратовск.), *боёц*, *коло-ти'льщик*, *сбийщик* «человек, сбивающий кедровые шишки» (томск.), *баз* и *денни'к* «загородка для скота около дома» (саратовск.). Особенно велико количество дублетов в названиях предметов домашнего обихода: *зы'бка* и *лю'лька* (арх.) «детская колыбель», *махо'тика* и *масто'шка* «горшок для молока» (ряз.), *ухва'т* и *рога'ч* (курск.) (здесь первое слово, по своему ареалу севернорусское, пришло в южнорусские говоры под влиянием литературного языка), а также среди других слов повседневного бытового употребления: *пора'то* и *ши'бка* «очень» (арх.), *бре'зговать* и *грёбовать* (сарат.), *барахли'ться* и *барыхма'ться* «барахтаться» (пск.), *сербе'ть* и *чеса'ться* (орл.).

Столкновение разнодиалектных слов или диалектного и литературного слова часто вызывает семантическую и стилистическую дифференциацию дублетов: *бода'ться* «бить рогами» — *брухта'ться* «бить рогами с ожесточением», *хво'рый* «большой» — *кво'лый* «слабый, склонный

к болезни», *сосе'д* «человек, живущий недалеко» — *шабе'р* «кто живет рядом или напротив», *выпиво'ха* «пьяница» — *еры'га* «пьяница и буян», *бре'зговать* «пренебрегать чем-либо» — *грёбовать* «очень сильно брезговать». В парах и группах полных синонимов может происходить процесс вытеснения одного слова другим, причем степень устойчивости тех или иных слов в разных говорах различна. При наличии нескольких названий для одного предмета часто происходит вытеснение лексических диалектизм (литературными и просторечными словами), например, *очень* и *бóльно* вытесняют диалектные *пора'то*, *гора'здо*, *дюже*.

Устный характер диалектной речи приводит к сильно выраженному варьированию в говорах, к образованию большого числа словообразовательных параллелей, однокоренных синонимов: *ботви'н*, *ботви'на*, *ботви'нья* «стебель картофеля» (ряз.), *берёстовики*, *бере'стники*, *берестя'нки*, *бере'щеники* «обувь, сплетенная из бересты» (пск.), *шу'бницы*, *шубя'нки* «рукавицы из овчины» (яросл.), *ча'пля*, *ча'пельник*, *чапе'льки* «сковородник» (курск.). Подобные образования в говорах обычно употребляются как семантические дублиеты и не развивают семантических различий, хотя могут различаться частотой употребления.

§ 199. Новое в лексике современных говоров

Лексика говоров находится в состоянии непрерывного изменения и развития. В процессе этого развития часть слов устаревает, постепенно выходит из употребления. Степень устойчивости диалектных слов различна: одни сохраняются в речи всех носителей диалекта, другие — лишь у представителей старшего поколения, третьи — активно не употребляются, о них только вспоминают — «прежде так говорили».

Изменения в лексике говоров вызываются прежде всего внеязыковыми причинами. Утрата старой сельскохозяйственной техники приводит к забвению названий частей сохи, цепа, наименований некоторых процессов, например, *старнова'ть* (снопы) «обмолачивать цепом колосья, не разбивая сноп». Исчезают старые термины измерения пахотной земли: *осьма'к*, *гон*, *сорокова'я*, *четвёрка* (саратовск.), сенокосных угодий: *ла'поть*, *полла'птя*, *косьё* (моск.), *воз* (печ.). Уборка хлеба комбайнами приводит к утрате названий способов укладки хлеба в снопах: *хресте'ц*, *одо'нок* (ворон.). Уходят в пассивный запас многие слова, связанные с ручной обработкой льна, конопли, шерсти. Социальные изменения в жизни деревни: денежное обеспечение колхозников, развитие государственной торговли привели к исчезновению многих предметов домашнего обихода, необходимых прежде для выпечки хлеба дома, сбивания масла и т. п., например, ручных жерновов для размола зерна, большой деревянной посуды для муки и теста, различной глиняной утвари. С утратой реалий забываются и соответствующие названия: *лото'к* «род корыта из цельного куска дерева», *поставня́*, *плету'шка* «посуда для развали-

вания теста», *калга'н* «большая деревянная чашка», *ку'хал* «глиняный кувшин» (ряз.). Только в пассивном запасе словаря сохраняются названия старинной местной одежды, обуви: *коро'тенька* «короткая нарядная распашная кофта без рукавов» (арх.), *ряде'нь* «верхняя мужская одежда из грубого холста» (пск.), *ут'ок* «нарядная женская кофта» (перм.), *бере'ще'ники* «обувь, сплетенная из бересты» (пск.), *нало'бник* «расшитая бисером и блестками лента, надеваемая замужними женщинами» (ряз.).

Усиление междиалектных связей и активное воздействие литературного языка на говоры ускоряют процесс вытеснения узко местных слов. Наблюдается утрата видовых местных образований и замена их родовыми наименованиями более широкого распространения. Так, в саратовских говорах вместо детализирующих названий *мяки'на* (от ржи), *поло'ва* (от овса), *чужу'ха* (от чечевицы) в активное употребление входит общерусское *мяки'на* (для всех культур), а местные названия оказываются в пассивном словаре. В курских говорах в прошлом различали *зем* «земляной пол», *мост* и *пол* «деревянный пол». В современных говорах — *зем* выходит из употребления, заменяется сочетанием *земляной пол*, *мост* считается устаревшим, а *пол* покрывает все указанные значения, является наиболее употребительным.

В лексике говоров есть и новые слова, однако вопрос о новообразованиях в диалектах чрезвычайно сложен. В большинстве случаев нельзя с уверенностью сказать, является ли какое-нибудь слово новообразованием, представляет ли оно продукт словотворчества данного говора или усвоено носителями говора через просторечие. По предметной соотнесенности ряда диалектных слов, по их семантике можно выделить новые слова в говорах. Обычно это — производные слова, образованные по существующим моделям: *слива'ч* «работорник, сливающий молоко» (ворон.), *ме'тчик* «кто мечет стог» (томск.), *безо'на'ска* «безопасная бритва», *семикла'ска* «школа-семилетка» (пск.), *курб'ртничать* «бездельничать» (ворон.), *колхо'зить* «состоять членом колхоза» (пск.). Слова литературного языка, попадая в говор, могут изменять свое значение, развивать новые значения. Например, в рязанских говорах (дер. Деулино) *обожа'ть* «уважать, ценить»: *а таки'х литуну'ф ня бо'льна абажа'ють*, «иметь пристрастие к чему-н.»: *я суп ни абажа'ю*; в псковских говорах *аккура'тный*, кроме совпадающих с литературным языком значений, может значить «статный, ладный»: *солда'т красивый, акура'тный*; «ловкий»: *като'р'ый вёртк'сий ц'главе'к, той укура'тн'ий*; «вежливый, обходительный»: *в дяре'вни лю'ди аккура'тн'ий, чем в го'ради, когда прахо'д'ют кала тех, хто рабо'тае, гаваря'т: бох ф по'маши!*

§ 200. Фразеология диалектной речи

Своеобразие диалектной речи проявляется и в особенностях сочетаемости слов. Ограниченная сочетаемость многих слов в говорах приводит к образованию фразеологических оборотов. Русские народ-

ные говоры включают в себя богатейшие запасы фразеологического материала, различного и по использованию, и по структуре, и по эмоциональной насыщенности.

В говорах наблюдаются устойчивые сочетания, имеющие в своем составе диалектные слова: *в ве'ршу влезть* «оказаться в неприятном положении» (пск.), *ба'йдаки бить* «бездельничать» (смол.), *вверх кувь'рдышки* «кувырком» (горьк.) и фразеологизмы, состоящие из слов общенародного употребления: *не сводить глаз с глазом* «не спать, не смыкать глаз» (ряз.), *дождём не смочить* «много», *как за ухо задёла* «быстро» (пск.), *дым возить* «бездельничать» (смол.). Большая часть фразеологии говоров — фразеологизмы, состоящие из общенародных слов.

Степень слитности компонентов фразеологического сочетания в говорах может быть различной. В диалектной фразеологии обнаруживаются все типы фразеологических единиц, известные литературному языку. В одних фразеологических оборотах центральное, стержневое слово реализует свое значение лишь в соединении с определенным кругом слов, а свободно, в несвязанном виде не употребляется: *вы'голить глаза* (*бе'льма, зе'ни, белу'дки, шары*) «широко раскрыть глаза» (пск.) — фразеологические сочетания. В других фразеологизмах, несмотря на тесную связь компонентов словосочетания, переносное значение выражения в целом отчетливо мотивировано: *бить языком, язык о зубы бить* «болтать» (пск.), *языком пельмени стряпать* «картавить» (пермск.), *щекү ломать* «говорить не по-местному, стремиться к литературному произношению» (*щекá* «челюсть», печ.) — фразеологические единства. И, наконец, в диалектах есть также фразеологические обороты, в которых составные элементы словосочетания очень тесно спаяны между собой, установить, как образовалось переносное значение, не всегда возможно: *замори'ть комарá* «слегка утолить голод», *узна'ть, почём со'тня гребешко'в* «узнать, как тяжело в горе, в несчастье», *как в соль сел* «захирел, зачах» (пск.) — фразеологические сращения. Слово может сохраниться в говоре лишь в составе идиомы. Например, псковское *сгона'ть (согна'ть) рёнку* «срывать зло на ком-н.»: *я рассерди'лась на сваю мужыка, а взялась ребя'т мяси'ть, ну, сагна'ла рёнку на ребя'тах; — што и ты, змяя, ашале'ла, зганя'ши рёнку на ребя'тах?*; рязанское *рень держа'ть* «сердиться» (ср. др. р. рень - реть «ссора, распря»).

Диалектные фразеологизмы различаются и по-употреблению. В говорах есть нейтральные устойчивые сочетания, выполняющие номинативную функцию: *сухой день* «постный» (ряз.), *леший баран* «бекас» (пск.), *промеж рук* «между делом» (ряз.), *дать гул* «откликнуться» (пск.) *ходи'ть по сбору* «нищенствовать» (ряз.) и фразеологические выражения эмоционально окрашенные, употребляющиеся для характеристики предметов и явлений: *зако'рчить лыч* «заязниться, заважничать», *хлеба'ть глазу'ху* «глазеть на что-н.», *чёрт на лошади'х не гоня'л* «ничего не сделано» (пск.), *лягу'шек бить* «бездельничать» (ворон.), *турурүшки перебира'ть* «сплетничать» (ряз.).

С устным характером диалектной речи связаны многочисленные варианты фразеологизмов в говорах. Это могут быть диалектные

варианты выражений, неизвестных литературному языку. Приведем несколько примеров из псковских говоров: *от ве́ку, с ве́ку, с ве́ку веко́в, от нача́ла ве́ка, от начи́на ве́ка, от ча́тья ве́ка* «с незапамятных времен, издавна» (ср. в литературном языке: *от века, от века веков, испокон веку*); *ума́ трóнуться, умóм рехну́ться, ума́ спо́ртиться, ума́ кря́нуться* «потерять рассудок, сойти с ума»; *на всю голо́ву, на весь рот, на всю гла́тку* (кричать) «громко, во все горло»; *глазу́ ху хлебáть, глазу́ ху е́сть* «смотреть, глазеть».

Источниками фразеологии в диалектах являются различные обряды, древние языческие праздники, сейчас почти не сохранившиеся, но оставившие свой след в языке. Многие фразеологизмы фольклорного происхождения — фрагменты пословиц, поговорок. В большинстве случаев в основе устойчивых оборотов лежат конкретные представления: живая разговорная речь обладает неограниченными возможностями метафоризации значений слов и целых выражений.

§ 201. Обзор основных областных словарей. Диалектные словари до середины XIX в.

Одним из первых обратил внимание на необходимость изучения диалектов, на их роль в истории русского языка М. В. Ломоносов. В «Российской грамматике» Ломоносова, а особенно в «Материалах к Российской грамматике» много диалектных слов, главным образом, севернорусских, так как Ломоносов лучше всего был знаком с родным ему архангельским говором. В записях Ломоносова находим пословицы, поговорки, группы слов, близких по значению и принадлежащих письменному и «простонародному» языку: *пицца — брашно, лаком — солощ; залив — губа — рукав — курья; чать будет — никак будет — восли бо будет — может быть будет*. Эти записи лишены толкований и комментариев, но сам подбор слов свидетельствует об интересе Ломоносова к лексике говоров.

Собирание и описание русской областной лексики начинается примерно в 30-ые годы XVIII в. Как правило, первые записи областных слов были сделаны без каких-либо определенных лингвистических целей, ради любопытных сопоставлений литературных и диалектных слов путешественниками или местными любителями (записи известного историка Г. Ф. Миллера, ботаника И. Г. Гмелина, академиков П. И. Челищева и И. И. Лепехина). Ко второй половине XVIII в. относятся более обширные списки областной лексики. В рукописном сборнике второй половины XVIII в. было обнаружено «Краткое ... собрание ... некоторых речей», употребляемых в Устье Великом, относящееся к 1754 г. и содержащее 301 слово. В начале 70-х годов XVIII в. был составлен сборник «Слова и речи в Вятской провинции, особливо у простолюдинов употребляемые». Сохранилась только часть этого списка, до буквы С — 177 слов.

В начале XIX в. внимание и интерес к народной речи необычайно возрастает, интенсивно идет собирание областной лексики и публикация этих материалов в различных периодических изданиях. значи-

тельную роль в организации собрания диалектных слов сыграло возникшее в 1811 г. «Общество любителей российской словесности». Обратившись к губернской администрации по делам народного просвещения, Общество призвало собирать «провинциальные» слова силами учителей и смотрителей местных училищ. Материалы поступали из разных мест и печатались в «Трудах» Общества. В течение первых сорока лет XIX в. были опубликованы материалы по областной лексике ряда губерний: Вологодской, Тверской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Рязанской, Тульской, Курской, Саратовской. В «Трудах» Общества был напечатан «Опыт русского престоногодного словотолковника», составленный членом Общества М. Н. Макаровым. Это — первая попытка составить сводный словарь русских говоров. М. Н. Макаров сам собрал материал в разных губерниях России. Слова расположены по алфавиту, автор старается передать и некоторые фонетические особенности говоров (аканье, оканье, цоканье).

В этот период накопления материалов для областных словарей появляются первые работы, посвященные теоретическим вопросам областной лексикографии. Следует назвать статью профессора Казанского университета Г. С. Суровцева «Нечто о собраниях областных слов» (1839). Анализируя опубликованные списки диалектных слов, Г. С. Суровцев отмечает как недостаток неполноту определений. По мнению Суровцева, областной словарь должен подробно толковать значение слова, показывать употребление и произношение диалектных слов, содержать сведения этнографического характера.

В середине XIX в. сбором материалов по русским народным говорам занялись два научных учреждения — Второе отделение Академии наук и Русское географическое общество. В 1845 г. Второе отделение Академии наук обратилось к директорам училищ с просьбой присылать записи местных слов. Вскоре в большом количестве стали поступать материалы из разных губерний.

В конце 1851 г. И. И. Срезневский составил «Программу для собрания образцов языка и словесности». «Программа» предусматривала запись лексики с указанием особенностей произношения и формообразования, особенностей сочетания слов, а также географического распространения тех или иных явлений. Большое значение И. И. Срезневский придавал иллюстративным материалам, рекомендуя присылать записи связных текстов.

В 1852 г. Академия наук издает «Опыт областного великорусского словаря». Источниками словаря послужили рукописные собрания областных слов, поступившие в Академию, словарики, напечатанные в «Трудах» Общества любителей Российской словесности, а также некоторые неопубликованные материалы, имевшиеся у членов Отделения, например, собрание И. И. Срезневского (3439 слов) и новгородские материалы Я. И. Бередникова (1188 слов). Словарь вышел в одном томе под редакцией А. Х. Востокова и А. М. Коркунова. Он включал 18011 слов.

Работа над «Опытом» закончилась, а материалы продолжали поступать, и составители сразу же приступили к подготовке «Дополнения

к Опыту областного великорусского словаря», которое было издано в 1858 г. в «Дополнении» — 22 895 слов. Как отмечалось в предисловии, «Опыт» включал три группы областной лексики: 1) слова «уклонившиеся от нормального употребления языка, нередко искаженные до крайности», а также слова, заимствованные из языков соседних народов (*оте'чь*, *пи'сня*, *це'сть* «честь», *па'ше* «пашет», *игра́т* «играет»); 2) слова, «некогда принадлежавшие к общему языку народа и вытесненные из него другими», но сохранившиеся в песне, сказке, поговорке (*безо́тный* «лишенный отца», *бе́рега* «усердный уход», *ко́монь* «конь», *лы́бить* «улыбаться», *у'стна* «губы»); 3) слова, «которые родились вследствие понятий, образовавшихся от предметов окружающей человека природы и от особенных занятий народа» (*утрба* «душа; сердце»).

Слова в словаре расположены в алфавитном порядке с указанием ударения. В большинстве случаев заголовочное слово выводится в исходной форме, но не всегда, так как некоторые существительные даются в косвенных падежах, глаголы — в спрягаемых формах. Грамматическая характеристика слова содержит указания на часть речи, род у существительных, родовые окончания прилагательных, некоторые флексии при словоизменении — родительный падеж существительных, личные окончания глаголов и т. п. Значения слов объясняются путем краткого толкования. Для слов, имеющих соответствия в литературном языке, приводятся синонимические определения: *Зно́бка*, нар. Холодно. Новг. *Аля'ничк*, а. с. м. Недоумение, забытье, замешательство. Пен. *Мучни́к*, а. с. м. Деревянная чашка или продолговатое блюдо, в котором катают тесто. Арх. Шенк. Иногда составители прибегают к подробному описанию предмета, его отличительных признаков, назначения и т. п.: *Ба'нник*, а. с. м. Хлеб, зашитый в скатерть вместе с жареною птицею и двумя столовыми приборами. Этим хлебом невестина мать благословляет отъезжающих к венцу жениха и невесту. Арх. Ко многим словам приведены примеры их употребления. Географическое распространение слов отмечается указанием на губернию (реже — уезд), в которой записано слово. На сферу употребления отдельных слов указывают пометы «морское», «охотничье»: *Глубни́к*, а. с. м. Мор. северо-западный ветер. Арх. Мез. Встречаются в словаре и пометы эмоционального характера: «бранное слово», «укоризненное слово», но они применяются редко и непоследовательно.

Выход «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему был важным событием в истории русского языкознания. «Опыт» явился первым областным словарем в широком смысле этого слова, первым сводным словарем русских наречий. Издание этого словаря завершило подготовительный период работы по собиранию областной лексики и открывало новые пути для русской областной лексикографии. Был введен в научный оборот огромный лексический материал (до 40 тыс. слов), показаны приемы лексикографического описания диалектной лексики. Словари эти были образцом для многих последующих составителей. Все рецензенты — Ф. И. Буслаев, Я. К. Грот,

В. И. Даль — отмечали огромное значение «Опыта», но вместе с тем указывали и на недостатки: неполноту материала, неточность географических помет, малое число иллюстраций и недостаточность толкования значений. «Опыт» был задуман и выполнен как дополнение к словарю литературного языка 1847 г., поэтому «простонародные» слова, помещенные в словаре 1847 г. в «Опыт» не включались. Не вошли в словарь и многочисленные списки слов, печатавшиеся с начала XIX в. в губернских ведомостях, различных журналах и т. п. Отысканность и неопределенность географических указаний в словаре зависела во многом от качества присланного в Академию материала, поскольку не было ни сил, ни средств для сбора лексики прямым методом или хотя бы для проверки присланного материала на местах. Многие недостатки словаря объясняются новизной дела и общим уровнем языкознания в то время.

§ 202. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля

Следующим этапом в истории русской областной лексикографии был четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (первое издание словаря вышло в 1863—1866 гг.).

Словарь Даля не является собственно областным словарем: он охватывает лексику письменной и устной речи XIX в., включает слова книжные и разговорные, обиходные и профессиональные. Но основу словаря составляет, по словам Даля, «живой, устный русский, а паче народный язык». Материалы для словаря Даль начал собирать еще в юности и работал над ним в течение 53 лет.

Источниками словаря были опубликованные академические словари, в том числе и областные (из «Опыта» и «Дополнения» Даль включил в свой словарь около 30 тыс. слов), а также другие лексикографические сборники — ботанический словарь Анненкова, терминологический словарь Бурнашева, списки слов, напечатанные в различных журналах. Примерно 80 тыс. слов было собрано самим Далем. Всего в словаре свыше 200 тыс. слов.

В словаре принят гнездовой способ расположения слов: однокоренные слова, начинающиеся на ту же букву, помещаются в одной словарной статье, а приставочные образования с производными от них — на своем алфавитном месте. Не будучи специалистом-филологом, Даль часто ошибался, располагая слова по гнездам. Так, в разных словарных статьях оказались *дичь* и *дикий*, *горн* и *горшок*. Грамматические указания в словаре Даля скудны и нерегулярны: дается род и число существительных, иногда — управление глагола, при неизменяемых словах отмечается принадлежность к определенной части речи.

Наиболее слабой стороной словаря Даля является семантическая характеристика слова. Даль отрицательно относился к толкованиям значения при помощи развернутых определений и пользовался преимущественно синонимическими определениями, причем часто объединяя как синонимы слова семантически далекие друг от друга, исполь-

зовал в толковании диалектные слова. Например: **Веретье** ... ср. ... воспище, торпище, рядно, дерюга, ватола; ... **Жука'ть** или **жу'чить**, **жу'кнуть**, **жу'чивать** кого, турять, шугать; пугнуть, припугнуть; дать гонку, нагоняй; бранить, журить, тазать, учить, бить. К словам, обозначающим предметы домашнего обихода, различные обряды, словам, связанным с народными приметам и поверьями, а также к лексике ремесел и промыслов Даль дает развернутый реальный комментарий, пользуется этнографическо-энциклопедическим описанием. Например, «**Ла'поть**, м. ... короткая плетеная обувь на ножную лапу, по щиколотки, из лык (*лычники*), мочалы (*мочальожники*, *плоше*), реже из коры ракиты, ивы (*верзни*, *ивяки*), тала (*шеложники*), вяза (*вязовики*), березы (*берестяники*) ... Лычный лапоть плетется в 5—12 строк, пучков, на колодке, кочедыком ... и состоит из *плетня* (подошвы), *головы*, *головашек* (переду), *ушичника*, *обушичника* (каймы с боков) и *запятника* ... Лапти обуваются на портяные и шерстяные подвертки и подвязываются оборами в переплет накрест до колена; ...» Подобные объяснения Даль считал полезнее сухих, ненужных, по его мнению, определений. Структура словарной статьи у Даля не отвечает требованиям филологического словаря. Для семантического деления используется знак//, но не разграничиваются значения и оттенки значений, сами значения выделены недостаточно четко. Иллюстрации располагаются в словарной статье произвольно и часто не соотносятся с выделяемыми в слове значениями. Фразеологические обороты иногда выделены и истолкованы, но в большинстве случаев их надо разыскивать в массе иллюстративного материала, приведенного к слову. Даль сознательно отказался от стилистических помет в словаре — в смешении книжных и простонародных слов он видел обогащение литературного языка.

Географические пометы в словаре содержат только указания на губернии, а также имеются обозначения наречий, как их выделил Даль «северное», «южное», «западное» и «восточное». Используется, как и в «Опыте», помета «сибирское». Такие широкие указания не дают точных сведений о локальном распространении слова.

Второе издание словаря (1880—1882 гг.), частично подготовленное самим автором, было дополнено материалами Я. К. Грота, П. Шейна, И. Ф. Наумова. Третье издание редактировал профессор Петербургского университета И. А. Бодуэн де Куртенэ. Он упорядочил гнездовую систему Даля, исправил ошибки, в ряде случаев снял этимологические объяснения, сделанные Далем, а также проверил словник по «Опыту», «Дополнению», собраниям Грота, Шейна, А. И. Шренка и включил в словарь лексику из своих казанских записей.

Словарь В. И. Даля сохранил свое значение и в наши дни как самое полное собрание лексики русских говоров. Это, поистине, — сокровищница народной речи. Кроме слов, в словаре приводятся многочисленные устойчивые обороты, фразеологизмы, широко распространенные в устной речи, но не вошедшие ни в какие другие словари. Очень ценны примеры употребления слов, записанные автором из уст народа, пословицы и поговорки — их в словаре до 30 тысяч. Даль

широко раздвинул рамки филологического словаря, включив в него массу ценных этнографических сведений, объяснение многих понятий дореволюционного крестьянского быта. Далею словарь занимает почетное место в истории русской культуры, он был высоко оценен В. И. Лениным¹.

§ 203. Областные словари конца XIX — начала XX в.

Выход в свет «Опыта», «Дополнения» и словаря Даля ознаменовал собою заметное оживление работы по собиранию и публикации областной лексики, особенно в 80—90-е годы XIX в. Появляются сборники по лексике отдельных территорий. Собиратели учитывают данные словаря «Даля» и «Опыта», стараются не повторять своих предшественников, а дополнить уже имеющиеся лексикографические труды. Однако собирание областной лексики идет неравномерно по всей территории России, обследуются главным образом удаленные от центра области, меньше — центральные районы. Поэтому публикуемые в эти годы сборники местных слов почти исключительно содержат материал свр. говоров.

Наиболее интересным в филологическом отношении является «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого, опубликованный в 1885 г. Это областной словарь в узком смысле слова, он включает только диалектную лексику Архангельской губернии. Слова литературного языка, как правило, в словаре отсутствуют, но автор часто не разграничивает лексических и фонетических, грамматических диалектных особенностей и вводит в словник слова, отражающие характерные фонетические черты говора: *ви'тер, ни'сня, опе'ть, взе'ть, пти'цька, цвето'к, горсь*; диалектные формы общерусских слов: *ма'ти, чевб* и др. Помещаются в словаре и общерусские слова, входящие в состав пословиц, поговорок, народных примет. *Ба'ба*. Пословица: *Какова баба, такова и слава* (Онеж.). *Избушка*. Поговорка: *Хоть в лесной избежке жить, да за любимым быть* (Кем.). *Ключи*. Народное поверье: *ключи класть на стол, да ложки в куче полоскать — будет ссора в семье*. Слова, как правило, расположены в алфавитном порядке, причем в заголовке словарной статьи даются фонетические варианты: *вза'быль, вза'боль, здись, здисе*; словообразовательные параллели: *вра'ка, врани'ца, на'звеще, на'зовь*; а иногда объединяются слова, семантически близкие: *беседа, вечери'на, вечери'нка* «сходбище в каком-н. доме парней и девушек для развлечения танцами, песнями и играми», *медунки'ца, медови'к, бу'чень* «дикая пчела». Слова приводятся в исходной форме, но это общее правило нарушается для слов, отличающихся от соответствующих им слов литературного языка отдельными формами, которые и помещаются в заголовке статьи: *дру'же* — зват. ф. от *друг, на'ма, однимá* — творит. над. мн. числа, *мбже* — окончание. 3 л. глаголов без *-т*. Большинство слов не имеет грамматических помет, так, у при-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 51, с. 122.

лагательных не указываются родовые окончания женского и среднего рода; изредка приводится форма сравнительной степени. Более последовательно даны грамматические пометы при существительных (род, формы именительного падежа множественного числа, иногда — родительного падежа единственного и множественного числа, творительного множ. числа) и глаголах (указание на вид, параллельную форму другого вида, реже — формы первого лица настоящего времени).

Подвысоцкий дает филологическое определение значений слова, когда не требуется подробного описания понятия, обозначаемого словом. Так определено большинство слов в словаре: «новина́, нови́нка, нови́ны, новь. 1) Посредственная сенокосная земля (Онеж.). 2) Расчищаемое и выжигаемое под пашню лесное место. (Пин. Шенк.). 3) Поляна среди кустарного леса (Пин.). 4) Окруженное пожнями сенокосное место (Шенк.). Слова терминологического характера толкуются энциклопедически: Ла́мбы. Лыжи, употребляемые при промысле моржей и тюленей на льдинах в залежках, а также по шуге́ и нйласу. Ламбы отличаются от калг тем, что короче и шире их (2 аршина в длину и 6 вершков ширины), не имеют пёлгаса, ни мёлгаса и, вместо ремней для обвязывания вокруг ног, снабжаются ременной в виде дуги поперечкой, в которую нога свободно проходит (Кем. Кол. Мед.). Энциклопедическое толкование дается при названиях животных, птиц и рыб, орудий и снастей, построек, явлений природы, местного ландшафта, обрядов, игр и под. Подвысоцкий широко пользуется этнографическим материалом. По данным словаря можно полностью восстановить свадебный обряд, обряды, связанные с окончанием сельскохозяйственных работ, некоторые обычаи местного населения. Недостатком в толковании значений является использование в определениях диалектных слов. Не все слова снабжены примерами употребления — автор в большинстве случаев иллюстрирует узкоместные слова, неизвестные в других говорах. В качестве иллюстраций приводятся записи живой речи, пословицы и поговорки.

В словаре имеются стилистические пометы, указывающие на эмоциональную окраску слов: насмешливое слово Зюзя — пьяница, неряха (пин.), Стеле́ пыш — увалень (арх. холм.); ругательное слово (Ослопа́н — остолоп, чурбан (онез.), Не́ сыть — ненасытный, жадный человек (кол.); шутивное слово (Кожедёр — охотник париться в бане, Начу́мкаться — наестся (онез., шенк.); ласкательное слово (Беле́ юшко — ласкательное в смысле: милый, голубчик (онез., кем.). Указание на сферу употребления дается только для морской терминологии (Ногá (морск.) — ванта (помор.).

В словаре Подвысоцкого много фразеологических сочетаний: *кислое молоко* «творог», *живой рукой* «живо, проворно», *заложить ухом* «забыть о чем-н.», *обронить парусá* «спустить паруса». В разработке фразеологического материала у Подвысоцкого нет единого принципа, одни фразеологизмы выносятся в отдельную статью, другие — разрабатываются в статьях на исходное слово; часть фразеологических сочетаний, помещенных в отдельных статьях, имеет толкования, другие — приводятся лишь с отсылкой на основное слово.

Все слова в словаре снабжены географическими пометами. Лексика, употребительная на всей территории архангельских говоров, имеет помету «повсеместно», остальные слова—указание на уезд.

Словарь А. О. Подвысоцкого был высоко оценен современниками. Академик Я. К. Грот писал, что составитель успешно справился с задачей собрать материал народного языка из живого источника и представил «первый целый словарь значительного объема по одному областному наречию»¹. Ценность материалов Подвысоцкого повышалась еще и тем, что вся лексика была собрана прямым путем, непосредственно из уст народа. Словарь был удостоен Ломоносовской премии (такую высокую награду получил за свою работу только В. И. Даль). По образцу словаря Подвысоцкого строились последующие областные словари, хотя ни один из них, по существу, не поднялся выше этого словаря.

В 1898 г. выходит второй по величине после словаря А. Подвысоцкого «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении», составленный Г. И. Куликовским. В этот словарь вошли и материалы, собранные А. А. Шахматовым. Словарь был построен по типу словаря Подвысоцкого (принцип отбора слов, подача материала), даже совпадал с ним по заголовку. Однако этот словарь значительно уступает архангельскому: менее совершенны толкования значений, беднее представлены этнографические материалы, совсем нет стилистических помет.

Ценным собранием диалектной лексики были «Материалы для объяснительного словаря вятского говора» Н. М. Васнецова (1907). Васнецов четко сформулировал принципы составления словаря и его цели. Во вступительной статье к словарю он писал, что «прямой целью словаря было постановлено дать сборник слов или совершенно неизвестных русской лексикографии или общепринятых, но в вятском говоре имеющих своеобразное значение». Для этого при отборе слов Васнецов слыл свои материалы со словарем Даля и академическими областными словарями. Слова, отличающиеся от общеупотребительных лишь местными фонетическими особенностями, в словарь не вошли, однако автор считал возможным включить в словник осваиваемые носителями говора иноязычные слова: *аблака'т*, *аре'нт*, *ку'фня*. Словарю предпослан краткий очерк вятского говора.

Н. М. Васнецов был сельским учителем в Вятской губернии, он хорошо знал вятские говоры и все материалы записал сам от местных жителей. В отличие от А. О. Подвысоцкого, он не задавался целью дать в словаре подробные сведения этнографического характера. Например, термины кустарных промыслов, очень разнообразных в Вятской губернии, не отражены в словаре. Только при словах, относящихся к жилью и постройкам, Васнецов сообщает сведения о различиях в архитектуре разных местностей. Значение слов иногда иллюстрируется примерами из речи крестьян, фольклорные примеры единичны. Стилистических и географических помет в словаре нет.

¹ Грот Я. К. Филологические разыскания. СПб., 1890, с. 128.

«Кашинский словарь» И. Т. Смирнова (1901) построен на материале говора одного уезда Тверской губернии, точнее не всего уезда, а нескольких деревень и города Кашина. Словник словаря включает не только диалектные слова, но и слова литературного языка, если они употребляются в пословицах, поговорках, прибаутках, загадках, песнях. Фольклорные материалы словаря очень разнообразны. Наряду с местной лексикой вводятся в словарь и фонетические диалектизмы: *струб* «сруб», *пáметник* «памятник», *салáш* «шалаш», и искаженные иноязычные слова: *камплéт* «комплект», *лемена́ция* «иллюминация», *пéнзия*. Но самое ценное в словаре — впервые в русской лексикографии приводится материал, иллюстрирующий богатую синонимику говора: в конце словаря даны списки глаголов-синонимов, в том числе и глагольных фразеологизмов. Например, значение «нанести сильный удар» имеют глаголы: *а'хнуть*, *ба'цнуть*, *дать разá* (*ту'кманку*, *тю'тю*), *болбону'ть*, *ерболы'знуть*, *жа́рнуть*, *ошлепя'тить*, *чибура'хнуть* и др.

✓ Из словарей других территорий можно отметить вышедший в 1914 г. «Смоленский областной словарь» В. Н. Добровольского, охватывающий около 13 тыс. слов, записанных автором непосредственно и извлеченных из записей фольклора, а также некоторых других источников. Помимо диалектной лексики, в словарь вошла лексика городского просторечия и арго. В лексикографическом отношении словарь очень несовершенен: нет четкого принципа отбора слов, при многих диалектных словах отсутствует толкование значений, а только приводятся различные этнографические материалы, для слов, извлеченных из фольклора, нет указаний на источник.

§ 204. Областные словари советского периода

В советскую эпоху собрано много новых лексических материалов. Расширяется территория обследования: публикуются материалы по говорам среднерусских областей, среднего и нижнего Поволжья, восточных районов Сибири, больше появляется в печати материалов по лексике ювр. говоров. В 1929 г. вышел «Донской словарь» А. В. Миртова — значительное по объему (около 7 тыс. слов) собрание лексики говоров бывшей Области Войска Донского. Источники словаря — записи автора, ответы на анкету, разосланную учителям школ, выборки из произведений донских писателей, донских газет и журналов. Для того чтобы сведения о лексике донских говоров были наиболее полными и точными, автор разделил всю территорию на 8 особых «районов» с учетом границ распространения важнейших фонетических явлений в донских говорах. В каждом таком «районе» обследовалось не менее 10—15 населенных пунктов, и так были получены сведения из четырехсот с лишним станиц и хуторов. Т. о., географические указания в словаре Миртова очень конкретны. Отмечаются также уезды или губернии вне бывшей Донской области, где употребляется данное слово. Кроме толкования значений, отмечается употребление

многих слов в украинском языке и его говорах, указаны заимствования из татарского языка.

В конце 50-х — начале 60-х годов наблюдается заметное оживление лексикографической работы в области диалектной лексики. Это вызвано прежде всего внутренними потребностями русского языкознания — необходимостью расширить фактические данные о современном состоянии русской лексики и ее истории. Кроме того, собирание материалов для диалектологического атласа русского языка в основном закончено, и многочисленные кадры диалектологов в различных вузах освободились для новой работы. В ноябре 1955 г. на Втором всесоюзном координационном совещании по вопросам диалектологии при Институте языкознания АН СССР было принято решение считать составление областных словарей одной из существенных задач диалектологической работы. Центрами такой работы становятся университеты и педагогические институты страны. С помощью многочисленной армии студентов-филологов создаются словарные картотеки, начинается обработка материала и составление словарей разных областей России. Большую помощь в собирании материала оказывают учителя сельских школ. Лексика говоров, в основном, собирается прямым путем: посылаются диалектологические экспедиции для записи диалектной речи, используются специальные программы и вопросники; однако при подготовке словарей учитываются и печатные источники: опубликованные словари и списки слов, фольклорные материалы.

В последние годы вышло из печати значительное количество диалектных словарей: «Курско-орловский словарь» С. М. Кардашевского (1956—1960 гг.), «Краткий Ярославский областной словарь» Г. Г. Мельниченко (1961 г.), «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики», В. Н. Немченко, А. И. Синицы и Т. Ф. Мурниковой (1963 г.), «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби», т. I — III, под ред. В. В. Палагиной (1964—1967 гг.), «Словарь русских говоров Среднего Урала», т. I (1964). Опыт лексикографического описания лексики одного населенного пункта является «Словарь современного русского народного говора (дер. Деулино Рязанской области)», вышедший в 1969 г. Печатается «Словарь ростовских говоров». Идет подготовка словарей архангельских, воронежских, смоленских, брянских, пермских и других говоров.

§ 205. Псковский областной словарь с историческими данными

Все опубликованные до сих пор областные словари (за исключением словаря В. И. Даля, о котором говорилось выше) являются словарями дифференциальными, т. е. в словари включается только диалектная лексика. Некоторые нарушения дифференциального принципа отбора слов связаны с неразличением фактов лексики, с одной стороны, и — фонетики, грамматики, с другой, или объясняются соображениями этнографического характера. Иной тип словаря представляет собою «Псковский областной словарь с историческими данными» (1 вып.

1967 г.), составление которого было начато под руководством проф. Б. А. Ларина.

Это словарь полного типа, включающий в себя по возможности весь активный словарный запас псковских говоров, в том числе и лексику, совпадающую с лексикой литературного языка. В словарь вводится также микропонимика, прозвища людей и клички животных.

Большим преимуществом словаря является наличие большого исторического материала — данных, извлеченных из памятников псковской письменности XIII — XVIII вв. Эти материалы, помещенные в особой части словарной статьи, помогают установить историческую перспективу развития словарного фонда псковских говоров. Псковский словарь в какой-то мере является и словарем-атласом: для диалектных слов приводятся точные географические указания (район, деревня), карта обследованной территории с нанесенными на нее населенными пунктами позволяет читателю определить ареал любого слова, кроме того, к отдельным словам приложены лексические карты.

Составители словаря стремятся полнее отразить живую речь жителей Псковщины, поэтому каждое значение слова иллюстрируется примерами, выделяется и толкуется разнообразная фразеология, в конце словарной статьи приводятся фонетические варианты и группы слов — синонимов. Записи живой речи даются в упрощенной фонетической транскрипции. Приведем для примера (с некоторыми сокращениями) одну словарную статью:

Беда́, ы́, ж. 1. Несчастье, горе. Ох, Псков бра́ли, бы́ла биды́. Пск. Б. Толбицы. Чужо́й бяды́ ра́давацца не́чиму. Пореч. Нестерово. || Горькая несчастная жизнь. Фсю беду я вам расказа́ла, попе́ча'лилась чуто'к. Пл. Нежадово ... > Ай, беда́ кака́я! Кака́я досада! Ай, бяда́ кака'я, я'гат в лясу́ нет. Печ. Иваново Болото ... , ср. Беда́ на. 2. перен. Мусор, хлам. Бяду́ на у́лицу вы'бръсил, апя'ть бяды́ по́лно ведро́. Печ. Городище ... 3. предикативно. Плохо, трудно. Фсяво́ нави́дана (за войну), вод где бяда́ — та мужыка́м. Пыт. Дрени. > Не беда́! а) Ничего! Не страшно! Дажжы́ не бяда́, на ло'шади е'хал, фстал над ёлку. Вл. Горончарово. б) Хорошо бы. На'да патсы'пять хать пя'стацку мукы́ коро'ви, да и праствак'шки ня бяда́. Палк. Крюково ... 5. экспр. Множество. Куды́, там така́я беда́ наро́ду. Стр. Горбы. Блищ ноймъ в бару́ бяда́. Пушк. Зимари ... ср. беда́ на. 6. Как восклицание, вызванное чрезвычайностью чего-н. Ф. Скура'тове ребе́нок тако́й злой, бяда! Н. Рж. Ршки.

~ Беда. Название болота. Пск. Зазыбенье.

1. И многожды приходили Нѣмцы ко Пскову, а таковые бѣды и сухоты не бывало. Лет. 1, 1510, л. 659.

§ 206. «Словарь русских народных говоров» АН СССР

Развитие лингвистической науки, необходимость привлечения новых данных для исторической лексикологии и фразеологии русского языка; для сравнительно-исторического изучения славянских языков

и их связей с неславянскими языками сделали насущной потребность в областном словаре, охватывающем лексические богатства всех русских говоров. База для такого словаря уже была создана: за более чем 100 лет со времени выхода «Опыта областного великорусского словаря» были накоплены огромные словарные материалы как опубликованные в различных изданиях, так и неопубликованные, хранящиеся в архивах, картотеках и у частных лиц.

Необходимость ввести в научный оборот огромные запасы диалектной лексики привела к решению создать сводный словарь русских диалектов. Эту работу взял на себя Институт русского языка АН СССР и начиная с 1965 г. выходят первые выпуски «Словаря русских народных говоров». Работа ведется под общей редакцией чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина.

Словарь охватывает диалектную лексику и фразеологию всех русских народных говоров XIX — XX вв. Источники словаря многочисленны и разнообразны. Это опубликованные словари и словарики, которые печатались в различных изданиях (губернские ведомости, «памятные книжки» и календари, «Известия» Русского географического общества, «Журнал Министерства народного просвещения», «Живая старина», «Русский филологический вестник», местные газеты и т. п.), статьи, посвященные диалектной лексике, этнографические описания, фольклорные сборники; рукописные материалы архивов Всесоюзного географического общества, Академии наук, словарной картотеки Института русского языка; словарные приложения к кандидатским диссертациям.

По объему словника «Словарь русских народных говоров» — дифференциальный областной словарь. Он включает только диалектную лексику: словарные (т. е. собственно-лексические, словообразовательные и фонематические), семантические и фразеологические диалектизмы. Порядок расположения слов алфавитный.

Определение значений слов дается толково-переводным способом. Если диалектное слово имеет лексические соответствия в литературном языке, значение определяется с помощью этих литературных слов (одного или группы синонимов): *грёбовать* «брезговать», *берха'ться* «качаться, болтаться». Слова, не совпадающие по значению со словами литературного языка или не имеющие лексических соответствий в литературном языке, получают описательное определение: *ада'мовик* «белый олений мех», *бака'лдина* «ухаб или выбоина на дороге». Когда обозначаемый предмет мало известен или вовсе неизвестен широким кругам читателей и не имеет обозначения в литературном языке, вводятся элементы энциклопедического определения: *аку'лька* «растение *Scutellaria hastaefolia*. L. сем. губоцветных, шлемник; употребляется для лечения ревматизма».

Значение слова, устойчивые сочетания, выделенные в словарной статье, иллюстрируются примерами, имеющимися в источниках словаря. Иллюстрации располагаются в хронологическом порядке и приводятся обычно в современной орфографии с сохранением ударения и некоторых фонетико-морфологических особенностей. Большая лек-

сикографическая традиция, наличие академических словарей литературного языка позволяют дать в словаре развернутую и последовательную грамматическую характеристику слова.

В Словарь вводятся пометы, характеризующие сферу употребления слова: «фольклорное», «детское», степень его употребительности: «устарелое», «так говорили раньше», «редкое». Все слова имеют географические указания на место употребления. Приведем для примера словарную статью из «Словаря русских народных говоров»:

Басалай, я. м. 1. Беспутный, разгульный человек или хулиган. Арх. 1842—1847 Сын-то у ней басалай, непутной. Арх.— Ему, басалаю все нипочем. Волог. Твер. Яросл. Сев. Вост. Новг. Пск. Сами басалаи, а людей учите Моск. || Человек шумливый, крикливый, бранчливый или сварливый, не дающий покоя окружающим. Арх. Басалай, который лается, ругается вовсе ни к чему. Арх. Новг.

2. Хвастун. болтун. Новоторж. Твер. 1860. Твер. Яросл. Арх. Сев.-вост.

3. Озорник, сорванец (о ребенке) Иногда бранно. Соликам. Перм. 1854. Новг. Этакой басалай, не посидит минуты на месте. Олон. У, какой басалай парнишка-то у Егора, беда. Волог. Ишь ты, басалай. Баловник у тебя мальчишка, Нина. Ремешком надо его, а вы все балуете его. Калинин. ◇ В дразнилке-приговорке Шенк. Арх. 1898. Басалай, басалай, полезай на сарай, там кошку дерут, тебе лапку отдадут. Нов. КАССР.

4. Дуралей. Пинеж. Арх. 1961. ◇ Не обращающий ни на что внимания. Ему, басалаю, все нипочем. Кадн. Волог. Кичин. 1866.

5. Нерасторопный человек. Вельск. Волог. 1883—1889. Злато-ротцы, басалаи, озорники. Моск.

6. Расторопный человек. Тотем. Волог. 1819.

7. Щеголь, франт. Тотем. Волог. 1819. Волог. Сев.-вост.

Литература

Бабкин А. М. Толковый словарь В. И. Даля.— В кн.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. М., 1955.

Балахонova Л. И. История составления «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему.— В кн.: История русской диалектологии. М., 1961.

Баранникова Л. И. Лексика колхозных говоров северной части Сердобского района.— «Уч. зап. Саратовского гос. пединститута», 1946, вып. 8.

Баранникова Л. И. Некоторые особенности современного состояния диалектной лексики.— В кн.: Вопросы русской диалектологии. Куйбышев, 1965.

Баранникова Л. И. К вопросу о диалектной синонимии.— В кн.: Вопросы стилистики. Саратов, 1962.

Беляева О. П. Местная лексика, связанная с обозначением земельных участков.— В кн.: Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Пермь, 1964.

Блинова О. И. Из наблюдений над лексикой кедрового промысла в Сибири.— «Уч. зап. Красноярского пединститута», 1960, т. 16.

Блинова О. И. О явлениях синонимии в терминологической лексике старожильческих говоров средней части Обского бассейна.— В кн.: Труды V зональной конференции кафедр русского языка вузов Западной Сибири. Новокузнецк, 1962.

Блинова О. И., Арьянова В. Г. К вопросу о лексико-семантическом варьировании и омонимии в говорах.— «Уч. зап. Томского гос. ун-та», 1965, № 57.

Ванищечкин В. Т. Лесопромысловая и смежная с ней лексика в говорах поселений р. Курши (Рязанская Мещера).— В кн.: Труды I научно-методической конференции московского зонального объединения кафедр русского языка пединститутов. М., 1961.

Васильева Е. З. Принципы составления «Словаря областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого.— В кн.: Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962.

Глазырина Э. В. К вопросу о специфике словарного состава русских говоров.— «Уч. зап. Уральского гос. ун-та», 1958, вып. 20.

Гольдин В. Е. Об отражении современных условий бытования говоров в строении отдельных лексико-семантических групп.— В кн.: Язык и общество. Саратов, 1967.

Гольдин В. Е. Изменения в лексике народных говоров в современных условиях (на материале названий построек).— В кн.: Язык и общество. Саратов, 1964.

Грузберг Л. А. К вопросу о взаимодействии литературно-письменного языка и народно-разговорной речи (о пределах влияния литературного языка на народные говоры).— «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», 1966, № 162.

Грузберг Л. А. К вопросу об абсолютных синонимах и избыточности лексических систем.— Там же.

Диброва Е. И. О соответствиях диалектных и литературных фразеологических единиц.— В кн.: Вопросы изучения русского языка. Ростов-на-Дону, 1963.

Жбанкова Т. С. Названия посуды в рязанских говорах.— «Уч. зап. Рязанского пединститута», 1962, г. 30.

Жбанкова Т. С. Названия кушаний в рязанских говорах.— Там же

Жуковская Л. П. Типы лексических различий в диалектах русского языка.— «Вопросы языкознания», 1957, № 3.

Захаров Б. Ф. О фразеологии говора некоторых сел Починковского р-на Горьковской обл.— В кн.: Тезисы докладов к III региональной научной сессии. Горький, 1967.

Иванова Ф. П. Бытовая лексика в говорах старожильческих районов Томской области, расположенных по р. Оби и ее притокам.— «Уч. зап. Томского гос. ун-та», 1962, № 40.

Коготкова Т. С. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования.— В кн.: Славянская лексикография и лексикология, М., 1966.

Коготкова Т. С. К вопросу о дублетно-синонимических отношениях в лексике современного говора.— В кн.: Слово в русских народных говорах, Л., 1968.

Козырев И. С. К истории некоторых областных слов и выражений.— Изв. Воронежского гос. пединститута, 1962, т. 42.

Котков С. И. Из истории некоторых диалектных слов.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, новая серия, т. 3, М., 1962.

Кретьова В. И. О сельскохозяйственной лексике воронежских диалектов.— В кн.: Материалы Совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности. Воронеж, 1959.

Кузнецов П. С. Русская диалектология, М., 1960.

Ларин Б. А. Из истории слов. Буй-погост.— В кн.: Слово в народных говорах русского Севера, Л., 1962.

Ларин Б. А. Про народну фразеологію.— «Українська мова В школі», 1959, № 6.

Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря.— В кн.: Псковские говоры, т. 1, Псков, 1962.

Лебедева А. И. Значение топонимики для областного словаря.— В кн.: Слово в народных говорах русского Севера, Л., 1962.

Лутовнинова И. С. Синонимы и лексические параллели в названиях кушаний (на материале псковских говоров).— В кн.: Псковские говоры, т. 2, Псков, 1968.

Мельниченко Г. Г. О принципах составления областных словарей.— «Уч. зап. Ярославского гос. пединститута», 1957, вып. 27(37).

Мельниченко Г. Г. Слова, обозначающие корзины.— «Уч. зап. Ярославского гос. пединститута», 1964, вып. 52.

Мжельская О. С. Лексика древней псковской письменности в современных псковских говорах.— В кн.: Слово в народных говорах русского Севера, Л., 1962.

Моисеев Б. А. Тюркские слова в оренбургских говорах.— В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Саратов, 1965.

Орлова В. Г. и Сологуб А. И. Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка.— В кн.: Лексикографический сборник, вып. 2, 1957.

Оссовецкий И. А. Словарь говора деревни Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.— В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков, М., 1964.

Паникаровская Т. Г. Из наблюдений над лексикой вологодских говоров.— В кн.: Вопросы теории и истории русского языка. Вологда, 1967.

Панов В. И. Некоторые вопросы областной русской лексикографии (из истории собрания областной лексики).— В кн.: Лексикографический сборник, вып. 3, 1958.

Попов И. А. Сложные наречия в говорах русского языка.— В кн.: Лексика русских народных говоров, М.— Л., 1966.

Порохова О. Г. Слова льда, лядина и нива в русских народных говорах.— Там же.

Родионова (Нащокина) А. М. Лексика говоров Навлинского района Брянской обл. в системе русских диалектов.— «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1957, т. 130.

Родионова (Нащокина) А. М. Восточнославянская лексика говоров Навлинского р-на Брянской обл.— «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1958, т. 144.

Рожкова М. П. Лексика донских говоров (на материале говоров Романов-

ского р-на Ростовской обл.).— «Уч. зап. Шахтинского пединститута», 1958, т. 2, вып. 5.

Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.
С и л и н а В. Б. О некоторых типах диалектной фразеологии.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 2. М., 1961.

С к и т о в а Ф. Л. Из наблюдений над лексикой говорения в народной речи.— В кн.: Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания, вып. 1. Пермь, 1964.

С о б и н и к о в а В. И. О составе диалектной лексики (по материалам говоров Воронежской области).— «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1963, т. 248.

С т р о г о в а В. П. К особенностям названий угодий в говорах бывшей Новгородской земли.— «Уч. зап. Новгородского гос. пединститута», 1961, т. 6, вып. 1.

Ф е д о р о в А. И. Семантические диалектизмы в лексике беломорских говоров.— В кн.: Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962.

Ф е д о р о в А. И. Общеславянская и древнерусская лексика в беломорских говорах.— «Уч. зап. ЛГУ», 1960, № 267.

Ф е д о р о в а К. А. Термины родства в русских говорах на территории бывшей Чердынской земли.— В кн.: Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания, вып. 1. Пермь, 1964.

Ф и л и н Ф. П. Исследование о лексике русских говоров.— «Труды Института языка и мышления АН СССР», 1936, т. 6.

Ф и л и н Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.— Л., 1961.

Ф и л и н Ф. П. Об областном словаре русского языка.— В кн.: Лексикографический сборник, вып. 2. 1957.

Ч е й т л и н Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.

Ч и ж и к - П о л ь к о А. И. Об отграничении областной лексики.— «Труды Воронежского ун-та», 1957, т. 59.

Ч у м а к о в а Ю. П. Лексика обработки конопли и шерсти, прядения и ткачества в районе «Богословщины» Рязанской обл.— «Уч. зап. Рязанского гос. пединститута», 1959, т. 25.

Ш в а р ц А. П. Группа наречий, включающая антонимичные микросистемы слов, связанные с понятиями «много» и «мало».— «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», 1966, № 162.

Я н ц е н ц к а я М. Н. К вопросу о диалектной фразеологизации.— «Уч. зап. Томского гос. пединститута», 1962, т. 20, вып. 2.

Я н ц е н ц к а я М. Н. Предложные конструкции устойчивых словосочетаний в говорах.— В кн.: Труды V зональной научно-методической конференции кафедр русского языка вузов Западной Сибири. Новокузнецк, 1962.

Я н ц е н ц к а я М. Н. Наречные словосочетания в говорах Томской области (материалы для словаря говоров Сибири).— «Уч. зап. Томского гос. ун-та», 1965, № 57.

Областные словари

В а с н е ц о в Н. М. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.

Г р а н д я л е в с к и й А. Родина Ломоносова. Областной крестьянский говор.— «Сб. ОРЯС». 1907, т. 83, № 5.

Д а л ь В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. М., 1955. (Набрано и напечатано со второго издания 1880—1882 гг.)

Д о б р о в о л ь с к и й В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. Дополнение к Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1858.

К а р д а ш е в с к и й С. М. Курско-орловский словарь.— «Уч. зап. Московского областного пединститута», 1956, т. 35, вып. 3; 1957, т. 48, вып. 4; 1960, т. 88, вып. 5.

К у л ь к о в с к и й Г. С. Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

М е л ь н и ч е н к о Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

М и р т о в А. В. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.

Немченко В. Н., Сяница А. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Под ред. М. Ф. Семенов. Рига, 1963.

Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Псковский областной словарь с историческими данными, вып. 1 (а-бибишка). Л., 1967.

Словарь русских говоров Среднего Урала, т. 1 (А — И). Свердловск, 1964.

Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Под ред. В. Палагиной, т. 1—3. Томск, 1964—1967.

Словарь русских народных говоров, вып. 1—4 (А — военки). М.—Л., 1965—1969.

Словарь современного русского народного говора. Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

Смирнов И. Т. Кашинский словарь.— «Сб. ОРЯС», 1901, т. 70, № 5.

Якушкин Е. Материалы для словаря народного языка Ярославской губернии. Ярославль, 1896.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Введение	5
§ 1. Определение диалектологии	5
§ 2. Основные понятия и термины диалектологии	6
§ 3. Язык и диалект на различных этапах общественно-исторического развития	8
§ 4. Социальная дифференциация диалектов; «специальные» языки (арго)	11
§ 5. Диалектология и история языка	13
§ 6. Диалектология и исторические дисциплины: история народа, этнография	14
§ 7. Диалектология и методика преподавания русского языка	16
Литература	17

Глава I

Лингвистическая география

§ 8. Предмет лингвистической географии	18
§ 9. Из истории развития лингвистической географии	18
§ 10. Методы и принципы современной лингвистической географии; источники, методы сбора материала	25
§ 11. Принципы картографирования лингвистического материала	28
§ 12. Интерпретация диалектных карт	29
§ 13. Понятие диалекта с точки зрения лингвистической географии	31
Литература	31

Глава II

Диалектное членение русского языка. Классификация русских говоров.

§ 14. Общие признаки русского языка сравнительно с языками западно- и южнославянскими	33
§ 15. Сходство и отличия между отдельными восточнославянскими языками	34
§ 16. Основные наречия русского языка	37
§ 17. Северновеликорусское наречие. Классификация говоров	38
§ 18. Южновеликорусское наречие. Классификация говоров	43
§ 19. Переходные, средневеликорусские говоры	46
Литература	48

Глава III

Фонетика

§ 20. Общие сведения	49
Раздел I. Консонантизм	50

§ 21. Предварительные замечания	
1. Различия в составе фонем	
§ 22. Аффрикаты /ч/ и /ч'/	
§ 23. Фонемы /ш'ч'/ и /жс'в'/	
§ 24. Фонемы /ф/ и /ф'/	
§ 25. Фонема /х/	
§ 26. Фонемы /е'/ и /к'/	
2. Диалектные модификации элементов консонантных систем	
§ 27. Модификация /е/с/ы/	
§ 28. Модификации /л/ и /л'/	
§ 29. Модификации /е/ и /е'/	
§ 30. Модификации /ч'/ и /ч/	
§ 31. Модификации /м'/ и /д'/	
§ 32. Модификации /с'/ и /з'/	
3. Система согласных фонем	
§ 33. Состав согласных фонем в диалектных системах	
§ 34. Соотносительный ряд твердых и мягких согласных фонем	
§ 35. Губные согласные	
§ 36. Зубные согласные	
§ 37. Заднеязычные согласные	
§ 38. Шипящие /ш/, /ж/	
§ 39. Главный /р/	
§ 40. Фонема /й/	
§ 41. Парные по мягкости-твердости согласные перед гласными переднего ряда	
§ 42. Ассимиляции согласных по мягкости и твердости	
§ 43. Противопоставление согласных «веляризованные: палатализованные»	
§ 44. Соотносительный ряд глухих и звонких согласных фонем	
§ 45. Преобразования согласных в пределах слога	
Литература	

Раздел II. Интонация и ударение . . . . .

§ 46. Интонация и количество	
§ 47. Ударение	
§ 48. Основные диалектные различия в словесном ударении	
Литература	

Раздел III. Вокализм . . . . .

1. Состав гласных фонем	
§ 49. Фонема /о/	
§ 50. Фонема /е/	
§ 51. Фонема /ы/	
§ 52. Фонема /е/	
2. Диалектные модификации гласных фонем	
§ 53. Модификации фонемы /а/	
3. Система гласных фонем	
§ 54. Предварительные замечания	
А. Безударные гласные после твердых согласных	
§ 55. Оканье	
§ 56. Аканье	
Б. Безударные гласные после мягких согласных	
§ 57. Различение или частичное различение гласных фонем неверхнего подъема. Еканье	
§ 58. Яканье	
§ 59. Диссимилятивное яканье	
§ 60. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье	
§ 61. Сильное яканье	
§ 62. Умеренное яканье	

§ 63. Иканье и еканье	109
§ 64. Реализация предупредных гласных после шипящих и /ц/	110
§ 65. Типология безударного вокализма после мягких согласных в южно-великорусском наречии	110
§ 66. Гласные в остальных безударных слогах	110
§ 67. Редукция безударного гласного до нуля и вставочные гласные	112
§ 68. Различия в системах вокализма	112
Литература	113
Раздел IV. Слог	114
§ 69. Слог в южновеликорусских говорах	114
§ 70. Слог в северновеликорусских говорах	115
§ 71. Слог в средневеликорусских говорах	116
Раздел V. Развитие диалектных систем	116
§ 72. Функциональные различия между северновеликорусскими и южно-великорусскими говорами	116
§ 73. Изменения в консонантных системах	117
§ 74. Изменения в вокалических системах	118
§ 75. Взаимодействие диалектных систем	120
Литература	121

Глава IV

Морфология

Раздел I. Имя существительное	122
§ 76. Общие замечания	122
1. Основные категории имени существительного	123
§ 77. Категория рода	123
§ 78. Категория числа	125
§ 79. Категория одушевленности	128
2. Склонение имен существительных. Единственное число	128
§ 80. Первый тип склонения	128
А. Общий перечень флексий I типа склонения	128
Б. Комментарий к флексиям единственного числа I типа склонения	129
а) флексии <i>-е</i> и <i>-ы</i>	129
б) флексии творительного падежа	131
§ 81. Второй тип склонения	132
А. Общий перечень флексий II типа склонения	132
Б. Комментарий к флексиям единственного числа II типа склонения	133
а) флексия <i>-у</i>	133
б) флексия <i>-и</i>	134
в) изменение слова <i>путь</i>	135
г) изменение существительных на <i>-мя</i>	135
д) изменение существительных на <i>-ат/-ят</i>	136
е) изменение существительных мужского рода на <i>-о, -ко</i> или <i>-а, -ка</i>	136
ж) изменение заимствованных слов, оканчивающихся на гласный звук	137
§ 82. Третий тип склонения	138
А. Общий перечень флексий III типа склонения	138
Б. Комментарий к флексиям единственного числа III типа склонения	139
а) флексия <i>-е</i>	139
б) флексия винительного падежа <i>-у</i>	140
в) флексии творительного падежа	140
г) изменение существительных на <i>-ер</i>	140
д) изменение существительных на <i>-овь</i>	141
3. Склонение имен существительных множественного числа	142
§ 83. Именительный падеж	142
А. Общий перечень флексий именительного падежа множественного числа	142
Б. Комментарий к флексиям именительного падежа множественного числа	142
§ 84. Родительный падеж	145
А. Общий перечень флексий родительного падежа множественного числа	145

Б. Комментарии к флексиям родительного падежа множественного числа	146
§ 85. Дательный, творительный и предложный падежи множественного числа	147
А. Общий перечень флексий дательного, творительного, предложного падежей множественного числа	148
Б. Комментарии к флексиям дательного, предложного падежей множественного числа	149
а) флексии творительного падежа	149
б) взаимодействие форм дательного и творительного падежей	150
в) дательный и предложные падежи на <i>-ом, -ох</i>	151
г) предложный падеж на <i>-ао</i>	151
4. Формы имен существительных, не входящие в основные парадигмы	151
§ 86. Формы, употребляющиеся в диалектах при обращении	151
Б. Краткие выводы	152
Раздел II. Имя прилагательное	154
§ 87. Общие замечания	154
1. Система флексий имен прилагательных. Единственное число	156
§ 88. Флексии мужского и среднего рода полных имен прилагательных типа <i>толстый, толстое, синий, синее</i>	156
А. Общий перечень флексий	156
Б. Комментарии к флексиям мужского и среднего рода	157
а) именительный падеж	157
б) родительный падеж	157
в) творительный падеж	159
г) предложный падеж	159
§ 89. Флексии женского рода	159
А. Общий перечень флексий	159
Б. Комментарии к флексиям женского рода	160
а) родительный падеж	160
б) винительный падеж	161
в) творительный падеж	161
2. Система флексий имен прилагательных. Множественное число	162
§ 90. Общий перечень флексий	162
§ 91. Комментарии к флексиям множественного числа	163
а) именительный падеж	163
б) косвенные падежи	163
3. Формы сравнительной степени	165
§ 92. Общий перечень суффиксов сравнительной степени	165
§ 93. Комментарии к формам сравнительной степени	166
Литература	169
Раздел III. Местоимения	170
§ 94. Общие сведения	170
§ 95. Местоимения, не имеющие форм рода (местоимения-существительные)	170
§ 96. Местоимения, имеющие формы рода	172
§ 97. Притяжательные местоимения	176
Литература	178
Раздел IV. Глагол	178
§ 98. Общие сведения	178
§ 99. Настоящее (будущее простое) время	178
§ 100. Комментарии к формам 1 и 2 лица	182
§ 101. Комментарии к формам 3 лица	182
§ 102. Особенности в спряжении отдельных групп глаголов	187
§ 103. Будущее время	188
§ 104. Прошедшее время	191
§ 105. Наклонение	193

§ 106. Вид	194
§ 107. Возвратная форма	196
§ 108. Неопределенная форма	198
§ 109. Причастие	201
§ 110. Деепричастие	203
Литература	205

Глава V

Синтаксис

§ 111. Общие сведения	207
Раздел I. Простое предложение	209
Способы выражения главных членов предложения и его структурные разновидности	209
1. Конструкции с личной формой вещественного глагола в составе сказуемого	209
§ 112. Опускание местоимения-подлежащего при глагольном сказуемом	209
§ 113. Конструкция с формой аналитического давнего прошедшего (<i>был приехал</i>)	209
§ 114. Конструкция с глагольным сказуемым, выражающим начатое, но не осуществленное действие (<i>был приехал, былка приехал</i>)	210
§ 115. Диалектное своеобразие конструкции с глагольным сказуемым, выступающим при частице <i>бывало</i>	210
§ 116. Конструкции с формой простого прошедшего на -л, имеющей различительный характер	211
§ 117. Разновидности конструкций с глагольным сказуемым не бытийного значения при родительном субъекта (<i>людей набегут</i>)	211
§ 118. Конструкции с глагольным сказуемым бытийного значения при родительном субъекта (<i>есть дров</i>)	211
§ 119. Конструкции с глагольным сказуемым, включающим форму <i>есть</i> бытийного значения и спрягаемую форму другого глагола (<i>есть сидят</i>)	212
§ 120. Конструкция с предикатом, включающим форму <i>есть</i> бытийного значения и неличную форму глагола (<i>есть насушено</i>)	213
§ 121. Конструкция с формой <i>есть</i> , имеющей значение «пребывания» (<i>где ты есть?</i>)	213
§ 122. Конструкция с глагольным сказуемым, включающим кроме спрягаемой формы глагола форму <i>есть</i> , лишенную вещественного значения (<i>работал есть</i>)	214
§ 123. Конструкция с глагольным сказуемым, включающим две одинаковые личные формы глагола (<i>сохнут стоят</i>)	214
§ 124. Диалектная специфика конструкции с глагольным сказуемым, осложненным глаголом <i>взять</i>	215
§ 125. Конструкция с диалектными формами повелительного наклонения (<i>пошел неси, нехай идет</i>)	215
§ 126. Конструкция с глагольным сказуемым, согласующимся с подлежащим «по смыслу» (<i>народ стоят</i>)	215
2. Конструкции с причастием в составе сказуемого	216
§ 127. Конструкция с кратким страдательным причастием, согласованным с подлежащим, как различительное явление	216
§ 128. Конструкция с неизменяемым страдательным причастием, застывшим в форме мужского рода (<i>трава скошена</i>)	216
§ 129. Конструкция с членным страдательным причастием, имеющим значение перфекта (<i>билет уже купленный</i>)	217
§ 130. Страдательно-безличный оборот с причастием переходного глагола в его абсолютном значении (<i>там огорожена</i>)	218
§ 131. Страдательно-безличный оборот с причастием переходного глагола при родительной части (<i>воды принесено</i>)	219

§ 132. Страдательно-безличный оборот с причастием переходного глагола при винительном прямого дополнения (<i>пряжу нарядено</i>)	219
§ 133. Конструкция с кратким страдательным причастием на <i>-но, -то</i> при именительном падеже существительного (<i>байна срублено</i>)	220
§ 134. Страдательно-безличный оборот с причастием непереходного глагола, или «северный поссесивный перфект» (<i>у него уехано</i>)	221
§ 135. Конструкции с обязательным и факультативным значением поссесивности	222
§ 136. Конструкции с субъектным дополнением, не имеющим поссесивного значения (<i>от соседа принесено, медведицей схвачено</i>)	223
§ 137. Конструкция с причастным предикатом действительного залога (<i>была одевш'я</i>)	223
3. Конструкции с деепричастием в составе сказуемого	224
§ 138. Конструкция с деепричастием-перфектом на <i>-вши</i> и его специфика	224
§ 139. Взаимоотношение деепричастия-перфекта и прошедшего на <i>-л</i> в диалектных системах	226
§ 140. Взаимоотношения деепричастия-перфекта и форм страдательного причастия в диалектных системах	227
§ 141. Конструкция с аналитическим предпрошедшим (<i>была уехавши</i>)	228
§ 142. Конструкции с формами прошедшего сложного (<i>бывши уехавши, бывал уехавши</i>)	228
§ 143. Конструкция с предикативным деепричастием при форме настоящего времени глагола <i>бывать</i>	229
§ 144. Конструкция с предикативным деепричастием при глагольной форме <i>есть</i> (<i>есть уехавши</i>)	229
§ 145. Конструкция с аналитическим будущим (<i>будет уехавши</i>)	230
§ 146. Конструкция с предикативным деепричастием в описательных формах сослагательного и повелительного наклонения	230
§ 147. Разновидности конструкции с предикативным деепричастием, выступающим в функции связки в составе сказуемого	230
§ 148. Разновидности односоставных конструкций с главным членом, выраженным деепричастием	231
4. Конструкция с инфинитивным сказуемым	232
§ 149. Конструкция с независимым инфинитивом, выражающим необходимость действия (<i>ему скирдовать</i>)	232
§ 150. Конструкция с независимым инфинитивом, выражающим намерение совершить действие (<i>пойти поглядеть</i>)	232
§ 151. Конструкция с диалектной формой независимого инфинитива, выражающей неизбежность действия (<i>быть пропасть</i>)	233
§ 152. Конструкция с инфинитивно-предикативным словом (<i>ему видать</i>)	233
§ 153. Форма выражения инфинитивного сказуемого двусоставной конструкцией (<i>была колоть</i>)	234
5. Конструкции с именным сказуемым	234
§ 154. Конструкция с творительным предикативным без связки (<i>сын славщиком</i>)	234
§ 155. Конструкция с именительным предикативным при связке (<i>он был объездчик</i>)	235
§ 156. Конструкции с предикативными предложно-падежными сочетаниями	235
§ 157. Конструкция с членной формой прилагательного в функции сказуемого (<i>он виноватый</i>)	236
§ 158. Конструкция с краткой формой прилагательного в функции сказуемого	237
§ 159. Конструкция с формой <i>есть</i> отвлеченного значения в функции связки именного сказуемого (<i>она есть весл</i>)	238
§ 160. Конструкция с предикатом, включающим членную форму прилагательного и инфинитива (<i>народ дорогой нанять</i>)	239
Способы выражения второстепенных членов предложения	239
§ 161. Общие замечания	239
1. Определение	240

§ 162. Согласованное определение	240
§ 163. Несогласованное определение	240
2. Дополнение	242
§ 164. Конструкция с именительным прямым дополнением при инфинитиве (<i>земля пахать</i>)	242
§ 165. Конструкция с именительным прямым дополнением при безлично-предикативном слове (<i>надо шапка</i>)	243
§ 166. Диалектное своеобразие в употреблении одушевленных существительных множественного числа в функции прямого дополнения (<i>кони поить</i>)	243
§ 167. Особенности выражения дополнения формами косвенных падежей	244
3. обстоятельство	245
§ 168. обстоятельство времени	245
§ 169. обстоятельство места	246
§ 170. обстоятельство причины	247
§ 171. обстоятельство цели	247
§ 172. обстоятельство меры и степени	248
§ 173. обстоятельство образа и способа действия	248
Частицы в структуре простого предложения	249
§ 174. Постпозитивная частица <i>то</i> (<i>от, ту, те, ти, ты, та</i>)	249
§ 175. Частицы <i>а, да, да и, даж</i> и др.	251
§ 176. Особенности диалектного употребления отрицательной частицы <i>не</i>	253

Раздел II. 253

Сложное предложение	253
§ 177. Общие замечания	253
Сложносочиненное предложение	254
§ 178. Особенности в области выражения соединительных отношений	254
§ 179. Особенности в области выражения разделительных отношений	254
§ 180. Особенности в области выражения сопоставительно-противительных отношений	255
Сложноподчиненное предложение	255
1. Союзное подчинение	255
§ 181. Особенности построения сложного предложения с придаточным определительным	255
§ 182. Особенности построения сложного предложения с придаточным дополнительным	256
§ 183. Особенности построения сложного предложения с придаточным времени	256
§ 184. Особенности построения сложного предложения с придаточным условия	257
§ 185. Особенности построения сложного предложения с придаточным причины	257
2. Бессоюзное подчинение	258
§ 186. Бессоюзно-коррелятивное подчинение как особенность диалектного синтаксиса	258
§ 187. Роль постпозитивных частиц придаточной части в построении сложноподчиненного предложения	259
Литература	259

Глава VI

Лексика

§ 188. Общие замечания	262
§ 189. Основные признаки диалектного слова	262
§ 190. Типы лексических диалектизмов	263
§ 191. Семантические группы диалектных слов	264
§ 192. Историческое развитие диалектного словаря	267

§ 193. Арханческие элементы диалектной лексики	268
§ 194. Заимствованные слова в говорах	270
§ 195. Семантические связи слов в говорах	271
§ 196. Полисемия диалектной лексики	271
§ 197. Омонимия диалектной лексики	272
§ 198. Синонимия в диалектной лексике	273
§ 199. Новое в лексике современных говоров	275
§ 200. Фразеология диалектной речи	276
§ 201. Обзор основных областных словарей. Диалектные словари до середины XIX в.	278
§ 202. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля	281
§ 203. Областные словари конца XIX — начала XX в.	283
§ 204. Областные словари советского периода	286
§ 205. Псковский областной словарь с историческими данными	287
§ 206. «Словарь русских народных говоров» АН СССР	288
Литература	291

*Мещерский Никита Александрович
Колесов Владимир Викторович
Корнев Александр Сергеевич
Трубинский Валентин Иванович
Ивашко Людмила Александровна
Сими́на Галина Яковлевна
Капорулина Людмила Витальевна
Черепанова Ольга Александровна*

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Редактор Г. П. Андреева
Переплёт художника А. Т. Яковлева
Художественный редактор С. Г. Абелин
Технический редактор С. С. Якушкина
Корректор В. В. Краснов

А—06377

Сдано в набор 23/V—72 г. Подп. к печати 25/X—72 г.
Формат 60×90^{1/16}. Объем 19 печ. л. 20,77 уч.-изд. л.
Изд. № РЛ—43. Тираж 53 000 экз. Цена 83 коп. Заказ 3028.
План выпуска литературы (вузы и техникумы) издатель-
ства «Высшая школа» на 1972 г. Позиция 128.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
«Союзполиграфпрома» при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательств, полиграф-
фии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

Созданием файла в формате DjVu

занимался ewgeni23

(январь 2011)

philbook@mail.ru